

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNETT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

Ко дню рождения

Елена Боннэр-Сахарова

Главный редактор: Владимир Максимов
Зам. главного редактора: Наталья Горбаневская
Ответственный секретарь: Виолетта Иверни
Заведующий редакцией: Александр Ниссен

Редакционная коллегия:

Василий Аксенов · Раймон Арон · Ценко Барев
Сол Беллоу · Николас Бетелл · Энцо Беттица
Иосиф Бродский · Владимир Буковский
Ежи Гедройц · Александр Гинзбург · Пауль Гома
Густав Герлинг-Грудзинский · Корнелия Герстенмайер
Петр Григоренко · Милован Джилас
Ирина Иловайская-Альберти · Эжен Ионеско
Артур Кестлер · Роберт Конквест · Наум Коржавин
Эдуард Кузнецов · Николаус Лобковиц
Михайло Михайлов · Эрнст Неизвестный · Амос Oz
Андрей Сахаров · Виктор Спарре · Странник
Юзеф Чапский · Карл-Густав Штрём
Пьер Эмманюэль

Корреспонденты «Континента»

- Англия Владимир Тельников
Wladimir Telnikov, 50 The Drive Mansions,
Fulham Rd., London S.W. 6
- Израиль Михаил Агурский
Michael Agoursky, P O B 7433,
Jerusalem, Israel
- Италия Сергей Рапетти
Sergio Rapetti, via Beruto 1/B
20131 Milano, Italia
- США Юрий Ольховский
Yuri Olkhovsky, 3319 Ardley Court
Falls Church, Va. 22041, USA
- Япония Госуке Утимура
Higashi-Yamato, Hicariga-oka 10-7
189 Tokyo, Japan

Присланные рукописи не возвращаются, и в переписку по этому поводу редакция не вступает.

Название журнала «КОНТИНЕНТ» — © В. Е. Максимова

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

55

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

66

67

68

69

70

71

72

73

74

75

76

77

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87

88

89

90

91

92

93

94

95

96

97

98

99

100

101

102

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113

114

115

116

117

118

119

120

121

122

123

124

125

126

127

128

129

130

131

132

133

134

135

136

137

138

139

140

141

142

143

144

145

146

147

148

149

150

151

152

153

154

155

156

157

158

159

160

161

162

163

164

165

166

167

168

169

170

171

172

173

174

175

176

177

178

179

180

181

182

183

184

185

186

187

188

189

190

191

192

193

194

195

196

197

198

199

200

201

202

203

204

205

206

207

208

209

210

211

212

213

214

215

216

217

218

219

220

221

222

223

224

225

226

227

228

229

230

231

232

233

234

235

236

237

238

239

240

241

242

243

244

245

246

247

248

249

250

251

252

253

254

255

256

257

258

259

260

261

262

263

264

265

266

267

268

269

270

271

272

273

274

275

276

277

278

279

280

281

282

283

284

285

286

287

288

289

290

291

292

293

294

295

296

297

298

299

300

301

302

303

304

305

306

307

308

309

310

311

312

313

314

315

316

317

318

319

320

321

322

323

324

325

326

327

328

329

330

331

332

333

334

335

336

337

338

339

340

341

342

343

344

345

346

347

348

349

350

351

352

353

354

355

356

357

358

359

360

361

362

363

364

365

366

367

368

369

370

371

372

373

374

375

376

377

378

379

380

381

382

383

384

385

386

387

388

389

390

391

392

393

394

395

396

397

398

399

400

401

402

403

404

405

406

407

408

409

410

411

412

413

414

415

416

417

418

419

420

421

422

423

424

425

426

427

428

429

430

431

432

433

434

435

436

437

438

439

440

441

442

443

444

445

446

447

448

449

450

451

452

453

454

455

456

457

458

459

460

461

462

463

464

465

466

467

468

469

470

471

472

473

474

475

476

477

478

479

480

481

482

483

484

485

486

487

488

489

490

491

492

493

494

495

496

497

498

499

500

501

502

503

504

505

506

507

508

509

510

511

512

513

514

515

516

517

518

519

520

521

522

523

524

525

526

527

528

529

530

531

532

533

534

535

536

537

538

539

540

541

542

543

544

545

546

547

548

549

550

551

552

553

554

555

556

557

558

559

560

561

562

563

564

565

566

567

568

569

570

571

572

573

574

575

576

577

578

579

580

581

582

583

584

585

586

587

588

589

590

591

592

593

594

595

596

597

598

599

600

601

602

603

604

605

606

607

608

609

610

611

612

613

614

615

616

617

618

619

620

621

622

623

624

625

626

627

628

629

630

631

632

633

634

635

636

637

638

639

640

641

642

643

644

645

646

647

648

649

650

651

652

653

654

655

656

657

658

659

660

661

662

663

664

665

666

667

668

669

670

671

672

673

674

675

676

677

678

679

680

681

682

683

684

685

686

687

688

689

690

691

692

693

694

695

696

697

698

699

700

701

702

703

704

705

706

707

708

709

710

711

712

713

714

715

716

717

718

719

720

721

722

723

724

725

726

727

728

729

730

731

732

733

734

735

736

737

738

739

740

741

742

743

744

745

746

747

748

749

750

751

752

753

754

755

756

757

758

759

760

761

762

763

764

765

766

767

768

769

770

771

772

773

774

775

776

777

778

779

780

781

782

783

784

785

786

787

788

789

790

791

792

793

794

795

796

797

798

799

800

801

802

803

804

805

806

807

808

809

810

811

812

813

814

815

816

817

818

819

820

821

822

823

824

825

826

827

828

829

830

831

832

833

834

835

836

837

838

839

840

841

842

843

844

845

846

847

848

849

850

851

852

853

854

855

856

857

858

859

860

861

862

863

864

865

866

867

868

869

870

871

872

873

874

875

876

877

878

879

880

881

882

883

884

885

886

887

888

889

890

891

892

893

894

895

896

897

898

899

900

901

902

903

904

905

906

907

908

909

910

911

912

913

914

915

916

917

918

919

920

921

922

923

924

925

926

927

928

929

930

931

932

933

934

935

936

937

938

939

940

941

942

943

944

945

946

947

948

949

950

951

952

953

954

955

956

957

958

959

960

961

962

963

964

965

966

967

968

969

970

971

972

973

974

975

976

977

978

979

980

981

982

983

984

985

986

987

988

989

990

991

992

993

994

995

996

997

998

999

1000

1001

1002

1003

1004

1005

1006

1007

1008

1009

1010

1011

1012

1013

1014

1015

1016

1017

1018

1019

1020

1021

1022

1023

1024

1025

1026

1027

1028

1029

1030

1031

1032

1033

1034

1035

1036

1037

1038

1039

1040

1041

1042

1043

1044

1045

1046

1047

1048

1049

1050

1051

1052

1053

1054

1055

1056

1057

1058

1059

1060

1061

1062

1063

1064

1065

1066

1067

1068

1069

1070

1071

1072

1073

1074

1075

1076

1077

1078

1079

1080

1081

1082

1083

1084

1085

1086

1087

1088

1089

1090

1091

1092

1093

1094

1095

1096

1097

1098

1099

1100

1101

1102

1103

1104

1105

1106

1107

1108

1109

1110

1111

1112

1113

1114

1115

1116

1117

1118

1119

1120

1121

1122

1123

1124

1125

1126

1127

1128

1129

1130

1131

1132

1133

1134

1135

1136

1137

1138

1139

1140

1141

1142

1143

1144

1145

1146

1147

1148

1149

1150

1151

1152

1153

1154

1155

1156

1157

1158

1159

1160

1161

1162

1163

1164

1165

1166

1167

1168

1169

1170

1171

1172

1173

1174

1175

1176

1177

1178

1179

1180

1181

1182

1183

1184

1185

1186

1187

1188

1189

1190

1191

1192

1193

1194

1195

1196

1197

1198

1199

1200

1201

1202

1203

1204

1205

1206

1207

1208

1209

1210

1211

1212

1213

1214

1215

1216

1217

1218

1219

1220

1221

1222

1223

1224

1225

1226

1227

1228

1229

1230

1231

1232

1233

1234

1235

1236

1237

1238

1239

1240

1241

1242

1243

1244

1245

1246

1247

1248

1249

1250

1251

1252

1253

1254

1255

1256

1257

1258

1259

1260

1261

1262

1263

1264

1265

1266

1267

1268

1269

1270

1271

1272

1273

1274

1275

1276

1277

1278

1279

1280

1281

1282

1283

1284

1285

1286

1287

1288

1289

1290

1291

1292

1293

1294

1295

1296

1297

1298

1299

1300

1301

1302

1303

1304

1305

1306

1307

1308

1309

1310

1311

1312

1313

1314

1315

1316

1317

1318

1319

1320

1321

1322

1323

1324

1325

1326

1327

1328

1329

1330

1331

1332

1333

1334

1335

1336

1337

1338

1339

1340

1341

1342

1343

1344

1345

1346

1347

1348

1349

1350

1351

1352

1353

1354

1355

1356

1357

1358

1359

1360

1361

1362

1363

1364

1365

1366

1367

1368

1369

1370

1371

1372

1373

1374

1375

1376

1377

1378

1379

1380

1381

1382

1383

1384

1385

1386

1387

1388

1389

1390

1391

1392

1393

1394

1395

1396

1397

1398

1399

1400

1401

1402

1403

1404

1405

1406

1407

1408

1409

1410

1411

1412

1413

1414

1415

1416

1417

1418

1419

1420

1421

1422

1423

1424

1425

1426

1427

1428

1429

1430

1431

1432

1433

1434

1435

1436

1437

1438

1439

1440

1441

1442

1443

1444

1445

1446

1447

1448

1449

1450

1451

1452

1453

1454

1455

1456

1457

1458

1459

1460

1461

1462

1463

1464

1465

1466

1467

1468

1469

1470

1471

1472

1473

1474

1475

1476

1477

1478

1479

1480

1481

1482

1483

1484

1485

1486

1487

1488

1489

1490

1491

1492

1493

1494

1495

1496

1497

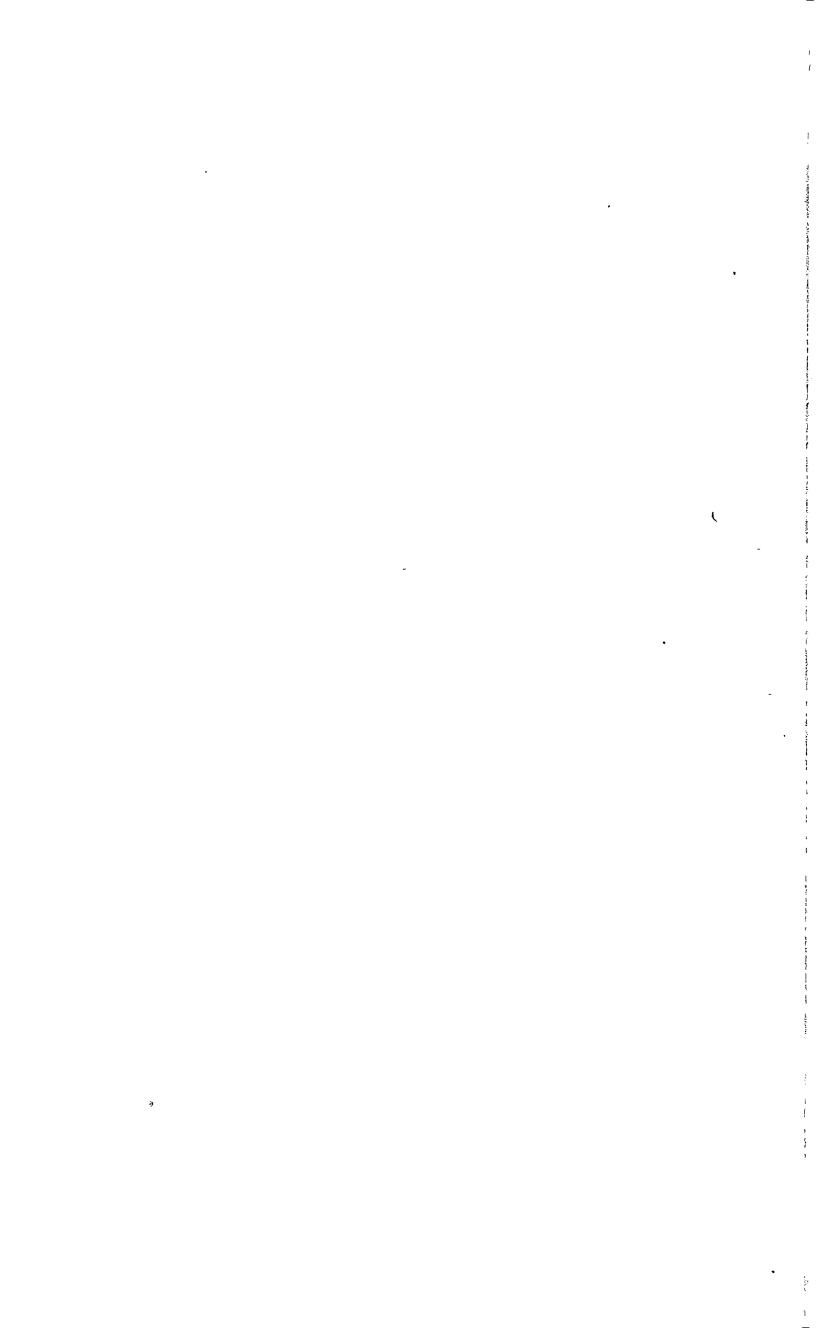
1498

1499

1500

1501

1502

КОНТИНЕНТ

Литературный, общественно-политический
и религиозный журнал

35

Издательство «Континент»
1983

СОДЕРЖАНИЕ

Семен Липкин — Вячеславу. Жизнь переделкинская	7
Анка Ковальска — Стихи из лагеря интернированных	19
Фридрих Горенштейн — Муха у капли чая. Повесть	24
Борис Чичибабин — Стихи разных лет	70
Борис Брикер, Анатолий Вишевский — Собачье дело. Маленькая повесть	83
Олег Орнальдо — Привет беременным женщинам. Рассказ	126
Валентин Попадин — Из книги стихов	157
Лев Консон — Житейская мозаика. Короткие рассказы	163
Ирина Ратушинская — Стихи	168
Леонид Иоффе — Памяти П. Гольдштейна. Стихотворение	174
РОССИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	
Александр Зиновьев — Нашей юности полет. Главы из книги о природе сталинизма	176
Игорь Бирман — Почему они нас не слушают...	207
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ	
Петру Тильман — Присказка и сказка	231
ЗАПАД — ВОСТОК	
Лев Наврозов — Определение культуры	241
ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА	
Махмет Керей — Как я стал строителем газотрубопроводов	271
ИСТОКИ	
Татьяна Штейншнайдер — Рай, которого не было. (Последние годы Е. М. Куприной)	303
ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ	
Борис Парамонов — Частная жизнь Бориса Пастернака. (Заметки о романе «Доктор Живаго»)	315
Яков Виньковецкий — Быть живым. (Памяти Бориса Вахтина)	346

ИСКУССТВО	
Александр Г л е з е р — Современное мировое искусство и русская неофициальная живопись	353
КОЛОНКА РЕДАКТОРА	371
НАША ПОЧТА	375
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Игорь Е ф и м о в — Общежитие для иностранцев	377
М. М и х а й л о в а — Развенчанное божество	380
Василий Б е т а к и — Остановись, мгновенье	384
Кира С а п г и р — В фокусе вогнутого зеркала	388
А. С у м е р к и н — Познание поэзией	393
Г. Ю р ь е в — Смелая книга	398
Н. Г о р б а н е в с к а я — Объяснение в любви	403
КОРОТКО О КНИГАХ	407
НАША АНКЕТА	
Интервью с Аркадием Ш е в ч е н к о	413
СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	

ВЯЧЕСЛАВУ. ЖИЗНЬ ПЕРЕДЕЛКИНСКАЯ.

О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бремению?

Державин. Евгению. Жизнь Званская.

Нам здешних жителей удобно разделить
На временных и постоянных.
Начнем же со вторых. Ну как не восхвалить
Семейство елей безымянных!

То наблюдатели писательских семейств
Влиятельных и именитых,
Воспоминатели бесовских давних действий,
От новых порослей сокрытых.

Пойдем ли мысль берез — белопокровных жриц,
Всем чуждых в этом околотке,
В ветвях орешника густого щебет птиц,
Столь вопросительно-короткий,

Среди живых стволов мощь мнимую столбов,
Где взвизги суеты советской
Смешались с думою боярскою дубов
И сосен смутою стрелецкой,

Жасмина, ириса восточный обиход,
Роскошество произрастанья,
В то время как в листьях незримая идет
Работа зрелого страданья,

Качает иван-чай ничтожные права,
Лелея колкую лиловость,
А подорожнику все это трын-трава,
Ему скучна любая новость.

Пойдем ли, почему замолкли соловьи,
А переимчивые славки
Бессмысленно свистят вдоль узкой колеи,
Ведущей к бакалейной лавке.

Угрюмо царствует глухонемая суть,
И лишь иной христопродавец
Вздыхает, сквозь кусты услышав шумный путь
В какой-то Малоярославец,

А то и грубый гул, среди прямых аллей,
Ассенизаторской машины,
И тех, чьи номера, начавшись с двух нулей,
Внушают трепет беспричинный,

И той, где мичманы, усевшись на корму,
Следят за полным адмиралом —
Остановиться ли? Напомнить ли ему
Про службу под его началом? —

И той, что к трем часам, преодолев запрет,
Скрипя как будто бы с натуги,
Из дома творчества привозит нам обед,
На имя Инниной подруги,

А до нее для нас еду, не трепеща,
Каверин заказал маститый,
Тогда поболее давали нам борща
И ели мы гарнир досыта.

Цыфирью выучен обозначать меню
Судков развозчик в куртке грязной...
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю
Тревогой, слухом, грустью праздной?

Мы делим на двоих то борщ, то суп с лапшой
И с макаронами котлету.
Так радуйся же всей измученной душой
Врачебнодейственному лету!

Мы в доме у вдовы Степанова живем.
Муж утонул, в пруду купаясь
И так же, как всему, что двигалось кругом,
Безвольно смерти улыбаясь.

Впервые Хлебников был собран им в года
Цензуры не настолько строгой...
Я помню, брюки он подтягивал всегда,
Неловкий и коротконогий.

Беззвучно плакал он, истерзанный вконец
Алешей, сумасшедшим сыном.
Профессор, черни раб, несчастнейший отец,
Он обладал бесстрашьем львиным.

Он Заболоцкого упорно вызволял
Из лагеря и, молодея,
Поставить подписи он знатных заставлял
И даже славного Корнея.

На кафедре своей отзаседав, жене
Кричал, покинув храм науки:
«Скорее ванну мне! Пришел я весь в говне» —
И нервно поправлял он брюки.

То было в дни, когда не в горсточках дворян,
 Не в гуцах гадов недобитых —
В саду строительства открыли нам бурьян
 В обрезанных космополитах.

А скольких до того, от утра допоздна,
 На каждом новом перевале,
И жертв, и палачей сменялись имена —
 Всё били и не добивали...

Заметили ли вы, что выглядит порой
 Насельник вятский, вологодский
Германцем истинным? Казался немчурой
 И аккуратный Заболоцкий.

Но чисто русское безумье было в нем,
 И бурь подавленных величье,
Обэриутский бред союзничал с огнем
 И зажигал глаза мужичьи.

Он у Кавериных нашел покой и дом,
 Но помнил лагерь Казахстана,
А я квартировал вблизи, и мы вдвоем
 Садись в поезд постоянно,

И возвращались мы в вечернем феврале,
 Сходясь на Киевском вокзале.
Вольготно водочкой с икоркой на столе
 При корифее торговали!

С подначкой, с шуточкой — у каждого портфель, —
 Откушали — я сто, он двести,
И в пригородный! Пусть шумит себе метель,
 Мы будем через час на месте.

Но что с ним? Оборвал свой смех. Взгляд напряжен.
Смотрю туда же: грязь, окурки,
Две тетki на скамье, а третий — кто же он?
Очки. Треух. Тулупчик. Бурки.

«А в тамбуре — второй. Сейчас меня возьмут».
Застывший взгляд и drobный шепот.
О долгий ужас тех мистических минут,
О их бессмысленность и опыт!

Мы в Переделкине сошли. Сошел и тот.
А некто в форменной тужурке:
«Где будет Лукино?» — «Вон там». — И поворот,
И я оглядываюсь: бурки!

Оставили шоссе. Свернули в Лукино.
Дошли проулками до дачи.
Безлюдно и черно. Чуть светится окно.
Есть водка. Будет чай горячий.

Волнуются жена и дети. Впятером
Ждем час и два. Ну, слава Богу —
Ошибка: не пришли! И он, дыша теплом,
В себя приходит понемногу

И улыбается: «Начальничка признать
Легко, а бурки — признак первый».
А Катя: «Коленька, могу тебя понять,
В вагоне разыгрались нервы».

Я знаю, что собрат зверей, растений, птиц —
Боялся он до дней конечных
Волков-опричников, волков-самоубийц,
Волчиных мастеров заплечных...

Владельцы прежние забылись. Тот убит,
Тот умер, те в грязи застыли.
«Патрокла нет, но жив презрительный Терсит!» —
В классическом восклицнем стиле.

Здесь в молодости я кой у кого бывал.
Здесь, прячась куколкою в кокон,
Пильняк, сей шваб и баб любитель, самохвал,
Смотрел на пруд из верхних окон:

«Царила в страховой компании семья.
Любимец тетки-лютеранки,
Поверьте рыжему вралю, что вырос я
В том самом доме на Лубянке».

Как в рыбьей чешуе — в японской шубе, фронт,
Актер — и вдруг художник зрячий...
Дружил, ценя его неряшливый талант,
С ним Пастернак, сосед по даче.

Сюда заявятся порою книжный крот
Или славистка из Канады,
Но здесь теперь певец угрозыска живет
И лает мопс из-за ограды.

Кто вспомнит, кроме них — офени-чудака
И старой стройной иностранки, —
Как взяли, а потом убили Пильняка
В том самом доме на Лубянке.

Тогда-то Пастернак переменял жилье
И с вами повелось соседство,
Тогда-то вы ему доверили свое
Болезнью скошенное детство.

Такое же, как вы, но божество-дитя,
Он сам творил закономерность,
Доверьем радостным Ивановым платя
За их мужающую верность.

Там, где внизу река пугливая текла,
Полузадушена осокой,
На горке перед ним златились купола
Сияньем Индии далекой.

Когда из катакомб их вывел Константин,
Не знали храмов христиане.
Кто первым зодчим был, кто им воздвиг притин,
Найдя образчик в Хиндустане?

С тех пор и на Руси златятся купола,
Азийски, молодо круглятся,
И выюга русская их чудно берегла
От нищей злобы святотатца.

Был в деда Пастернак, а тот, широкоплеч,
В Одессе промышлял извозом,
Но внука русская благословила речь
На службу соснам и березам.

И, может быть, решив, что на Руси святой
Поэта нет вне православья,
За христианскою пошел он красотой,
Как бы на поиск равноправья?

Не сразу понял он, что кесарь наш — злодей,
Что смерть луга кругом косила.
Не сразу сделалась понятной для властей
Его смущающая сила.

Он вашего отца «берложным» называл —
Сибиряка с кипчакским глазом,
Кто в тайном тайное нашел, кто волновал
То странной выдумкой, то сказом.

Вас полюбил поэт в начале ваших дней,
И вы, забав не зная детских,
С ним шли среди корней, что были вам трудней
Корней хурристских или хеттских.

Давно ль стихи мальчика хвалил он без прикрас,
Но трубно, путанно и длинно,
И чем-то удивлен, он вскидывал на вас
Глаза коня и бедуина.

Меж вашей улицей и кладбищем, где врос
Он в землю, нежную до боли,
Где нынче широко распространил колхоз
Свое картофельное поле,

Единоличник жил. Подумать: все — в числе,
И только он — единоличник.
Прилежный белорус, он родич был земле,
Хоть праздновал Октябрь-Кастричник.

Хотел он власть признать, как сделал Пастернак,
Но жить, как Пастернак, отдельно,
И был, как Пастернак, в метельный загнан мрак
И яростью сожжен смертельной.

Единоличники дружили: наш чудной
Поэт и пахарь сивоусый.
Остались на земле стихи, но со стерней
Сравнивали хату белоруса.

Я помню летний день и Ольгу на краю
Крыльца — с ее клеймом изгойства,
И в доме я в ногах у мертвеца стою
Средь горя, музыки, геройства.

А в чем геройство? В том, что мы пришли сюда,
Где вдруг осиротели птицы?
Где соглядатаи родились до стыда?
Где бородатый, смуглолицый,

Под зеленью стоял, задумавшись, босой,
Философ Голосовкер Яков,
Для снимков привлекал славянской простотой
Американцев и поляков...

Да, не явились мы, чтоб исключать его,
И руки не взвились, как плети,
И дьявол не собрал сообщества всего,
Всех водоплавающих в Лете.

Мы — Кукольников клан, Неведомских слои,
Бумажные кариатиды,
Хвостовых, Раичей, Маркевичей рои
И Баранцевичей подвиды —

Как смеем хвастаться, что светел был порыв?
Нам надо, скопищу виновных,
У Господа просить, чтоб, нас простив, укрыв,
Хоть отделил от злобесовных!

Прости меня, прости, прости, я виноват;
Я в маскарад втесался пестрый;
А как я был богат! Мне Гроссман был как брат,
Его душа с моею — сестры.

Предмартовская нас тесней слила беда;
Делили крышу и печали;
Так почему же я безмолствовал, когда
Его роман арестовали?

Всегда вини себя, а время не порочь.
Ты будь с собой, а не со всеми.
Ты лучших ждешь времен, но истина есть дочь
В твое родившаяся время.

Тебя пугает власть? Не бойся: ты силен,
Пока для жизни предстоящей
Есть Промысл о тебе и есть в тебе Закон,
Возникший в купине горящей.

Как мил мне Божий мир! В набухших облаках
Прогалины лазури тонкой,
И пятна бузины — как кровь на локотках
В кустах бегущего внушонка,

И дождь, когда влажны крапива у оград
И пижмы желтое суконце,
И кажется, что лес — не лес, а ветроград,
И, как вино, вкушаешь солнце,

И та лощина, где меж вязов-богачей
Осины жмутся, как неровни,
И, может, камушки — осколки кирпичей
Старинной сгубленной часовни.

Как много сгублено! Я видел сей содом:
Здесь, в страхе ночи деревенской,
Лев Каменев дрожал, с ума сходил Артём
И жег Париж Бруно Ясенский.

Здесь Бабель мне свою «Марию» подарил.
Зимой предсмертной наслаждаясь,
«От уз грамматики, — серьезно говорил, —
В Одессе я освобождаюсь:

К киоску подхожу: «Прошу стакан вода»...
Где эти речи озорные?
Где той зимы снега? Где той зимы среда?
Где Бабель и его Мария?

Где волк, который мог всплакнуть, задрав овцу,
И к вдохновенью приобщиться,
Над пропастью хитря, шатаясь, шел к концу,
Чтоб кончить как самоубийца?

Иные господа теперь гуляют здесь.
При встрече с нами отвернуться
Что принуждает их? Вражда? Бессилье? Спесь?
Боязнь к крамоле прикоснуться?

Рядятся призраки: вот барин — сановит,
Хотя филером был когда-то;
Вот сельский лавочник; а вот полезный жид
С походкой члена юденрата.

Жестоки ли они? Хитры? Коварны? Вздор,
Не снисходи сердиться, Инна!
Жесток бывает зверь, и человек хитер,
И в хищности трава повинна.

Но где ты видела, чтоб хищным был предмет?
Чтобы хитрило неживое?
Их нет: для жизни нет, но и для смерти нет,
То морок, марево дурное.

Вон тот, кто с палкою, растаял, как фантом.
Спустился вечер синеватый.
Давай-ка к Лидии Корнеевне зайдём.
К ней можно: час пошел девятый.

Один из тех, кто был ничем, а стал никто,
Сказал с кавказским простодушьем:
«Мешает людям жить осиное гнездо.
Мы дом Чуковского разрушим».

И в самом деле: дом, на воздухе держась
И сыростью изъеден, рухнет.
Порвется ниточка — с прекрасным прошлым связь —
И драгоценный луч потухнет.

Но по ночам не спит владелица луча,
И, свет бесстрашно укрепляя,
Она работает, не слушаясь врача,
Упрямая, полуслепая.

И память движется с воинственным пером
По всем путям и перепутьям...
Мы вечером сидим на лавочке втроем,
Беседуем, грустим и шутим.

Опоры кое-как подправить удалось
Гуманитариям-студентам
И дыры залепить; до утра улеглось
Корыто старое с цементом.

Мы удивляемся тому, что день погас,
Но зорко смотрит лунным кругом,
И вспоминаем ту, кто связывает нас
С бессмертьем, с правотой, друг с другом.

1981—1982

СТИХИ ИЗ ЛАГЕРЯ ИНТЕРНИРОВАННЫХ

БЕЗУМИЕ

Какие у меня солдатики-вояки
как живописно греют руки у костров
сияющих на всю мою страну
как гордо мои танки поворачивают дула
к моим врагам в моих деревнях в городах моих

Как регулярны патрули
моей милиции в чистых маскхалатах
как бдительны они в установленных личности автобусов
трамваев поездов
портфелей чемоданов карманов сумок и удостоверений
личности

Как мужественны роты моих парней вооруженных
укрывшихся за марсианской маской и щитом
они неделю за неделей овладевают штурмом
моими шахтами и доками и домнами

Как переполнены подвалы моих участков
какой по моим тюрьмам гам
как подлетев с трамплина
от края и до края родины моей
несут кибитки пленных с этапа на этап

Как четко припечатывают срок за сроком
в моих военных чрезвычайных трибуналах
как пылко трудится мой сейм
как укрепился мир декретами моими

Как творчески влияет комендантский час когда в тиши
ко мне является поток спасительных решений и идей
как интересны новости по телевизору

Как правильно прошла зима
как в срок по всем прогнозам подошла весна
как глубоко я убежден что лето явится в положенное
время
как по всем правилам запроектирую я осень

Как точно и без промаха преобразуется ненависть
в любовь
вслед за десантом моих гебистов
в мороз декабрьский в ночь под воскресенье

Как просто
как результативно
в каких прославленных очках
как неизбежно я оставляю след в истории

апрель 82

19-500 ГОЛДАП*

А лес как во снах про лес
а снег как из детского сна
небо небесно-голубое
над нашей идиллией

У которых сотрясение мозга их забрали наконец
в больницу
а какие охромели с последнего этапа эти уже ходят
ну а та что третий день лежит лицом к стене

* Почтовый код женского лагеря в Голдапе.

это истеричка
о ребенке же заботится детдом

За дверями горницы с надписью ГОРНИЧНАЯ
сегодня допрашивает Вроцлав
Приехала полиция из Гожува
Машины с варшавским номером нет
верно пьют в Сувалках

Полтора десятка женщин получили письма
и теперь известно что семь недель
тому назад
арестовали мужа
бабушка была здорова
у отца был инфаркт но он чувствовал себя неплохо

Прибыла комиссия Красного Креста
Какие претензии? Не голодно ли?
Есть ли связь с семьями?

— нас пугали расстрелом грозили Сибирью —
Но теперь все в порядке — правда? — у вас тут ванны
— наши семьи долго нас искали —
Что ж почта в военное время естественно а теперь?
— теперь я получила письмо двухмесячной давности —
Вот и отлично
— у нас больная туберкулезом почек —
Запишите пожалуйста попробуем что-нибудь
— но гебисты принуждают эту больную к стукачеству —
Это нас простите не интересуется
мы из Красного Креста

Трогаются машины
покидают гости
жендворец полный пальм и рододендронов

в лесу как из снов про лес
точно кони на масляничном гуляньи

Это скрипят по стеклу мороза копыта жандармов

март 82

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Не Ты не Ты
Господи
их устами взываешь
чтоб мы души сдали в макулатуру
не Ты ставишь свою подпись
с дьяволом на циррографе
не Ты пожимаешь ему коготь
не Ты гладишь его по хвосту

Не Ты кадишь преступлениям
не Ты требуешь в жертву
единственного нашего оружия
совести
не Ты освободить нас хочешь ценою рабства
свяченою водою освящая петлю нам на шею

Так помолись же Господи сегодня за Твоих прелатов
ибо не ведают что творят
и не слышат что говорят
ибо наверно все-таки ведают что творят
и наверно все-таки слышат что говорят
когда в шелках цепях и кармазинах
отлавливают Твой последний шепот
застравший под ребром
и укоризненный палец поднимают на детей
бессильно вырвавших булыжник в обороне перед миром

где шепот Твой неслышим —
лишь крик тех кого предали*.

май 82

*Перевод с польского
Натальи Горбаневской*

* Автор с самого начала объявления военного положения в Польше находилась в лагере для интернированных.

МУХА У КАПЛИ ЧАЯ

Повесть

«Телесная любовь, — писал без помарок Человек, — есть чувство, чуждое библейско-христианской морали. Вот почему наши отношения с женщиной, пока они живы, — язычески чувственны, воспалены, нездоровы на фоне современной идейной, бестелесной жизни. Для такого чувства нужны сырые леса, высокие горы, окружающие моря и притягивающие морские испарения, нужна степь, обильно политая чистыми дождями и реками. Нужен влажный свободный мир европейского язычества. А библейско-христианская мораль родилась в местах сухих, обделенных влагой, и, так много сделав для души, она так мало дала телу, по сути признав в нем врага своего. Бесконечно далекий прапредок человека был водным, морским существом, и в утробе матери человек живет в водной среде. Здесь же, на земле, ему не хватает влаги. Конфликт Шекспира, конфликт Ромео и Джульетты, разве это не конфликт воздушной и водной среды? Разве это не конфликт воздушной христианской духовности и водной языческой телесности? Телесная любовь — это высшее, крайнее проявление телесности, постоянно задыхается, дышит ребристыми боками, судорожно выставляя язык, и чем дальше мы уходим от Влажной Бездны Начала, тем больше мертвых чувств, самообмана, бессилия перед тайнами, которые в языческом прошлом были понятны каждому подростку».

Человек писал так, сидя на кухне у раздвижного шаткого кухонного столика. На столике стояли два стакана недопитого чая, почти уже остывшего, и суповая тарелка, в которую было насыпано овсяное печенье. Единственным украшением стола была синяя

сахарница китайского фарфора из давно исчезнувшего сервиза. Капля чая у сахарницы и муха, с наслаждением окунающая хоботок в эту сладкую каплю, дополняли общую картину мучительного чаепития, которое Человек спешил запечатлеть. Каплю с ложки уронила женщина, с которой Человек провел восемь взаимно несчастливых лет. Расстались они с полгода назад и виделись после этого всего три раза. Два раза по делу и один раз случайно, просто на улице, где бывшая жена шла с каким-то черноусым человеком, гораздо ее моложе.

Теперь, когда окончилось сражение и дым, окутывавший их семейную жизнь, разошелся в обе стороны, наподобие театрального занавеса, трудно было понять, кто победил, а кто бежал со сцены. Ибо всякая семейная жизнь происходит за закрытым занавесом. На авансцену действующие лица выходят только кланяться, то есть в чужие гостиные, на собственные именины или юбилеи, в места официальные и общественные. Когда же, по окончании семейной драмы, занавес раздвигается — сцена пуста, и вовсе уж ничего нельзя понять.

Восьмилетняя война нашего Человека со своей женой, разыгранная за опущенным занавесом по всем правилам военной науки с активной обороной, контратаками, временными перемириями, будящими надежды на долгий счастливый мир, и новыми ожесточенными боями, обессилила обоих.

Впрочем, война есть прежде всего изнурительный труд, и профессиональные болезни в полной мере были приобретены человеком. Деятельность его внутренних органов была крайне нарушена. Желудок, пищевод, сердце... Да, сердце, бедное сердце... Ведь простой переход от лежачего положения в сидячее или от сидячего в стоячее тотчас вызывает изменение работы сердца. Что же говорить о физической работе, сопровождаемой поднятием тяжестей, или о пищеварении

после жирного алкогольного обеда, или о чрезмерном волнении... Волнении, когда долгой зимней ночью, свинцовой ночью замирают все звуки жизни, кроме двух сверлящих голосов, своего и супружеского, и сердце подкатывает к горлу, как непереваренная пища, так что хочется его вырвать на пол... Или бежать, бежать в одних трусах босиком по прохладному лунному снегу, бежать прочь, бездумно, безоглядно, туда, где так приятно кружит ночная поземка, убаюкивающе лают собаки и тридцатиградусный мороз ласкает воспаленное лицо. Но бежать нельзя. Красные губы шевелятся, и надо вникнуть в их обличения, в их аргументы, призвать на помощь логику, разум, свое преимущество в культуре и одним словом, одним контраргументом сразить и уничтожить...

Теперь, с многолетним опозданием, он понимает свою ошибку, неизбежную ошибку христианина-миссионера, пытавшегося проповедовать там, где нужна лишь лопата могильщика. Ибо сила аргументов дьявола в том, что они нечленораздельны, как вой дерущихся животных или пулеметная пальба. Наверно, этим упорным миссионерством можно объяснить самоубийство восьми прошедших лет, тучных плодородных лет, которые даются мужчине, чтоб радостно проститься с молодостью. Этим миссионерством и жуткой догадливостью дьявола, умеющего вовремя передохнуть от своего труда, вкусно покормить, откровенно пошептать, ласково пощекотать и пропеть качествам-талантам Человека: — Осанна! — теми же красными губами, которые недавно пели: — Анафема!

Благословенны короткие шаловливые детские браки, когда легкомысленные догадливые ребята проявляют друг к другу милость Божию. Страшны многолетние — десятилетние, двадцатилетние дьявольские оковы, особенно когда в тюрьме рождаются маленькие заложники, несущие в жизнь дьявольское семя.

Но, к счастью, наш Человек вынес из своего заточения лишь головные боли, колебания артериального давления, внутреннее напряжение, раздражительность, беспричинное беспокойство и повышенную утомляемость. Это было хорошо, однако, тем не менее, и этого было достаточно, чтоб в течение полугода, прошедшего после расторжения брака, чувствовать себя весьма дурно. Человек систематически страдал бессонницей, а если и засыпал, то видел странные сны, напоминающие галлюцинации, а то и просто кошмары. Дело дошло до того, что участковый врач, вызванный к Человеку по поводу пустякового гриппа, осмотрев его, категорически заявил: немедленно обратитесь к психиатру — и выписал направление.

Но что такое обратиться к психиатру для человека, верящего в творческую силу своего разума? Это значит позволить другому, чужому человеку насиловать себя, это значит покориться чужой воле. Такое возможно добровольно, лишь если испытываешь от этого чисто женское удовольствие. Вот почему среди клиентов врачей-психиатров женщин и женоподобных мужчин гораздо больше и они лечатся охотней.

Так жил Человек последние полгода после своего освобождения неприметным бело-серым днем восьмого января, о чем ему была выдана официальная справка в загсе. Падал мягкий снежок, дышалось легко, и ноги были упругими, хотелось разбежаться и взлететь, но затем поднялась метель и случилось необычное явление природы: среди январского неба по-майски сверкнула молния и покатился гром. Явление это было на следующий день описано и объяснено в газете «Вечерняя Москва». На высоте девяти тысяч метров возникло электрическое поле, вызвавшее грозовой разряд. Такое случается не чаще одного раза в пятнадцать лет. Всё ясно объяснили. Однако в ночной разноголосице Человек по-своему обдумал это явление среди прочего мелькания разноплановых лиц, идей

и явлений. «Электрическое поле, — думал он, — раз в пятнадцать лет расцветает зимой. А вокруг электрические луга, электрические леса, электрические горы... Всё это высоко, всё это неземное...» «В безвоздушном океане без руля и без ветрил», — пел почти до утра оперный бас, монотонно повторяясь, и в конце концов убаюкал.

Так жил Человек ночью. Днем же он жил в обществе и, согласно Марксу, конечно, не был свободен от общества, то есть предоставлял в его распоряжение свои способности и получал от него на данном этапе общественного развития не по потребностям, а по труду. Так жил Человек примерно полгода, пока необычно сухое лето, словно тяжело больной, не отгорело в тридцатиградусной температуре.

Был конец августа, и жара достигла своего предела. Однажды, проснувшись на рассвете, Человек ощутил запах дыма и, думая, что забыл на кухне выключить чайник, бросился туда, сильно ударившись попутно коленом о дверной проем. Это был один из его постоянных страхов — на кухне пожар. На кухне пахло дымом, но не более, чем в комнате. Газовая плита стояла безопасно мертво. Остывший чайник был на кухонном столе. Тогда он рванул входную дверь, думая, что пожар на лестничной площадке. Там тоже был дым, но без огня, и царил рассветный покой, не свойственный несчастным случаям. Тогда он выбежал на балкон и увидел голубоватый дымный туман среди сморщенной листвы, сожженной жестоким летом. Он ничего не успел подумать по этому поводу, ибо тут же раздался телефонный звонок, эта золова арфа современной квартиры, отражающая звуки жизни, эта свирель, в переливах которой неразгаданная, мистическая тайна, пугающая и манящая до того момента, как сорвана с рычажков трубка и какой-нибудь скучный голос начинает вещать позорную правду твоего бытия. Но голос, обратившийся к Человеку

в это раннее утро, словно поднялся из глубин страшной экзотики прошлого, и дымный запах серы, окутавшей местность вокруг, был явно неспроста. Он сразу узнал этот тембр с хрипотцой, и его одолел с особой силой страх нового ареста, знакомый многим людям, проведшим годы в заключении, страх при полном сознании, что он в безопасности и никакого повода, никакой возможности для ареста нет. Страх, хоть голос звучал забыто-спокойно, не нервно и содержал не приказ, не борьбу, а просьбу.

Надо попутно заметить, что, как ни велики были последствия восьмилетнего прошлого, полгода свободы постепенно давали свои плоды. Человек начал спать спокойней, правда, как правило, засыпал он под утро, но зато, провалившись в спасительную тьму без снов, словно временно умирал и воскресал сравнительно отдохнувшим за эти два-три часа сна-смерти. Много дали ему и прогулки в пригородных лесах, драгоценное одиночество, которое весьма спасительно, если уметь им пользоваться. А также книги, особенно пессимистического содержания. Но не такие, как Ф. Сологуба: «О смерть, я твой! Повсюду вижу одну тебя — и ненавижу очарования земли», — где в пессимизме чувствуется вызов и скандал с Богом в духе Достоевского. Нет, скорей светлый пессимизм Пушкина: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана? Иль зачем судьбою тайной ты на казнь осуждена...»

В этих строках чувствовалось примирение и вопрос, который может задать земным мучениям только победоносная душа. И прочтя: «Цели нет передо мною, сердце пусто, празден ум. И томит меня тоскою однозвучной жизни шум», — Человек, успокоенный, закрывал пушкинский томик, понимая, что раз существуют эти чудесные песнопения, значит, цель есть, хоть она мудро скрыта не только от обычных людей, но и от пророков.

Итак, отдышавшись за полгода, он особенно боялся потерять приобретенное, но голос, который ранее склонен был к злему эпосу, теперь говорил бытовую шелуху, словно из заурядной пьески о прощании — расставании. Действительно, теперь голос был членоразделен и сообщал, что собирается на днях уезжать не только из Москвы, но вообще из страны навсегда с новым мужем еврейского происхождения и поскольку «все-таки восемь лет, то хотелось бы проститься... Времени мало, сам понимаешь. Могла бы сейчас взять такси на часок подъехать...»

— У меня здесь дым, — сказал он ей почему-то.

— Дым? — переспросила она, — ах, дым... Ничего страшного, это горят леса Подмосковья. Грандиозные пожары, ведь два месяца не было дождя. Здесь, в центре, на улице Горького, тоже дым... Горит земля под ногами, — она хохотнула.

Так они вновь, спустя полгода, очутились друг против друга за стаканами чая на кухне, где столько прежде велось мирных переговоров. Как правило, на кухне противоборства не было. На кухне за этим столом заключались перемирия, готовились мирные вкусные обеды и велся фальшивый ребячий разговор, игриво-ребячье обращение, чириканье: Чипик-Чипочка! — то, чем язык дипломата отличается от языка полководца, от искреннего животного воя: — «Я тебя ненавижу!»

Бывшая жена красила теперь глаза, сделала себе модную прическу, от нее пахло духами, правда, дурного качества и слишком вульгарно, но она опять лицедействовала, а значит, жила по-женски радостно. Ибо артистичность — свойство женщины. Женственность — это стремление скрыть себя, быть другой, другим человеком, на себя не похожим, и кажется, что женщина потому так стремится к игре, к гриму, к косметике, что знает о себе такое, от чего ей самой страшно. Мужчина может быть глуп, отвратителен,

лжив, но всё это его личные свойства, ни с чем общим не связанные. Дурные же качества женщины словно чем-то подытожены, словно объединены чем-то вне ее, и, может, в основе их беспощадная прочность рода, равновесие жизни и смерти, требующее места для вновь воспроизведенного из небытия. Потому женщина высокой культуры, женщина глубоко образованная гораздо меньше отделена от женщины примитивной или даже дикой, чем это наблюдается у мужчин. В решающий момент ей легче снять с себя тысячелетние наслоения культуры, если того требует подлинный Хозяин, зовущий ее из Бездны. Цивилизация и культура были придуманы мужчинами для борьбы с Бездной. Женщина, по сути, смертельный враг этой мужской выдумки, втиснувшей жизнь в узкие рамки Истории, имеющей начало и конец. Женщине гораздо лучше было в пещерах и первобытных лесах, где ей легче и лучше было выполнять свой подлинный долг перед Вечностью. Но Бог создал мир не для его вечного существования, и в этом подлинная трагедия женщины. Бессильная перед Богом, она борется с мужчиной, главным Божьим работником на земле. Как же борется женщина? Женщина заставляет душу, занятую трезвым серьезным созиданием, корчиться и трепетать. Она заражает душу лихорадкой, ибо, пока душа болеет, ей нет дела до истории и прогресса. Тогда в борьбе с любовью возникла семья, куда прочно заключена была женщина, тогда возникла ненависть между мужчиной и женщиной и мужчина стал жертвой собственного изобретения. Встречаются и счастливые, то есть миролюбивые семьи, где нет перманентной вражды, но они существуют вопреки замыслу, как вопреки замыслу была бы тюрьма, в которой открыты двери и сняты решетки с окон.

«Где же выход, — думал Человек, сидя за кухонным столом и автоматически глотая чай из стакана, — может, выход в том, чтоб жениться только на нелю-

бимых женщинах, а любимых оставлять на воле... Да где эта воля? Вокруг сплошное железо..., а жить хочется... Как коротка, как страшно коротка жизнь...»

Эта очевидная, азбучная мысль вдруг напугала его крайне и заставила очнуться от сна, в котором он пребывал с открытыми глазами, с раз или два надкусанным печеньем в руке и стаканом чая, уже выпитым им до половины.

Проснувшись, он услышал, как бывшая его жена тоже пьет чай, жует печенье и говорит какие-то слова, среди которых преобладают ей несвойственные: «Если ты находишь» или «Если ты так думаешь».

Тогда он впервые за сорок-пятьдесят минут нынешнего последнего чаепития вдруг глянул на нее, и сердце его затрепетало от непонятной тоски. Отчего же оно трепетало? Не хотел же он в самом деле, чтобы она осталась и продолжился ад. Отчего же, когда бывшая жена глянула на часики и сказала: «Я тебе всё простила, прости и мне, если имеешь обиды», — у него полились слезы. Впрочем, это случилось и раньше во время перемирий.

Они поцеловались, и опять сердечный трепет, еще более острый, отдающий болью в затылке. С этой застывшей болью он спустился вниз проводить ее. Было воскресное тихое утро. Дом спал. Спали жильцы, спали соседи, спали свидетели.

Говорят, чужая душа — потемки. Не в меньшей степени можно сказать: чужая семья — потемки. Лишь карманные фонарики жильцов-соседей-свидетелей иногда проникают в крошечную тьму чужой семейной жизни, но выхватывают при этом случайные детали. Да и судьи кто? В их ли интересах раскрытие общей тайны, отличающейся друг от друга лишь деталями? Наружу детали, напоказ их. В фельетоны, в морально-душещипательные телепередачи, в гражданские суды. И пусть под защитой лжесвидетелей хранит тайну то, что не сказано о вечной борьбе мужчины и жен-

щины. То, что не сказано, — это основа всякой настоящей поэзии, в том числе черной поэзии Бездны.

Обычное московское такси, вызванное по телефону, уже ждало внизу. Ночная прохлада не успела остудить воздух, и стены дома были теплыми. Человек еще раз поцеловал бывшую жену, но не в губы, как прощаются взрослые, а в щеку, по-детски. Она села, и такси поехало по дуге, огибая дом. На повороте, перед тем как такси скрылось за углом, бывшая жена открыла дверцу и крикнула что-то, чего он не расслышал или не понял, но мелькнувшее лицо ее, казалось, хотело что-то сообщить ему или о чем-то предупредить, вопреки первоначальному замыслу. Еще мгновение, и лицо ее погасло для него навсегда. Минут двадцать ее будет видеть таксист, потом случайные люди, потом черноусый ее нынешний молодой муж. Однако никому из них она не скажет то, что предназначалось ему в последний момент.

Он постоял среди опустевшего двора, затем поднялся на лифте, вошел в квартиру и сел перед кухонным столиком. Недопитый ею чай еще хранил тепло, над ним еще поднимался пар, и муха наслаждалась каплей сладкого чая, которую бывшая жена уронила с чайной ложечки. Это были последние физические деяния бывшей жены в его жизни. Ее уже не было и никогда не будет, а ее деяния еще можно было созерцать. Она увезла с собой восемь лет его жизни, а оставила, как точку, как итог, эту крошечную чайную лужицу и муху, которую она поила. Человек взял в ладони стакан, из которого она пила. Он был едва теплым, уже остывал. Человек прижал стакан к сердцу и заплакал. Он понимал, что выглядит смешно и плачет нелепо. Сквозь слезы он называл себя глупцом, напоминал себе, что восемь погибших лет были постыдны и, только обладая трусливой совестью, можно было так жить, как он жил, и бездумно отдавать

то, что следовало беречь для дел полезных. Отдавать этой темной голове, обладающей, тем не менее, способностью обращать любые факты в свою пользу способом, которым еще в древности пользовались шаманы, — однообразным, но разной тональности звуком голоса. Подумав так, он услышал звук своего голоса, не понравившийся ему, визгливый и, очевидно, напугавший муху. Оторвавшись от лакомой капли, муха начала кружить в кухонной духоте. Человек следил за ней, утирая слезы. «Я слышал или где-то читал, — думал он, — что домашняя наша муха существует в неизменном виде уже миллионы лет. Это совершенное существо. Это не клоп, не вошь, не блоха, которые питаются нашей кровью. Нет, она подбирает крохи нашей пищи и если сыта, то проявляет брезгливость и никогда не садится на нечистоты. Как мы несправедливы к этому крылатому домашнему другу, без которого слишком стерильно и неудобно наше жилище».

Вот какой оборот приняли мысли Человека, физически ощутившего только что свою смерть, ибо мы никогда не умираем мгновенно, если смерть не катастрофична, не насильственна, а всегда умираем по частям, по периодам. И, идя за гробом со своими восьмью покойными годами, он отдавал должное любому живому существу, оказавшемуся рядом и участвовавшему в похоронах.

«Мир праху твоему. Вечная память», — пропел он дурачась, поскольку среди тоски вдруг возникло желание подуматься. Желание, тоску отнюдь не уменьшающее, но придающее ей более личный и конкретный смысл.

Где-то далеко, в самом центре Земли, кто-то тронул струны, и чудесная мелодия сопровождала плавный полет мухи. Потом чей-то голос сказал: «Утри слезы. Плач по умершему должен быть без слез».

«Я схожу с ума», — подумал Человек, сердце которого продолжала грызть и сосать тоска, уже в виде остромордого зверька, похожего на мохнатую ящерицу. Он слышал чавканье и причмокивание беззубого ротика, отрывающего живые куски не зубами, а мягкими челюстями, отчего становилось еще больней.

«Скорей на улицу, — подумал Человек, — надо позвонить Сане, пусть сведет меня с Аптовым».

Саня был его друг, Александр Валентинович Сапожковский, личность светская, шумная, «многоженец, находящийся в отставке», как он сам себя рекомендовал. Среди многочисленных знакомств Сани был известный психиатр Аптов, и уже состоялся разговор месяцев семь-восемь назад о необходимости свести Человека с этим психиатром частным путем. Но затем, после развода, наступило улучшение, нервы укрепились, сон стал спокойней, и Человек решил, что потребность в психиатре отпала. Это обрадовало его и еще более укрепило нервы, которые расшатывала дополнительно мысль о необходимости лечиться, может быть, даже в психиатрической клинике, то есть стать за рамки людей нервных (а кто в наше время не нервный?), однако допустимо нормальных, и по сути оказаться в неволе, уже не в переносном, а в прямом смысле.

Ведь были надежды, были желания жить не считаясь ни с чем, жить только для себя, отдаться своей любимой работе, своему радостному призванию, свободно ездить по земле, зная, что никто нигде тебя не ждет и всё тебе открыто, жить с романтическими увлечениями, но без бытовых последствий.

И вот это дымное утро. Неспроста он проснулся от адского запаха серы... Эта капля чая на столе. И эта муха, которая кружила под звуки струнного квартета. Теперь он понял, что кричала из такси бывшая жена перед тем, как погаснуть. Это не был ни добрый совет, ни искреннее пожелание. Опять его подвел дух

современного гуманизма, мало общего имеющий со своим родоначальником из ренессанса. Дух, ведущий не к укреплению, а к разрушению личности через раздачу себя хитрым нищим, через коллективизацию мировых ценностей, дух, обрекающий на поражение сильных и обрекающий на победу слабых, дух вырождения.

Темной, лесной головой своей жена Человека поняла тенденцию времени и использовала ее до конца. Ослабевшие нервы Человека были растянуты извилинами линиями на ее штабной карте, и она, угадав слабое место, прорвала фронт. Она выиграла последний бой и тем выиграла восьмилетнюю битву. Угасая, она издала крик победителя, и муха кружила теперь вместо воронья над полем битвы, напившись не соленой крови, а сладкого чая.

«Нет, — подумал Человек, — торжествовать преждевременно. Я ранен, но не убит. Мои нервы разорваны, но я осознаю себя. Я мыслю, следовательно, я существую. Кто это сказал? Кант? Гегель? Белинский? Или, может, это сказал я, едва родившись и издав первый крик? Я мыслю, и у меня достаточно сил и влияния в этом мире, чтоб приказать струнному квартету замолкнуть. А без музыкального сопровождения полет мухи лишается какого-либо опасного для меня смысла».

Человек встал со стула, сжал кулаки, набрал побольше воздуха в легкие и, побагровев, крикнул: «Прекратить! Игру!»

И тотчас же мелодия оборвалась. Глубокая тишина воцарилась вокруг, и в тишине этой слышался мерный плеск воды. Он увидел чистую реку, текущую в Святой Палестине, куда его бывшая жена собиралась отправиться с черноусым. «Бедная Палестина, — подумал он, — бедная Палестина. Впрочем, до этой Палестины ей не добраться. Эта Палестина не только в пространстве, но и во времени. Какой это век? И

началась ли уже наша эра? И какой это период? Период ли это ранних дождей, которые смачивают землю, делают ее пригодной для восприятия семян, для пахоты? Или это период обильных зимних дождей, пропитывающих землю, наполняющих водохранилища и водоемы, питающих источники? Или это период поздних дождей, весенних дождей, которые дают зерну налиться и помогают пшенице и ячменю вынести сухую жару в начале лета?»

Человек подошел к реке и опустил в нее кисти рук, ощутил на коже приятную прохладную ласку воды. И тотчас голос, ему знакомый, но неузнанный, тихим полусшепотом сказал:

— Не смотри на воду, потому что вода уходит и не возвращается, а смотри на солнце. Оно уходит и возвращается. Когда и ты будешь уходить, поверни направо. Там колодец с тихой, как слеза, водой. Там сможешь ты отдохнуть...

Нет, судя по речитативу, это не Палестина, а Византия. Это четвертый век. Это гибель язычества. Это осквернение языческих храмов. Толпа монахов, вооруженных дубинками, врывается в святилища. Разбивают мраморные статуи, топчут языческое искусство. За ними христианская чернь, предтечи крестоносцев, жаждущая добычи, жгущая, грабящая деревни, подозреваемые в нечисти, в язычестве... Какие лесные лица, как проста и ясна их звериная злоба, совершенно лишенная злобы современной, неврастенической. И как мягок, как спокоен, как по-звериному благороден плач по убитым, плач без слез под языческими звездами.

«Не знаю, кто тебя научил по этой дороге идти и умереть. Но когда придешь на место, собери мертвецов, и поговори, и скажи им, как мы живем здесь. А потом возвращайся, обедать приходи ко мне. А после обеда возьми меня с собой...»

Однако в дальних горных деревнях Малой Азии еще властвуют язычники, а христиане в меньшинстве

и страхе... В одной такой языческой деревне жил красавец-пастух, христианин...

«Как хорошо, — подумал Человек, — какая музыка». Ибо опять звучала музыка, но не назойливый струнный квартет, а мягкое целомудренное пение, не оскорбляющее мысль.

«Надо всё записать... Все эти слова, все эти видения... Где бумага? Где же бумага?»

Он начал искать глазами бумагу. Она лежала на углу кухонного столика, частично уже исписанная родным клинообразным почерком. А он стоял у кухонной раковины, и вода из крана текла, журчала, ударяясь о немытые ложки и тарелки.

Человек взял губку, намылил и начал по-холостячки мыть ложки и тарелки. Он вылил недопитый чай в раковину и помыл стаканы. Ничто больше не играло и не звучало, стихли слова, и вместо увиденного в воздухе застыла лишь черная дыра. Человек почувствовал слабость в ногах и желание есть, а еще лучше лечь. Но он заставил себя домыть посуду, сложить ее горкой и лишь потом уселся на стул.

— На улицу, — сказал Человек, — на улицу... В иную стихию...

Человек надел соломенную шляпу и вышел на улицу. Было одиннадцать часов, старушечье утро. Великое множество старушек передвигалось в разных направлениях, главным образом за покупками продовольствия. В автобусе тоже были пассажиры-старушки, но не без пьяного. По крайней мере, одного пьяного всегда можно застать утром в городском транспорте. Пьяный боролся со своей лысой головой, однако, когда автобус встряхивало, окончательно терял над ней власть и лысина билась о стекло как муха.

Кто ходит на антибиотиках, — спросил в микрофон водитель.

Человек сошел на «антибиотиках» и пошел домой пешком, поскольку окруженная забором медицинская организация, почему-то именуемая «антибиотики», располагалась недалеко. Он проехал всего две остановки, однако очень устал возвращаясь и, придя домой, сразу же уснул, уронив соломенную шляпу на пол.

2

Во сне шел дождь, было темно, грязно и сыро. Человек шел по какому-то незнакомому городу, возможно, расположенному даже не в России. Он вышел на огромную площадь, заросшую травой, что-то вроде стадиона, но без трибун. Просто большая лужайка. И это как будто бойня. Лежат туши забитых быков, уже ободранные, но размеры их с доисторическое чудовище. Лежащие на боку горы мяса и костей, а вокруг них копошатся маленькие люди. Человек пошел быстрее, чтоб миновать неприятное зрелище. Он шел навестить школьного товарища, умершего еще в школьные годы. Вот дом, где находится этот товарищ. Человек вошел, поднялся по лестнице. Коридорная система, как в общежитии. Вот и комната, где живет товарищ. Убрано просто, по-студенчески. Товарищ встречает и начинает разговор. Каждое слово в отдельности непонятно, но смысл ясен. Это касается причин его ранней смерти. «Если б не то, да не это (что именно, непонятно), то я бы не умер». Товарищ расстраивается и начинает плакать. Человеку это неприятно, и он хочет уйти. Товарищ замечает это и просит его остаться, но не словами, а видом своим. Садится печально на стул в углу, опустив плечи, и плачет. Человек подходит к двери, открывает и в этот момент чувствует, как будто у запястья крепко взяла чья-то рука и не пускает. Никакой руки не видно, товарищ по-прежнему сидит в углу, но Че-

ловек чувствует, как запястье сильно жмут и не пускают выйти. Человек начинает борьбу, он силой преодолевает чье-то сопротивление и прорывается в коридор. Но и в коридоре держит невидимая рука и чувствуются чьи-то пальцы, которые жмут запястье. А за закрытыми дверьми плачет товарищ. Борясь с невидимой рукой, Человек уходит по коридору, и чем дальше уходит, тем тише плач и тем более слабеет сила, сжимающая запястье.

Проснувшись и вспомнив сон, Человек пришел в смущение и расстройство. «Какая буйная и мрачная фантазия, — подумал он, — все люди во сне сумасшедшие. Но сумасшедшие — это те, кто спят наяву. Нервы мои расстроены до предела, однако если у меня хватило сил вырвать в одиночества руку из мертвых пальцев, то неужели здесь, наяву, где столько друзей, у меня не хватит сил выздороветь или хотя бы заставить себя лечиться?»

И, встав с постели, Человек позвонил другу своему Сане, то есть Александру Валентиновичу Сапожковскому. Человек позвонил и тотчас же поехал, ибо Саня этого потребовал. «Немедленно... У меня общество... Будет и Аптов».

«Да, немедленно, — решил Человек, — ехать и лечиться. Прогнать болезненные сны, болезненные видения, болезненные воспоминания... Стоит миновать коридор, и уйдешь на незатейливую, крепко сколоченную землю. Жить, чтоб дышать. А вместо больших фантазий — скептические афоризмы».

Сапожковский жил и дышал за городом, на богатой даче, в богатом привилегированном подмосковном поселке, и Человек добрался туда только вечером. Проснулся он, оказывается, довольно поздно, да и дорога не близкая. Сначала до вокзала на городском транспорте, а затем от вокзала полчаса пригородная электричка.

Колеса электрички выпевали мелодию: «Ах, Настасья, ах, Настасья, отворяй-ка ворота». Лица пассажиров были Человеку скучны, и, наверно, его лицо было для других скучный предмет, который приходилось разглядывать. Вдруг кого-то ударили. С криком: «За что бьешь!» — ушибленный упал.

— Вчера меня тоже ударили, — поделился какой-то, — принял удар на правое ухо, но устоял.

— За что? — продолжал кричать ушибленный.

«Какая тебе разница — за что, — с раздражением подумал Человек, — ответь ударом или убегай... Нет, Россия еще не преодолела родового сознания... Все мы родственники... Деремся и беседуем...»

Человек, как и всякий нервно больной, быстро раздражался и принимал позу философа и мыслителя, которая могла бы стать спасительной для него, если б зрелища российского быта не расцветали в его сознании тропически пестро.

Россия, по крайней мере сердцевинной своей, расположена в средней полосе. Ее краски умиротворяющи, природа классична, образы ее пейзажа воспринимаются не как процесс, наподобие гор или плещущего моря, а как готовое и ясное. Спокойно текут реки, спокойно шумят леса. Ужасы российской истории и тяготы российского быта были бы непереносимы в Испании или Италии, где все сочно и преувеличено. Недаром же стоит русскому сойти с ума, как он становится испанцем, наподобие гоголевского Поприщина. Однако же испанцем без Испании, где крайности радости и страдания имеют свою национальную психологическую основу.

И Человек наш, наш «воздушный испанец», выйдя на темную дачную платформу, первым делом посмотрел не на тропку вдоль лесопосадки, идя по которой можно было достичь дачной улицы с богатыми поместьями. Первым делом он посмотрел на луну, встретившую его тотчас же. И подумал, что луна похожа на дыру в чер-

ном небе. И стоит очистить эту черноту, как над землей засияет золотое небо, кусок которого видно в эту дыру. Тем не менее, хоть взор и мысли его были прикованы к этому испанскому видению, ноги его пошли по слабо освещенной российской земле, поминутно ударяясь туфлями о ее камни. Так дошел Человек до шлагбаума, повернул направо и очутился между крепкими заборами, опутанными во многих местах колючей проволокой, которым совместно с собаками было что охранять.

Привилегированный поселок этот, особенно после муравьиной Москвы, выглядел мертвым. Население его было немногочисленно и обычно держало своих гостей внутри поместий, где за заборами было достаточно пространства, чтоб прогуливаться, а в некоторых дворах попросту были настоящие участки частного леса с высокими деревьями, под которыми, если позволяла погода, стояли хлебосольные столы. Ибо среди богатых были и широкие хлебосольные души, к числу которых относился Сапожковский. И он кормил и поил людей, имени которых часто не помнил или даже не знал, поскольку один знакомый гость приводил гурьбу незнакомых и хозяину и друг другу. Все они напивались, наедались, наглели, говорили хозяину и друг другу «ты». Иногда возникали маленькие скандалчики, дамы визгливо смеялись или плакали, но к утру, к первой электричке, все затихало. Человек не любил эти компании и редко бывал, тем более, что два-три особенно буйных ночных скандала бывшая его жена закатывала именно после совместных посещений Сапожковского. Несмотря на внешне эпический размах, скандалы эти были мелкие, лживые с монотонно повторяемыми в разной тональности обвинениями, и вспоминать о них было стыдно. Но и в течение полугода вольной жизни Человек бывал здесь раза два, а возвращаясь, всякий раз был себе противен, вспоминая, как он жадно ел и какие разговоры вел. К тому же, дача располагалась в зеленом тупичке,

каких здесь было множество, и он всегда путался, стучал не в те ворота, ему не отворяли, он злился и когда наконец находил, то был раздражен.

Ныне, во тьме, он вообще не был уверен, найдет ли дачу. Он шел в полном одиночестве, и собаки из-за заборов тотчас открыли по нему пальбу в зависимости от природы, пушечную — басом, пулеметную — тенором. Заборы вились, тянулись, угрожали колючей проволокой, устроенной по тому же принципу, что и злые собачьи клыки. Собачий лай раздражал, вызывал апатию, тоску, и страшно хотелось вернуться назад, домой, лечь на родную постель, задуматься в ночной тишине. «Куда я иду, зачем я иду? — причитал в душе Человек, — как ужасно, как враждебно все вокруг».

Он пытался отыскать луну, обещающую золотое небо над землей, но не мог найти. Она пряталась где-то за деревьями или за тучами. Чтоб быстрее все это миновать, Человек побежал, пытаясь не смотреть на заборы, производя в тишине шум, который его самого дополнительно пугал. Собаки же били по нему теперь остервенелыми залпами. Если не весь поселок, то, по крайней мере, улица, по которой бежал Человек, была возбуждена. Послышались шаги, голоса, команды собакам, перекличка.

Многие из живущих здесь не любили друг друга, но их спланивала недвижимая собственность, и они всегда были готовы к совместной обороне. У некоторых были охотничьи ружья, зверского вида ножи и кортики, которые, впрочем, более служили декоративным целям. А один мужик-помещик, побывав в составе официальной делегации за границей и зная, что он недоступен таможене, купил в оружейном магазине вороненый красавец-кольт, который хранил в ящике письменного стола, запертым от сына, что не мешало ему самому, оставшись наедине, доставать револьвер и забавляться им. Сейчас, услышав опасный шум за забором, он вынул револьвер, но из кабинета не вы-

шел, собираясь в крайнем случае пугнуть злоумышленника выстрелом в открытую форточку.

Виновник же шума, наш Человек, наш воздушный испанец, метнулся к какому-то забору и застыл, вглядываясь в силуэты с фонарями. Остановившись, Человек несколько успокоился, да к тому ж в одном из силуэтов он, к счастью, узнал толстяка-гурмана Сапожковского с охотничьим ружьем. Рядом с ним вышагивал какой-то поджарый, сухой с палкой.

— Ты, — обрадовался Сапожковский, увидав Человека, — я думал, уже не приедешь. Видишь, что у нас здесь творится. До прошлого года покой и тишина царили, пока управление железной дороги за рекой в бывшем санатории свое общежитие не устроило для путевых рабочих. В прошлом месяце дачу Цвибельзона-Лукина обокрали, Цвибельзон-Лукин с семьей в Ялте был.

— Ну что, Александр Валентинович, — окликнул Сапожковского какой-то силуэт в кожанке и резиновых сапогах, держащий на поводке огромную овчарку, рвущуюся и облаивающую Человека.

— Наверно, к оврагу побежали, — сказал Сапожковский, — пробляди гнойные, — выругался он, добавив еще несколько ругательств, на которые мастер наш интеллигент и которых путевые рабочие ни придумать, ни произнести не умеют.

После чего Сапожковский с владельцем собаки подробно начали обсуждать, куда, в какие инстанции следует писать и почему до сих пор борьба богатого поселка с управлением железной дороги не увенчалась успехом.

— Писать надо Пшеничному, — говорил Сапожковский, — Ковбасюк ничего не решает.

Обсуждение этих социальных проблем, при которых Человек присутствовал, а следовательно, принимал участие, его окончательно успокоило, и он как бы забыл, что вся тревога была поднята именно им,

испугавшимся темных заборов с колючей проволокой, возбудившим собак, а затем и их хозяев. Никто из хозяев собак и их гостей не догадывался о его подлинной роли в тревоге. Никто, кроме...

Между нервно больным и психиатром всегда существует незримая связь. Каждый психиатр в какой-то степени нервно больной, а каждый нервно больной в какой-то степени психиатр. Человек сразу угадал Аптова, а Аптов клиента, о котором ему говорил Сапожковский. Они разговорились без слов еще до того, как Сапожковский представил их друг другу. Внешний вид Человека не вызывал сомнения у опытного психиатра и указывал на симптомы его болезни. А надо ли нашему «воздушному испанцу» представлять Аптова. Прежде всего трость... В руках он держал не палку, как ошибочно показалось в темноте, а трость: старинную, необычную в современном обиходе, с серебряным набалдашником-головой. И голова Аптова удивительно напоминала набалдашник, который, возможно, был подобран, а то и заказан не без умысла. Серебристо-седой короткий волос вокруг масляно-желтой полированной лысины, серебристая борода полумесяцем, сухой с горбинкой короткий носик...

— Вот, Леон, — сказал Сапожковский Аптову уже за столом, — это мой друг, жертва семейного империализма. Ему надо помочь.

— Поможем, — сказал Аптов, и уверенный тон успокоил и обнадежил.

«По сути, я уже приступил к лечению, — подумал Человек, — перемена обстановки... И медицина... В Аптове есть, конечно, что-то для меня тревожное, что-то еще пока не понятное... Но, наверно, это просто реакция, просто волнение больного человека при встрече с врачом, который вынужден проводить определенные манипуляции с моим телом, которому даже

разрешено мучить мое тело, а также ставить диагноз, то есть выносить приговор».

Вокруг, как всегда, было немало знакомых, уже несколько раз виданных лиц, имя и профессия которых, однако, оставались неизвестными. Хлебосольный добрый Сапожковский все подкладывал на стол дорогие дефицитные закуски, нерусские бутылки с импортными этикетками и русские с этикетками на импорт. О, это русское имперское застолье! Царица — водка «Московская» и челядь ее — украинское сало, болгарский перец, венгерская колбаса, польская ветчина, грузинская зелень, узбекские томаты, эстонская рыба и прочие дары союзных республик, союзных государств, международного социалистического сообщества.

— Граждане и гражданки, — говорил Сапожковский, стараясь заглушить трудолюбивое сопение и жадное чавканье, — может быть, ради этого стола стоит все-таки сохранить нашу родную империю. Конечно, без ее печальных крайностей. Империю с человеческим лицом, — он уже выпил и собирался говорить много, — если каждый из нас выносил, а некоторые продолжают выносить тяготы семейного империализма, то империализм политический не так уж страшен и предоставляет нам, по крайней мере, гораздо больше возможностей. Его стены не так узки, его гнет не так монотонен, его замыслы не так коварны и беспощадны. Вот здесь, кстати, за столом сидит наш общий друг, недавно освободившийся, — Сапожковский рассмеялся, тяжело дыша водкой, бужениной и какой-то грузинской приправой прямо в лицо Человеку, к которому дружески наклонился, — друзья, — предложил Сапожковский, — я так обращаюсь к вам, ибо сейчас скажу мысль, которую можно произнести только в тесном кругу близких друзей, настолько она еретична. Но почему бы иногда не выслушать еретика с большим личным опытом. Вот эта мысль, эта истина: хочешь нажать в женщине врага — же-

нись на ней. Конечно, есть немало отвратительных мужчин. Но от отвратительного мужчины гораздо легче освободиться, чем от отвратительной женщины. Большинство больных семей держится женщинами, сохраняется женщинами, боящимися потерять семью, как боится потерять партию профессиональный революционер... Я понимаю, что наживу подобной мыслью слишком много врагов. Наш мир — это мир государства и семьи, мир закона и брака. Мне не простят подобных обличений, а особенно те, кто тайно со мной согласен, особенно те, кто понял, что они всю жизнь пролежали не на тех женщинах...

Аптов что-то говорил на ухо Сапожковскому, но Сапожковский отстранил его широко, ибо, как многие добрые русские люди, в опьянении становился буен.

— Пойдемте, — шепнул Человеку Аптов, — здесь слишком скандально для ваших нервов.

«У Сапожковского и моей бывшей жены, — подумал Человек, — есть общая черта. Выстрадавшую истину или то, что кажется им истиной, оба умеют потребительски использовать в своих бытовых целях. Это все равно, как искренне уверовавший и выстрадавший веру в Бога использовал бы эту веру для удачной покупки дачи или ловких денежных операций».

— Пойдемте, — сказал Аптов, — я вас посмотрю.

— Сейчас? — удивился и испугался Человек.

— Да, сейчас. Чего откладывать, времени у нас мало. Не знаю, найду ли свободный час в ближайшую неделю.

Человек поднялся вслед за Аптовым на второй этаж дачи и вошел в комнату, которая в противоположность другим была заперта и которую Аптов отпер своим ключом. Здесь когда-то был кабинет Сапожковского, висели две-три картины соотечественников-нонконформистов и даже какая-то карандашная зарисовка — подлинник Пикассо; лежало на письмен-

ном столе и стояло на полках множество дорогих книг и скромно уютись две пишущие машинки, наступавшие и эту дачу, и эту привилегированную местность, и эти дорогие угощения, которые не иссякали, хоть их годами поедала жадная саранча. А ведь раньше, не так уж давно, лет двадцать назад, но как будто вчера, когда Сапожковский еще не доверился вольному стрекоту пишущих машинок, когда он писал и черкал на блокнотах, ему приходилось искать кредит в пять рублей, подходить к знакомым и не очень знакомым со знаменитым: «Как у тебя с деньгами?» — причем по-собачьи глядя в глаза. Но ему давали всё реже, ибо он был известен как «невозвращенец», то есть брал и не возвращал. А где взять, чтоб вернуть? Двое детей, жена, нищая зарплата в многотиражке. Где теперь эта многотиражка, где теперь эти дети, где их мать, бледная нервная студентка филфака, бросившая в Сапожковского горящий примус и проклявшая его? Во всяком случае, эта семейная жизнь Сапожковского протекала еще до знакомства с нашим Человеком, ибо Сапожковский уже достаточно давно стал хозяином этого роскошного кабинета.

Аптов сделал в кабинете некоторые перестановки. В другие комнаты перекочевали книги, перекочевал стол с пишущими машинками. Теперь стоял стол поменьше, с небольшой горкой медицинских книг, бумагой, бронзовой чернильницей. В углу тахта — видно, Аптов иногда оставался здесь ночевать. Когда они вошли, Аптов плотно прикрыл двери и два раза повернул ключ.

— Чтоб нам не мешали, — сказал он и поставил трость со своей маленькой серебряной головой в угол. Вторая же голова, укрепленная на шее, торчащей из тугого чистого воротника, повернулась к Человеку.

— Сначала поговорим, — сказал Аптов, — я буду с вами откровенен. Даже предварительный взгляд указывает на наличие у вас тяжелых симптомов нервной

дистонии. Конечно, полный диагноз можно будет поставить только после осмотра, вернее, после осмотров. Но я хочу, чтоб вы поняли — я не врач, а вы не больной. Отныне мы партнеры. Нужны, дорогой, совместные усилия. Нужна откровенность. И, конечно же, в ответ на откровенность, сохранение врачебной тайны. Начнем с мелочей. Ну, например, это ведь вы устроили шурум-бурум здесь, переполошили поселок? Путевые рабочие ни при чем?

— Я, — как провинившийся школьник строгому учителю, ответил Человек.

Он чувствовал, что воля его все сильнее подавляется этой серебряной головой-набалдашником, и от своей полной беззащитности, от запертых дверей, отдавших его во власть этой серебряной голове, стало холодно. Человек даже не подумал о том, что физически он легко может справиться если не с чужой властной душой, то с чужим костлявым телом, ударить, опрокинуть, сломать о колено дорогую трость. Наоборот, он жадно ловил любые проявления милости со стороны серебряного набалдашника и охотно шел им навстречу.

— Я обращаюсь не к вам, — говорил Аптов властно, спокойно-внушительно, как гипнотизер, — а к остаткам вашего еще не умершего сознания. Соберитесь с силами, помогите мне спасти вас от необратимого, от духовной смерти, от потустороннего мира психиатрической лечебницы. Для этого нужны жертвы с вашей стороны. Это главное, что вы должны понять. Дорогие жертвы. А что самое дорогое для нас на этом свете? Наша душа и наше тело. Трагедия многих нервнобольных состоит в том, что они предпочитают отдать это свое богатство болезни, но не врачу. Для того, чтобы спасти вас, врач должен владеть вами. Я считаю себя хирургом-психиатром. Звучит на первый взгляд нелепо, многие коллеги со мной не согласны. Но, если болезнь зашла

далеко, нужна пересадка нервов. Больные нервы надо удалять и пересаживать новые. Если существуют опыты по пересадке сердца, то почему бы не попытаться пересадить нервы? Вы должны быть откровенны, — повторил набалдашник, — откровенны. Скажите, чего вы испугались по дороге на дачу? Вас кто-нибудь испугал?

— Заборы, — тихо пробормотал Человек, — тесно вокруг. Заборы и колючки. Острая проволока...

— Так я и думал, — сказал набалдашник, — вы когда-нибудь были в тюрьме, концлагере? Были под арестом, в плену?

— Никогда, — ответил Человек.

— Ваша болезнь известна в психиатрии, — сказал набалдашник, — это болезнь колючей проволоки. Характерна для бывших военнопленных, узников концлагерей. Определена профессором Вишером еще в 1918 году. Тоска, замкнутость, апатия, ослабление или раздвоение памяти. Вы личность нерешительная, малоинициативная, поэтому особенно подвержены болезни Вишера в сочетании с нейровегетативным синдромом. Вы не обижайтесь на меня, дорогой. Многие коллеги оспаривают мой метод. Впрочем, в условиях официальных, в условиях клиники применение его затруднительно. Но частным образом почему бы не поэкспериментировать, тем более, что я почти уверен в успехе. Психиатрия — это мост, соединяющий науку и художественное творчество. Так вот тем концом, который... — он чему-то улыбнулся, — тем концом, который проникает в творчество, я могу вас вылечить. Вы будете абсолютно здоровы, вы станете полноценным человеком. От вас требуется лишь одно — доверьтесь мне. Я знаю, что в психиатрических лечебницах больные в большинстве не доверяют и ненавидят врачей. Но меня они уважают, потому что я отношусь к ним как к партнерам. Вообще среди них попадаются трогательные, милые экземпляры. На-

пример, недавно ко дню моего рождения один ветеран психбольницы сочинил даже песенку в мою честь. Милый старичок. Он в больнице уже пятьдесят четыре года за убийство своей сестры. Пишет с буквой «ять». О давно умерших старушках спрашивает как о гимназистках. Еще недавно была жива его мать, древняя старуха. Приходила навещать. «Мама, — говорил он, — этой гадины, Натали, теперь нет, — это об убитой им сестре, — поселимся, мама, вместе, нам будет так хорошо». Вот такие экземпляры. И среди них вам, человеку культурному, серьезному, глубокому, придется провести многие годы, может, до смерти. Тем не менее, хоть постоянное пребывание с ними тягостно, даже невыносимо, но общение как с клиентами бывает забавно. Вот этот старичок, убийца сестры, с которым я бываю строг и не балую его, сочинил в мою честь песенку и пропел ее вместе с еще двумя больными — цыганом Казибеевым, который ставил своей простуженной матери на грудь горчичники и в результате изнасиловал ее, а также молодым художником, страдающим пигмалионизмом, то есть влечением к статуям. У нас клиника особая — больные с разного рода половыми извращениями. Так вот это трио пропело в мою честь песенку, — набалдашник привстал, уселся, как за рояль, и, барабаня пальцами по краю стола, как будто играя, пропел неожиданно приятным тенором:

На планете много доброго,
Славного, мягкого.
Пожелаем счастья доктору,
Нашему Аптову.

Человек, забыв о своих страхах, засмеялся. Песенка была смешная, и набалдашник смешно ее исполнял.

— Ну вот, уже лучше, — сказал набалдашник, — а то совсем скисли. Вы нужны мне в активном виде. А активность — это творчество разного рода. В нашей клинике я, например, горячий сторонник поощрения творчества в среде больных. Творчеством умалишенных в двадцатые годы весьма много занимались. Была даже выставка, кажется, в Ленинграде или Харькове. Творчество умалишенных, дикарей и детей. Построена была на сопоставлении, открывала непознаваемое, открывала истоки... Я кое-что записываю, — он порылся в бумагах, — теперь это все заброшено, забыто. А жаль... Например такие стихи:

В окне показался какой-то бандит,
Ему девятнадцать не боле на вид.
Он весело тычет в меня пистолет,
Он хочет, чтоб я превратился в скелет.
Я громко заплакал, я топнул ногой:
Я крикнул: бандит, убирайся домой...

и так далее... А вот было даже напечатано в стенной газете «Надежда». Я издавал стенную газету, пока она не была прикрыта цензурой в лице главврача психбольницы, хотя в ней печатались более чем идейные материалы.

Товарищ, рыдая под звуки маршей,
Запомни это: не тетя Маша, не дядя Коля,
А маршал Ленин создал единство из настроений.

Здесь Ленину присвоено звание маршала, что в поэзии допустимо. Вообще, многие сумасшедшие любят рифмовать и это доказывает, что сама поэзия — явление не совсем нормальное, противоречащее здравому уму. Но, может, в этом и ее главное назначение. Может, признанный поэт — это сумасшедший, которому воздают почести люди нормальные, а все сума-

шедшие — это просто непризнанные поэты... А чем занимаетесь сейчас вы? — спросил вдруг набалдашник и, взяв свой стул, поставил его совсем рядом со стулом Человека, так что между ними, набалдашником и Человеком, произошел телесный контакт, соприкосновение бедрами.

— Я, — переспросил Человек, почувствовав, как лицо его покраснело, — я... пишу скульптуру...

— Пишете скульптуру? — с искренним интересом и удивлением переспросил набалдашник, — разве бывает такой род творчества? Впрочем, интересно, очень, очень... Расскажите...

— Это еще проект, это эксперимент, это в начале, в зародыше, — начал говорить Человек, все более возбуждаясь и увлекаясь, — современные скульптуры должны быть сначала созданы на бумаге, то есть созданы во времени, а уже потом в пространстве.

— Какая же это скульптура? Какова тема? — спросил набалдашник-Аптов.

— Это скульптура в память о неизвестном человеке, — сказал Человек.

— И вы можете ее описать? — спросил Аптов, делая в записной книжке, которую он достал из кармана, какую-то пометку.

— Да, конечно, — ответил Человек, — могу описать, но в общих чертах.

— Тогда пожалуйста, — сказал Аптов, — каков ее облик?

— Облик не нужен, — ответил Человек, — на пьедестале сердце, из которого растет рука... Нет, даже не рука, а кисть... Нет, даже не кисть, а пальцы... Сердце, говорят, у человека размером с ладонь... Так вот, из сердца-ладони растут пальцы, и эти пальцы сжимают перо...

— Почему перо? Значит, это памятник писателю? — спросил Аптов, — неизвестному писателю?

— А какая разница, — с жаром сказал Человек, — каждый неизвестный человек — это человек, не сообщивший о себе обществу... Значит, он неизвестный писатель. Может быть, неизвестный Шекспир.

— Логично, — сказал Аптов.

— Пока человек неизвестен, неясно, кто он: Шекспир или дрянь. Когда заговорил, тогда понятно. А пока молчит, его надо уважать только за одну неизвестность. Молчание ведь может быть разное.

— Молчание металл драгоценный, — улыбнулся Аптов.

— Да. Золото, — отозвался убежденно Человек, — пока мы молчим, то сродни гениям. Конечно, только гении, заговорив, таковыми остаются. Но ведь и многие другие могли бы сказать значительное, если б обстоятельства или судьба не заставляли их говорить невыношенное, говорить слова-ублюдки, слова-выкидыши. Если б у них хватило времени и сил помолчать. Ибо в молчании созревание. Поэтому молчащий человек, неизвестный человек, созревающий человек достоин памятника. Каждый из нас в момент нашего молчания достоин такого общего памятника, и только отдельные гении достойны индивидуальных памятников за произнесенные ими слова.

— А какое сердце, — спросил Аптов, — в какой манере исполненное?

— Ну уж не такое, — презрительно улыбнулся Человек, — каким его рисуют на открытках или делают пряники в форме сердечка. Не розово-золотое, не пряничное. Сердце анатомическое, кровавое, мясное.

— Требуха, — сказал Аптов, — сердце-требуха... То, что лежит на рынках на цинковых прилавках.

— Да, требуха, — с жаром сказал Человек, — только требуха способна испытывать боль от разорванных клапанов, от обрубленных сосудов... Вот такое сердце... С обрубленными сосудами.

— А материал? — спросил Аптов.

— Красный мрамор с белыми прожилками. Камень с кожей и жиром, — уверенно сказал Человек, точно не раз обдумывал проблему материала, — карельский мрамор. И пальцы, растущие из сердца, живые, с суставами, с ногтями, судорожно сжаты, сжимают перо последним усилием, остатками крови, дошедшей к ним по артериям. А в воздухе незримое, ненаписанное послание к нам, какие мы сейчас и какие будем через сто, двести лет... Кровь, которая молчит... И алтарь... Вечный огонь... Свеча... Свеча, которую на грудь покойнику ставят... Свеча из белого уральского камня кохолонга... И надпись скромной вязью: могила неизвестного человека.

— Это нечто из Жуковского, — сказал Аптов, — помните: «Надгробье юноше», — и продекламировал на память.

Плавал, как все вы, и я по волнам ненадежных
жизни.

Имя мое Аноним. Скоро мой кончился путь.
Буря внезапно восстала; хотел я противиться буре,
Юный, бессильный пловец; волны умчали меня.

— Именно вязь, — улыбнулся Аптов, — не внезапно, а внезапно... Значит, имя мое Аноним? — еще раз улыбнулся Аптов.

— Да, может, и так, — ответил Человек.

Вдруг слезы потекли у Человека, тихо, но обильно, как вода из продырявленного ведра. Он пытался сдержать их вначале усилием воли, потом пальцами. Но пальцы стали мокрыми, и слезы капали сквозь них.

— Извините, — сказал Человек, — сегодня я похоронил свои восемь лет. Муха подвела итог... Как вернуть, как вернуть, как вернуть их... За что? Кто меня заставил? Почему?

Он плакал, уже не скрываясь, как ребенок, безудержно, и жалость к себе была единственной силой, а слезы ее оружием.

Аптов между тем снял пиджак и надел халат, вынув его из платяного шкафа. Потом из маленького флакончика он смазал руки, запах был волнующий, юношеский, весенний.

— Раздевайтесь, — сказал Аптов.

Человек снял пиджак.

— Нет; совсем раздевайтесь, — сказал Аптов, — догола.

— Зачем?

— Мы ведь с вами договорились, — сдерживая недовольство, сказал Аптов, — я должен вас спасти. Именно так. Поэтому я полностью владею вами. Никаких вопросов.

— Нет, как же, — сказал Человек, — как же... Это нехорошо... В крайнем случае, я могу расстегнуть рубашку.

— Этого недостаточно, — сказал Аптов, — снимите брюки и трусы. Вообще догола.

— Так я не могу, — сказал Человек капризная, — а если кто-нибудь войдет?

— Дверь заперта на ключ, вы ведь видели.

— Но зачем же догола? — вставая со стула, сказал Человек, глядя почему-то мимо Аптова на его трость с серебряной головкой-копией, — я болен ведь не кожной болезнью и не простудой...

— Сядь! — вдруг властно и на «ты» крикнул Аптов, и Человек, напуганный этим внезапным криком, прозвучавшим как выстрел, сел и начал торопливо раздеваться.

— Носки не снимайте, — сказал Аптов помягче и опять на «вы», — ложитесь сюда, на тахту, лицом вниз.

Человек покорно лег, уже не веря в себя, униженный и весь в чужой власти, которую он сам же при-

звал владеть собой. В голове было пусто, сердце стучало тревожно, но тоже бездумно. Пальцы Аптова скользили по его коже, приятно щекоча и даже успокаивая, как вдруг коснулись, сжали, причинив боль, правда, незначительную. Человек сильно и брезгливо отбросил руку Аптова и вскочил. Простая догадка все объяснила. Человек всегда испытывал неприязнь к людям с подобными особенностями, хоть знал, что среди них были и выдающиеся личности. Но неужели положение столь безвыходное? Клиника или стыдный грех как плата за спасение.

— Одевайтесь, — спокойно и деловито сказал между тем Аптов, присев к столу и выписывая рецепты, — это в аптеке, — закончив писать, сказал он, — а это ни в какой аптеке не купите, — он достал бутылочку с темной жидкостью, — четыре раза в день по чайной ложке. Примите перед сном. Должен вам сказать, самоистязанием своего здоровья вы занимались долго и упорно. Ваша нервная система — это тряпье, лохмотья. Все надо делать заново. Позвоните мне через неделю. Нет, не получится, через десять дней, по этому телефону часов в семь вечера. Одевайтесь, одевайтесь. Теперь я уже не врач, а собеседник, и, если вам неловко, я отвернусь к окну.

Он повернулся и стал глядеть в темное окно. Одевшись торопливо, Человек спросил, ибо не знал, о чем говорить:

— Сколько я вам должен за визит?

— Это потом, — глядя на часы, сказал Аптов, — к Сапожковскому не заглядывайте, увеселения сейчас не для вас. Быстрее домой и в постель. Спите вы, наверно, тяжело? Наверно, с кошмарами?

— Да, бывают неприятные сны.

— А галлюцинации? Голоса?

— Нет, это не бывает, — солгал Человек.

— А муха? Вы говорили про муху.

— Муха — это не галлюцинация, а реальный

факт, — ответил Человек, — обыкновенная комнатная муха.

— А в переселение душ вы верите?

— Об этом слышал и читал... А верю ли, не знаю...

Не задумывался.

— Если что-нибудь произойдет, — сказал Аптов, — и вы окажетесь в клинике помимо своей воли, дайте мне знать. Хотя, я думаю, не должно. Принимайте из бутылочки. Ну и аптечное тоже.

Они попрощались, и Человек ушел. Домой он добрался под утро. Засыпал долго. Снилось, будто его, спящего, душат. Кричать не может. Бился, рвался, хотел жить и спастся, проснувшись.

Была глубокая ночь, значит, он день проспал. Сильно болело горло, и занавеска, которую он задернул перед сном, была отдернута. Окно, которое он запер, ибо был дождь, распахнуто настежь. В полусне вдруг вспомнилось, как Аптов сжал ему, причинив незначительную боль. Странное чувство, античное чувство. Как оно живуче, его невозможно забыть. Как оно реально, точно это случилось секунду назад, а уже минули сутки... Пока не поздно, бежать... Куда? Бежать от греха и одиночества в общество... А общество — это клиника... Нет, я окружен, голое тело мое опрокинуто, распластано лицом вниз... Я в западне... Хитрость женщины, тяжелый символ мухи, ясная тайна Аптова... Умереть, убить себя, какой это чудный выход... Но недостижимый... Жить хочется...

Он понюхал темную жидкость, выпил чайную ложечку приятного, похожего на портвейн напитка. Лег на спину. Остаток ночи он спал спокойно, без снов.

3

Ему стало лучше. Лекарства помогали, он поправлялся. Темную жидкость, похожую на портвейн, он

пил экономно, по две ложечки в день, ибо решил Аптову больше не звонить, а деньги за визит передать Сапожковскому. Какой простой выход, и как нелепо было недавнее отчаяние. И многое из того, что он делал раньше, теперь осознавалось им как нелепость. Далеко заткнуты с глаз долой исписанные, разрисованные, перечеркнутые листочки с проектом памятника-сердца, памятника неизвестному человеку, памятника молчанию. Мятые, надорванные листочки, ибо он хотел их порвать, однако все-таки передумал.

После жаркого, измучившего лета наступили осенние праздники, иначе нельзя назвать эти лазурные золоченные дни и свежие, безветренные ночи. Человек много гулял в одиночестве и читал много старых книг из своей богатой библиотеки. Как всегда, осенью появились полчища мух, жирных, тяжелых, носящихся по комнате и пулей бьющих в стекло. А есть ли среди них та жалкая летняя мушка, которая подвела итог восьми лет семейной жизни, уже не казалось столь важным и существенным. Он по-прежнему не всегда хорошо спал, однако не огорчался этим, ибо научился читать ночью книги таким образом, что просыпался утром от их чтения совершенно бодрым, как от крепкого, полноценного отдыха.

Однажды ночью он читал старую книгу, где описывалась жизнь четвертого века нашей эры, когда язычество и христианство зверствами и хитростью пытались восторжествовать друг над другом. Главным полем их битвы было тело человека, которым можно было завладеть, лишь влив в его меха свое вино и выплеснув чужое.

«Христианская мораль, — писал Человек без помарок, — это спасение человека от языческой радости, от поедания сладкого яблочка земного Эдема. Ибо если небесный рай существует и создан Богом, то земной рай может быть воссоздан каждым лишь в теле своем. Наказанием за похищенное небесное яблочко

было изгнание на землю. Наказанием за похищенное земное яблочко может быть только изгнание в небытие. Вот против чего боролось христианство, и борьба его была благородна. Но жертвы, которых оно требовало за спасение, были ужасны, и по сей день древний замысел собирает кровавую жатву. Идеалом христианства было воссоединение тела, рассеченного на мужчину и женщину, в Единое. В этом идеале было даже нечто, вносящее поправку в замысел Божий, вернее, вносящее земную поправку в Небесный замысел. «Непорочное зачатие» — Самсона и Иисуса, как вершина. «Жена да прилепится к мужу», как его повседневное бытовое отражение. Тело доступно всем, дух доступен немногим. Несчастливой христианской жизни тела язычники противопоставили его счастливую погибель. Христианскому воссоединению тел — языческую разлуку мужского и женского, их обособленную жизнь, превращение их в два разных земных существа, обреченных на борьбу. Кто способен на любовь? То есть продолжительное время любить не себя. Единицы. Кто способен на наслаждение, которое всегда непродолжительно, но всегда оставляет память и стремление пережить его вновь? Каждый. Язычество недаром многобожье. Каждый, вкушая земное яблочко, становится богом. Но рассеченное тело — это наслаждение-борьба, это Троянская война. И хитрый, миролюбивый античный человек находит третий путь — путь влюбленных сатиров. Вот запись: «Один жаждет коснуться груди юноши, другой обнять за шею, третий желает сорвать поцелуй. Они усыпают его цветами и поклоняются ему, словно кумиру».

В язычестве свобода выбора. Хочешь самое сладкое яблочко, получай взамен самую быструю погибель. Принцип язычества прост: никого нельзя заставить жить, разве что сумасшедших. Но христианская мораль заставляет жить. У нее свое понимание бытия. Она знает, в противовес язычникам, что человек не

волен распоряжаться чужим, а жизнь каждого человека — это чужое, ибо не им она создана. Самоубийство христианская мораль приравнивает к воровству. Да и такая ли уж большая разница между сумасшедшим и неразумным? Разум — это продукт духовного труда. Многие ли на него способны? Духовный труд — это долгое молчание, это вызревание. Многие ли способны молчать? Нет, массовый человек разговорчив. Он требует опеки, требует морали, требует семьи с крепкими решетками на окнах. Дохристианская семья была единицей рода, христианская семья стала идейной единицей... Но где же выход? Особенно сегодня, когда современные сатиры забросили свои флейты и стали психиатрами?»

Человек перестал писать и посмотрел в окно. Рассветало, и рассвет этот показался утомленным глазам Человека истинно языческим. Небо было того цвета, которого достигали варвары, когда они лили пурпурные краски на раскаленную медь. Именно такое расцветное небо было над горной языческой деревней, где жил красивый юноша-христианин, пастух. Небо четвертого века после Рождества Христова.

Человек начал листать книгу, пытаясь найти легенду о нем, но не мог. Где он прочел эту легенду? От кого он слышал? Или видел во сне? О зеленой стебель легенды! Кто назвал тебя так? Где же, где же я видел это сочное растение? Может, в нем ответ, который мучает меня?

Человек пошел на кухню и открыл кран. Журчала, текла вода, заглушая остальные звуки. Человек еще слышал свое дыхание, но река уже неслась, необыкновенно прозрачная и приятная на вкус. Человек напился с наслаждением, но тут же стало холодно. Пресная вода всегда холоднее морской, и нравы людей морского побережья не так суровы. Здесь же, в горной языческой деревне, зима. Река несла на себе льдины, будто куски белого мрамора. Глубокий снег завалил

дороги, и поселяне заперлись в домах. Одни пряли лен и козью шерсть, другие мастерили птичьи силки. Лишь за тем выходили, чтоб в ясли мякины быкам подложить, в стойла козам и овцам веток, свиньям желудей. А виноградники и смоковницы были надежно укрыты от холода и ветра соломой.

Но за селом, в скале, была пещера и иней покрывал камни. Тлела лампадка, крошечный огонек, который не согревал, а лишь позволял читать и писать. Здесь жил христианский отшельник, который писал против язычников и которого не убили еще только потому, что над ним смеялись и потешались жители деревни, называя его невымытым аскетом. Дети деревни показывали голые задницы, когда он шел к ключу за водой, он же в ответ грозил неверным чумой и концом света, тыча сухой палец в святой свиток. Ночи отшельник проводил на твердом ложе из неструганных досок, один, в писаниях и борьбе с собственным желудком, который требовал пищи. Отшельник ненавидел свой желудок. Он знал, с какой радостью тот переваривал бы жирную баранину и сладкие смоквы. Он ненавидел свое тело, которое готово было молиться Пану, готово было плясать в общем хороводе с нимфами. Однажды он увидел на камне высеченный в давние времена рисунок. Нимфы плясали. Ноги босые, руки нагие, кудри вились по плечам, пояс на бедрах, в глазах улыбка... Так ли все было изображено или картину дополнило воображение. Всю ночь просидел он тогда, вцепившись нестриженными, длинными, как у зверя, ногтями в свои свалывшиеся всклокоченные волосы на голове. Борода же была жестка, и из нее можно было свить морской канат.

Но сегодня в пещере не один был отшельник. Ученик его был с ним. Сиротой взял отшельник мальчика, воспитал его, окрестил, научил святым молитвам. Всею душой полюбил мальчик Бога и Сына Божия. Но он был красив и когда подрос, то полюбил также

и красоту свою телесную до того, что захотел стать еще красивее, чем был. Он проводил часто время, любуясь своим отражением, и выщипывал даже волосы на груди своей, чтоб кожа была чистой и гладкой. И срезал раскаленным ножом бородавку с левой ягодицы своей, ибо многие женщины и девушки села искали с ним связи, он же боялся, что руки женщины в страсти найдут бородавку. Тогда впервые после долгой разлуки увидел отшельник ученика своего, который пришел просить зелья для примочек, ибо рана на ягодице не заживала. И хоть отшельник давно прогнал и проклял его, как отступника, он все же дал ему зелья. Он взял мальчика сиротой, воспитал его, это было его неразумное дитя, которое он любил и о котором позволял себе иногда думать с нежностью. И вот сегодня ночью он опять пришел и принес с собой горсть горячих углей, чтоб согреть жилище. Отшельник позволил это себе, и они сидели среди пара от стаявшего с камней инея. Он принес с собой и еду. Конечно, не мясо, не рыбу, не дичь, с которыми отшельник не пустил бы его в пещеру. Немного сушеных смокв, печеного хлеба, молодого вина.

— Улыбнись, отец, — сказал ученик, ибо по-прежнему звал отшельника отцом, — перестань сердиться, пусть твои глаза опять подарят радость.

Они помолились перед едой, и отшельник видел, что ученик молится так же сердечно.

Ученик был деревенским пастухом и хорошо исполнял свое дело, потому его терпели в деревне, хоть он был христианин. Сильно помогало также заступничество богатых женщин. Особенно Ариадны, жены старосты деревни. Но мужчины ненавидели его и искали повода, чтобы погубить.

— У меня на спине много забот, — сказал отшельник, когда они поели, — зачем пришел ты, объясни. Ибо я знаю, что ты приходишь лишь за надобностью.

— Правда, отец, — ответил пастух, — скоро весна. Надо будет угонять овец в горы, на луга. Научи меня молитве, чтоб все девушки и молодые женщины деревни превратились в овец и я угнал их вместе со стадом так далеко, в такое место, где никто не найдет нас. Ибо я люблю их всех, и хочу их всех, и буду пасти их всех.

И отшельник, поевший досыта сушеных смокв, согретый горячим углем, размякший от созерцания неразумного дитя своего и возбужденный коварным демоном, дал такую молитву.

Вот наступает весна, все цветы расцвели, в воздухе жужжание пчел, пение птиц, барашки скачут по траве. И помолился пастух молитвой, взятой у отшельника. Но не Бог, а диавол был хозяином той молитвы. За грехи отдан был христианин-пастух в руки диаволу. И было ему знамение, что молитва принята. Все жилище осветилось блеском и сиянием, точно внесли факел. И упал пастух навзничь, дрожа от радости, содрогаюсь от наслаждения, ибо страдал он болезнью Геркулеса, как в древности именовалась эпилепсия.

На рассвете в тишине, как в гробу, спало село. Погнал пастух в горы стадо, сторонясь людных мест. А женщины и девушки, обращенные в овец, шли отдельной кучкой, так как другие овцы не принимали их, чувствуя чужаков, и били их. Потому женщины и девушки, обращенные в овец, старались держаться возле пастуха, который защищал их своим посохом. Ближе всех к пастуху, у ног его, шла большая красивая белая овца. То была Ариадна, жена старосты, богатая и страстная любовница пастуха. А далее всех шла маленькая рыжеватая овечка, которую оттерли другие овцы. Имя ее было Деметра, и у нее был жених, солдат, которого она ждала из похода. Но пастух соблазнил ее своей красотой и, проведя с ней две ночи, забыл ради новых наслаждений. Однако Деметра не

забыла его. Юная и нежная, она смотрела на юношу своими зелено-золотистыми овечьими глазами и радовалась его красоте и ловкости. А пастух был действительно весьма умелый и знал все тайны своей профессии. Как нужно пасти до полудня и как стадо снова выгонять, когда спадет жара, когда к водопою водить, как обратно в загон отводить, когда посох в ход пускать, а когда лишь прикрикнуть. И местность дальнюю, мало кому известную, выбрал он умело. Вблизи пещеры бил ключ, образуя ручей. Перед пещерой был свежий луг, и на нем влажная, густая, вкусная трава. Здесь они паслись, здесь они жили, и здесь пастух гладил густую мягкую шерсть обращенных женщин, скотоложествуя. Иногда же он любовался и собственным телом, ласкал его, сидя у ручья, где плавало отражение, и, подобно юноше-красавцу Нарциссу, влюблялся в себя все более. Ему было хорошо, но время шло, и овцы, в том числе женщины, обращенные в овец, тосковали по дому и ждали освобождения. Только Ариадна не ждала и Деметра не ждала. Когда пастух позволял Деметре, она нежно терлась рыжей шерстью о его бедра и язычком касалась лица.

Между тем их искали родители женщин, мужа, женихи и прочие владельцы украденного скота. Долго искали, пока не нашли в момент, когда пьяный от любви пастух наслаждался с Ариадной, белой овцой.

Ариадна прежде, будучи женщиной и обладая острым умом, часто беседовала с любовником о христианстве и видела, как он молится своему Богу из Галилеи.

— Правда ли, — спрашивала она, — что христиане употребляют в пищу людскую кровь, особенно кровь нехристианских младенцев?

А пастух объяснял ей, что это язычники возводят на христиан кровавый навет, пользуясь тем, что Христос сказал: вино — кровь Моя, хлеб — плоть Моя... Ешьте плоть Мою и пейте кровь Мою...

И Ариадна слушала, все более соглашаясь с учением Галилеян. Пастух надеялся, что со временем она станет христианкой и вовлечет в христианство своего мужа, старосту. Ибо обращение главного врага было бы победой над языческой деревней.

Но вот схватили пастуха язычники, владельцы скота, мужья и женихи. Самые нетерпеливые, ревнивые и обиженные хотели его тут же растерзать, другие предлагали отвести его в театр языческого города, где он был бы разорван на части обезьянами или лисицами на глазах у всего народа. Однако муж Ариадны, староста деревни, сам изнывая от ненависти и ревности, тем не менее сказал:

— Пусть этот вор-христианин публично признается, что в коварном учении Галилеян нет ничего божественного, а есть лишь злобный людской вымысел... Тогда, может быть, мы накажем его не до смерти.

Но пастух ответил:

— Пусть святой отец — отшельник, над которым вы потешаетесь, прочтет вам сладкозвучный Псалтырь, пусть прочтет он вам сверкающие сапфирами песни из Исайи, и вы поймете, что истина там, где красота духа, а не красота тела... Мой же грех телесен, и не вами, а телом я удушен...

Последние слова он говорил уже с трудом, ибо сплетенная из гибких ветвей веревка-удавка перетягивала жилы на его шее. Он был еще жив, когда подожгли на нем одежду. Он еще не совсем умер, когда отсекли ему руки и ноги. И едва он умер, как все обращенные в овец женщины вновь обрели свой прежний облик. Все, кроме Деметры, которая предпочла лучше остаться беззащитной овцой, чем принадлежать другому мужчине. А Ариадна выпросила себе тело растерзанного пастуха, которое хотели бросить в ров, чтобы никто даже не помнил о его гибели. Муж-староста, безумно любящий свою красавицу-жену, не

смел ее послушаться. Она положила тело в кипящее вино и в последний раз помолилась своим языческим богам, чтобы несчастный грешник был принят в рай. Ночью она погрузила тело на мула, отвезла его на тот дальний луг у пещеры и похоронила по-христиански. Сама же ушла в долину и вскоре стала одной из самых ярких проповедниц христианства и беспощадных гонительниц язычников. Вместе с другими победителями язычества она разоряла, предавала огню их деревни и оскверняла их храмы, разбивая мраморные статуи богов-идолов.

Деметра же, оставшись рыжей овечкой, начала жить одна у могилы пастуха. Часто теплой мордочкой своей прижималась она к ней и мягким язычком вылизывала ее, как ягненка своего. Любое насилие было властно над ней, нож ли бродяги, клыки ли волка или просто насилие безразличной природы, холодного дождя и ледяного ветра, ибо время шло к осени. Когда минет зима и сойдет снег, который в этой местности бывает так же глубок, как скифские снега, когда солнце опять станет теплым и прогреет воздух, найдет ли случайный путник нечистый, поедаемый птицами труп овцы или чистый, обглоданный еще с осени скелет ее? Что защитит, что спасет беззащитную невинность? Ничто, кроме зеленого стебля легенды.

Император язычников Юлиан в своем слове против христиан пишет: «Оно (христианство) сумело воздействовать на неразумную часть нашей души, поребически любящей сказки, и внушило ей, что эти небылицы и есть истина».

Заржавела и рассыпалась в прах булатная сталь — этот символ истинной реальности, растаяли, как галлюцинации, всемирные империи, а зеленое растение, выросшее из зерна, брошенного в сухую палестинскую землю, выстояло, объединяя тех, кто жил, тех, кто живет, и тех, кто будет жить. Люди булатной стали, люди реальностей — император Юлиан, царь

Иван Грозный, вождь Сталин для ныне живущих не более, чем символы. Они не реальней галлюцинаций. Но живы вековые, ослепшие от старости патриархи, живы побитые камнями пророки, жив распятый Галилеянин. Все они реальные современники еще не родившихся поколений. Жив, плодоносен и языческий миф, телесный миф эллинов, над которым так же насмеяется Юлиан, отдавая, однако, ему предпочтение. Отчего же? Оттого что Единобожие, явление человеку Бога незримого, впервые превратило миф в учение, адресовав его не телу, но душе. Где же сердцевина этого учения, что делает его столь прочным? Самоотверженность желчного отшельника — схоласта, распятого язычниками вблизи пещеры своей и помертвевшими губами повторяющего гимн в честь Сына Божия и проклятия в адрес Его врагов? Или телесная стихия грешника-пастуха, обузданная лишь петлей на шее и последние судороги жизни тратящая не на спасение тела, а на спасение души, на раскаяние и славу Господу? Или ярость новообращенных, вливших в христианское учение старую языческую кровь, кровь Зевса, сочетавшегося со своей матерью, и Крона, проглотившего своих детей? В день святой Пасхи с пением «аллилуя» Ариадна с другими обращенными строили новую обитель. Они ниспровергли античную статую Аполлона, молотами разбили алтарь, чтоб на месте святилища Аполлона возвести часовню. Все это было, и без этого не понять ни дикости прошлого, ни беспамятства настоящего. Однако вечная зелень старой легенды, ставшей учением, была бы невозможна без кротких золотистых глаз рыжей овечки у могилы любимого, ибо истинная любовь — чувство не краткое и изменчивое, как жизнь, а вечное и крепкое, как смерть.

Человек все это увидел и услышал, и все было рядом, его можно было бы коснуться рукой, но оно было отделено прочной стеклянной стеной, стеклом,

которое замечаешь, только ударившись об него. Не от подобного ли удара Человек очнулся?

Творения больного мозга, наподобие ласточкиного гнезда, строятся из комочков земли-реальности, где-то прежде увиденной, услышанной или прочитанной, и выделений собственного организма, в момент творчества их склеивающих в причудливые, но живые картины. Эти картины исчезают, как возникли, мгновенно, иногда с третьим криком петуха, иногда с урчанием автомобильного мотора и шарканьем метлы, убирающей осенние листья.

Человек остановил поток воды, льющейся из крана, и посмотрел в окно. Горела обычная московская утренняя заря. Все исчезло, но золотистые глаза рыжей овечки остались по эту сторону стекла, разделяющего четвертый и двадцатый век, как крупницы золота после того, как промыта и отброшена в отвал горная порода бытия. И Человек бережно завернул эти золотистые овечьи глаза в тряпочку, которую спрятал у себя на груди.

(Окончание следует)

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

«НЕ ВИЖУ, НЕ СЛЫШУ, ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ»

Не вижу неба в всплесках реактивных,
не вижу дымом застланного дня,
не вижу смерти в падающих ливнях
и матерей, что плачут у плетня.

Не слышу, как топочет солдатня.
Гремят гробы, шевелятся отцы в них.
Не слышу, как в рыданьях безотзывных
трепещет мир и гибнет от огня.

Знать не хочу ни ярости, ни злобы.
Знать не хочу, что есть шуты и снобы,
что боги врут в руках у палача...

Дремлю в хмелю. Историю листаю.
Не вижу я, не слышу я, не знаю,
что до конца осталось полчаса.

* * *

Сними с меня усталость, мать Смерть.
Я не прошу награды за работу,
но ниспошли остуду и дремоту
на мое тело, длинное как жердь.

Стихи печатаются без ведома автора.

Я так устал. Мне стало все равно.
Ко мне всего на три часа из суток
приходит сон, томителен и чуток,
и в сон желанье смерти вселено.

Мне книгу зла читать неумогу,
а книга блага — вся перелисталась.
О мать Смерть, сними с меня усталость,
покрой рядом худую наготу.

На лоб и грудь дохни своим ледком,
дай отдохнуть, светло и беспробудно.
Я так устал. Мне сроду было трудно,
что всем другим привычно и легко.

Я верил в дух, неистов и упрям,
я Бога звал, а видел ад воочью.
И бьется тело в судорогах ночью,
и кровь из носу хлещет по утрам.

Одним стихам вовек не потускнеть.
Да сколько их останется, однако...
Я так устал. Как раб или собака.
Сними с меня усталость, мать Смерть.

* * *

Аркадию и Тамаре

Из глаз — ни слезинки, из горла — ни звука.
Когтями на душу собака-разлука.

И пала дорога, последняя в мире,
бессрочней острога, бескрайней Сибири.

Уже не помогут ни рощи, ни реки,
чтоб нам не расстаться на вечные веки.

За дебри и зори уходит дорога,
страшнее любого тюремного срока.

Заплачет душа по зеленому шуму,
но поздно уже передумывать думу.

Мы вызубрим ад до последнего круга,
уже никогда не увидев друг друга.

Из дома и сердца уводит дорога.
Одна остается надежда на Бога.

Прощайте ж навеки и знайте, уехав,
что даже не Пушкин, тем паче не Чехов,

не споры ночные, не дали речные,
не свет и не память — ничто не Россия.

Забудьте на воле наш холод холуйский,
но лучшее в доле зовите по-русски.

Себе во спасенье и нам во спасенье
храните России заветное семя.

Тряхните над миром сумой переметной:
авось разрастется росток перелетный.

Не снежная замять, не зовы лесные —
России не занять, вы сами — Россия.

Запомните это для горестных буден,
да нас не забудьте, как мы не забудем.

Храните звучанье, ищите значенье.
А все остальное — мираж и мученье.

Крутое решенье, крошечная мука,
чтоб сердце до крови изгрызла разлука.

Несите до гроба свою беззащитность —
Свободу, которой никто не лишит нас.

Вы — сами Россия, вы — семя России.
Да светят вам в горе веселья простые.

ВЕНОК НА МОГИЛУ ХУДОЖНИКА

Хоть жизнь человечья, и вправду, пустяк,
но, даже и чудом не тронув,
Чюрленис и Врубель у всех на устах,
а где же художник Филонов?

Над черным провалом летел, как Дедал,
питался, как птица Господня,
а как он работал и что он видал,
никто не расскажет сегодня.

В бездомную дудку дудил, как Дедал,
аж зубы стучали с мороза,
и полдень померкнул, и свет одичал,
и стала шиповником роза.

О, сможет сказать ли, кому и про что
тех снов размалеванный парус?
Наполнилось время тоской и враждой,
и вечность на клочья распалась.

На сердце мучительно, тупо, нищо,
на свете пустынно и плохо.
Кустодиев, Нестеров, кто там еще —
какая былая эпоха!

Ничей не наставник, ничей не вассал,
насытившись корочкой хлеба,
он русскую смуту по-русски писал
и веровал в русское небо.

Он с голоду тонок, а судьи толсты,
и так тяжела его зрячесть,
что насмерть сыреют хмельные холсты,
от глаз сопричастников прячась.

А воля — не сахар, а слава — не мед,
и, солью до глаз ополоскан,
кто мог бы пойти под один переплет
с Платоновым и Заболоцким.

Он умер в блокаду — и нету его,
он был и при жизни бесплотен.
Никто не расскажет о нем ничего,
и друг не узнает полотен...

Я вою в потемках, как пес на луну,
зову над зарытой могилой...
Помилуй, о Боже, родную страну,
Россию спаси и помилуй.

* * *

Деревья бедные, зимою черно-голой
что снится вам на городском асфальте?
Сквозь сон услышите добрые глаголы,
моим ночам свою беду оставьте.

Взмахнув ветвями, сделайте крылаты,
летите в Крым, где хорошо и южно,
где, только жаль, что не с моей зарплаты,
а то и нам погреться было б нужно.

Морозы русские, вы злее, чем монголы,
корней не рушьте, сквозь кору не жальте...
Что может сниться вам зимою черно-голой,
деревья бедные, на городском асфальте?

ПУТЕШЕСТВИЕ К ГОГОЛЮ

I

Как утешительно тиха
и как улыбчиво лукава
в лугов зеленые меха
лицом склоненная Полтава.

Как одеяния чисты,
как ясен свет, как звон негулок,
как все — для медленных прогулок,
а не для бешеной езды.

Здесь Божья слава сердцу зрима,
я с ветром вею, с Ворсклой льюсь.
Отсюда Гоголь видел Русь,
а уж потом смотрел из Рима.

Хоть в пеньи радужных керамик,
в раю лошадок и цветов
остаться сердцем не готов
у старых лип усталый странник,

но так нежна сия земля
и так добра сия десница,

что мне до смерти будут сниться
Полтава, полдень, тополя.

Край небылиц, чей так целебен
спасенный чудом от обнов
реки, деревьев и домов
под солнцем льющийся молебен.

Здесь сердце Гоголем полно
и вслед за ним летит по склонам,
где желтым, розовым, зеленым
шуршит волшебное панно.

Для слуха рай и рай для глаза,
откуда наш провинциал,
напрягшись, вовремя попал
на праздник русского рассказа.

Не впрок пойдет ему отъезд
из вольнопесенных раздолий:
сперва — венец и capitoлий,
а там — безумие и крест.

Печаль полуночной чеканки
коснется дикого чела,
одна утеха — «Вечера
на хуторе возле Диканьки».

Немилый край, недобрый час,
на людях рожи нелюдские,
и Пушкин молвит, омрачась:
«О Боже, как грустна Россия...»

Пора укладывать багаж.
Трубит и скачет Медный всадник
по душу барда. А пока ж
он — пасечник и солнце в садик.

И я там был, и я там пил
меда, текущие по хвое,
где об утраченном покое
поет украинский ампир.

II

А вдали от Полтавы, весельем забыт,
где ночные деревья угрюмы и шатки,
бедный-бедный андреевский-Гоголь сидит
на собачьей площадке.

Я за душу его всей душой помолюсь
под плакучей листвой тополей и шелковиц,
но зовет его вечно Великая Русь
от родимых околиц.

И зачем он на вечные веки ушел
за жестокой звездой окаянной дорогой
из веселых и тихих черешневых сел,
с Украины далекой?

В гефсиманскую ночь не моли, не проси:
«Да минует меня эта жгучая чара».
Никакие края не дарили Руси
драгоценнее дара.

То в единственный раз через тысячу лет
на серебряных крыльях ночных вдохновений
в злую высь воспарил — не писательский, нет —
мифотворческий гений.

Каждый раз мы приходим к нему на поклон,
как приедем в столицу великой державы,
где он сиднем сидит и пугает ворон
далеко от Полтавы.

Опаленному болью ему одному
не обидно ль, не холодно ль, не одиноко ль?
Я, как ласточку, сердце его подниму.
— Вы послушайте, Гоголь.

У любимой в ладонях из Ворсклы вода.
Улыбнитесь, попейте хоть малую малость.
Мы оттуда, где, ветрена и молода,
Ваша речь начиналась.

Вон Италию видно, и Волга видна,
и гремит наша тройка по утренней рани.
Кони жаркие ржут. Плачет мать. И струна
зазвенела в тумане... —

Он ни слова в ответ, не жилец, не мертвец.
Только тень наклонилась, горька и горбата,
будто с милой Диканьки повеял чебрец
и дошло до Арбата.

За овитое терньями сердце волхва,
за тоску, от которой вас Боже избави,
до полынной земли, Петербург и Москва,
поклонитесь Полтаве.

СТИХИ О РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Ни с врагом, ни с другом не лукавлю.
Давний путь мой темен и грозов.
Я прошел по дереву и камню
повидавших виды городов.

Я дышал историей России.
Все листы в крови — куда ни глянь.
Грозный царь на кровли городские
простирает бешеную длань.

Клича смерть, опричники несутся.
Ветер крутит пыль и мечет прах.
Робкий свет пророков и безумцев
тихо каплет с виселиц и плах...

Но, когда закручивался узел
и когда запенивался шквал,
Александр Сергеевич не трусил,
Николай Васильевич не лгал.

Меря жизнь гармонией небесной,
отрешась от лживой правоты,
не тужили бражники над бездной,
что не в срок их жизни прожиты.

Не для славы жили, не для риска,
вольной правдой души утоля...
Тяжело словесности российской!
Хороши ее учителя.

ЕСЕНИНУ

Ты нам во славу и в позор,
Сергей Есенин.
Не по добру твой грустен взор
в пиру осеннем.

Ты подменил простор земной
родной халупой.
Не то беда, что ты хмельной,
а то, что — глупый.

Ты, как слепой, смотрел на свет
и не со зла ведь,
хотел бы славить, что не след
поэту славить.

И, всем заветам вопреки,
как соль на раны,
ты нес беду не в кабаки,
а в рестораны.

Смотря с тоскою на фиал:
еще б налили —
с какой ты швалью пропивал
ключи Марии.

За стол посаженный плебей —
и ноги на стол, —
и баб-то ты любил слабей,
чем славой хвастал.

Что слаще лбу, что солоней —
венец ли, плаха ль?
О ресторанный соловей,
вселенский хахаль!

Ты буйством сердца полыхал,
а не мечтами,
для тех, кто сроду не слышал
о Мандельштаме.

Но был по времени высок,
и я — не Каин,
в твой позолоченный висок
не шваркну камень.

Хоть был и неуч, и позер,
сильней, чем ценим, —
ты нам во славу и в позор,
Сергей Есенин.

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

А. Вернику

Во имя доброты — и больше ни во чье,
во имя добрых тайн и царственного лада, —
а больше ничего Поэзии не надо,
а впрочем, пусть о том печется дурачье.

У прозы есть предел. Не глух я и не слеп
и чту ее раскат и заревую залежь,
но лишь одной Душе — Поэзия одна лишь,
и лишь ее дары — всего насущный хлеб.

Дерзаешь ли целить гражданственный недуг,
поёшь ли хрупких зорь престольные капризы
в текучем храме рек, — все это только ризы,
и горе, если в них не веет горний Дух.

Как выбрать мед из сатанинских сот
и ярость правоты из кротости Сократа,
разговорить звезду и на ладошку брата
свести ее озноб с михайловских высот?

Когда, и для чего, и кем в нас заронен
дух внемлющей любви, дух стройности певучей?
Вся Африка — лишь сад возвышенных созвучий,
где рук не сводят с арф Давид и Соломон.

Прислушайся ж, мой брат, к сокрытой глубине,
пойми ее напев и облеку в глаголы.
Есть в мире мастера, течения и школы,
и все ж в них меньше чар, чем в хлебе и в вине.

На ветрище времен обтреплется наряд,
и, если суть бедна, куда мы срам свой денем?
Не жалуйся на жизнь: вся боль ее и темень —
ничто в сравненьи с тем, что Музы нам дарят.

Когда ж из бездны зол взойдет твой жданный час,
из скудости и лжи, негадан и неведом,
да возлетит твой стих, светясь глубинным светом,
и не прельстится ум соблазном выкрутас.

Прозаик волен жить меж страхов и сует,
кумекать о добре и в рот смотреть кумиру, —
а нам любовь и гнев настраивают лиру,
всяк день казним Исус. И брат Ему — Поэт.

Лишь избранных кресту Поэзия поит,
так скорби не унизь до стона попрошаек
и, если мнишь, что ты беднее, чем прозаик,
отважься перечесть Тарасов «Заповіт».

Роман Редлих

Предатель

Роман из жизни молодого человека, ищущего себя в первые годы сталинских пятилеток, его столкновения с советской системой в лагерях, в военные годы, в РОА (Русской Освободительной Армии), в немецкой форме — с немцами и против немцев.

Яркими красками написанная панорама событий, охватывающих полтора десятка трагических лет нашей истории.

Больш. форм., мяг. обл. 263 с. 24 н. м.

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M.-80

СОБАЧЬЕ ДЕЛО

Маленькая повесть

Нашим друзьям с приветом

15 января 1979 года младший проходчик Львовской железной дороги Иван Недбайло осматривал пути на участке Чоп — Западная граница СССР. Не доходя до столба с цифрой 28, проходчик обнаружил на рельсах труп собаки и немедленно вызвал милицию.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что собака умерла своей смертью, так как знаков насилия на ее теле обнаружено не было. Произвели немедленное вскрытие, которое подтвердило мнение экспертов. Собака скончалась от разрыва сердечной мышцы, что в ее возрасте было не удивительно. Затем приступили к опознанию личности пострадавшей. При собаке были найдены следующие документы: справка о прохождении прививок и виза на выезд на постоянное жительство в государство Израиль. Фотография на визе доказывала принадлежность документа данной особе. Звали собаку Белка, было ей четырнадцать лет от роду.

Когда младший проходчик Львовской железной дороги Иван Недбайло увидел документы собаки, он освободил рот от переполнявшей его слюны и философски заметил: «Собаке — собачья смерть!», выразив тем самым свое всенародное возмущение. Представители власти не возражали.

На следующий день под заголовком «Собаке — собачья смерть!» в местной газете была опубликована статья какого-то Шмелиха. В ней говорилось следующее: «Собака — друг человека. Но люди, как известно,

бывают разные. Можно быть другом хорошего советского человека, а можно...

Белка была простой необразованной необученной собакой сомнительного происхождения. С юных лет она попала под теплое крыло государства. Здесь, под родным советским социалистическим забором, она родилась, научилась лаять по-собачьи, становиться на задние лапы и даже крутить хвостом.

Но под влиянием сионистской пропаганды Белка окончательно потеряла нюх и забыла, кому служит. И вот особа, для которой в нашей стране всегда находилась кость, плюет в колодец, из которого пила сама и из которого пьет вся многонациональная семья советских народов, и отъезжает в пресловутое государство Израиль.

Мы, конечно, понимаем, зачем господам сионистам понадобились Белка и ей подобные. Собаки в стране обетованной нужны для того, чтобы из них делать мыло, которым по утрам умываются пышнотелые развратные жены господ сионистов. Но у господ не вышло! Обманутая собака подохла по дороге, и белые жены останутся грязными!

Собаку Белку не жалко. Она достойна такой участи. А некоторым гражданам еврейской национальности следует подумать и сделать из этой истории соответствующие выводы».

На следующий день весь город читал и обсуждал статью товарища Шмелиха. Но через день страсти улеглись. Газета со статьей, обведенной красным карандашом, уже не лежала на самом видном месте, а переместилась подальше на шкаф. Читали ее только в поездах, куда почта приходит на день позже. А через несколько дней, когда газеты на последнем этапе своей жизни были подвергнуты в каждом доме мучительной казни: разрезаны ножом на восемь частей и повешены на большой ржавый гвоздь на стене (не говоря уже обо всем остальном), о бедной собачке уже ни-

кто не вспоминал. Да и газеты той вы сейчас нигде не найдете, разве что в какой-нибудь парикмахерской при бане, где для клиентов сохраняются старые подшивки, в которых еще можно увидеть Никиту Сергеевича в кукурузе. Так и забыли бы все о бедной собачке, умершей от инфаркта на полотне железной дороги, если бы не...

* * *

В небольшой комнате за массивным столом сидел человек. В комнате, несмотря на то, что окна были раскрыты, стояла духота. Человек выглядел усталым. Он сидел, подперев большую голову руками, и тупо смотрел на чернильный прибор в виде трех ветряных мельниц и Дон-Кихота на коне с копьем.

Справа стоял книжный шкаф, в котором в беспорядке были свалены картонные папки с веревочными завязками. На папках были аккуратные наклейки с надписями: 1222 год, 537 год, 12 год, 1954 год и т. д. Слева от конторского стола на стене висел умывальник, а рядом два полотенца на крючке, расшитые петухами. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать об этом рабочем кабинете. Да, еще одна деталь! За спиной у человека выделялся яркий прямоугольник на фоне выцветшей стены. Видимо, когда-то здесь был чей-то портрет, потом портрет сняли, а стены с тех пор не красили. Еще была дверь, обитая дерматином. Как раз в нее сейчас и постучали. Человек оторвал взгляд от ветряных мельниц и устало посмотрел на дверь.

— Войдите!

В кабинет вошел элегантный молодой человек. В руках он держал большую красную папку, на которой золотыми буквами было выведено: «К докладу».

— А, наш новый молодой сотрудник! Что там у вас?

— Отчет за сегодняшний день.

— Да-а, — протянул усталый человек — будем называть его условно начальник — и вытащил пачку кубинских сигарет.

— Курите, — предложил начальник.

— Спасибо, не курю.

— Это хорошо, — сказал начальник. — А я вот курю. И пью, кстати, тоже. Ладно, начнем.

Молодой сотрудник раскрыл свою папку и начал медленно читать:

— Погода сегодня была местами солнечная, жаркая, до 50 градусов Цельсия, безветренная, иногда с дождями. Наблюдались тайфуны, ураганы и даже два смерча. Кое-где температура воздуха падала до нуля, а в иных районах и до минус 30 градусов Цельсия.

— Нормально. Поехали дальше.

— В местах, где наблюдалось скопление облачности, выпадали осадки в виде дождя, снега и града. Прошли четыре весенние грозы и выпал первый снег.

— Понятно.

— Солнечных затмений не было, — монотонно продолжал молодой сотрудник, — вспышек на солнце не наблюдалось. Приливы и отливы в пределах нормы. Мировой океан поднялся на один миллиметр. Состоялось одно небольшое землетрясение без жертв и разрушений. 256 человек отделались легким испугом.

— Допустим, только испуг из отчета уберите. Звучит несолидно. Это все?

— Планировали еще одно наводнение, но с ним я не уложился, не успел. Может, перенесем его на завтра? — молодой сотрудник посмотрел на начальника.

— Можно, — согласился тот, отогнул листок календаря и что-то пометил себе на следующем листке.

— Теперь давайте расход-приход.

— Родилось 2 миллиона 800 тысяч 212 человек. Умерло 1 миллион 912 тысяч 126 человек. Из них 71% — от болезней, 12% — на полях сражений, 12% — в

авто и авиакатастрофах, 4% — от рук палачей и бандитов, 1% — самоубийцы и утопленники.

Молодой человек замешкался.

— У вас есть что-то еще?

— Да нет, так... мелочи.

Начальник настороженно поднял голову.

— Какие еще мелочи?

— Ничего важного, чепуха какая-то. Собака сдохла на дороге.

— Молодой человек, — начальник встал. — Вы здесь недавно и еще не знаете, что чепухи в нашем деле не бывает. От чего подохла собака?

— Просто от инфаркта.

— Вот видите, молодой человек, я так и думал, что это не чепуха, — начальник взволнованно заходил по комнате. — Найдите в этих папках за всю историю людей хоть одну собаку, умершую, как человек, от инфаркта.

Он сделал паузу, как будто и впрямь предлагал молодому сотруднику зарыться в ежедневные отчеты за все пятьдесят столетий мировой истории, а потом махнул рукой.

— И не ищите, все равно не найдете. Вот вам и первое задание: разберитесь с этим делом. И докладывайте о ходе расследования. Надо каждую минуту все держать под контролем: а то у нас скоро собаки будут оперу слушать, а люди на клумбах понимаешь ли, — и он сделал пальцами такой жест, что молодой сотрудник покраснел. — Вот так. А теперь идите.

— А как с наводнением? Я же опять не успею.

Начальник отмахнулся:

— Чёрт с ним, с наводнением. Одним больше, одним меньше — какая разница?

Молодой сотрудник шел по улице Волгоградской. Справа и слева от него стояли одноэтажные и двухэтажные дома, построенные еще в начале века. Улица была вымощена булыжником.

Молодой сотрудник сверился с записной книжкой, где был записан адрес, и вошел в один из дворов. Двор этот напоминал многоугольник странной формы: углы его расходились в разные стороны, заворачивались один за другой, образуя целый лабиринт закоулков, в которых всегда было сыро и темно. По внутренней стороне двора точно так же извивался деревянный балкон, между перилами которого протянулись веревки с бельем. С белья все время капало, и потому даже в самую жаркую безоблачную погоду во дворе шел дождик.

Эти дворы, конечно, знали другие времена. Еще лет пятнадцать-двадцать назад двор насилывала орава неумытых детей, которые играли в свои бешеные игры. Тут же сидели их мамы и комментировали события во дворе, на улице и во всем мире. Неожиданно какая-то тетя Блюма подымала свое необъятное тело с маленького детского стульчика и кричала так, что через три квартала на улице имени французского писателя Анри Барбюса умирающий от запоя дворник Гриша вздрагивал и обводил родственников просветленными глазами. «Моня! — кричала тетя Блюма. — Сейчас же иди домой кушать бутерброд с хлебом с маслом с рыбой!» На этот призыв отзывался весь двор. Кроме Мони.

Соседка Блюмы, чтобы не дай Бог не подумали, что она что-то жалеет для своего ребенка, кричала не менее громко: «Ида, иди кушать суп с клецками и пирожки с легкими с луком и с вишнями!» Дальше другие мамы подхватывали брошенный Блюмой клич и звали своих Зюнь, Додиков, Циль, Изиков, Ньюм.

Теперь двор опустел. Изик сидит в тюрьме под Гомелем за изнасилование. Его лучший друг Ньюма стал раввином-реформатором в штате Аризона. Додик уже купил себе небольшую бейсбольную команду в канадском городе Виннипеге. Циля, которая умудрилась в этом дворе до семнадцати лет не знать, зачем папа спит с мамой в одной постели, в восемнадцать лет уже выступила в роли женского полового органа в авангардистском шоу на Бродвее. Зюня преподает исторический материализм в Каменец-Подольском агрономическом техникуме и читает по радио лекции из цикла: «Сионизм — прыщ на теле народов».

Молодой сотрудник вышел на середину двора и огляделся по сторонам. У ворот на скамеечке сидела старуха. Она была очень старая. Она была такая старая, что если не всю, то, по крайней мере, вторую половину жизни еврейского народа можно было прочитать в ее морщинах. Казалось, она не видит, не слышит, не чувствует запахи, и ничто в этой жизни ее уже не интересует. Единственное, что ей осталось, это равномерные вдохи и выдохи и слабые удары усталого сердца. На цыпочках, как мимо хрупкого музейного экспоната, прошел молодой сотрудник около старухи.

— Что вам нужно? — спросила вдруг старуха неожиданно резким голосом, и один глаз ее открылся и заблестел.

— Понимаете, — молодой человек подошел к старухе и стал говорить ей прямо в ухо, — здесь жила собака-дворняжка...

— Не кричите, молодой человек, я все прекрасно слышу. И вижу. И знаю. Что вы хотите знать? Что вас интересует?

— Все, все меня интересует об этой собаке. Что с ней случилось, причины ее необыкновенного поведения и смерти.

— Ой, молодой человек! — старуха схватила руками за голову. — Почему умирают собаки? Почему я завтра умру, почему вы послезавтра умрете? Почему вчера умер в тюрьме товарищ председатель горисполкома? Наверное, потому что люди не вечны.

— Я знаю, что каждой собаке, как и каждому человеку, приходит свой срок. Но дело в том, что срок этой собаке еще не подошел.

— Кто знает, молодой человек, наши сроки?

— Есть те, кто знают, — задумчиво произнес молодой сотрудник.

— Какая разница, одним днем позже, одним раньше. Почему вас вообще интересует эта собака?

— Согласитесь, что это все-таки необычно. Собака собирается, как человек, уехать в другую страну.

— Большая важность! Что собака вообще понимает? У нее что, есть ум, есть голова на плечах? Вот как уехала моя соседка Сурка сама, а всех детей сбросала по стране, этого я не понимаю. Я считаю, что если ехать, то всем вместе. Вы меня спросите, почему же я не поехала со своими детьми?

Молодой сотрудник ничего не спрашивал.

— Так вот что я вам отвечу, — продолжала старуха, — я встретила порядочного человека и вышла за него замуж. Это было два года назад. Он бы тоже поехал, но у него три дочери. Одна вышла замуж за инженера. Он хочет ехать, она хочет ехать, и его родня хочет ехать. Вторая вышла тоже удачно. Тоже все хотят ехать. Но третья дочь вышла замуж за хорошего человека, который тоже хочет ехать, но у него есть сестра, которая тоже хочет ехать, но вышла замуж за одного, который ехать не хочет. Она без него не уезжает, ее мать не хочет ее оставить, а сын не едет без матери. И вот вся мышпуха уговаривает этого одного, который уперся, как баран...

— Это, конечно, очень интересно, — сказал молодой сотрудник, — но что вы знаете о собаке?

— Она жила у моей дочки. Собака как собака, с хвостом.

— Вы знаете, что она умерла от инфаркта?

— Собаки не умирают от инфаркта, молодой человек. Это все выдумки.

— А вы слышали, что у нее родственники в Израиле? — спросил молодой сотрудник.

— А что, осталось наследство?

— Наследство? Да нет, что вы, это же собака.

— Собака-шмабака. Кто их знает...

Старуха закрыла свой глаз и снова превратилась в музейный экспонат. Видимо, ее утомил разговор. Но вдруг какая-то шальная мысль снова вернула ее к жизни, и глаз снова загорелся.

— Послушайте, молодой человек, почему бы вам не познакомиться с моей племянницей? Она очень порядочная девушка. Хорошая хозяйка, с образованием. Вы еще будете меня благодарить. Ей тридцать восемь лет, она ваша ровесница.

— У меня другие дела и очень мало времени, — ответил молодой сотрудник.

— А сколько вам лет?

— Двадцать семь.

— Она тоже выглядит на двадцать. Девушка из очень порядочной семьи, будете довольны. Вы думаете ехать?

— Нет, я не еврей, и я не думаю ехать.

— Что же вы мне тогда голову морочите?

Возмущенная старуха взяла свой стульчик и ушла домой. Через минуту она снова вышла.

— Чтобы вы мне больше не надоедали, возьмите эту тетрадь. А больше я ничего не знаю и знать не хочу.

Старуха ушла, а в руках у молодого сотрудника осталась тетрадь с типографской надписью: «Учись только на отлично!» Ниже корявым почерком было выведено: «Дневник собаки Белки, написанный ею

самой». Молодой сотрудник открыл тетрадь и обнаружил конверт с адресом: г. Черновцы, ул. Волгоградская, дом 12, кв. 4, собаке Белке.

* * *

Письмо собаке Белке:

Моя дорогая собака Белка, а также тетя Мира, дядя Рувим, Наумчик, Давид, бабушка Малка и Фимочка, но не тот, который женился на шиксе из Сибири, а тот, которого я познакомила с войлы мейдалы из хорошей еврейской семьи и сыну Мишеньке уже нивроку год я видела его фотографию такой бутуз и все у них есть и дом полная чаша и только одного что им не хватает так это фурн. Ты мне пишешь, что хочешь сделать так, как сделал два года назад Абраша с семьей и переехать на берег моря, но я не пишу куда, ты сама понимаешь, писать это в письмах к вам нельзя. Ты просишь у меня приглашение на свадьбу, такое же, как прислали мне пять лет назад. Я была у нотариуса, но это оказалось сложнее, чем для меня. Ты ведь, Белка, извини меня, собака, а я нет. Нотариус сказал, что собаки и без приглашения едут. Но все-таки приглашение на свадьбу на постоянное жительство в Израиль я тебе выслала. Сестрой я тебя назвать не могла, сама понимаешь, у меня не может быть сестра собака, так что я назвалась твоей матерью. Как устраиваются собаки я не знаю, а вот люди с высшим образованием на дороге не валяются. Я, конечно, не знаю, как собаки, но программисты, строители и сварщики тут в цене. Что тебе нужно взять с собой на свадьбу, Белка? Возьми только самое необходимое, только то, что понадобится в первое время, а именно: палатку польскую «Гдыня-б», резиновую лодку «Пеликан», коричневое трехпедальное пианино «Красный Октябрь» (с двухпедальным

можешь сидеть дома), простые носки, бриллианты, красную икру, шампанское, отбойный молоток, янтарные бусы, картины с изображением зимы и снега, сервиз «Мадонна», рижский сервировочный столик, матрешки, деревообрабатывающий станок, «ваньку-встаньку», клизму, сверла, нейлоновые занавески, спортивные костюмы, духи «Красная Москва», средство от комаров, туалетную бумагу, салфетки, газовую скороварку, скатерти льняные, чайник, куклы мягкие немецкие, казанки чугунные, мебель югославскую, велосипеды раскладные, столярные и слесарные инструменты, веники, электродрель, половые тряпки, телевизор «Шалялис» для автомобиля, самовар, презервативы, фотоаппараты, мышеловки, спички, индийские вазы, тракторную лопату, вьетнамские картины с петухами, японские шахматы, персидские ковры, набор иголок и булавок, швейную машину «Веритас», нитки десятого размера, ситцевые трусы, фталазол, пурген, радиоприемник «Ленинград», стереомагнитофон, стеклоочиститель, мусорное ведро, спальные мешки, вату, набор для молодого туриста, зонтик, выбивалку для ковров, ночной горшок. Очень в ходу башенные краны, но только такие, как привез с собой махытн Ильи Наумовича. Такие краны можно достать на БАМе. Илья Наумович скажет тебе имя человека, который за бутылку водки продаст тебе такой кран. Если тебе не трудно, возьми и мне один. Ну, вот и все.

Целую. Твоя Сурка.

Да, хорошо также взять с собой породистую собаку.

* * *

Выдержки из дневника собаки Белки:

Вызов пришел от Сурки. Написано, что в Израиль меня вызывает мать, Сурка Эйдельбойм. У меня в

документах записано, что мою мать звали Стрелкой. Волнуюсь...

Узнала, что через суд можно доказать, что Стрелка и Сурка Эйдельбойм одно и то же лицо. Нужно двух свидетелей...

Нашла свидетелей. Это пожилые глухонемые люди. Они хотят взять два пианино, но боятся, что им два не пропустят на таможене. Они просят, чтобы я им перевезла пианино, а они за это покажут на суде, что моя мать Стрелка и Сурка Эйдельбойм одно и то же лицо...

Был суд. Судья спросил стариков, клянутся ли они говорить правду. Они поклялись. Тогда судья показал две фотографии: собаки Стрелки, когда ее сняли на плакат «Выпасать собак на газонах строго воспрещается», и фотографию Сурки Эйдельбойм в подвенечном платье.

«Признаете ли вы, свидетели, — спросил судья, — что это одно и то же лицо?»

Старик посмотрел на фотографию, а старуха даже не шевельнулась. Оказалось, что она еще и слепая. Старик энергично замахал головой, и суд принял решение: считать Сурку Эйдельбойм Стрелкой Эйдельбойм и в то же время сукой...

Оказывается, есть такая организация ОВИР: отдел виз и регистраций. Я пришла туда, но вовнутрь меня не пустили евреи. Сказали, что нужно записаться в очередь. Записалась в очередь тысяча девятьсот тридцать пятой. Мне сказали, что если все будет хорошо и во все пятницы будут выдавать анкеты и принимать документы, то через три года подойдет моя очередь...

Сегодня подошла ко мне женщина и сказала, что собак вообще в очередь не записывают. Одна, рассказывала она, хотела, чтобы вместе с ней уехал живой серебристый песец, как память о покойном муже. А на таможене ей сказали, что мясо можно только в

жареном виде. Я ей ответила, что не хочу ехать в жареном виде, а она сказала, чтобы я не гавкала...

Нашла знакомых, которые знали, что как-то можно записаться в первую двадцатку, но не знали как. Другие знали улицу и номер дома людей, которые так записались, но не знали этих людей. И был третий, который вообще ничего не знал, кроме суммы, которую надо дать. Нашла людей, которые жили на той улице и дали ту сумму. Они свели с человеком, через которого можно было записаться. Дала этому человеку, и он объяснил мне, что в субботу я должна сидеть возле доски почета под пятой скамейкой центрального сквера в районном городе Стороженец. В девять часов вечера должен был подойти человек в кожаной куртке, посмотреть под скамейку и спросить: «Кто тут Рабиновичч?» Я должна была назваться Рабиновичем. После всего этого я оказалась в списке под номером пять...

В пятницу в шесть часов утра все выстроились перед зданием ОВИРа в ожидании приема. Началась невероятная давка. От очередного толчка здание передвинулось на один квартал. Пользуясь тем, что я все-таки животное, пробралась в приемную...

Иногда я думаю: что мне надо, чего хочу, куда еду? Где зло, а где добро? Что я буду делать там? Играть в оркестре, продавать помидоры...

На этом дневник обрывался — нескольких последних страниц в тетрадке не хватало. Молодой сотрудник отложил тетрадку в сторону и закурил. Мимо него пробежал дворовый пес. Увидев на скамейке человека, он громко залаял.

— Что, Бобик, бегаем?

Пес поднял левое ухо и повернул голову к молодому сотруднику.

— А мысли тебя в одиночестве не одолевают?

Не хочется чего-то большого, человеческого? А то вот так вся жизнь пройдет возле будки, а?

Пес вдруг зарычал и с заливистым лаем бросился за пробегавшей кошкой.

— Эй! Стой! А проблемы добра и зла тебя не волнуют? Или может, ты хочешь играть в симфоническом оркестре или продавать помидоры на солнечном базаре?..

Стемнело. Пропали прохожие на улицах, погасли огни в окнах, проехал последний трамвай, и медленно растаял сидевший на скамейке молодой сотрудник.

* * *

Справка с места работы

Сторож Кузьмич сидел в своей сторожке возле вверенного ему склада со старой бумагой и закручивал козью ножку. Сегодня в обед Кузьмич в компании своего друга Митрика бурно отметил день не то святого Луки, не то железнодорожника. Кузьмич готовился ко сну. Он уже закрутил козью ножку и стал раскручивать правую портянку, которая так пахла, что с ее запахом во всем мире мог сравниться только запах левой портянки.

Тут в будку вошла собака Белка, которую Кузьмич данной ему властью назначил своим заместителем по охранной части.

— А-а, Белка пришла, — сказал Кузьмич, и запах перегара сразу же заглушил запах левой и правой портянок вместе. — Ты мне скажи, Белка, ну не собачья у меня жизнь? Бросить бы этот склад к чертям и уйти куда-нибудь в горы. И там в горах жить себе, собирать грибы и ягоды, гнать самогон из рябины, стрелять зайцев. Никого с собой в горы не возьму, только друга Митрика и тебя, Белка.

Кузьмич упал на пол и стал громко рыдать.

— Выдай мне справку с места работы, — сказала Белка.

Кузьмич посмотрел на Белку пьяными глазами и повторил:

— Тебя возьму, Белка, и друга моего Митрика.

— Кузьмич, — снова сказала Белка, — мне нужна справка. Я уезжаю в Израиль.

Кузьмич опустил голову, покачал ею и посмотрел на Белку совершенно трезвыми глазами.

— Дела-а, значит, получается, что собаки тоже евреи?

Запах перегара пропал, как будто его и не было. Остался только запах портянок.

— Как же ты могла, собака? Нас с тобой поставил сюда народ. Мы с тобой работники идеологического фронта. Ты посмотри, что ты охраняешь! Тут же подшивки газет с речами!.. Мы тут следим, не дремлем. Каждую минуту врага ждем. Ведь они там, на Западе, давно на наш склад зубы точат. А тут, получается, я сам врага пригрел на своей груди!

Кузьмич встал, замер, и лицо его стало таким, как у крестьянина из скульптурной группы «Землепашцы села Нижняя Перделовка читают книгу Л. И. Брежнева 'Целина'».

— Вон отсюда! — закричал Кузьмич в благородном гневе. — Чтоб духу вашего здесь не было!

Он бросил справку, а Белка схватила ее в зубы и убежала, благодарно помахивая хвостом.

Кузьмич посмотрел ей вслед, и глаза его стали заметно мутнеть. Он сел на кушетку и стал разворачивать левую портянку. В будке снова запахло перегаром.

— Уехать к чертовой матери отсюда, от этого склада в горы, самогон варить. И Митрика с собой взять. Друга. И собаку Белку.

Кузьмич свалился на кушетку и захрапел. Лицо

его было такое счастливое, такое светлое! И снилось ему что он в горах...

* * *

В гуще комсомольской жизни

Белка бежала в райком комсомола. Но не потому, что у нее вдруг возникло желание ехать на ударную стройку пятой очереди третьей домны в городе Мухоморске, пахать нечерноземье и платить членские взносы, а потому, что, если ты не был комсомольцем, тебя нельзя из комсомола исключить. А для того, чтобы уехать в Израиль, нужна печать о том, что тебя оттуда исключили.

Райком комсомола находился на улице Русской в одном здании с другими организациями, тоже начинающимися на «рай»: райкомом партии, райсобесом, райпланом, районо, райсудом. Здание было обсажено серебристыми елями, которые недавно выдернули с самого красивого сквера на Театральной площади. Теперь эти ели тешили глаз начальства, когда оно на секунду отрывало этот глаз от груды животрепещущих дел и устремляло его в перспективу.

Белка постучала в дверь, на которой висела табличка «Секретарь», и робко вошла. За столом сидела молодая коротко подстриженная девушка в белой блузке и синей юбке. На левой ее груди алел комсомольский значок. Девушка говорила с кем-то по телефону:

— ...и тогда войдут горнисты и начнут горнить, — говорила она в трубку, — тут же вступят барабанишки и начнут барабанить. Десять передовых свинок под звуки фанфар внесут свинью-рекордсменку. На шее у свиньи — золотая медаль. Пионеры дружно хлопают. Звучит призыв: «Пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!», и ответ:

«Всегда готовы!» Громкое «ура» раскатистым эхом разносится по залу.

— Ура-а-а! — закричала девушка. — Садитесь, товарищ.

Белка поняла, что последняя фраза относилась к ней, и вспрыгнула на стул. А секретарь продолжала говорить по телефону. От творческого экстаза лицо ее пошло красными пятнами, прядь волос упала на лоб и закрыла глаза. Но это ей не мешало, а мешала ей телефонная трубка, которая привязывала к столу, не давала развернуться инициативе и выйти на оперативный простор. Казалось, что, если ее выпустить на эту воображаемую сцену, она сможет заменить и пятьсот пионеров в зале, и горнистов с барабанщиками, и десять свинок, с трудом вносящих свиную рекорд-сменку. Она смогла бы даже заменить свинью с золотой медалью ВДНХ на шее, столько в ее голосе и жестах было энергии, комсомольского задора и энтузиазма.

— И тут финал. На сцену въезжает трактор — мы с трактором уже договорились — на тракторе во весь рост стоит бригадир свинок. В руках у него плакат: «Пионеры! Вольемся дружной пионерской семьей в армию свинок и свинок!» Пионеры дают торжественную клятву, все хором поют задорную песню «Взвейтесь кострами, синие ночи», свинье повязывают красный галстук. Все! Так и организуйте.

Секретарь с облегчением бросила трубку, повернулась к Белке и сказала:

— Вот так мы и работаем. — И добавила:

— Собака пришла. Что нужно собаке?

— Я хочу вступить в комсомол, — сказала Белка и покраснела. — Мне уже есть четырнадцать лет.

Комсомолка некоторое время сидела молча.

— А что. Почему бы и нет? Ведь собака друг человека и потому имеет полное право влиться в передовые ряды молодежи.

Секретарь вскочила и забегала по комнате большими комсомольскими шагами.

— Это будет неслыханно! Первая собака-комсомолка, и в нашем районе! Мы создадим комсомольскую собачью ячейку, выберем комсорга... тебя как звать?

— Белка.

— ...Белку. Создадим комсомольскую собачью организацию города, области, потом созовем первый всесоюзный собачий комсомольский съезд. Пройдет несколько лет, и сотни и тысячи наших четвероногих друзей с комсомольскими значками по всей стране с молодежным задором будут свершать великие предначертания и задачи, которые ставит перед нами Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет и лично товарищ Л. И. Брежнев! Вдохновляет, правда?

— Да, — сказала Белка, которой нужно было поступить в комсомол, чтобы исключиться из него и получить печать для выезда в Израиль.

— А бюро мы созовем завтра же. Нет! Почему завтра? Сегодня! Сейчас!

Через пятнадцать минут у секретаря собрались все члены бюро, самые передовые комсомолцы района. Секретарь встала и торжественно начала:

— Дорогие товарищи!.. В комсомол пришла собака, и от нас с вами зависит, принять ее в наши ряды или оттолкнуть...

Вдруг дверь распахнулась, и в кабинет вбежал молодой парень в фуфайке и сапогах. Он задыхался от быстрого бега. На его худом заросшем лице с низким лбом, перебитым носом и острыми скулами выступили капельки пота. Парень затравленно озирался.

— Товарищ пришел, — сказал один из членов бюро. — Что нужно товарищу?

— Преступник я. Из тюрьмы бегу. Мне бы спрятаться, а то за мной погоня.

— А вот примем-ка мы тебя в комсомол, — сказала секретарь, — будешь зажигать комсомольским огнем тюремные массы!

— Расскажи биографию, — попросил другой член бюро.

— Биография у меня простая, — начал уголовник. — Родился. В семь лет пошел в школу. В двенадцать попал в колонию за коллективное изнасилование: изнасиловал учительский коллектив. Вышел. В шестнадцать лет зарезал милиционера. Бежал. Вот и все.

— А почему ты решил поступить в комсомол?

Парень оглядел бюро мутными глазами, сплюнул на пол и сказал:

— А хер его знает! Пристали...

— Для того, чтобы быть в первых рядах советской молодежи, — подсказал один из членов бюро.

— Правильно! — сказала секретарь. — Считаю, что ты созрел для комсомола. Кто за то, чтобы принять данного товарища в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, прошу поднять руку!

Тут вошел сержант милиции. Увидев погоны, парень рванулся к окну и прыгнул с шестого этажа. Опытный в таких делах сержант милиции прыгнул за ним вслед.

— За билетом зайдите в понедельник! — закричала секретарь вдогонку вниз, а потом повернулась к бюро и сказала:

— А теперь... я спрашиваю вас, — голос ее дрогнул, — кто за то, чтобы принять собаку Белку...

И тут двери широко распахнулись, и вошли десять горнистов, трубя в свои горны, а за ними барабанщики под барабанный бой. За барабанщиками, громко сигналив, в комнату въехал грузовик с лозунгом: «Собаки! Выше знамя социалистического соревнования!»

* * *

Протокол № 17 заседания бюро Первомайского райкома комсомола от 11 ноября 1978 года

Присутствовало — 6 человек.

Отсутствовало — 2 человека по уважительным причинам.

Повестка дня:

Исключение из комсомола собаки Белки в связи с изменой Родине, которая проявилась в низменном желании выехать в капиталистическое государство Израиль.

Слушали секретаря:

Секретарь: В бюро Первомайского райкома комсомола поступило заявление от собаки Белки с просьбой исключить ее из членов ВЛКСМ в связи с выездом на постоянное место жительства в государство Израиль, враждебное нам. Кто желает выступить?

Выступили:

Петров, член бюро: Я возмущен до глубины души низким моральным и политическим поступком собаки. Она плюнула в лицо не только мне, не только Вам, товарищ секретарь, но всему советскому народу. Она подло и лицемерно пролезла в комсомол, чтобы запятнать его святое имя своим собачьим дерьмом. Но комсомольская метла чисто метет, выметая весь сор из нашей избы. Что им здесь, собакам, плохо было? Они ели наш русский хлеб с нашим украинским салом, ездили в наших машинах, дышали нашим свежим воздухом. Увидите, она еще будет гавкать в сторону нашей советской действительности. Ничего, переживем, как говорят в народе: собака лает, ветер носит!

Иванов, член бюро: Правильно! Хочу только добавить. Что им здесь, собакам, плохо было? Увидите, она еще будет гавкать в сторону нашей советской действительности. Она подло и лицемерно пролезла в

комсомол, чтобы запятнать его святое имя своим собачьим дерьмом. Ничего, переживем, как говорят в народе: собака лает, ветер носит! Она плюнула в лицо не только мне, не только Вам, товарищ секретарь, но всему советскому народу. Они ели наш русский хлеб с нашим украинским салом, ездили в наших машинах, дышали нашим свежим воздухом. Но комсомольская метла чисто метет, выметая весь сор из нашей избы. Я возмущен до глубины души низким моральным и политическим поступком собаки.

Сидоров, член бюро: Полностью присоединяюсь к мнению предыдущих ораторов, однако товарищи не все сказали. Она подло и лицемерно пролезла в комсомол, чтобы запятнать его святое имя своим собачьим дерьмом. Но комсомольская метла чисто метет, выметая весь сор из нашей избы. Ничего, переживем, как говорят в народе: собака лает, ветер носит! Что им здесь, собакам, плохо было? Я возмущен до глубины души низким моральным и политическим поступком собаки. Они ели наш русский хлеб с нашим украинским салом, ездили в наших машинах, дышали нашим свежим воздухом. Она плюнула в лицо не только мне, не только Вам, товарищ секретарь, но всему советскому народу. Увидите, она еще будет гавкать в сторону нашей советской действительности.

Козлов, член бюро: Я согласен полностью, но хочу по этому поводу сказать вот что. Я, Козлов, член ВЛКСМ с 1967 года, всегда честно и добровольно плачу членские взносы, выполняю свои комсомольские поручения. Я бригадир бригады штукатуров. Моя бригада выполняет план на 868% и уже работает в счет 2979 года. Каждый день берем встречный план, а через день — встречное обязательство. Был комсоргом хлопкопрядильного цеха, распространителем политической литературы на камвольном комбинате, таневал партию гармониста в русском танце художественной самодеятельности мартена. Имею прави-

тельственные награды: серебряный значок ГТО и медаль «За озеленение города на пожаре». Морально чист, честен, в быту устойчив, не пью, не курю, в разговоре нецензурных слов не употребляю, не нарушаю правил уличного движения, не сорю на улицах, в троллейбус вхожу через заднюю, а выхожу через переднюю дверь. Поэтому прошу выдвинуть меня кандидатом в члены обкома комсомола.

Постановили:

1. Исключить собаку Белку из рядов ВЛКСМ за измену Родине — отъезд в капиталистическое государство Израиль.

2. Выдвинуть товарища Козлова как достойного товарища для избрания в члены обкома комсомола.

* * *

— Ну что, молодой человек? Как подвигаются дела? — начальник раскрыл красную папку «К докладу» и стал просматривать документы, которые представил ему молодой сотрудник: газетную вырезку со статьей в местной газете, письмо от Сурки Эйдельбойм, дневник собаки Белки, протокол собрания.

— Какие вы сделали выводы, молодой человек? — спросил начальник.

— По-моему, рано еще делать выводы, но все это как-то уж очень странно.

— Я рад, что и вы это заметили, мой младший коллега. Поверьте моему опыту, во всей этой истории что-то есть! Интересно, что показалось вам странным?

— Знаете, каждый день был для меня открытием. Люди не такие простые, как я думал раньше. Нас этому не учили на кафедре. Они не подходят под одну мерку: все разные, странные, их занимают какие-то мелочи, пустяки. Они все время делают глупости,

но с таким серьезным видом, как будто заняты важным делом.

— Ну, молодой человек, — начальник громко рассмеялся, — вы открываете Америку. Это все мы и без вас знаем. Сколько веков и тысячелетий я сижу на этом месте, они всегда были такими. Вы меня неправильно поняли. Люди нас не интересуют: у них все давно известно и запрограммировано. Пускай они идут по своему кругу, который считают спиралью. Меня не это волнует.

— А евреи? Их перемещения разве предусмотрены?

— Евреев мы никогда не планируем. Когда-то, еще в молодости, я тоже столкнулся с подобным явлением и хотел направить его в какое-то определенное русло, придать какую-то систему. Ничего не получилось. С тех пор мы пустили их на самотек.

— Что же вас волнует, начальник?

— Как что? Собака! Ведь именно поэтому я и послал вас к людям. Как вы не понимаете, нарушился привычный ход вещей! Собака стала мыслить, говорить, ходить по инстанциям, переезжать из страны в страну, умерла от человеческой болезни, в конце концов! А может, это какая-то эпидемия? Может, собака была заразная? Представьте себе, у нас заговорят собаки! К чему это может привести? Они захотят таких же прав, такой же жизни, какую имеют люди. Собаки станут рабочими, инженерами, картежниками, министрами. Весь мир будет собачий. А люди вымрут или деградируют в домашних животных. И тогда на наших с вами местах окажутся тоже собаки. Не знаю, как вам, а мне такая перспектива не улыбается. Я своим местом дорожу.

— Почему вы считаете, что нас должны заменить?

— А потому, что мы специалисты по людям. Хорошие, плохие — это другой вопрос. Зато дипломированные.

Начальник, заметив, что молодой сотрудник смутился, засмеялся и добавил:

— Я не вас имею в виду, вы еще молодой специалист. Но вот вам мой совет: никогда не бойтесь крупных, на первый взгляд, неприятностей — войн, революций, массовых миграций и финансовых кризисов. Из всего этого люди всегда выкручивались сами. Больше внимания обращайтесь на мелочи. И никогда не пробуйте изменить что-то сами. Вот и все.

— Как же быть с собакой? — спросил молодой сотрудник.

— Собирайте дальше материалы. Может, это просто единичный случай, и никакой опасности нет.

Молодой сотрудник направился к двери кабинета.

— Да, еще! То землетрясение, которое вы запланировали на семь баллов, проведите на пять баллов: В прошлом году в этом районе у нас уже было одно на семь баллов. Не будем повторяться!

* * *

Сны молодого сотрудника

Темень... Сны возникают не сразу. Сначала разгорается одна яркая точка, потом вторая...

Звездное небо. Космос... В космосе темно и холодно. В космосе летит космический корабль. Молодой сотрудник заглядывает в иллюминатор. Видит: космонавт-еврей с бородой, пейсами и в ермолке. Это последний еврей в этой стране. Самый последний. Единственный. Больше никого не осталось: все уехали. Потому его и послали в космос. Рядом — командир корабля, веселый белобрысый парень. Открывается стеклянная дверь, и входит цыганка с бубном. Танцует цыганский танец, поет цыганскую песню.

«Счастье маешь, понимаешь, радость маешь, понимаешь?» — это она гадает еврею...

На весь космос телевизионный экран. На экране Брежнев, говорящий голосом диктора Левитана:

«Передаем экстренное сообщение. Огромная победа советского народа — достижение в интеркосмосе! Впервые в истории человечества — в космосе еврей! Неслыханное событие! Безграничное доверие народа последнему и единственному еврею в стране! Счастливого пути, товарищи», — помахал рукой и запел голосом певца Иосифа Кобзона: — «Долетите до самого солнца и домой возвращайтесь скорей!»

Включили экран. Снова кабина корабля. Земфира-цыганка — командиру:

«Хочешь, скажу, что впереди?»

«Иди к чёрту!» Это командир думает. Но не говорит, а то услышит весь мир. Говорит другое:

«Знаю сам. Впереди — космические свершения, дали. Земфира, последи за дендрометром!»

Земфира смотрит в дендрометр, потом берет микрофон и говорит:

«Пролетая над территорией Занзибара, экипаж космического корабля передает привет дружеским занзибарийцам!»...

Жарко. Печет солнце. Старик сидит на скамейке. Рядом дети, взрослые. Ему лет сто. Он рассказывает:

«Я их не видел, не довелось. Мне дед рассказывал. Он, дед, застал последних евреев. Они придумали свою мацу, чтобы летать на ней по городу и не тратить деньги на транспорт. И еще носы у них росли как волосы и стригли они их каждый месяц. И еще. И еще они женились на курицах. И еще у них были три рубля, которые размножились как амебы, делением. За год у них набиралось столько денег, что осенью они их жгли, как листья. И еще... и еще... и еще...»

Осень. Время свадеб. Жгут листья. Жених и невеста. Они светятся счастьем. Они запомнят этот день на всю жизнь. Именно в этот день они сфотографировались с последним евреем в этой стране. Вот

он стоит справа от невесты. Вот он стоит слева от жениха. Вот он стоит между ними. Рядом большая очередь. Все хотят сфотографироваться с евреем. Последним. Единственным...

Огромный кабинет. Огромный стол. За столом большие люди едят павлина. Во главе стола — самый большой человек. Появляется последний еврей.

«Вы действительно еврей?» — спрашивает самый большой человек шепотом.

«Вы действительно еврей?» — передают его слова большие люди по цепочке.

Еврей сомневается. Он достает паспорт и смотрит.

«Да, я действительно еврей»...

Мальчик учится говорить.

«Что это?»

«Это мама».

«А это?»

«Тетя».

«А это?»

«Магазин».

«А в магазине?»

«Еврей».

Мальчик заплакал.

«Не плачь, он единственный. Ты же не боишься Тузика?»

Вдруг появляется Тузик и подходит к мальчику. Мальчик его не боится.

«Я не единственный, — говорит Тузик. — Нас много».

Подходит еще один пес, потом еще. Собак становится все больше и больше. Все они кричат:

«Нас много! Нас много!»

Кричат на всю улицу, на весь город, на весь мир, на все небо, черное со звездами...

Светает...

Утром молодой сотрудник подошел к зданию ОВИРа в надежде узнать хоть что-нибудь, имеющее отношение к собаке Белке. Там он услышал,

... что для евреев Америку закрыли на большой замок, этот замок видел Фима, который ехал через Вену, и это своими глазами — чтоб он так уехал — читал его шурин Нолик, который рассказал это своему другу Абраше.

... что в Израиле у вас не будет счастья: счастья достать колбасу в магазине или попасть в очередь за яйцами перед праздником. Счастья, когда вода идет из крана. Там все есть в магазинах, и вода идет даже ночью, и куры стоят дешевле конвертов без марок. Или конверт без марки стоит дороже целой курицы?

... что один уехал в Израиль, потом его послали куда-то черт знает куда в Африку, он был мастером по холодильникам. Он вообще был мастер на все руки и так починил одной женщине мясорубку, что она до сих пор плачет от счастья каждый раз, когда крутит мясо. Его съели черные, но заплатили за него столько, что его жене хватит еще на сто лет. Теперь она посылает в Африку своего второго мужа.

... что в Коломые уже нет фанеры на ящики, и за ней приходится летать самолетом из Черновиц в Актюбинск.

... что нужно опасаться одесских евреев. Один никак не мог попасть в вагон поезда «Чоп—Вена», потому что его каждый раз выталкивали одесситы, так он годами жил на вокзале, а уехал только тогда, когда из Одессы перестали выпускать евреев.

... что вчера подавала документы семья Шулима Смелянского. Их шестнадцать человек. Среди них он один еврей. Шулим ехать не хотел, а они без него не могли, потому что русских самих в Израиль не пускают. Так что вся семья на руках принесла его в ОВИР.

«Только через мой труп, — сказал Шулим, — мы поедем через границу». — «Нет, — сказали зятя Шулима, — сначала мы поедем через границу, а потом уже через ваш труп».

... что одному отказывали в выезде двенадцать лет. Со всего мира ему начали приходить посылки. В трех странах организовали клубы в его поддержку. Еврейские мамы называли детей его именем, четыре радиостанции мира уделяли ему каждую неделю по передаче. Властям это надоело. Они пришли к нему домой и сказали: «Подавай документы. Мы тебя выпустим!» А он ответил: «Фиг вам! Сейчас мне и тут хорошо!»

... что одному опять отказали. Ему девяносто два года. Он всех уговаривает ехать. А когда его спрашивают, почему он сам не едет, он рассказывает свою историю. Начал ехать он в 1914 году. Но ему помешала Первая мировая война. В 1939 году он уже сложил чемоданы, но в Бессарабию пришли Советы и конфисковали все его чемоданы. В 1946 он уже взял билеты до границы, но его задержали и сказали, что он немецкий генерал-эсэсовец, мучитель и палач советских людей. Жена не стала ждать, пока его расстреляют, и уехала сама. Через два месяца, когда на основе многочисленных свидетельских показаний уже было точно установлено, что он эсэсовец, и военный трибунал приговорил его к расстрелу, где-то далеко на Соломоновых островах расстреляли эсэсовского генерала, мучителя советских людей. А так как два раза одного преступника расстреливать было не принято, еврея отпустили, но предупредили, чтоб он ничего такого больше не делал. Он вышел, но границу уже закрыли. В 1969 году он не смог уехать из-за зятя. В 1972 году он не смог уехать из-за внучатой племянницы. В 1975 году он не смог уехать из-за одного из правнуков, который служил милиционером. Теперь

уже никто не мешает, но ему отказали из-за его темного и непонятного прошлого.

* * *

Собачье дело

Документы, представленные собакой Белкой, были сложены в тоненькую папочку с тесемочками и надписью «Дело №». Сначала папка попала в большой шкаф, где было много таких же дел. Каждый день инспектор подходил к шкафу, открывал его, окидывал взглядом, брался за голову и говорил: «Да, дела!» Потом он садился за стол и просиживал так весь день. Приехала комиссия, посмотрела в шкаф на запыленные дела, сказала: «Ну, дела!», и сняла инспектора за неряшливость.

Пришел другой инспектор и в первый же день вытер пыль и перекрасил все папки в красный цвет. На следующий день он перекрасил дела в зеленый цвет. Каждый день он приходил с банкой новой краски и, так как дел было много, засиживался допоздна. Потом он стал комбинировать цвета. Приехала комиссия, открыла шкаф, увидела небесно-голубые папки в желтую полосочку, сказала: «Ну и дела!» и сняла инспектора за украинский национализм.

Новый человек сразу взялся за работу. За неделю он решил все дела и подготовил разрешения на выезд. Приехала комиссия, посмотрела в пустой шкаф, подумала: «Ну и дела!», похвалила инспектора за служебное рвение и сняла его за политическую недалекость. Все дела были возвращены в шкаф, разрешения уничтожены, и, когда новый инспектор сказал: «Да-а, дела-а...», у него были для этого все основания.

Дело собаки Белки, которое очень долго терпело, не выдержало и на риторическую фразу инспектора ответило:

— Не дела, а мое собачье дело, маленькое и тоненькое.

— Маленьких дел у нас не бывает, — сказал инспектор, — вот мы сейчас поковыряемся и увидим, какое ты маленькое и какое ты тоненькое.

— Да что тут ковыряться! Все ясно. Обыкновенная собака.

— Обыкновенных собак у нас не бывает.

Инспектор открыл дело и стал в нем ковыряться.

— Да, действительно, — сказал инспектор, поковырявшись в деле, — очень уж ты какое-то маленькое и тоненькое. Надо бы послать тебя на пополнение.

И дело послали на пополнение младшему инспектору. Тот взялся за дело и стал его пополнять. Он добросовестно пополнил дело справкой из бани о степени чистоты морального облика, справкой из пожарной охраны о том, что собака не должна там лестницу, справкой из Ювелирторга о том, что она ничего не своровала, справкой из психбольницы о том, что в выборных органах участия не принимала, справкой из загса об отсутствии внебрачных детей, справкой из управления культуры о том, что патриотических песен в хоре не пела, справкой из статистического управления о том, что обладает четырьмя лапами, двумя глазами, двумя ушами и одним носом, не считая хвоста, справкой из общественного туалета о том, что допуска к секретной документации не имела, справкой из архива о том, что справка из архива выдана.

— Может, мне уже хватит? — спросило дело после того, как посмотрело в зеркало. — Я и так уже ни в какие ворота не влезу.

— Ладно, — согласился младший инспектор, — можно послать тебя назад.

И дело послали назад к старшему инспектору.

— Вот сейчас ты совсем другое дело! — обрадовался старший инспектор. — Какое ты толстое ста-

ло, какое солидное! Теперь тебя голыми руками не возьмешь.

Старший инспектор надел перчатки и снова взялся за дело.

— Ага! — закричал он вдруг, пролистав дело почти до половины. — Здесь на тебе пятно! Что за пятно? Откуда пятно?

— Это, наверное, просто кто-то капнул, — попыталось объяснить дело.

— Просто у нас ничего не бывает. Если накапали, то знают зачем. А запятнанные дела мы вообще не рассматриваем.

— Может, вы меня куда-нибудь еще пошлете?

— А что, это идея. Не послать ли мне тебя к ебени матери?

И послали дело к ебени матери. Там бы оно и пролежало до скончания века, если бы не одно случайное обстоятельство. Как-то старший инспектор зачем-то послал младшего инспектора к ебени матери, и там младший инспектор обнаружил давно забытое дело. Дело было такое старое, мятое, запыленное и грязное, что его можно было уже решать. И старший инспектор отнес дело начальнику.

Начальник пролистал дело и сказал:

— А не послать ли нам это дело...

— Было, — коротко ответил старший инспектор.

— Ладно, — вздохнул начальник, — это дело уже подпишем.

Начальник подписал дело и вытер пот со лба. Потом приехала комиссия и пролистав старое дело.

— Какое-то это дело нечистое, — сказала комиссия и сняла начальника за то, что он расподписывался.

Желтый лист оторвался от дерева и полетел почему-то не вниз, а куда-то вверх. Молодой сотрудник закинул голову и следил за листом, пока тот не исчез высоко в небе.

— Я раньше вас тут не видел, — сказал человек с рыжей бородой и усами. — Я часто бываю около этого заведения.

— А я здесь первый раз, — сказал молодой сотрудник.

— У вас, наверное, большая семья? — рыжебородый указал глазами на толстенную папку с делом собаки Белки.

— Да, — ответил молодой сотрудник, — большая.

— А вы не боитесь, что вам откажут? — спросил рыжебородый.

— Вряд ли. Думаю, на это нет никаких оснований.

— Да, — сказал рыжебородый. — Нужны основания.

Молодому сотруднику не хотелось продолжать этот разговор. Он выдержал минутную паузу и уже собирался уходить, но рыжебородый вдруг снова заговорил:

— Не знаю, были ли какие-то основания, но факт остается фактом: мне отказали. Нужно было заново устраиваться на работу. Я врач. Врачом меня не брали из-за того, что я был уволен в связи с выездом, выпускать меня не выпускали, а на рабочую должность не брали, потому что я врач. Это был мой единственный шанс...

Главврач районной больницы сидел в своем кабинете в кресле-качалке. Он был в халате, но не белом, врачебном, а шелковом цветастом китайском, и в тапочках. На столике перед ним стоял хрустальный гра-

фин с водкой и золотое блюдо с жареными грибами в сметане.

— Я, конечно, могу тебя взять, — сказал главврач и икнул. — Мне наплевать, что ты едешь. Но что с тебя взять?

— Все, что хотите! Все, что вам нужно!

Главврач посмотрел на меня мутными глазами и наполнил рюмку из графина.

— А что мне надо?

Он выпил, минуту подумал и развел руками:

— А ничего мне не надо.

Главврач закрыл глаза, оттолкнулся ногами от пола и закачался в кресле. Из люстры засочилась сладостная липкая музыка.

Ну, а действительно, что ему было нужно? Раз в месяц главврач приходил к своему другу секретарю райкома партии, и они подсчитывали взятки: деньгами и натурой. У секретаря всегда было больше. Один раз больше оказалось у главврача, и тогда неподкупный коммунист строго сказал: «Дружба — дружбой, Федя, но запомни: партия у нас всегда впереди!» Третьим в их компании был районный прокурор. Любимым развлечением друзей была охота. Медведя загоняли на расстояние двадцати шагов, друзья с радостным гиком палили в небо, а бедный зверь падал с тремя пулями в глазу. Вечером в деревянной избушке со всеми удобствами начальники до утра проводили семинары по обмену трудовым опытом между молодыми продавщицами района.

Ну что ему было надо? Из люстры лилась музыка, главврач дремал в кресле-качалке, и я понял, что аудиенция окончена.

— Ну что мне надо? — сказал главврач сквозь сон. — А ничего мне не надо.

Я направился к двери. Музыка вдруг прервалась, и я услышал:

— Эй, ты, еврей, достань мне курицу, которая несет золотые яйца!

Опять полилась музыка, и он опять уснул.

Когда я вышел на улицу, мне приветливо подмигнул молодой бык, вскормленный пайками туберкулезных больных...

Курица, которая несет золотые яйца. Смешно, да? Но самое смешное то, что когда я рассказал все это своим друзьям, один из них мне сказал:

— Ничего в этом смешного нет! Такая курица есть, и она у нас в Черновцах у Заца.

Зац был маленький еврей, экспедитор колхоза «Слава Октябрю», который открывал ногой двери в кабинеты министров. Денег у него было немного меньше, чем у иранского шаха, но больше, чем национальный доход Молдавской ССР в урожайном 1974 году. Уже потом, в тюрьме, он написал три тома своих мемуаров. Они могли бы войти в сокровищницу мировой литературы, но им была предназначена другая роль. По этим мемуарам сели: два члена ЦК, один прокурор, диктор центрального телевидения, четыре посла, двести тринадцать мясников, сто сорок семь завмагов, шесть ректоров и совет министров маленькой кавказской автономной республики в полном составе. Этот скромный еврей играл такую же роль в махинациях общесоюзного масштаба, как маленькая станция Чоп в ритме движения международных поездов. Зац был посредником. У него действительно могло быть все, но курица, которая несет золотые яйца... Это уже, извините, из сказки. Я же еще не помешался!

Это я так подумал. Но пойти к нему я все-таки пошел. Заца не было дома. Уже потом я узнал, что он был в командировке в Махачкале. Там, в центральной гостинице, Зац собрал ректоров некоторых медицинских вузов, чтобы уже наконец решить, сколько брать за поступление: пятьдесят тысяч, как в Грузии,

или десять, как в средней полосе России. Не знаю, к какому решению они тогда пришли, — меня это тогда не волновало.

Жена Заца пригласила меня в дом, посадила за стол. Я рассказал ей свою историю, и старая сентиментальная еврейка прослезилась. Я ей сказал, что мне что-то нужно от ее мужа, но не сказал, что.

— У моего мужа доброе сердце, молодой человек, — обнадежила меня старая Зац. — И у него большие возможности. Молитесь, чтобы его возможности и доброе сердце объединились в желании помочь вам. Позвоните через неделю.

Через неделю Заца снова не было дома. Но не еще, а уже. На этот раз он уехал в Египет на переговоры с представителем правительства о покупке маленькой пирамиды для загородной дачи начальника милиции города Крыжополя. Потом он уехал мирить завтрестом ресторанов всей Армении с замминистра по цитрусовым Азербайджана. На комиссионные Зац построил подпольный металлургический комбинат в деревне Залезалое Красноярского края в Сибири. Потом он поехал на свадьбу дочери своего друга — мясника из Флорешти, что под Кишиневом. В подарок он привез ей подводную лодку периода Второй мировой войны. В шутку. Ведь зачем скромной еврейской девушке из маленького молдавского местечка подводная лодка? Зато все очень смеялись. Затем он еще куда-то ездил, кого-то с кем-то сводил, кому-то что-то доставал, и я никак не мог его поймать.

Но однажды я позвонил ему по телефону. Трубку, как всегда, подняла жена.

— Вам повезло, молодой человек, — сказала она. — Он только что приехал и теперь отдыхает. А завтра он уезжает в одиннадцать часов. Так что приходите к девяти.

Ровно в девять я стоял под дверью экспедитора Заца, волнуясь еще больше, чем доярка перед полу-

чением ордена «Знак почета». У меня, конечно же, не было денег для Заца. Я и не думал о них. Я даже не знал, зачем я сюда пришел. Ведь не надеялся же я на доброе сердце старого мошенника!

Дверь открыла жена. Она плакала, рвала на себе волосы и причитала:

— Ой, вэй, что нам делать, бедным... На кого ты нас оставил... Кто же теперь выдаст замуж дочку, кто подымет на ноги ее детей, кто обеспечит мне спокойную старость?.. Ой вэй!..

Я вошел в комнату и увидел страшный погром. Оказывается, ночью вошли два жлоба-сержанта и забрали маленького Заца, размаху которого мог позавидовать великий Наполеон.

— У него доброе сердце... Он всем помогал. Он бы и вам помог, — продолжала причитать жена. — Ой! На вас просто лица нет! Вы, наверное, три дня не ели. Идемте, я вас накормлю.

Мы вошли в комнату, в которой все было разбросано после обыска, и сели за стол. Зац налила мне полную тарелку куриного бульона с лапшой.

— Ешьте, — сказала она. — О! Я хочу вам что-то рассказать о бульоне, который вы едите. Сегодня я зарезала курицу, которая у нас очень долго жила. Муж ее очень любил. Но теперь я подумала: курица старая и скоро подохнет. Лучше я ее сварю. А когда я ее резала, то нашла вот это.

Жена Заца протянула мне золотое яйцо. Оно было маленькое, еще нездоровое. Это было последнее яйцо, которое Ряба так и не снесла...

Рыжий замолчал, встал со скамейки и медленно пошел по аллее. Желтый лист оторвался от дерева и полетел вниз к земле. Молодой сотрудник подумал, что, наверное, этому человеку пришлось много пережить, пока он не тронулся. Молодой сотрудник отвернулся и не заметил, как из штанины рыжего вы-

пало небольшое золотое яйцо. Наверное, у того были дырявые карманы.

* * *

Разговор, подслушанный молодым сотрудником

— Как было-то, Иван Петрович, — продолжал свой рассказ таможенник Вася. Начальник таможни Иван Петрович слушал своего подчиненного и с интересом смотрел на два больших чемодана, которые стояли раскрытые на полу посреди комнаты. — Подхожу я к четверем евреям и говорю: с вас по сто рублей на папиросы. Трое понимают, деньги дают, а четвертый протягивает папиросу. Я ему, конечно, ничего не сказал. Папиросу взял, закурил. А когда его ящики забивали, так я ему в пианино несколько гвоздей-соток вбил.

— Правильно, Вася, в следующий раз не будет жадничать. А это что? — спросил Иван Петрович, указывая на какой-то предмет в чемодане.

— Портсигар. Это вам.

— У меня уже пятнадцать таких. Оставь себе — подаришь дворнику, чтоб лучше подметал возле дома. Ну, что там еще?

— Деньги. Пятьсот рублей. Двести пятьдесят вам, двести пятьдесят мне.

— Триста.

— Да что вы! Мне и двести пятьдесят хватит.

— Нет, мне триста, Вася, мне триста. А что это там такое, черное в крапинку?

— Это лифчик. Я его на память взял. С этим лифчиком такой смех был! Проверял я одного старика, и нахожу у него эту штуку. «Что это, — говорю, — такое?» — «Это, — отвечает он, — бюстгалтер». Я, конечно, ржу. «Зачем, — говорю, — тебе, дед, бюстгалтер?» А он говорит: «Я его дочери в подарок везу».

А я говорю: «Давай мы его Феде подарим, грузчику нашему». Тут Федя, а вы знаете, какой он у нас жирный, снимает рубаху и начинает мерять этот лифчик на свои груди...

— Федя...лифчик... — Иван Петрович начал смеяться.

— На груди он ему, конечно, не подходит. Тогда Федя снимает штаны и начинает этот лифчик на задницу мерять. Старик стоит, чуть не плачет. Лицо сморщилось, как сушеная слива. А мы с Федей умираем от смеха!

Иван Петрович побагровел и стал сползать с кресла.

— Вася, замолчи... Не могу...

— Так это же не все, Иван Петрович! Федя, как увидел, что лифчик ему ни на что не налазит, пробует его себе на яйца. И представляете, тютелька в тютельку, как на него сшито!

Иван Петрович начал захлебываться от смеха, икать и кататься по персидскому ковру, который не пропускают на таможене.

— Ну ты и убийца, Вася. Ну и палач! Чуть меня не отправил на тот свет. Аркадий Райкин ты!

Когда Иван Петрович успокоился, таможенники снова принялись делить содержимое чемоданов.

— Это вам... и это вам... и это тоже вам... и даже это вам. Все самое лучшее — вам, Иван Петрович!

Наконец показалось дно последнего чемодана.

— Все? — спросил Иван Петрович.

— Все, — ответил Вася. — Была у меня, правда, одна надежда сегодня, но накрылась. Проверял я одних. Наши ребята из Киева передали, что из этих можно что-то вытрясти. Я просветил все ящики, раздел всю семью, жену посадил на кресло. Ничего. Подхожу я тогда к папаше и говорю: «Я знаю, что у тебя точно что-то есть. Ты у меня это все равно высрешь!» — и даю ему английскую соль. Посидел он на горшке, я

порылся — ничего. Пришлось отпустить. «Ну, думаю, вы у меня за это дерьмо получите!» И стал всех на горшок сажать. Вы бы видели, Иван Петрович, какую кучу евреи наложили!

— Где камень? — перебил Иван Петрович.

— Нет, не нашел. Все перерыл.

— Понимаю, что перерыл. А камень где?

— Нет, нет камня!

— Где камень, ворюга? В тюрьме сгною!

— Да что вы, Иван Петрович, я же к вам с открытой душой! Я же от вас ничего не скрываю. Мы же все вместе делаем. А если я и сяду, то тоже вместе с вами.

— Молчи, я пошутил!

— Да, еще, Иван Петрович! Через таможенню уже собаки стали сами ездить.

— Это как же?

— А так. Подходит ко мне сегодня утром собака и говорит: «Вот моя виза на выезд, пропустите меня на поезд». — «А где твой багаж?» — спрашиваю. «Нет у меня багажа, я же собака», — отвечает. Ладно, думаю, собака, тем лучше. И кинул ей кусок отравленной колбасы. Я бы их всех травил, но они из моих рук не едят.

Вдруг порыв ветра распахнул окно, и таможенники увидели на фоне луны силуэт молодого сотрудника.

— Нас подслушивали! — закричал Иван Петрович и от страха повалился в кресло.

Вася схватил молоток, который как раз оказался под рукой, и бросился к окну. Но там уже никого не было.

«Показалось», — подумал Вася и пошел успокаивать Ивана Петровича.

Но Ивана Петровича не надо было успокаивать. Он сидел в кресле спокойный, бледный и холодный. Вася постоял возле своего начальника минуту, отда-

вая ему последний долг, потом аккуратно сложил все обратно в чемоданы и пошел домой к жене — спать.

* * *

Самая короткая глава, в которой просто уходит поезд

- Заходите в вагон, не плачьте, все будет хорошо.
- Я боюсь.
- Чего вы боитесь?
- Я боюсь самолета. Я ни разу в жизни не летала...

- Я уже еду туда без кишок.
- Что, вам сделали операцию?
- Нет, просто они из меня уже вымотали все кишки...

- Ну, до свидания! Чтобы ты встретила хорошего человека... С тобой мы встретимся... А твоя маленькая чтоб поскорее выздоровела... А ты не давай себя в обиду, не разрешай садиться себе на голову, пошли их всех к чёрту... А ты будь умницей и выкинь свою шиксу из головы... А ты, сынок, приезжай скорее, нам осталось не так уж много.
- Зачем вы говорите это? Вы же знаете, что мы с моим мужем никуда не поедem!
- Замолчи! Я разговариваю со своим сыном!..

- Сема! Езжай домой немедленно! Мы забыли отдать Марусе кастрюлю!
- Ничего, пошлешь ей оттуда.
- Я отдам ей свою кастрюлю, перестаньте только волноваться!..

- Заходите в вагон скорее...
- Счастливого пути! Счастливо устроиться...

- Не пишите только на мой адрес...
- Не простудите ребенка! Наденьте ему косынку на уши...

Поезд медленно отошел от перрона и через минуту исчез из виду. Те, кто провожали его, вышли в город и разошлись — каждый по своим делам.

* * *

— Ну и что? Кому что суждено. Одни всю жизнь живут на одном месте, другие меняют города, страны. Что тут такого?

— Не знаю, но меня все это взволновало.

— Вы еще очень молоды, но со временем увидите, что в нашей работе главное — равнодушие. А если все принимать близко к сердцу и во все вмешиваться, можно наделать кучу ошибок и изменить должный ход вещей.

— А если этот должный ход вещей неправильный?

— Такого не бывает!

— Я пытался не вмешиваться ни в какие человеческие дела, но, честно говоря, мне это было трудно.

— Так вы не вмешивались? А почему умер начальник таможни?

— Я его не убивал. Это он от страха.

— Если бы не вы, он прожил бы еще двадцать семь лет. И отлично бы спал все время. А умер бы случайно: ему на голову свалилась бы сосулька.

— Я тут ни при чем. Это ветер виноват.

— Не перекладывайте свою вину на кого-то другого, молодой человек! Природные явления сами никогда не виноваты в наших ошибках.

— Что же делать?

— Сесть за стол и исправить свою ошибку. Под-

считать, на сколько судеб повлиял бы этот человек за двадцать семь лет, выявить тех, кого бы коснулись все эти изменения, и ввести в программу поправку, при которой все бы осталось на своих местах. И чему вас только в университете учат?

— А может, поставить на эти годы другого, точно такого же?

— Не люблю я эти эксперименты. Они редко кончались чем-то хорошим... Кстати, зачем вам нужны были эти таможенники? Что интересного вы от них услышали?

— Так, одну мелочь.

— Что за мелочь? — заинтересовался начальник.

— Оказывается, собака умерла не от инфаркта. Ее отравил таможенник.

— Вы это серьезно?

— А что тут такого?

— Да понимаете ли вы, что значит ваша «мелочь»? То, что я останусь за этим столом, то, что вы и дальше будете делать свое дело. То, что все идет так, как и должно идти. Вот уже второй раз я ловлю вас на этом слове: мелочь. Забудьте о нем!

— Да, но если сейчас это важно, то тогда, в начале всего дела, это действительно была мелочь.

— А почему вы сразу не проверили результаты экспертизы?

— Но ведь ее делали квалифицированные люди.

— Какая разница, какие люди ее делали! Я ведь говорил вам, что людям верить нельзя.

— Начальник, но какая разница, от чего подохла собака? Ведь все равно она не жила нормальной собачьей жизнью: думала, разговаривала.

— Жизнь нас не интересует. Мы имеем дело только со смертью. А у Белки была вполне нормальная для собаки смерть. Миллионы собак подымают так же на дорогах.

— А как же быть с людьми, которые видели и знали ее? Ведь были свидетели.

— Какие свидетели?

Начальник взял папку, раскрыл ее и вытащил кипу бумаг.

— Какие свидетели? Эти?

И он стал с наслаждением рвать бумаги на мелкие клочки и подбрасывать их в воздух.

— Стойте, начальник! — не выдержал молодой сотрудник. — Что вы делаете? Вы же вмешиваетесь в жизнь. Этого делать нельзя!

Начальник улыбнулся:

— Можно. Даже нужно, если разрешает начальство!

Он продолжал рвать бумаги, и с клочками, которые исчезали в дыму его сигареты, исчезали двор на улице Волгоградской, со всеми его обитателями, веревками, бельем и балконами, младший проходчик Львовской железной дороги, экспертиза вскрытия собаки Белки, письмо Белке от Сурки Эйдельбойм и сама Сурка Эйдельбойм в далекой жаркой стране, и секретарь районной комсомольской организации, и все ее бюро, и ОВИР, и очередь, и поезд, и великий маленький Зац со своими трехтомными мемуарами и пирамидами, и районная больница со своим главврачом, и Кузьмич, стоящий на страже макулатуры, исчезли старые газеты со статьей Шмелиха и пограничная таможня. Исчезло золотое яйцо, которое так и не успела снести курочка Ряба. Исчез, как из окна поезда, старый город, как будто его никогда и не было.

ПРИВЕТ БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ

Рассказ

I

Дом, в котором жили Вишневские, был в Замоскворечье. Район этот по-настоящему начал застраиваться после войны, когда началось кооперативное строительство. В то время разные государственные учреждения стали возводить дома для своих служащих. Строились эти дома на скорую руку и назывались хрущевскими. Но, к счастью, не они определяли лицо Замоскворечья, а старые дома, построенные купцом первой гильдии Ремизовым, владельцами маслобойни Митрофановым, зонтичной фабрики Ляпиным, колбасной Виноградовым, обоевой Зайцевым, парфюмерной Брокардом.

Олег Владимирович Вишневский был писателем. Изредка в газетах или журналах появлялись его статьи. Он редактировал, заседал в комиссиях и комитетах, ходил на закрытые просмотры иностранных кинокартин.

Алиса, его дочь, в детстве, как все дети, очень гордилась своим отцом и считала его самым сильным, самым главным человеком на свете. Потом она подросла и стала стыдиться, так как оказалось, что он значительно проигрывает в сравнении с другими отцами их двора. Он не мог починить телевизор, втащить на первый этаж пианино, даже не был директором завода, за которым по утрам приезжала машина. Папа работал дома. Запирался время от времени в спальне, которая служила ему кабинетом, и стучал на машинке.

Рассказ пришел из самиздата. Автор неизвестен.

В старших классах Алиса опять стала гордиться своим отцом. Завуч школы, она же Алисина преподавательница литературы, всегда интересовалась мнением ее отца о современном искусстве и раз в год непременно приглашала его на встречу с литературным кружком. У Алисы росла благодарность отцу за возможность общения с людьми и миром искусства, за приятную зависть к ней подруг, которую они старались не показывать, когда она рассказывала им, кого видела вчера в Доме литераторов и что ей сказал обещавший у них известный поэт. Она стала гордиться не только отцом, но и всеми этими интересными, всегда вежливыми, всегда изысканными, всегда хорошо одетыми людьми.

Но это было уже в университете.

Она поступила на филологический факультет, а через год ушла в театральный институт — у нее обнаружилось актерское дарование. Занималась театром два года, но заметных успехов не замечалось, и она, без особого сожаления, снова перешла на филологический факультет.

К этому времени она уже была знакома с Георгием Артуровичем, своим будущим мужем. Он был переводчик и член Союза писателей. Познакомились они на море, в Симеизе.

Ему было чуть более пятидесяти, и в черных волосах его заметно протянулись серебристые ниточки. В Москве они начали встречаться. Больше половины ее подруг повыходили замуж, но она не торопилась, она знала себе цену и хотела дождаться наверняка. Она гордилась мужем за талант, за безукоризненность, за его знание иностранных языков, за квартиру с портретами масляной краской его деда и отца. Родился сын. Она назвала его Денисом и год не ходила в университет. У нее появились другие платья, более элегантные и продуманные, и она по-прежнему волно-

валась и плохо спала, когда почему-то он не ночевал дома или уезжал в командировку.

Училась она уже на третьем курсе. Все поступившие в университет вместе с ней уже окончили его, но она быстро образовала и тут круг знакомых, и они часто собирались на ее квартире.

Георгий Артурович сам любил такие студенческие вечеринки и всегда блистал на них. Все подружки Алисы были влюблены в него, и это ей льстило.

Тут появился Борис Одинцов. Борису было двадцать девять лет. Он окончил музыкальную школу в городе Камышине Волгоградской области. В восемнадцать лет украл мопед и радиоприемник, получил небольшой срок.

— Хотел себе праздник устроить, а вышло наоборот, — рассказывал он в компании. Служил в армии, после армии ехать в Камышин не захотелось, он приехал в Москву и поступил на режиссерский факультет театрального института.

Как сам он говорил, он многого ждал от жизни и многое мог. Но однажды он решил, что ничего не состоится и что он несчастный человек. У него была жена, ребенок. Но он никогда не ощущал их как свою семью. Жене — 22 года, она студентка полиграфического института. Еще когда они просто встречались — они дрались друг с другом, и она пыталась выбраться из окна. Однако до суда дело не дошло, и оба пошли в загс. Расстояние от драки до поцелуев они преодолевали с артистической легкостью.

Любил ли он ее? Трудно сказать. Конечно, Борис знал, что существует любовь. По первой программе радиостанции «Юность». Едешь из бара с приятелями в машине и слушаешь: та-ру-ра, па-ра-ру-ра-ру-ра-ра-ра, жил-был мальчик и одна девочка. Они любили друг друга и умерли в один день. И все это под музыку Поля Мориа.

Когда-то, очень давно, еще до армии, любил Борис одну девушку, да только вспоминать об этом неохота. Как поется в песне, что услышал еще в первой тюремной отсидке: «Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкой я прощаюсь навсегда».

Алиса не была с ним знакома по театральному институту. Встречала она его уже на поэтических вечерах в Доме литераторов и по всечеловеческой привычке обрадовалась знакомому лицу. Когда они вместе вышли на остановке и освещенный троллейбус укатил в темноту, Борис сгреб ее в охапку и поцеловал. И она не обиделась. Она потом ужасалась на себя, плохо спала, курила ночью, но тогда не обиделась.

Бориса она попросила не напоминать больше об этом случае. Он вошел в их университетскую компанию, стал вместе со всеми бывать у них дома и спорить с Жоржем о литературе. Ей было несколько обидно и как-то не по себе, что на Бориса не произвели впечатления портреты маслом дедушки и отца Жоржа, хотя и до его иронических замечаний она видела, что написаны они слащаво.

У Бориса была неприятная усмешка. Особенно часто он усмеялся, когда Георгий Артурович начинал острить и шутливо называл подруг Алисы старушками или восторженно трактовал о Китсе и Шелли. Алисе было неприятно, что муж не понимает этих ухмылок, не замечает, что временами действительно выглядит картинно и фатовато.

Георгий Артурович уехал на литературный семинар в Волгоград как раз перед днем рождения Алисы. Отец подарил ей кофейный сервиз, университетские подруги принесли ночную сорочку и цветы, Алексей Генрихович и Ирина Андреевна — двух забавных кукол, которых они привезли из Дании.

Борис не подарил ничего, хотя она пригласила его именно в день рождения. Он принес две бутылки пшеничной водки. Водку в ее доме не пил никто. В этот

раз, правда, отец, разогретый коньяком, пригубил пару рюмок.

Борис невозмутимо наливал себе рюмку за рюмкой, хвалил закуску и с усмешкой наблюдал за подругами Алисы. Потом он сел к роялю и стал играть какие-то причудливые и тоскливые попури из русских песен.

Играл он замечательно. Это поняли все. Но когда он кончил и ему восторженно захлопали, он резко вернулся к роялю и ударил такой каскад рок-н-ролловых ритмов, что все разговоры прекратились и начались танцы.

Борис играл непрерывно, перебивая иногда танцевальные ритмы аккордами и пунктиром блюза. Отцу стало плохо от водки, и мать увезла его домой.

К часу ночи разошлись и остальные гости.

Борис все еще сидел за роялем. Алиса встала за его спиной.

— Пора, Боря. Все уже разошлись. До свидания.

— Все?

Он встал и, словно сомневаясь, медленно обошел все комнаты. В маленькой спал Денис. Борис постоял, наклонившись над сеткой, ограждающей кровать, засунул выкинутую маленькую ручку под одеяло. Потом пошел в уборную, потом долго и шумно фыркнул в ванной.

— Кажется, где-то здесь оставалась водка?

Он вышел из ванной без пиджака, в расстегнутой белой рубашке и сел за стол. Мокрые волосы торчали пучками на голове, и он был похож на большого волка.

Борис налил в рюмку водки, выпил, налил еще и налил во вторую.

— Держи. Хочу выпить с тобой вместе.

Алиса взяла рюмку. Она понимала, что делает не то, но почему-то не могла придумать, как ей надо поступить. Она видела себя со стороны и боялась,

переживала за себя, как за героиню французской мелодрамы.

Водка была безвкусной и некрепкой.

— Я сейчас вызову такси.

— Не надо. Я остаюсь у тебя.

— Это невозможно, Боря. Я же одна в квартире.

— Именно поэтому.

II

Борис ушел в пять утра, назвав на прощание ее дурой. Она не обиделась. Она чувствовала себя настоящей женщиной, и еще ей хотелось подумать, как она будет уходить от мужа. Впрочем, зря Боря назвал ее дурой, она и сама понимает, что уходить ей нельзя, невозможно.

Последнее время Борис чаще всего проводил на Серпуховке у Кичков и теперь шел туда. Там все пили водку. Пил старший брат, сестра, Сергей — младший брат по прозвищу Дубровский.

Одинцов презирал Сергея Кичка и также слегка завидовал ему. Презирал за тупость, за то, что рот раскроет — и только мат. Завидовал тому, что Кичок неженатый, необожженный, не брошенный никем и никого не бросивший, с железными нервами, с широкими плечами, с толстой шеей. И если уж Кичок бьет человека, то валит его на землю. И ничего не боится. И не психует, не заводится с пол-оборота. И может заснуть после любой попойки, любой «малины» и проснуться с легкой, бездумной головой.

Но особенно Одинцов завидовал тому, что Кичок никогда не задумывается о режиссуре, литературе, о так называемой мировой скорби и вообще о том, куда бежит жизнь, над тем, почему она не получается, как в кино. И еще тому, что Кичку нет даже двадцати

двух и у него всего несколько скромных приводов в милицию за драку.

В это утро на Одинцова как бы нашло вдохновение. Разбудив Кичка, он тут же сказал ему:

— Если ты так будешь жить, Дубровский, то прокоптишь свою жизнь некрасиво и скучно. В жизни, Дубровский, надо гореть и рисковать, гибнуть и возрождаться, как Феникс. Если провернем большое дело, то отстегнем себе по большому кусману и тогда начнем новую жизнь.

— Зачем? Мне и старая нравится, — возразил Кичок.

— Дурак ты, Дубровский. Слушай меня внимательно. Разговор будет серьезный.

И он изложил Кичку свой режиссерский план, над которым думал давно.

План этот был четким и хитроумным. Со множеством обдуманых деталей, с использованием водительской профессии Кичка.

Суть плана заключалась в овладении машиной таксопарка, обслуживающей инкассаторов, а значит, в ликвидации водителя этой машины, замене его им, Одинцовым. Затем в ликвидации инкассаторов.

В начальной стадии операции Кичок должен был скрываться в багажнике и выйти в решающий момент, чтобы напасть врасплох на инкассаторов. После этого машина с телами убитых должна быть потоплена.

Главное в первой части плана было выманить далеко за город таксиста, который должен был в этот день обслуживать инкассаторов.

Вопросов у Кичка было два.

Первый: чем производить ликвидацию — инкассаторы вооружены пистолетами?

Второй: сколько будет «башлей», то есть денег?

На первый Одинцов ответил, что пусть это его не заботит. Все, что требуется для операции, найдется.

На второй без всяких колебаний ответил:

— Много. И — пополам.

Кичок смотрел на Одинцова заспанными глазами и ошарашенно морщил лоб. Ругнулся и сказал:

— А не подзалетим?

Потом махнул и засмеялся. Опять ругнулся, покрепче. И Одинцов опять позавидовал Кичку. Тому, как легко тот согласился на убийство.

Одинцов придумал эту операцию, разработал режиссуру убийства, но он еще не был уверен, что решится. Весь этот разговор с Кичком был, что называется, первой, предварительной репетицией. Дело-то было жуткое — убийство. И он до конца еще не знал: стоит ли? А Кичок уже решил. Лишенный воображения, он был лишен и страха.

Одинцов любил встречаться с женщинами, которые его жалели. Он приходил к ним, они кормили его, слушали часами. Выпив и отдохнув после репетиций, он любил поговорить о жизни, о том, что он мог бы сделать и чего не сделает никогда.

Это были женщины или очень молодые, или не молодые и не удачливые в семейной жизни, разведёнки, сами воспитывающие детей, без претензий и надежд на будущее. Чаще всего он выбирал официанток или медсестер. С ними было уютно, без проблем. Иногда, впрочем, он взвинчивался, стervenел и его тянуло к интеллектуалкам типа Алисы.

Когда Одинцов построил режиссерский план убийства шофера такси и инкассаторов, то подумал о матери сначала с колющей болью. А потом подумал по-другому: делово. У матери в Камышине большой рубленый дом. Ясно, что мать его никогда не продаст. Зачем ей в Москву переезжать? Но дом этот пригодиться может. Для легенды. Откуда у него деньги, которые возьмут они с Кичком у инкассаторов? А он надеется на миллион по-старому. Так вот, этот миллион, если его спросят — выручка от продажи

дома. Проверять не станут. Дом продал, вот и деньги. А почему так много? А это уж не ваше дело, господа хорошие. Больно уж дом был хороший, такие по дешевке не продаются. Ясно? Ну, вот и хорошо!

А к кому он пойдет в первую ночь после операции? Нет, к жене он не пойдет. Он пойдет к Алисе. А что будет делать Кичок? О нем тоже надо подумать. Надо и ему найти тихое местечко.

И еще одна деталь. Когда он будет везти инкассаторов и наступит момент кончать с ними, ему придется выйти из машины и открыть багажник, чтобы выпустить Кичка. Значит, надо выходить все время, чтобы не навести на ненужные мысли. Все нормально, шеф, только надо посмотреть заднее колесо. И болтать безумолку, чтобы инкассаторы сидели тихо и слушали.

Орудия для операции: металлический лом — «Фомка» и еще вилы, лучше рог от вил, только укороченный и остро заточенный. А ручку надо перевязать изоляционной лентой, чтобы не скользила от крови.

III

Одинцов пропадал два дня, пришел на третий, стриженный и сосредоточенный. Алиса погасила свет во всей квартире — пусть думают, что никого нет дома, — кроме маленькой комнаты, окно которой выходило в соседний двор, — и стала собирать на стол в полутьме.

— Что будешь пить?

Одинцов расположился на маленьком стульчике и показывал Денису, как поролоновый заяц борется с плюшевым медведем.

— Осталась еще водка?

Алиса показала ему почти полную бутылку. Бутылка запотела и покрылась серебристыми капельками.

— Вроде тогда почти всю выпил.

— У меня была еще бутылка в запасе.

Ей не хотелось говорить, что она купила ее вчера. Они пили водку большими стопками. Алиса заставила весь стол закусками: селедка в масле, селедка в «шубе» — любимая Бориса, холодное мясо, яйца под майонезом, пестрый весенний салат, ранняя редиска, помидоры, купленные на Даниловском рынке у грузин по восемь рублей за килограмм, и на выбор два соуса к мясу — татарский и чемберлен. Кроме закусок, Алиса приготовила горячее: натуральный бифштекс и антрекот из индейки.

— Вот это я понимаю. Настоящий праздник чревоугодия, — сказал Одинцов.

Денис восторженно визжал и дергал зайца за уши.

— Дениска, пора спать.

Денис привычно закапризничал и не сходил с колен Бориса.

— Ну, что это за концерт, маэстро? Ложись, а я тебе сказку расскажу про желтого китайца.

— А у тебя, Боря, получается с детьми.

— Режиссер все должен уметь.

— Тебе идет с детьми, ты даже выглядишь лучше. Денису еще никто не нравился с первого взгляда.

Одинцов усмехнулся, и она поняла, что хотела этим сказать, и что не сказала.

— Я тебе нравлюсь, Борис?

— Люди мы разные. Но дело даже не в этом, и не в муже, вернее, не в его квартире.

Она хотела возразить, сказать, что понимает, как ему трудно будет стать интеллигентней, порядочней, приличней, избавиться от вульгарности и цинизма, от грубых, шокирующих привычек, и что она готова ему в этом помогать. Но Одинцов продолжал:

— Не в этом суть, не во всем этом барахле. Это все мелочи. Скучно мне скоро станет. У Макса Фриша есть пьеса «Граф Эдерланд». Там есть один тип —

мужчина тридцати семи лет, кассир в банке, добросовестный служака. И вот этот добросовестный чиновник однажды ночью взял топор и убил привратника — ни за что, ни про что. Просто так — взял и раскроил ему череп. От скуки можно и это сделать.

Алиса почувствовала, что обиделась. Она гордилась собой, своим отцом, мужем, своими знакомыми, своей утонченностью, широтой своих интересов, голосом, духовным и материальным дефицитом, платьями от Диора и высокой грудью.

Если бы и дальше он продолжал в том же духе, если бы он опять усмехнулся, если, ни слова не говоря, он кинул ее на диван, она бы смолчала и успокоилась, но он сегодня был тих, почти скромн, и она выгнала его. Он ушел сразу. Кивнул в знак согласия волчьей головой и ушел.

IV

На рассвете Одинцов уже стучался к Кичку. Он был в кожаной кепке, молчаливый и злой, как после большой пьянки.

Надо было договориться с таксистом, имеющим направление в диспетчерскую банка и заступающим во вторую смену. Предварительный разговор с ним Кичка уже был. Теперь надо было довести дело до конца.

Одинцов вновь послал Кичка. Кичок пошел договариваться. Одинцов с портфелем и хозяйственной сумкой, в которых лежали «Фомка» и рог вил, ждал неподалеку от таксопарка.

Кичок вернулся ни с чем. Одинцов так и знал. Кичок дурак. Он уломать никого не может. Таксист, с которым была предварительная договоренность, по непонятным причинам отказался.

Что делать? Ведь уже настроились. Одинцов знал, что если не сделает ЭТО сегодня, то не сделает ни-

когда. Тем более, что девятое число у него всегда было счастливым. И тогда он подумал о Терентьеве.

Терентьев тоже с пяти часов вечера должен был возить инкассаторов. Одинцов не хотел, чтобы ЭТО произошло с Терентьевым, но теперь уже выбора не было.

— С вами хочет поговорить один человек. Ваш хороший знакомый. Он тут рядышком, — сказал Кичок Терентьеву.

Терентьев вначале не соглашался. Тогда Одинцов напомнил:

— Мы же с тобой крестники. Ты же у меня на свадьбе работал. Что же ты мне отказываешь? Довезешь нас до Головково. Заработаешь немного. Тебе не повредит и нам тоже. Редиски детям привезешь.

У Терентьева было двое детей — одному двенадцать лет, другому девять.

Согласился.

Поехали. В ногах у Одинцова стояла большая хозяйственная сумка. Кичок держал портфель. Терентьеву до этого не было дела. Мало ли что люди везут. Раз просят — значит, надо подвезти на дачу.

Ехали спокойно, с разговорами.

Летние дачки, впереди шоссе, позади остались посты ГАИ.

Места эти Терентьеву были знакомы. Сюда на Сенежское озеро он приезжал к рыбакам. Здесь он купался, собирал кувшинки, рыбачил, ночевал у костра. И он подумал о том, чтобы поскорее пойти в отпуск и здесь купаться и загорать всей семьей.

Он не понял: что ЭТО?!

Неужели напоролся? Откуда этот страшный, тяжёлый удар, этот нечеловеческий хруст?

Да что же это хрустит, Господи?

Да ведь это его голова хрустнула. Но он живой, видит дорогу. Боже, мамочка, что же это?

Второй удар, острый, как укол, в левое плечо. И рядом — красная, перекошенная морда Кичка.

Терентьев почувствовал, что Кичок поднялся и как бы навис над ним, а Одинцов кричит: «Кончай его быстрее, не давай выскочить!»

Рог от вил, которым бил Кичок, все шел куда-то мимо, не попадал в сердце, впивался в плечо, протыкал обшивку сидения. Кичку было неудобно замахнуться в машине как следует, и он стал душить Терентьева. И Одинцов тоже стал его душить. Терентьев бросил руль и, хрипя, вырывался, царапал их, кусал им руки.

Ему все же удалось вывалиться из машины на землю. Они поочередно, один за другим, всей тяжестью, ногами, прыгнули на него, лежащего. Терентьев закричал: «Только не убивайте, ребята!»

Ему вдруг показалось: они послушались и уходят. На секунду стало тихо.

Но вот что-то жгучее глубоко вонзилось ему в спину и вновь хрустнула голова. Тогда он стал зарываться в листву, хватал листву ртом. И в какой-то момент ему стало не больно, а холодно, и показалось, что все это бред, сон, просто выпил лишнего в день получки и никак не может протрезветь.

Первая часть операции закончилась. Теперь им надо было спешить. По графику Терентьев вскоре должен был возить инкассаторов.

Ехали в Москву молча. Вдруг Одинцов услышал, что Терентьев стонет. Они открыли багажник, и Кичок еще несколько раз воткнул рог вил в тело Терентьева. На самом деле Терентьев был уже мертв. Воздух выходил из его легких, и это походило на стон.

Заехали в Солнечногорск. У аптеки остановились. Одинцов купил вату и бинт, Кичок сбегал в магазин и купил поллитра водки. Одинцов протер себе руки и лицо, а Кичок выпил все остальное.

Поехали дальше, в пруду возле «Радищево» решили утопить тело Терентьева.

— Держишь? — прошептал Одинцов.

— Держу, — ответил Кичок.

— Раз, два, три...

Изо всех сил раскачав тело Терентьева, они одновременно отпустили руки, и оно упало в пруд. Раздался плеск — наступила тишина. Где-то далеко в Москве сверкала молния. Кичок отер со лба пот.

— Ну, и тяжел, мужик!

— Тише ты, — зашипел Одинцов. Он стоял у березы и мочился. У него дрожали руки. Кровь вся отхлынула от лица. Сердце пульсировало в горле. Когда они тащили труп через кусты, он почувствовал, что его начинает душить рвота. Сейчас он открыл рот и вдыхал воздух, как утопающий. Но это не помогало. Лоб покрылся испариной. Тогда он вытянул руки, согнулся, и его начало рвать.

— Борька! — шепотом позвал Кичок.

— Чего тебе?

— Надо линять!

Кичок подошел к Одинцову. Тот, согнувшись пополам, судорожно ухватился за березу и продолжал давиться и корчиться. Наконец его перестало рвать. С минуту он постоял, опустив голову, как ребенок, уставший от плача. Потом стал вытирать рот платком.

Он тщательно и долго вытирал рот, наконец спрятал платок в карман и опять глотнул воздуха, но уже спокойней, не захлебываясь.

Затем они очистили багажник, замыли кровь.

Не доезжая до Москвы, Кичок лег в багажник. На нем была нейлоновая летняя куртка, и он по указанию Одинцова снял ее, чтобы не шуршала.

Начиналась главная часть операции. Одинцов сломал кнопочное устройство задней двери, чтобы инкассаторы не могли ее запереть. Затем, предъявив

путевой лист Терентьева, он проехал на территорию банка. Расписался за Терентьева в документе, к нему сели два человека, два инкассатора. Он возил их от пункта к пункту, рассказывал анекдоты, пародировал Леонова и Крамарова, выходил на всех остановках, проверял заднее колесо.

В Добрынинском переулке, пустом в этот час, последнем пункте инкассаторов перед банком, в тот момент, когда один из инкассаторов скрывается за дверью, Одинцов выходит и открывает багажник.

Пора!

И тут происходит нечто поразительное, не учтенное в режиссерском плане Одинцова. Вместо того, чтобы мгновенно выскочить, открыть заднюю дверцу и проникнуть в машину, Кичок медленно, скрючившись, крадется от машины. Ему показалось, что один из инкассаторов потянулся за пистолетом. Он ругнулся и побежал. А в этот момент в дверях появился второй инкассатор.

«Все накрылось, все, все», — думал Одинцов, машинально давя на газ, не глядя ни на первого инкассатора, сидевшего рядом, ни на второго, занявшего место сзади, ни на Кичка, отплывающего все дальше и дальше.

«Все, все зря! Конец! — с отчаянием думал Одинцов. — Сволочь, идиот этот Кичок. Все загубил! Все!»

По наряду Терентьев должен был взять еще двух инкассаторов. Одинцову не хотелось ни ехать, ни двигаться. Сели новые инкассаторы. Теперь ему даже хотелось разбиться, разбить себя и их вместе с их проклятыми деньгами.

Сейчас он всех ненавидел. Себя даже больше, чем других, — за глупость своей режиссуры. Все продумал, а этого не предусмотрел. Он даже и не думал, как уходить, как заметать следы. Вроде бы теперь и уходить не было смысла. Был смысл уходить с деньгами. А так что?

Он как бы забыл о Кичке. Какая разница, где этот идиот. Зря только понадеялся на него.

Его начало чуть подташнивать от страха. Он не слышал, о чем разговаривают инкассаторы, только время от времени перед его глазами мелькал большой защитного цвета мешок, который выносил откуда-то один из них.

Остановились у кафе «Эвридика» забрать дневную выручку. Здесь Одинцов неоднократно бывал. Завешенные красной драпировкой окна рубиново светились. Слышались гулкие, как бы толчками, удары: ударник вел партию.

— А у меня здесь девочка есть, официантка, — зачем-то сказал Одинцов.

— Хорошо вам, — то ли безучастно, то ли с иронией сказал инкассатор.

Он сидел задумавшись и тоже глядел на эти красные, как угольки, окна.

Через несколько минут должен был выйти второй инкассатор.

Одинцов выхватил «Фомку» и ударил инкассатора по голове. Инкассатор соскользнул вниз.

Одинцов взял мешок, открыл дверцу и побежал мимо стоянки такси. Навстречу попадались редкие прохожие. Стало жарко, и он сбросил пиджак. Он бежал как в тумане и в то же время неуклонно придерживался определенного маршрута. Теперь то, что он задумал, исполнилось, и ему стало легко. Только мешок был очень тяжелый. Никогда Одинцов не думал, что деньги могут столько весить. Килограммов сорок они весили.

Второй инкассатор вышел из кафе, увидел лежащего без сознания первого инкассатора и, держа руку на пистолете, побежал звонить в «Скорую» и в милицию.

Сначала искали Терентьева. Пришли к нему домой. Дети уже спали. Жена не спала. Беременная тре-

тым ребенком, она гладила белье. Сонная, полутемная комната пахла детьми.

Ее попросили поехать с ними для выяснения обстоятельств преступления.

— Он не мог этого сделать, — повторила она.

Было ясно, что убивал инкассатора не Терентьев. Дома не оказалось его фотографии. Его фотографию нашли уже в таксопарке, она была на доске почета.

А в это время Одинцов с тяжелым мешком метался по замоскворецким переулкам, отсиживался возле морга Морозовской больницы. Он знал, что спрятать его в Москве могут только женщины.

В белой рубашке с инкассаторским мешком на плече он и предстал перед Алисой.

— Что случилось? — испуганно спросила она.

— Я ограбил банк, — сказал он, и было непонятно, шутит он или говорит правду.

«Опять эти режиссерские штучки», — подумала она, не понимая, что становится соучастницей преступления.

— Ты что, участвовал в перестрелке, как легендарный Камо? — попробовала пошутить Алиса.

— Что ты, меня мутит от одного вида крови.

Он сбросил мешок на пол, сунул в него руку и достал тяжелую тугую пачку денег. Поиграл пачкой, как мячиком, раскидал ее, затем сжал в мятый неряшливый ком и протянул Алисе.

— Возьми несколько бутылок водки.

Магазины были давно закрыты. Пришлось водку брать в ресторане. Всю ночь они считали деньги и перекладывали их из мешка в спортивную сумку.

А денег было много. Так много, что, казалось, это вовсе не деньги, а раскрашенные бумажки, наподобие первомайских открыток. Глаза слепли от этих бумажек, кружилась голова от специфического денежного запаха. Этих денег хватило бы на целую жизнь, но Одинцов вдруг подумал:

«А что с ними делать? Ведь даже машину не купишь. Наверное, мои фотографии уже развешены по всей Москве. Надо доставать новый паспорт, а значит, надо снова глушить кого-то».

Наверное, паспорт можно достать и без крови, но он чувствовал, что сил у него на новую операцию нет. Он вспомнил, как в детстве он подговорил ребят залезть в соседний погреб за солеными грибами. Грибов было много, но он ел торопливо, давясь, без удовольствия, вкуса не чувствовал. Только рот был полон. Боялся, что поймают хозяева.

Денег было 385 тысяч 124 рубля.

Он опьянел от тепла, от водки, от близости Алисы, и страх, который то возникал, то исчезал, сейчас отпустил его. Ему захотелось веселиться. Он сел за рояль и запел:

«Не смотрите вы так, сквозь прищуренный глаз, джентельмены, бароны, миледи! Я за двадцать минут опьянеть не смогла от стакана холодного брэнди!»

— Да не бойся, ты, Лиска! Был у меня дом в Камышине. Теперь нет дома. Вот и деньги. Купим себе собственную квартиру и заживем чин-чинарём. А сейчас давай выпьем за нас с тобой.

Потом он мылся в ванной. На руке был глубокий след укуса. Со страхом подумал об убитом. Затем успокоил себя. «А, чёрт с ним, одним дураком меньше».

Алиса накрыла на стол, поставила закуску. Пили. Одинцов всё время смеялся:

Граф Эдерланд идет по земле,

Граф Эдерланд с топором в руке,

Граф Эдерланд идет по земле!

Утром зашла подруга Алисы. Она приехала в Москву из Тбилиси.

«Уехать, что ли, в Тбилиси? — думал Одинцов. — Нет, лучше в Батуми. Нельзя. Там пограничная прописка. Куда бы уехать? Всё надо сменить: и

город, и паспорт, и женщин, и фамилию, и внешность. Бежать надо, Боря. Вот пойду сейчас и сяду на самолет».

Но на самолет он не сел, так как уничтожил свой паспорт. И на вокзал тоже не пошел. Думал, успеется.

Весь следующий день до позднего вечера Одинцов тоже пил. О Кичке он не думал. Будто и не было такого — Кичка. Один раз только подумал: «А что, если его уже взяли?»

Как хорошо, что он скрыл от Кичка своих женщин! Хоть это-то было плюсом в его режиссуре. Да и почему его должны так быстро взять? Ходит, небось, сшибает у соседей по рублику на водку.

«Дубина ты, Дубровский. Смелость — города берет. Я — пан, а ты пропал», — думал Одинцов, ложась спать.

Он очнулся от сна, весь в поту, и не сразу сообразил, где он. Было тихо, но в нем метался и рвался наружу сдавленный крик. Он слышал его совсем отчетливо, как будто рядом в темноте кричал человек. Голова раскалывалась от крика, и он сжал ее руками. Крик не утихал. Виски были в поту, ладони холодные и липкие. Его стала бить внутренняя дрожь, и до сознания дошло, что он не дома, а в спальне Алисы.

Алиса спала, дыша ровно и тихо. Он наклонился над ней, прислушиваясь к ее дыханию. Алиса вздохнула и пошевелилась. Он отпрянул, но она продолжала спать. Его по-прежнему трясло. Тогда он сомкнул веки и сразу почувствовал облегчение. Ни о чем не думая, он уткнулся головой в колени.

Тишина. Покой.

Вдруг он вздрогнул. Конвульсия прошла по всему телу. Кто-то крикнул в темноте.

Где кричали? Около дома? На улице? Сначала он подумал, что ему послышалось. Но тут же понял: крик был у него внутри. Он был всюду. В груди. В

горле. В висках. Крик Терентьева: «РЕБЯТА, ТОЛЬКО НЕ УБИВАЙТЕ!»

Съездившись, он замер, надеясь так заглушить этот крик. «Сейчас пройдет», — подумал он. Но крик рос, усиливался, еще секунда, и ночь отзовется волчьим воем. Не выдержав, Одинцов вскочил и закрычал, кусая себя за палец.

Алиса проснулась. Она села и зажгла свет.

Одинцов стоял на коленях. Губы в крови, лицо перекошенное от страха.

Она отшатнулась.

— Погаси! — пробормотал он. Вновь стало темно.

— Боря!

Молчание.

— Что с тобой, Боренька?

— Ничего.

— Тебе что-нибудь приснилось?

— Наверное. Не помню.

Он говорил, отчетливо выговаривая слова. Страх оставил его. На душе опять стало спокойней. Его все сильнее тяготило присутствие Алисы. Что она знает о нем? Как смешны ее жалость и беспокойство.

Алиса пошевелинулась.

— Не можешь заснуть?

— Не могу.

— Боря!

— Что?

— Я хочу тебя спросить.

— Пожалуйста.

Она заколебалась. Вечером у нее не хватило духа начать этот разговор. А сейчас темнота придавала ей смелости.

— Почему ты молчишь и скрываешь всё? Ведь я знаю...

— Что ты знаешь?

— Боря, неужели я тебе совсем чужая? Неужели я не могу тебе чем-то помочь?

— Какую помощь ты имеешь в виду?

Она снова замолчала. «Сейчас начнет плакать», — подумал он. Но она не заплакала.

Она не понимала, что теперь ее помощь не имеет никакого смысла. В его распоряжении только эта ночь. А потом — конец. Утром его схватят, и после этого он перестанет быть Борисом Одинцовым. За ТАКОЕ расстреливают. Он представил себе зал суда и себя на скамье подсудимых. Что он может сказать в свое оправдание? Всё и ничего. «А что такое муки совести?» — подумал он. Совесть его не мучила. Совесть? Расплывчатое понятие, какой-то пустой звук. Жизнь учила цепляться за существование, учила обманывать и ненавидеть. В жизни были только подлость и страх. Одинцов снова почувствовал дрожь.

— Не спишь?

— Нет.

— Не сердись.

— Ну, что ты.

— Ты знаешь, я беременна.

— Это мой ребенок?

— Да.

— Поздравляю. Привет беременным женщинам.

Ему захотелось спать, и он молча повернулся на бок.

— Спокойной ночи, Боренька, — сказала она немного погодя.

«Только доброта может быть так наивна» — подумалось ему.

— Спокойной ночи, — ответил он и повернулся к Алисе лицом.

В пять утра он встал, и первое, что подумал: «Было ли все ЭТО или привиделось?»

Сумка с деньгами стояла возле кровати.

Было.

Он испытал мгновенный прежний жуткий страх. Через минуту прошло. Выпил водки, умылся. В комнате спала Алиса. В углу стояли детские тапочки и

поролоновый заяц. На лакированной полочке трельяжа блестела помада в золоченой капсуле. Рядом висел темно-вишневый бархатный Алисин халат.

Одинцов вырвал листок бумаги и написал Алисе записку из нескольких слов: «Спасибо за всё! Привет беременным женщинам. Граф Эдерланд». Затем достал из сумки несколько пачек денег и положил рядом с запиской. Там 3 тысячи рублей. В последний момент, поколебавшись, забрал назад три бумажки по 50 рублей.

V

Когда к Кичку пришли, он сидел на кухне и ел. Попросил только, чтобы дали дообедать.

— У нас дообедаете, — сказали ему.

Он встал и спокойно пошел. Он спокойно и тупо пошел. Все, что он делал, было тупо и спокойно.

«Авось не расстреляют, — думал он. — Если уж кого расстреливать, так Бориса. Борис ведь это задумал. А он только так, на подхвате».

Одинцов сел в электричку и поехал на Покровку. На коленях он держал спортивную сумку. В вагоне четверо парней пили водку из граненого стакана. Дверь отворилась, и в вагон вошли два милиционера.

— Вы что делаете?

— Водку пьем. Не видишь что ли? Замерзли — греемся, — сказал один из парней и протянул милиционеру полстакана водки. Милиционер отстранил стакан, взял почти полную бутылку водки и, раскрутив ее, стал пить из горла. Выпив половину, он передал бутылку товарищу. Одинцов краем глаза наблюдал за этой сценой. В горле у него опять был комок — страх. Закончив питье, милиционеры отправились в следующий вагон.

В Покровке Одинцов переночевал на какой-то чужой даче. Когда стало светать, взял сумку и на первой же попутке доехал туда, откуда начиналась дорога на аэродром Шереметьево. Но в Шереметьево ехать передумал и поехал обратно в Москву.

Первым делом пошел в ГУМ. Там купил серый французский костюм, тоненький бордовый галстук «а ля Даниэль Ольбрыхский», запонки за 164 рубля, золотые часы в тонком корпусе, браслет, западно-германскую авторучку за 220 рублей с золотым пером, итальянские полуботинки, белую рубашку «Ромео», черный кейс и «Дипломат» — шляпу из ЧССР.

Теперь у него все было новое. Хотя деньги легко и быстро уходили, их оставалось еще очень и очень много.

Он посмотрел на себя в зеркало и улыбнулся: силен маэстро! Такого костюма у него еще не было. Только брюки сидели мешковато. Это его раздражало. Ведь театр, как говорил Станиславский, начинается с вешалки, а мужчина с брюк.

Тут же пошел в ателье на улице 25 Октября. Достал двадцать пять рублей.

— Срочно. Я спешу на сдачу своего спектакля. Времени нет.

Легенда со спектаклем ему начинала нравиться, а времени действительно не было. Он пошел на вокзал посмотреть, куда ходят поезда, обдумать варианты, а может быть, и взять билет.

Надо было уезжать. Куда? В Ростов! Там знакомые есть. Пожалуй, там не найдут. И еще подумал о том, что слишком долго чикался у Алисы. В жизни всё надо делать быстро. Всё.

На вокзале у щита стояли люди. Одинцов хотел обойти, но что-то его кольнуло:

«А вдруг про меня?!»

Ему захотелось бежать, но бежать было нельзя, потому что все, как бы прищурившись, смотрели на него.

«Да это же настоящая охота!»

На листе темнела фотография человека. Фотографии он не видел и фамилии тоже. Прочитал только одно слово — «разыскивается».

И тут словно взорвалось в голове:

«Да ведь это я на портрете, я — Боря».

VI

Похоронная процессия из автобусов после многочисленных речей у таксомоторного парка должна была двинуться в путь не раньше 15 часов. А сейчас была только половина второго.

В глубину кладбища мимо храма вела аллея, на щите было написано: «К ЕСЕНИНУ».

Вокруг почти никого. В воздухе сероватая мгла, почти скрывающая солнце. Издали, с другого конца кладбища, доносилось карканье ворон. Но Одинцова охватило, несмотря на это, ощущение умиротворения и ясности. Он шел к могиле Есенина, где в день рождения поэта часто читал его стихи.

Возле некрасивого памятника стояли двое и пили портвейн «Кавказ» из картонных стаканчиков. Одинцову вспомнились есенинские строчки: «А Русь все так же будет жить, плясать и плакать у забора!».

Постоял у могилы, потом зашел за памятник к могиле Галины Бениславской, которая застрелилась здесь на кладбище через год после смерти Есенина. Ему захотелось перекреститься, но потом стало стыдно, и он пошел дальше, читая на черных досках, плитах, табличках фамилии, даты, банальные сентенции, венчавшие чье-то канувшее в лету существование.

На кладбище было по-прежнему тихо, но когда он проходил мимо храма, то в траве зашуршал ёж.

Одинцов пошел к выходу. У могилы Владимира Высоцкого, как всегда, было много народа. Он стоял

у ограды, засунув руки в карманы, и слушал разные небылицы о поэте.

Через некоторое время он понял, что, думая о покоившемся под плитой Высоцком, думал в сущности о себе. «Ты повернул глаза зрачками внутрь» — прочитал он надпись из Шекспира на самодельном плакате. Одинцов никак не мог отвести глаза от этих слов. Наконец он заставил себя отойти от могилы, но, пробираясь опять в глубь кладбища, все повторял эти слова.

Кто-то спугнул ворон, и они с криком взвились вверх. Заметив маленькую скамеечку, Одинцов сел. Он устал, но на месте ему не сиделось. Тревога гнала с места на место. Он встал и вновь пошел бродить по кладбищу, а когда повернул обратно, была уже половина четвертого. Он перешел на другую сторону кладбища и тут увидел похоронную процессию.

С трудом сгибая одеревеневшие ноги, он пошел ей навстречу и тут же заметил в толпе милицейскую форму. Процессия приближалась ему навстречу. Закрыв глаза, Одинцов больше не сопротивлялся неотступно преследовавшей его мысли.

Это он, он убил этого человека, он убил Терентьева. И вдруг его охватил ужас. Как он мог ночью обнимать Алису, а днем болтать, петь как ни в чем не бывало?

До сих пор в нем как бы одновременно уживалось несколько человек: студент режиссерского факультета, любовник, убийца. И он впервые ощутил, что жизнь у него одна и ничего не проходит просто так, ничего не вычеркнешь.

Он почувствовал, что запутался сам в себе: какое-то самое главное звено, соединяющее его личность, пропало, распалось, нет его.

Голова колонны свернула в боковую аллею. Дождавшись, пока все пройдут, Одинцов снял шляпу и резко отвернулся. Терентьева должны были хоронить

в конце кладбища. Когда Одинцов вышел из-за деревьев на прогалину, гроб подняли и понесли к приготовленной яме. Издалека Одинцов плохо разбирал слова, он думал о своем, но о чем, трудно сказать, потом швырнул шляпу в сторону и, как в тумане, пошел к выходу.

Ему захотелось принять таблетку, чтобы сразу уснуть. Горячее, горячее, будто пар в бане, сухо обожгло его, от головы до ног — страх.

VII

Рейсовый «Икарус» «Краснодар — Каменск» подходил к новочеркасской развилке глубокой ночью.

Пассажиры, человек пятнадцать, дремали, а тот единственный, кто смотрел на дорогу, увидел, что стоит на ней человек и, согнувшись, что-то ищет.

Когда автобус проезжал мимо, пассажир заметил, что человек этот в милицейской форме и на обочине стоит машина «Жигули».

Когда они вылезли, человек шел им навстречу, а когда подошли — лежал.

Это действительно был милиционер, молодой парень в куртке, он лежал на боку с пистолетом в руке. Сказал, задыхаясь: «Обстреляли нас, сволочи» — и попросил, чтобы у него взяли пистолет. Его отнесли в автобус и только тогда сообразили, что он сказал «нас». Водитель осветил фарами шоссе — нашли в кювете второго милиционера, которому уже было нельзя помочь.

У «Жигулей», стоявших поодаль, на малых оборотах работал мотор. Подошли, заглянули. Никого. В багажнике нашли окровавленный труп.

«Икарус» гнал по новочеркасскому шоссе. «Скорее, — сказал раненый, потом: — Я умираю» — и при въезде в Новочеркасск умер.

Работники ГАИ погибли, выполняя свой долг. Мимо них на большой скорости промчались «Жигули», на свисток не остановились, и патрульная машина пошла в погоню. А наутро патрульную машину нашли, изрешеченную пулями, с разбитыми стеклами.

Стреляли из автомата, потом пересели в милицейскую машину и уехали, оставив свои «Жигули» с мертвым в багажнике. Личность человека, лежавшего в багажнике, удалось установить по детскому рецепту на имя Дениса Залесского, завалявшемся в «Жигулях». Связи этого человека оказались очень разнообразными и не всегда чистыми. Это был Олег Владимирович Вишневский — отец Алисы. Даже нашли одного человека, имевшего все основания ненавидеть его, но он был ни при чем. Вообще загадок было достаточно.

Откуда взялся автомат? Стали искать в милицеских сводках — оказалось, был случай, когда у солдат, ехавших из командировки, украли в поезде автомат.

И тогда стала вырисовываться фигура некого умного и обаятельного человека.

Может быть, он?

Сперва эксперты, разобравшись в море данных, четко сказали, что человек, укравший автомат, был в «Жигулях», а потом названо и имя: Борис Всеволодович Одинцов, судим, прописан в Москве, заканчивает режиссерский факультет, сейчас в розыске по делу об ограблении московских инкассаторов и убийству Терентьева.

Теперь Одинцов был уже не один, рядом появился его давний знакомый и наставник Петр Жигалов — авантюрист и психоэкспериментатор по прозвищу «Петрович».

Они наезжают в разные города и проводят операции, аналогичные московской, — оба элегантные, отлично тренированные (каратэ-до, тренаж Гарри Гудинни), в золотых часах и одинаковых костюмах.

Не пьют, не заводят случайных знакомых и интриг, напротив, сдержанны и вежливы, но, как взведенная револьверная пружина, готовы ударить во всю силу, лишь дотронешься до спуска.

Решили брать немедленно, учитывая особую опасность обоих.

Тайно расставили вокруг дома в тихой кубанской станице, где была штаб-квартира Жигалова и Одинцова, вооруженные кордоны и послали в дом записку — в станице, мол, милиция, вас ищут, и через несколько минут стало известно, что оба уходят к реке, к камышам.

Жигалов был задержан. Одинцов открыл огонь из автомата, и ему удалось скрыться. Жигалов рассказал, что когда Одинцов приехал к нему в Ростов, то они договорились о проведении новых операций с инкассаторами. Было решено начать с ограбления инкассаторов в Куйбышеве. Там они зарыли оружие, но достать машину им никак не удавалось, тогда они приехали в Москву и вызвались сопровождать отца Алисы, который на своей машине ехал навестить места своего детства.

В машине он, Одинцов, ждал сигнала своего учителя Жигалова — поворота головы — и должен был выйти и стать слева у передней дверцы. Но, когда отец Алисы был убит, Жигалов посмотрел на своего ученика и сказал: «Ничего, это пройдет. Скоро совсем привыкнешь».

Отца Алисы убил ножом Жигалов, ночью на шоссе стрелял в милиционеров Одинцов. Когда машина ГАИ загородила дорогу «Жигулям» и из нее выскочил милиционер, Одинцов стал стрелять в него из автомата и первой же очередью убил его наповал. Тут Жигалов увидел, что второй милиционер стреляет из окна своей машины и предупредил об этом Одинцова (тот повернулся и стал давать длинные автоматные очереди по машине). Потом Жигалов за-

метил, что лежавший милиционер жив, и опять сказал об этом Одинцову. И тот стал подходить к раненому, с каждым шагом делая выстрел.

VIII

Редкое обаяние дала природа Одинцову, отдельное, ни с чем в натуре его не связанное. Он отлично знал род оружия, которым наделен, именно на обаянии, на актерских способностях начинал он свою карьеру.

Самой первой его профессией была профессия «кукольника».

Он не улыбался всем направо и налево, напротив, он был неприступен, когда проходил по магазину, к которому никакого отношения не имел, озабоченный, деловой, с красной папкой в руках, что-то на ходу бросая продавцам, которых не знал.

Люди, жаждущие дефицита, будь то дубленка, джинсы, ковер или автомашина, с надеждой обращались к нему. Вначале он был неприступен и неподкупен, наконец, разрешал принести деньги. На свидание выбегал из магазина такой же деловой, с той же папкой, собственно в этой папке и заключена вся профессия «кукольника».

Когда клиент приходил с деньгами, Одинцов просил их пересчитать, давал бумагу — завернуть, просил ручку — написать сумму, а пока клиент лез за ручкой, папка незаметно переворачивалась, и на ней оказывался точно такой пакет (это и есть «кукла»), где были листы чистой бумаги, нарезанные по формату купюр. Пакет с чистой бумагой возвращался клиенту, назначалось новое свидание, на котором клиент должен был вручить деньги нужному лицу. На это последнее свидание Одинцов, разумеется, не приходил. Эти опера-

ции не только давали ему доход в начале карьеры, но и источник самоутверждения.

Через несколько дней после задержания Жигалова в Москве в ресторане ВТО за уединенным столиком обедали двое. Тот, что помоложе, был Одинцов.

Он улыбался официанткам, называл их по имени, махал рукой кому-то за дальним столиком. Заказывал он широко, но без разгульного шика, с достоинством человека, который может позволить себе не сверяться с меню.

Вскоре он оживился, стал рассказывать, как созрел в нем замысел спектакля по пьесе Макса Фриша «Граф Эдерланд». Спектакль уже почти готов, и театральная Москва скоро увидит премьеру.

Гость слушал Одинцова восторженно, ему нравилось, что молодой режиссер, знакомство с которым только что произошло на аэродроме, пригласил сюда — в эту святую святых — и запросто поверяет ему свои творческие планы. Он был готов слушать Одинцова и дальше, но тут подошел к столику какой-то мужчина и официально, без малейшего пиетета спросил:

— Ваша фамилия Одинцов?

— А что?! — резко отпарировал тот, — что надо?

— Не шумите, Одинцов, — сказал подошедший второй мужчина. — И руки, руки оставьте в покое.

Одинцов молча встал. Он безошибочно оценил ситуацию и избавил себя от напрасных иллюзий: вот в эту минуту повернулась последняя страница его карьеры и жизнь кончилась.

Он залпом выпил рюмку водки, приготовленную к тосту за графа Эдерланда, и пошел к дверям.

На следующий день приехал из Волгограда Георгий Артурович, и Алиса встретила его с чувством облегчения. Ей действительно стало теплее и спокойнее, как только она увидела его входящим в прихо-

жую. Она все-таки его любит, его улыбку, его голову с проседью, его тишину. И ей не надо было притворяться в этот вечер и в эту ночь. Но уже потом, когда он уснул, аккуратно вытянувшись возле ее плеча, ей вдруг стало горько и тоскливо, она ушла в ванную, заперлась там и, давясь, мучительно плакала, открыв горячую воду.

16 апреля 1982 года. Москва.

«РУССКАЯ МЫСЛЬ»

Крупнейшая русская еженедельная газета на Западе
Главный редактор Ирина Иловайская-Альберти
Редакция и контора: 217 rue Fb. St. Honoré,
75008 Paris

Стоимость подписки во французских франках:
Обычной почтой

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
Франция	70	130	250
Все остальные страны	97	184	357

Воздушной почтой

Европейские страны,			
Северная Африка	107	203	396
США и Латинск. Америка	126	242	474
Австралия, Япония, Китай	136	262	513
Иран, Израиль	113	215	419

Давнишним подписчикам (свыше 10 лет)
по-прежнему делается скидка.

В цену подписки входит выходящее 6 раз в год
«Обозрение»,
аналитический журнал «Р. М.»
под редакцией А. М. Некрича.

ИЗ КНИГИ СТИХОВ

* * *

Не успевает карандаш
догнать начало черных молний.
Себя художником я вспомнил.
Но требует иного ваш.

И просит по-другому твой.
И, самый вдохновенный зритель,
скриплю зубами:

— Озарите
горизонтальной наготой.

* * *

Внимание, художники, рисуйте:
мчит электричка — сабельный удар
по осени, которая по сути —
осенний лес.

Ребята, не спасуйте.

Осенний лес воскресный, как базар.
Свистят юлой раскрученной овраги.
Художники, запомните:

азарт
разбавьте долгой музыкой отваги.
Внимание, художники, рискуйте,
мазки от неподвижности раскуйте.
Во всех нас Божий тлеет уголек
(и лишь бездарным это невдомек).

Внимание, художники, запомните,
что в тамбурах ветра нас не щадят,
как будто Блока прочитали в комнате,
а нужно прочтать на площадях.

Художники!

Любите наугад

любую рощу, шум любой опушки.

Аукни нам, притворщик добрый, Пушкин —

как будто я не знаю, как ты рад,

что пригород шотландцем бородат,

что для народа на перроне

грибы — мальчишеский предлог,

что неприметный кузовок —

предмет почти что посторонний.

СОВРЕМЕННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

На плечо на мое

Убаюканный сын

Опускает висок

И височные сны.

Эй, планета царей

И напуганных птиц!

Перетоптанная,

Цыц, проклятая, цыц!

Я труслив или смел,

Не хочу выяснять.

Моя сущность — хитиц,

Панцирь этого сна.

Плотно веки смыкай,

Чтобы свет не погас.

Ходит холод ночной

В хромоновых сапогах!..

Он и порчу найдет,

Он-то поднаторел —

И застынет сердечко
Комаром в янтаре.
Сглазить могут бельмом,
Белым, словно мозоль.
(Много тех, кто не плакал,
А накапливал соль.)

Ни одну из вер
Ты еще не крещен.
(В каждой высится
Полой клешней капюшон!)
Согреваешь плечо,
И тепло твое
Как
Мед летучий
Осело в моих позвонках.

Ум — нашествие тайн,
Страшных, если туда
Не отправишься ты
На лошадке шута.

* * *

Необходимы зеркала
Бояться собственного взгляда,
Бояться собственного зла,
Которое внезапно рядом.

* * *

Поэзия не треплется, мрачней,
Как будто кровь пророчества черна,
Когда она — о завтрашнем, точнее —
О чем-то, не случившемся вчера.

Россия снова — сипота кликуши.
Мозолью медной бьется грудь о крест.
Ну почему бессмертны наши души,
А для прозренья — времени в обрез?!

* * *

Именами события приходят
И уходят опять в имена,
И безлично, как будто пехота,
Мимо окон идут времена.

* * *

За столько лет своим друзьям ни разу
О самом главном не дорассказал.
Пойду вперед, потом вернусь назад
Продолжить неоконченную фразу.

Мы притворились глупыми людьми
Для простоты общения друг с другом,
Но голову повыше подними:
Ты с горизонтом образуешь угол.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДРУГА

Пан Паутянский, со взглядом хмельного раввина!
Четверть — столетья, а жизни — уже половина.

Свечки в тортах были б символом, так как из каждой
Черный фитиль — словно грифель торчит карандашный.

Деньги транжирь на севрюжные срезы застолья:
Скупость — болото творческого застоя.

Надо быть римским патрицием, киевским князем!
Грусть-персианку — за борт, как бешеный Разин!

Шизофрения — свобода и мысли и плоти.
Встать у станка — это спать на своем эшафоте.

Будь безработным, о горбе раба не тоскуя:
Тот, кто поденщик, тот в денщиках у холуя.

Но не транжирь золотonosное время:
В дреме створожится даже зачатия семя.

Тащит нас время за чуб, как драчливая баба.
Лысый мой череп — как панцирь витринного краба.

Не разъясняет Господь мимолетные сути
Счастья земного или кладбищенской жути.

* * *

Снимает усталость бутылка вина
Венгерского красного с пробкой клейменной,
Сиропные дольки тугого лимона
И в горле медовом друзей имена.

КАЧЕЛИ

Торопливо убедимся:
Страх паденья соразмерен
Быстрому испугу взлета.

Есть еще мрачней единство:
И Учителю не верим,
И клянем Искарюта.

На зрачках веселых — блики
Лун вчерашних вспыхнут, будто
Капли голубого клея.

И опять изгиб великий
Женских бедер, ветер блуда
Умилят прелюбодея.

* * *

У ресниц напишу «не буди».
«Не стреляй» напишу на груди.

Или в спящего целятся — или
Перед смертью меня разбудили.

Андрей Самохин

Китайский круг России

Книга Самохина посвящена русско-китайским отношениям. Автор и ныне проживает в СССР и рассматривает свой предмет с позиций русского патриота, стремящегося обеспечить мир между Россией и Китаем.

Карманный формат

198 с.

18 н. м.

Possev-Verlag, Flurscheideweg, 15, D-6230 Frankfurt/M.-80

ЖИТЕЙСКАЯ МОЗАИКА

Короткие рассказы

Рядом с нами был лагерь военнопленных японцев. Тех из них, кто плохо поддавался идеологической обработке, сперва держали в изоляторе, а потом переводили в нашу зону. Интересно у них проводилась эта обработка.

Среди пленных начальство находило подходящего. Подходящий принадлежал к прогрессивным коммунистическим движениям и потому сотрудничал с лагерной администрацией. Голодно было, работали на трассе. А этот марксист сидел в зоне и жрал в три горла. Преимущество социалистической системы над капиталистической было столь очевидным, что многие пленные заявили начальству о своих симпатиях к Коммунистической Партии Советского Союза и ее Центральному Комитету. Тут еще важно было не опоздать. И все, кому удалось это сделать вовремя, стали придурками.

С остальными получилось хуже. Опоздавших пришлось собрать в отдельную бригаду и на трассу их гоняли как остальных. Но только бригаде этой участок отводился получше и еды давалось побольше. И на работу они ходили с красными флажками.

Вскоре еще создали такую бригаду. Потом еще. А там и все бригады стали такими.

Вроде все хорошо, только б жить да радоваться. Но тут обнаружился изъян в марксистской идеологии: чем больше приверженцев становилось у нее, тем меньше должностей и еды она могла им дать. Правда, флажков хватало.

Их прямо в зоне делала инвалидная бригада.

За полгода до конца моей службы в армии застряли мы под Архангельском. А так до этого на одном месте долго сидеть нам не давали.

Служба была такая.

Нет, вы поглядите, глупость какая получается. Взялся я рассказывать, а мне говорить-то нельзя.

Дядь Лев, чтоб присяге не изменить, давайте я дураком прикинусь и потихоньку без имен и названий добыю свой рассказ. А вопросы не задавайте. Договорились?

Подняли нас ночью и со всеми котелками, автоматами, пулеметами погрузили в самолет. Летели мы на нем пару часов, а потом на грузовиках тряслись до самого конца.

Еще на аэродроме раздали нам резиновые костюмы, противогазы. Но пригодилось все это только тем, кого в поселок послали; а мы в оцеплении, километрах в семи от него стояли, так что костюмы нам оказались ни к чему. Вот противогазами пользовались, но это когда ветер дул в нашу сторону. О поселке том мало что знаю. Нам сказали, ссыльные в нем живут. Эпидемия у них. Многое непонятно, но, видать, все правильно было. Начальство благодарность вынесло, а когда мы обратно вернулись, то прямо у штаба деревья посадили. Целая аллея получилась. Это в честь отличившихся. Дядь Лев, я не хвалюсь. И мое там дерево есть. Нет, правда, вот смотрите, как получилось. Был приказ: в поселок никого не пускать и оттуда чтоб никто не вышел.

Едем мы на машине с Евтюшкиным. По сторонам смотрим, уж просеку миновали. Я только потом сообразил, что мелькнуло в ней что-то. Я обратно. Машины остановил и туда. Толик мне хоть и земляк, но лучше б собака была вместо него. Тогда б мужика того точно живьем взяли. А так пришлось его из авто-

мата. Боязно было, что уйдет. В телогрейке, лет сорок пять ему. Никак не пойму, что с лицом у него. То ли обморожено, то ли обожжено...

Дядь Лев, мне один сказал, что настоящий мужчина должен убить змею, посадить дерево, сына оставить после себя.

Дядь Лев, смотрите: змею я убил, дерево посадил и теперь выходит, что мне только сына не хватает, чтоб мужчиной настоящим стать?

* * *

Валька Венсков застенчивым был; я думаю, это из-за того, что картавил он сильно.

А Ленька Соколов мне запомнился добродушным, и еще помню, он все к цыганам хотел уйти...

Самым положительным из нас был Колька Осипов. Аккуратный, учился хорошо. Почерк у него ровный, и воротник не смят.

У нас школа была смешная. Мы просто не могли не смеяться в ней. Смех этот житья нам не давал. Это из-за него нас выгоняли с уроков, вызывали родителей. Это из-за него мы совсем обессиленные выполняли из класса.

А вот Кольке Осипову беда эта не грозила. Прижмется к парте, съежится, вот и весь его смех. Только спина и плечи чуть вздрагивают. Учителя и не догадывались, что он смеется.

Потом увезли меня от дома, а вернули лет через 12-13.

Пошел я проведать ребят, а они мужчинами стали.

Валька Венсков женился. Жену взял с ребенком. Пьет она, и Валька стал пить.

Ленька Соколов работал шофером, а потом за водку перевели его в подсобники. Тоже женат, ребенок есть.

Многое изменилось за эти годы; и потому странно было видеть ту же пыль за этажеркой, тот же фикус в углу комнаты, ту же вату с блестками между рам, тот же гриб на подоконнике в стеклянной банке из-под огурцов.

Колька Осипов стал — писателем. Сперва вышла его брошюра о борьбе с лесными пожарами, потом для детей стал писать сказки, рассказы. Теперь он книгу написал о классовых битвах в Западной Германии.

Жена у него — химик в Менделеевском институте. Квартира большая. Мебель полированная, низкая.

И столик журнальный есть.

* * *

Ты говоришь, на Подкаменной ловят иначе. Так ведь там хариус. А его нахлыстом нужно. Хариус хищная рыба, его иначе не возьмешь. И на Колыме так ловят. Я в Семчанах увидел это впервые. Мы там аэросъемкой занимались, и не только. На Колыме летчик большой человек: кому отвезти, кому подвезти чего... Спирт возили, а за него что хочешь возьмешь. Мои тогда в Москве жили. Я всем дубленки пошил и шапки пыжиковые.

Дружок у меня там был, Костя Кудрявцев. Начальник шахты. Он меня научил рыбачить. Я жену его возил рожать на материк к родителям. Мы тогда крепко нажрались. И геологи с нами были.

Шахта урановая. Заключение не видно. Они внизу работали. Я в те дела не вникал, не мое это дело. Этика у нас была такая.

На поверхности охрана, а из эзков только один работал. Как породу наверх поднимут, так он ее на

тачке отвозит в цементный ящик. Мужик высокий, борода, лицо как у священника, а видать, опасный. На бушлате номер, и сам цепью прикован к тачке.

Понимаешь, там вечная мерзлота, потому червя в земле не найдешь. Отрежь прядь волос, перевяжи ее красной ниткой. Все это насади на крюк, а чтоб приманка на поверхность не всплывала, еще дробинку привяжи. Забрось в быстрину насадку и сразу тяни ее к себе обратно. Течение быстрое, хариусу некогда разглядывать приманку, он тут же схватит ее.

Хариус хищная рыба.

* * *

В камере тускло. Не разберу, с кем разговаривает сосед. Может, сам с собой?

Мне запомнился обрывок фразы и безнадежно грустный тон, которым она была сказана:

«И повезут нас далэко, далэко...»

И правда, куда уж дальше! От песенных краев, от семьи и тепла, через всю спившуюся Россию, аж до самой Совгавани.

* * *

Девчонка светилась радостью. Она о чем-то взволнованно говорила подружке. Как будто произошло что-то очень важное. Когда они промелькнули мимо, то я понял, что это действительно было так.

Я услышал, как она сказала: — Нет, ты представляешь? Он посмотрел на меня и сказал «здравствуйте», а я в ответ ему: «драсьте», — и она счастливо смеялась.

Завидуйте вожди, завидуйте философы, завидуйте пророки и боги! Вам не удалось бы сделать смех девчонки более счастливым, чем это сделал тот, кто сказал ей «здравствуйте».

СТИХИ

Нет, мне не страшно: через год,
Дыша осторожными ночами,
Я доживу до той печали,
Назвать которую — исход.

Петух проплачет мне свободу,
А здесь — коленями в грязи —
Мои сады роняют воду
И воздух севера сквозит.

И как нести чужой планете
Едва не слезы — как домой...
Неправда, страшно, милый мой!
Но сделай вид, что не заметил.

* * *

Почему
Половина побегов — во сне?
(О, не бойся — не настигают!)
Темнота пересохла. Дожить бы!
Но в завтрашнем дне —
Половина другая.

От живых, что холодными пальцами правят судьбой,
Из ловушки зеркал,
Что, как устрицы, жадные створки
Приоткрыли — беги!

Не печалься, что там — за тобой.
За тобой ничего.
Вот они уже рвутся на сворке!

По пустыне асфальта,
По тверди —
Нестынувший след
Оставляя,
Сбиваясь,
Защиты просить не умея —
Мы уходим, бежим, задыхаемся...
Нет
Впереди Моисея.

* * *

Ах, какая была весна!
Весь апрель — под знаком вокзала.
Как преступно она дрожала —
Вкось заброшенная блесна!

Деревянную крестовину
Вышибала настезь — луной,
Шла бессонными мостовыми —
Тень раздваивала за мной.

Как в объятьях душила, бестия,
Как лечила — не умирай!
Ни России — ни выюг — ни Пестеля —
Вот он, твой завещанный край!

Узнаёшь ли — листок с оскоминой,
Старой музыки бледный круг,
Смех соленый да свет соломенный —
Не разнять окаянных рук!

Как вступала свирель приливами,
Как отлив горчил — не беда —
До чего мы были счастливыми
В двух неделях от «навсегда»!

Как отважно читали повесть
С эпилогом про сладкий дым...
Он ушел, тот весенний поезд.
Слава Богу, ушел живым.

* * *

Не исполнены наши сроки,
Не доказаны наши души,
А когда улетают птицы,
Нам не стыдно за наши песни.
Мы бредем сквозь безумный город
В некрасивых одеждах века,
И ломают сухие лапки
Наши маленькие печали.
Безопасные очевидцы —
Мы не стоим выстрела в спину.
Мы беззвучно уходим сами,
Погасив за собою свечи.

Как мы любим гадать, что будет
После наших немых уходов!

Может, будут иные ночи —
И никто не заметит ветра?
Может, будет холодным лето —
И поэтов наших забудут?
И не сбудутся наши слезы,
И развеются наши лица,
И не вспомнятся наши губы,
Не умевшие поцелуя!

Неудачные дети века,
Мы уходим — с одним желаньем —
Чтобы кто-нибудь наши письма
Сжег из жалости, не читая.

Как мы бережно гасим свечи —
Чтоб не капнуть воском на скатерть!

* * *

Кому дано понять прощанье —
Развод вокзальных берегов?
Кто может знать, зачем ночами
Лежит отчаянье молчанья
На белой гвардии снегов?
Зачем название — любовь?
А лучше б не было названья.

* * *

Как беззвучно стремится мимо
Этот бешеный снегопад!
Словно ссорятся херувимы —
Только перья с небес летят!
Словно белые кони в мыле —
Свита снежного короля —
На лету, ошалев, застыли,
А возносится вверх земля.

И достаточно молвить слово —
И подхватит, и унесет
Так стремительно и бредово,
Что дыханье в губах замрет.

И завьются ветра крутые
Под ногами, и сей же час
Побледневшие мостовые,
Накренясь, пропадут из глаз.

И, боясь упустить из вида
Сногшибательный ваш полет,
С бельэтажа кариатида
Белой рученькой вам махнет.
Ну, возьмите ее с собою
В эти дьявольские снега,
В это буйное голубое,
Растреванное берега!

Пропадайте в большом зените,
Не оглядываясь назад!
Что ж вы медлите?
Посмотрите —
Ваш кончается снегопад.

* * *

Бестолковый приемник короткими плещет волнами.
Ничего не слышать —
Приговор, а на сколько? кому?
Лишь стеклянного столика хрупкая твердь между нами —
Да растрепанный ангел грустит в сигаретном дыму.

И кого он сумеет сберечь —
Несмышленная птаха —
Неумело пернат,
Темноглаз не по здешним краям,
Не по здешним порядкам не знающий плача и страха —
Неуказанно чей беспризорник
И чей савояр!

И кому он слетит на плечо —
Между дверью и цепью?
С кем поделит удушье
И в свой молчаливый черед
Переменит на пайку паек —
Да тряпье на отрепье —
Да ажурную штопку оград на простой переплет?

И зачем он ввязался в кошмар,
Где снега без ответа,
Где с рожденья до казни одно выбирают из двух?
Он не знает, он спит —
Заслоняясь ладошкой от света...
Он привык под помехи.
Не нужно прикручивать звук.

РАТУШИНСКАЯ Ирина Георгиевна — родилась в 1954 г., окончила Одесский университет, филолог, некоторое время, до переезда в Киев, преподавала в Одесском пединституте. Вместе с мужем, Игорем Геращенко, в 1981 г. подала заявление на выезд, но получила отказ (она — русская, муж — украинец). Участвовала в акциях протеста киевских отказников и — шире — в правозащитном движении. 10 декабря 1981 г. была задержана на Пушкинской площади в Москве, куда приехала для участия в традиционной демонстрации, приговорена к 10 суткам и отбыла их в Бутырской тюрьме. Очерк ее об этом, как и, позднее, статья о польских событиях были напечатаны в информационном бюллетене СМОТ. Подвергалась обыску по делу арестованных членов СМОТ. Стихи ее печатались в «Гранях», «Посеве» и — уже после нового ареста — в «Русской Мысли». Арестована 17 сентября 1982 г., обвинена в антисоветской агитации и пропаганде за «изготовление и распространение» своих стихов. В феврале 1983 г. приговорена к 7 годам лагеря и 5 годам ссылки — максимальная кара по 70-й статье.

Год назад, 16 марта 1982 года, умер в Иерусалиме Павел Юрьевич Гольдштейн.

Павел Гольдштейн родился в 1917 году в Эссентуках, потом жил в Москве. В 1938 году он был арестован за письмо в защиту Мейерхольда и долгие годы провел в тюрьмах и лагерях. О пережитом и перечувствованном там Павел Гольдштейн рассказал в своей трилогии «Точка опоры», последнюю часть которой («17 лет в лагерях жизни и смерти») закончить он не успел. С 1971 года Павел Гольдштейн жил в Иерусалиме.

Он любил Россию — Россию дорогих для него имен — Россию Пушкина, Достоевского, Розанова, Маяковского.

Он любил Израиль — Израиль Книги Книг, Израиль своей мечты и последних лет жизни.

Долгая и светлая ему память.

ПАМЯТИ П. ГОЛЬДШТЕЙНА

1

О, теплый друг, не ты ушел из тела, —
оно тебя исторгнуло силком,
с теплом исторгло;
тело опустело.
Мы не вокруг тебя стоим кружком.

2

«Бог дал — Бог взял», — у тела друга славу
могильщики пропели Богу вслух,
и тело друга, вложенное в саван,
ушло из рук в Масличную скалу,

во грунт скалы, во склон горы Масличной,
собою лоб горы утяжелив,

ушло,
«из праха в прах», — допел могильщик, —
в холодный выдолб на груди земли.

3

О теплый друг, бывает жизни сила, —
на «вот оно» ты выдохнул ее.
Не ты лег вниз,
и темнота накрыла
вместо тебя обличие твое.

Незримый, от тебя отлипло тело
и очутилось, тленное, внизу,
а ты — в зенит любви и за пределы
ее летя — светлеешь на весу.

1982 г.

Валерий Тарсис

Недалеко от Москвы. Роман

Новый роман В. Тарсиса — о молодежи шестидесятих годов и ее поисках. Книга вышла к 75-летию автора.

Большой формат

350 с.

28 н. м.

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M.-80

Россия и действительность

Александр Зиновьев

НАШЕЙ ЮНОСТИ ПОЛЕТ

НАМЕРЕНИЕ

Название этой книги взято из слов песни, которую советские люди пели в сталинские времена («Сталин — наша слава боевая. Сталин — нашей юности полет. С песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет»). Пел и я эту песню вместе со всеми, несмотря на то, что ненависть лично к Сталину и ко всему тому, что тогда связывалось с его именем, была всепоглощающей страстью моей юности. Я пел эту песню и не чувствовал в ней фальши. Я чувствовал в ней что-то другое, гораздо более страшное, чем фальшь, а именно — всеокрушающий ураган великой истории. В этой книге я хочу рассказать немного о том, как осознавался и ощущался этот исторический ураган некоторыми представителями моего поколения, вовлеченными в него, — о том, чем был сталинизм для нас.

Слово «сталинизм» употребляют во многих различных значениях. Для меня сталинизм — не слово, подлежащее определению, а общеизвестный эмпирический факт, подлежащий изучению и осмыслению. Это — эпоха становления, формирования нового, коммунистического общества. Это — юность реального коммунизма. В эту эпоху происходило формирование социального строя страны, ее экономики, формы власти и управления, идеологии, культуры, а также объ-

Главы из книги о природе сталинизма.

единение многочисленных народов в единое государство, короче говоря — происходило формирование всех основных явлений коммунистического общества как целого.

Временные рамки этой эпохи можно определять по-разному. Началом можно считать окончание гражданской войны, избрание Сталина Генеральным Секретарем ЦК, смерть Ленина. Концом можно считать смерть Сталина, разоблачительный доклад Хрущева, окончание войны с Германией, XIX съезд партии. Для меня важно следующее: эта эпоха связана с деятельностью Сталина и его сообщников, а временные рамки должны быть определены так, чтобы в них вошли все основные события эпохи и основные деяния Сталина и сталинистов.

СТАЛИНСКАЯ ЭПОХА

Сталинская эпоха ушла в прошлое, осужденная, осмеянная, оплеванная и окарикатуренная, но не понятая. А между тем все то, что вырвалось наружу в хрущевское время, было накоплено, выстрадано и обдумано в сталинское время. Все то, что стало буднями советской жизни в брежневское время, вызрело в сталинское время. Сталинская эпоха была юностью советского общества, периодом превращения его в зрелый социальный организм. И хотя бы уже поэтому она заслуживает нечто большего, чем осуждения: она заслуживает понимания.

Понимание не есть оправдание. Можно понять, не оправдывая. Можно оправдать, не понимая. Оправдание есть явление моральное, понимание — гносеологическое. С точки зрения понимания, причины настоящего лежат в прошлом. С точки зрения оправдания или осуждения, никакой связи между прошлым и настоящим нет. Настоящее не оправдывает прошлое. Прошлое не повинно в настоящем. Нельзя осуждать

или оправдывать прошлое с точки зрения настоящего. Нельзя осуждать или оправдывать настоящее с точки зрения прошлого. Рассматривать историю в категориях оправдания и осуждения — значит исключать всякую возможность ее понимания.

Стало привычным штампом рассматривать сталинскую эпоху как эпоху преступную. Это — грубое смешение понятий. Понятие преступности есть понятие юридическое или моральное, но не историческое и не социологическое. Оно по самому смыслу своему неприменимо к историческим эпохам, к обществам, к целым народам. Рабовладельческое общество и феодальное общество не были преступными, хотя многое, происходившее в них, можно рассматривать как преступления. Сталинская эпоха была страшной и трагической эпохой. В ней совершались бесчисленные преступления. Но сама она как целое не была преступлением. И не является преступным общество, сложившееся в эту эпоху, каким бы плохим оно ни было на самом деле. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что в тех исторических условиях сталинизм был закономерным продуктом Великой Революции и единственным способом для нового общества выжить и отстоять свое право на существование. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что она навеки похоронила надежды на идеологический земной рай, построив этот рай на самом деле. Она обнажила подлинную страшную сущность многовековой мечты человечества.

После короткой и ожесточенной вспышки интереса к сталинской эпохе и ее разоблачительства наступило равнодушие к ней. Есть много причин, порождающих в совокупности эту тенденцию к забвению своего недавнего прошлого. Среди них — радость избавления и страх повторения. Этот страх напрасен. Такая эпоха неповторима: общественный организм, как и любой другой живой высокоразвитый организм,

переживает юность лишь однажды. А избавление иллюзорно. Сталинская эпоха в самом существенном своем содержании вошла в нашу плоть и кровь навечно — она породила нашу сегодняшнюю реальность и носителей ее. Она породила будущее. Так что уклониться от внимания к ней и от ее беспощадной объективной оценки все равно не удастся.

На Западе выходят бесчисленные книги о гитлеровской Германии, Гитлере и его соратниках. А ведь гитлеровская Германия просуществовала всего несколько лет, потерпев сокрушительное поражение. Сталин же и его соратники одержали блистательную историческую победу, построив новый тип общества со всеми его атрибутами, и в колоссальной степени усилили мировую тенденцию к коммунистическому социальному устройству. Есть советский анекдот, в котором Гитлер рассматривается как мелкий бандит сталинской эпохи. Этот анекдот соответствует сути дела. Гитлеровская Германия — эпизод в истории, сталинская эпоха — великий перелом всей истории. И несмотря на это, внимание к сталинской эпохе и сталинизму здесь ничтожно. Что это означает? Страх реальности? Боязнь признать историческое творчество «низшей расы»? Самомнение? Да и в Советском Союзе положение не лучше. Советская наука и идеология уже не способны воздать должное сталинской эпохе. Они обречены на полуосуждение и полуоправдание ее. Историческое же величие эпохи состоит не в ложной чистоте и мелких воображаемых ошибках, а в том реальном океане страданий, крови, грязи, лжи, насилия и прочих мерзостей, через которые пришлось пройти стране. Потому лишь жертвы и враги сталинизма еще способны защитить его историческое достоинство. Но скоро и их не останется в живых. Останутся лишь равнодушные да бездарные спекулянты за счет уже безопасного прошлого.

Понять историческую эпоху такого масштаба, как сталинская, — это не значит описать последовательность множества ее событий и их видимую причинно-следственную связь. Это значит понять сущность того нового общественного организма, который созрел в эту эпоху. Отмечу в этой связи некоторые характерные свойства известных мне сочинений о Сталине, сталинизме и сталинской эпохе. В этих сочинениях обычно выделяется один какой-то аспект исторического процесса (чаще — аспект борьбы Сталина за личную власть и репрессии), раздувается сверх меры, целостность этого процесса испаряется, и невольно получается односторонне-ложная его картина. Историческая эпоха, далее, рассматривается со стороны (как она представляется западному наблюдателю) или сверху (как она представляется с точки зрения деятельности партий, групп и отдельных личностей). И поэтому невольно получается поверхностное и чисто фактологическое описание. Основное в этой эпохе, т. е. все то, что происходило в массе населения и послужило базисом для всех видимых сверху и со стороны явлений, т. е. основной глубинный поток истории, почти не принимается во внимание или учитывается в ничтожной мере. Поэтому сталинизм представляется как обман и насилие, тогда как в основе он был добровольным творчеством многомиллионных масс людей, лишь организуемых в единый поток посредством обмана и насилия.

Другая характерная слабость упомянутых сочинений — смешение словесной формы и объективной сущности эпохи. Реальность лишь частично и к тому же в превращенной форме отражается в словесном потоке своего времени. Не всегда речи деятелей эпохи, программы партий, резолюции съездов, газетные статьи и книги адекватно отражают глубинное течение истории. Иногда бурное кипение страстей происходит в стороне от главного течения и на мелком месте,

а мощное скрытое течение остается незамеченным на поверхности. Преувеличение роли словесной формы истории и игнорирование ее неадекватности скрытой сущности процесса имели следствием то, что второстепенные личности и события занимают больше внимания людей, чем реально первостепенные, их роль сильно преувеличивается в ущерб исторической правде. Характерный пример этого — непомерное раздувание интеллекта Троцкого и умаление такового Сталина, объяснение победы сталинизма над троцкизмом личными отрицательными качествами Сталина и его сподвижников. А между тем, с точки зрения существа исторического процесса (т. е. глядя на него снизу, из глубины), победа сталинизма была закономерным следствием того, что именно Сталин и сталинисты наиболее адекватно выражали сущность потребностей той эпохи и ее объективные тенденции. Троцкий и подобные ему кажутся гениями лишь с точки зрения словесной пены истории. Если они и гении, то гении болтовни, а не реального дела. С точки зрения понимания существа эпохи, все они суть жалкие карлики в сравнении со Сталиным. Масштабы исторической личности определяются не умением долго и красноречиво болтать, а именно степенью адекватности тому движению массы, на роль руководителя которой ее вытолкнули обстоятельства. Масштабы исторической личности определяются, далее, не способностью понимать объективную сущность происходящих событий и объективные тенденции исторического процесса в данное время, а тем, насколько его личная деятельность совпадает с объективными закономерностями нарождающегося общества и насколько она способствует реализации его объективных тенденций. Интеллект исторического деятеля мало что общего имеет с интеллектом ученого-социолога и ученого-историка, изучающих эпоху этого исторического деятеля и его роль в ней. Исторический де-

ятель может быть гением в своей области, не имея ни малейшего представления о средствах познания, которыми оперируют ученые и с которыми знакомы даже начинающие студенты. Ворошилов и Буденный, например, понимали в происходящем, с научной точки зрения, не больше, чем лошади, на которых они принимали военные парады. Но они были хорошими помощниками Сталина и исправно служили его делу. Сталин сам понимал, с научной точки зрения, в происходящем немногим больше их, но именно он был историческим гением, а они были ничтожествами в сравнении с ним. И он был таковым не благодаря тому, что был чуточку образованнее и умнее их в качестве студента некоей науки, а благодаря своему умению сыграть роль, заданную ему историей. Великие исторические деятели не столько творят историю, сколько вытворяют истории, история же сама творит их по образу своему и подобию.

я

Это произошло в 1939 году. На семинаре в институте я «сорвался» — рассказал о том, что на самом деле творилось в колхозах. Меня «прорабатывали» на комсомольском собрании, потребовали, чтобы я признал свои ошибки. Я упорствовал. Меня исключили из комсомола, а затем и из института. Мои бывшие школьные друзья решили проявить обо мне заботу — выяснить причины моего срыва и помочь мне. По инициативе комсорга школы они устроили вечеринку, на которой спровоцировали меня на откровенный разговор. Я уже покатился по наклонной плоскости и не стал сдерживаться: выложил им всю свою антисталинскую концепцию.

Уже на следующий день в наш вечно залитый водой подвал спустился молодой человек. Я сразу понял, что это за мной, — я был уверен, что друзья напи-

шут донос на Лубянку и меня арестуют. На Лубянке со мной беседовал пожилой человек в военной форме, но без знаков различия. На столе у него лежало письмо моих друзей: я узнал почерк. После разговора пожилой чекист велел молодому отвести меня куда-то. Мы уже вышли на улицу. В это время моего сопровождающего почему-то позвали обратно. «Подожди меня здесь, — сказал он, — я через минуту вернусь». Но я не стал ждать его. Я ушел, сам не зная куда. Домой решил не возвращаться. Ночевал на вокзале. Утром влез в какой-то поезд. Километрах в ста от Москвы меня выбросил из вагона проводник. Так началась моя жизнь тайного антисталиниста. Кое-что из нее я припомню в дальнейшем.

Я был антисталинистом вплоть до хрущевского доклада. Антисталинская пропаганда была делом моей жизни. Я не горжусь этим и не считаю себя исключительной личностью. Я встречал других антисталинистов, которые были таковыми с большим риском. Некоторые из них погибли. Некоторые уцелели, но забыли о своей прошлой деятельности. Никто из нас в те времена не считал себя героем. А теперь героями себя изображают те, кто был на самом деле сталинистом. Наша позиция была естественной мальчишеской реакцией на факты нашей жизни. Как-то я встретил довоенного знакомого, отсидевшего в лагерях больше пятнадцати лет за «попытку покушения на Сталина». На мой пошлый вопрос «ну как?» он ответил, что «дураков учить надо». Моя антисталинистская пропаганда была примитивной и спорадической. По настроению и в подходящей ситуации. Психологически я чувствовал себя выше окружающих — я видел и понимал многое такое, чего (как казалось мне) не видели и не понимали они. Я ощущал себя потенциальным, а порою и актуальным борцом против режима. — это была инерция революции, направленная теперь против результатов самой революции.

Мой антисталинизм был порожден нестерпимо тяжелыми условиями жизни людей, в среде которых я рос. Моя личная ненависть к Сталину была лишь персонификацией моего протеста против этих условий. Но я очень рано стал размышлять о причинах этой чудовищной (как казалось мне тогда) несправедливости. К концу школы я уже был уверен в том, что причины зла коренятся в самом социализме (коммунизме). Моя личная ненависть к Сталину стала уступать место чисто интеллектуальному любопытству — желанию понять скрытые механизмы социалистического общества, порождающие все те отрицательные явления, на которые я уже посмотрелся достаточно много. Для меня сталинизм еще оставался воплощением и олицетворением реального коммунизма. Я тогда еще не знал, что это — всего лишь юность нового общества. Когда я это понял (это случилось в конце войны), я вообще перестал относиться к Сталину и его соратникам как к людям, вернее — на смену ненависти пришло презрение.

К этому времени я отчетливо осознал еще одно обстоятельство, сыгравшее важную роль в моем отношении к Сталину и сталинизму: я понял, что мое чувство превосходства над окружающими было самообольщением. Я имел сотни бесед с людьми самого различного возраста и положения. И самыми осведомленными о дефектах нашей жизни среди них были сотрудники Органов государственной безопасности, партийные чиновники, провокаторы и стукачи. Главное, понял я, не знание фактов, а отношение к ним. Сталинизм постепенно стал превращаться из моего личного врага в объект изучения.

Но вот умер Сталин. Для меня — сдох: он был мой враг. Но что случилось со мной? Я, обезумевший, метался по Москве, пил стаканами водку во всех попадающихся на пути забегаловках и не пьянел. Теперь, спустя тридцать лет, я понял, что случилось тогда:

исчез мой враг, делавший мою жизнь осмысленной, окончилась моя Великая Тайна борца против сталинизма. Началась будничная жизнь рядового советского гражданина, в меру критичного по отношению к существующему строю, но в общем и целом принимающего его и сотрудничающего с властями в его сохранении.

После хрущевского доклада мой антисталинизм вообще утратил смысл. Все наперебой начали критиковать Сталина и его соратников. Все вдруг стали «жертвами культа». Меня это раздражало. Однажды при обсуждении диссертации одного сотрудника нашего учреждения, обругавшего (как это стало модно) Сталина, среди прочих выступил и я и сказал, что «мертвого льва может лягнуть даже осел». Меня вызвали на Лубянку и сказали, что мое поведение не соответствует генеральной линии Партии на данном этапе, что я ошибаюсь, воображая, будто «сталинские времена» кончились, и что если я не прекращу свои заявления, они (т. е. Органы) будут вынуждены принять в отношении меня суровые меры.

Будучи не в силах принять сей жизненный парадокс, я запил пуще прежнего. Я был в этом не одинок. Точно так же поступали многие уцелевшие антисталинисты, потерявшие предмет своей ненависти, и многие нераскаявшиеся сталинисты, потерявшие предмет своей любви. Мы вместе с ними опустили на самое дно человеческого бытия. Мы не чувствовали вражды друг к другу, ибо все мы были обломками великой эпохи и ее ничтожного крушения. В одно из таких падений в помойку человеческого бытия я встретил этого человека. На мой вопрос, что он думает по поводу хрущевского доклада, он сказал: «Великан Истории поскользнулся на арбузной корке и сломал себе хребет». Он имел в виду сталинизм.

Когда я, дрожа от холода и мерзостности внутреннего состояния, очнулся в новом вытрезвителе нашего района, на койке рядом сидело сине-фиолетовое, колючее, с желто-красными подтеками существо.

— Хорош, — сказал я вместо приветствия.

— А ты, думаешь, лучше? — миролюбиво ответило существо. — Красавчиками мы выходим только из морга.

Выполнив положенные в таких случаях формальности и прослушав часовую лекцию о моральном облике строителя коммунизма, мы покинули вытрезвитель со здоровым намерением «надраться» снова.

— Первый раз здесь, — сказал Он, с изумлением разглядывая дорические колонны и увенчанный скульптурами ударников труда фронтоном нашего нового вытрезвителя. — Дворец, а не помойка для отбросов общества!

— Подарок трудящимся нашего района к годовщине (не помню, какой по счету) Великого Октября, как сообщила наша пресса. По числу пьянокоек превосходит все прочие вместе взятые. И с новыми, научно обоснованными методами вытрезвления. В старых вытрезвителях пьяниц опускают в холодную ванну ногами, держа за волосы, если таковые есть, или за уши, если волосы отсутствуют. А здесь опускают в ледяную ванну, причем — головой, держа пьяницу за пятки. Так что мы вроде Ахиллесы теперь.

— Которые, как доказала логика, не могут догнать даже черепаху.

— А собираемся Америку догнать и перегнать. Кроме того, здесь повышают морально-политический уровень пьяниц настолько, что они после этого ничего другого, кроме коммунизма, строить уже не способны.

Идти на работу было бессмысленно: туда все равно сообщат о наших похождениях. Мы решили «закрепить знакомство».

— Я инженер, — сказал Он, — в инвалидной артели «Детская игрушка». Странное выражение «детские игрушки». Можно подумать, что есть какие-то другие, недетские игрушки. Не обожествляйте слово «инженер». Мои функции как инженера сводятся к тому, что я подписываю бумажки, смысла которых не понимаю. Держат меня там только потому, что я ветеран войны и имел три ранения. Одно тяжелое. Числюсь инвалидом. Получаю пенсию. На пенсию живу, а зарплату пропиваю.

Потом мы встречались с ним чуть ли не каждый день. Он оказался бывшим антисталинистом, причем — раскаявшимся.

— Раскаявшийся сталинист, — сказал Он, — есть нечто совершенно заурядное. Но раскаявшийся антисталинист, согласитесь, это есть нечто из ряда вон выходящее.

Мы много разговаривали. Теперь трудно различить, что говорил Он и что говорил я. Наше принципиальное понимание прошлого и отношение к нему совпадали, а на авторство идей и приоритет мы не претендовали. Так что я лишь с целью удобства описания буду приписывать все мысли, прошедшие тогда через мою собственную голову, Ему. Разумеется, лишь те, что вспомнятся сейчас. И в той языковой форме, в какой я могу сформулировать их сейчас.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

— Легко быть моральным, сидя в комфорте и безопасности, — говорил Он. — Не доноси! Не подавай руку стукачу! Не голосуй! Не одобряй! Протестуй!... А ты попробуй, следуй этим прекрасным советам на деле! Думаете, страх наказания? Есть, ко-

нечно. Но главное тут — другое. Дайте мне самого кристально чистого человека, и я докажу, что он в своей жизни подлостей совершил не меньше, чем самый отъявленный подлец. Гляньте туда! Видите? Хулиганы пристают к девушке. А прохожие? Ноль внимания. А ведь мужчины. Сильные. Вот тот одной левой может раскидать десяток таких хлюпиков. Думаете, заступится за девчонку? Нет! А небось, кристально чист. Совесть спокойная. Вот в том-то и дело. Я сам дважды был жертвой доносов. А разве я лучше моих доносчиков? Вот вчера у нас было партийное собрание. Разбирали персональное дело одного парня. Дело пустяковое. Но нашлись желающие раздуть. И раздули. Райком партии раздул еще больше. Ну и понесли парня со страшной силой. Из партии исключили. Единогласно. И я голосовал тоже. А что прикажешь делать? Защищать? Я с ним в близких отношениях не был. Парень этот сам дерьмо порядочное. И проступок все-таки был. Ради чего защищать? Ради некоей справедливости? Вот в этом-то и загвоздка! Мы все считали и считаем наказание справедливым. И сам этот парень тоже. Кстати сказать, мы и пить вчера начали с ним вместе. Он — с горя. Мы — из сочувствия к горю. Повод был подходящий.

Что справедливо, и что — нет, — вот в чем суть дела. Я много думал на эту тему, времени для раздумий было больше чем достаточно. И знаешь, что я надумал? Никакой справедливости и несправедливости вообще нет! Есть лишь сознание справедливости или несправедливости происходящего. Со-зна-ни-е! Понимаешь?! То есть наша субъективная оценка происходящего, и только. А мы отрываем в своем воображении содержание нашего сознания от самого факта сознания и получаем пустышку: справедливость как таковая! И эта пустышка терзает души миллионов людей много столетий подряд. Террор этой пустышки посильнее и пострашнее сталинского.

Есть правила и для субъективных оценок, знаю. Но они общезначимы лишь в рамках данной общности людей, в рамках принятых в ней представлений, понятий, норм. Мы, осуждая того парня, действовали в рамках наших представлений о справедливости, в рамках принятых нами и одобряемых норм на этот счет. И жертва эти нормы и представления принимает тоже.

А в те времена, думаешь, по-другому было? Сознание справедливости происходящего владело подавляющим большинством участников событий — вот чего не могут понять нынешние разоблачители ужасов сталинского периода. Без этого ни за что не поймешь, почему было возможно в таких масштабах манипулировать людьми и почему люди позволяли это делать с собою. Конечно, случаи нарушения справедливости были. Например, расстреляли высокого начальника из Органов, который сам перед этим тысячи людей подвел под расстрел. Расстреляли военачальника — героя Гражданской войны, который командовал войсками, жестоко подавившими крестьянский бунт. Но в общем и целом эта эпоха прошла с поразительным самосознанием справедливости всех ее ужасов. Это теперь, с новыми мерками справедливости и несправедливости, мы обрушиваемся на наше прошлое как на чудовищное нарушение справедливости. Но в таком случае вся прошлая история есть несправедливость.

ВИНА

То же самое в отношении вины и невиновности. Это есть лишь другая сторона той же проблемы справедливости. Теперь проблема виновности и невиновности кажется очень простой. И мы переносим нынешние критерии на прошлое, забывая о том, что произошли по крайней мере два такие изменения: 1) сыграли свою роль и отпали многие поступки, которые были

существенны в сталинское время; 2) в стране выработалась практически действующая система юридических норм и норм другого рода, которой еще не было в сталинское время. И люди в то время ощущали себя виновными или невиновными в иной системе норм и представлений об этом, чем сейчас. Например, руководитель стройки, который не выполнил задание в заданные сроки по вполне объективным причинам, например, из-за погоды, — ощущал себя, однако, виновным. И вышестоящие органы рассматривали его как виновного. Родственники, сослуживцы и друзья тоже. Одни из участников дела переживали судьбу арестованного начальника как несчастье, другие радовались этому. Но ни у кого не было сомнения в его виновности. Я принимал участие в одной такой стройке за Полярным Кругом. Начальник соседней стройки обрек на гибель пятьдесят тысяч человек ради незначительного успеха. Его наградили орденом. Начальник нашей стройки «пожалел» людей: угробил не пятьдесят тысяч, а всего десять. Его расстреляли за «вредительство». Первый не испытывал чувства вины за гибель людей. Второй ощущал себя вредителем. Я не встретил тогда ни одного человека, кто воспринимал бы происшедшее как вину первого и как невиновность второго.

Я сам прошел через все это. На студенческой вечеринке я наговорил лишнего о Сталине. Я никогда не был принципиальным врагом нашего строя, Сталина, политики тех времен. Просто случилось так, что высказал вслух то, что накопилось на душе. И это тоже нормальное явление. Тогда многие срывались. На меня написали донос. Я знал, что донос будет, и это тоже было общим правилом. И не видел в этом ничего особенного. Я знал, что сделал глупость, и чувствовал себя виноватым. Я считал справедливым и донос, в котором я не сомневался, и наказание за мою вину, которое я ожидал. Если теперь посмотреть на

этот случай, то все будет выглядеть иначе. Доносчики будут выглядеть как безнравственные подонки. А они на самом деле были честными комсомольцами и хорошими товарищами. Я буду выглядеть героем, которого предали товарищи, а власти несправедливо наказали. А я не был героем. Я был преступником, ибо я и окружающие ощущали меня таковым. И это было в строгом соответствии с неписаными нормами тех дней и с неписаной интерпретацией писанных норм.

ДОНОС

— Надо различать, — говорил Он, — донос как отдельное действие, совершенное конкретным человеком, и донос как массовое явление. В первом случае он подлежит моральной оценке, а во-втором — социологической. Во втором случае мы обязаны прежде всего говорить о его причинах и о роли в обществе, о его целесообразности или нецелесообразности, социальной оправданности или неоправданности. И лишь после этого и на этой основе можно подумать и о моральном аспекте проблемы. В том, что касается доносов сталинского периода, моральный аспект вообще лишен смысла.

Смотри сам. Новый строй только что родился. Очень еще непрочен. Буквально висит на волоске. Врагов не счесть. Реальных врагов, а не воображаемых, между прочим. Что ты думаешь, все население так сразу и приняло новый строй, а власти лишь выдумывали врагов?! Малограмотное руководство. Никакого понимания человеческой психологии. Никакой уверенности ни в чем. Всё вслепую и наощупь. Не будь массового доносительства в это время, кто знает, уцелел ли бы сам строй. Но широкие массы сами проявляли инициативу и доносили. Для них доносительство было формой участия в великой революции и охраной ее завоеваний. Донос был в основе добровольен и не

воспринимался как донос. Лишь на этой основе он превратился в нечто принудительное и морально порицаемое ханжами и лицемерами. И роль доноса с точки зрения влияния на ход событий в стране была не та, что теперь, — грандиознее и ошутимее. Я имею в виду не некое совпадение каждого конкретного доноса и действий властей в отношении доносимого, а соотношение массы доносов как некоего целого и поведения властей тоже как целого. Масса доносов отражалась в судьбе масс людей.

Теперь отпала потребность в доносе как социальном массовом явлении. Одновременно отпали породившие его условия. На место доноса сталинского периода пришел донос как элемент профессиональной деятельности определенной организации — т. е. как заурядное явление, порицаемое на моральном уровне. Конечно, нет четкой границы между этими эпохами. И в сталинское время была мешанина из доноса как формы революционной самодеятельности миллионных масс населения и доноса в его привычном полицейско-жандармском смысле. Тот первый донос на меня был детищем великой революции. Зато второй раз я пал жертвой доноса в его банальном, совсем неревolutionном значении. Этот второй донос был уже не во имя революции, а во имя личного положения в новом обществе, которое уже родилось в результате революции и было глубоко враждебно ей.

В ЗАЩИТУ ЭПОХИ

— Если хотите знать основу сталинизма и его успехов, — говорил Он, — проделайте хотя бы самое примитивное социологическое исследование. Выберите характерный район с населением хотя бы в один миллион. И изучите его хотя бы по таким показателям. Численность населения, его социальный состав, профессии, имущественное положение, образованность,

культура, число репрессированных, передвижения людей (куда люди покидали район и откуда появлялись в нем вновь). Изучите, что стало с теми, кто покинул район. Сделать это надо по годам, а иногда — по месяцам, ибо история неслась с ураганной скоростью. Знаю, трудно получить данные. Но все же что-то возможно получить. И группа грамотных социологов могла бы дать достаточно полную картину. И вы бы тогда увидели, что репрессии в ту эпоху играли не такую уж огромную роль, какую вы им приписываете теперь. Вы бы тогда увидели, что главным в эту эпоху было нечто иное, позитивное, а не негативное. Вы смотрите на эту эпоху глазами репрессированных. Но репрессированный вырывался из нормальной жизни общества. Тут собирались люди самого различного сорта, причем — далеко не всегда лучшие люди общества. Хотя в лагерях люди гибли, но постепенно они там накапливались — люди из разных слоев, эпох, поколений. Хотя репрессии и концлагеря были обычным делом той эпохи, они не были моделью общества в целом. Общество отражалось в них, поставляя в них своих представителей, но сами они существовали по жутким законам таких объединений, людей, вырванных из исторического процесса. Можно на эту эпоху смотреть и глазами уцелевших и преуспевших, а их было много больше, чем репрессированных. Кто-то подсчитал число репрессированных. А кто подсчитает число тех, кто в какой-то мере преуспел, причем — подсчитает это также в ряде поколений? Странно, почему советские идеологи не сделают этого?

РЕПРЕССИИ

— О том, что кого-то где-то арестовали, — говорил Он, — мы слышали постоянно, не говоря уж о

сенсационных арестах на высшем уровне. Но не думайте, что вся наша жизнь была заполнена этим.

В нашем доме арестовали инженера, который жил вдвоем с женой в двадцатиметровой комнате. Мы его считали богачом: у нас была десятиметровая комната на пятерых. Наша семья не рассчитывала на эту комнату. Мы рассчитывали на комнату тех жильцов, которые получают комнату арестованных (жену его тоже арестовали). Но совершенно неожиданно комнату арестованных отдали нам. Что творилось в доме, невозможно описать. Соседи, претендовавшие на комнату, лили нам в кастрюли керосин и прочую гадость. Приходилось все запиравать. А что нам оставалось делать? Не в нашей власти было оставить инженера с женой на свободе. Если бы мы в знак протеста отказались от комнаты, нас самих арестовали бы. Мы не могли отказаться. Но мы и не хотели это делать. И в этом было наше соучастие в репрессиях: нам все-таки тоже кое-что перепало. После этого мои родители портрет Сталина на стенку повесили на самом видном месте. Несколько лет агитаторы нам твердили о том, что советская власть проявила о нас заботу. Нечто подобное происходило в тысячах точек общества.

Сам факт массовых репрессий очевиден и общеизвестен. Проблема в том, почему они стали возможны, почему люди, которых считают теперь преступниками, могли совершать их безнаказанно? А потому что это было делом не безнравственных и жестоких одиночек, а многомиллионных масс населения, наделенных всеми мыслимыми добродетелями. Это было наше общее дело — совместное дело жертв и палачей.

ПОЧЕМУ

Почему я стал антисталинистом? Обстоятельства сложились так, что меня постепенно и помимо моей

воли вынудили на действия и мысли, которые в конце концов и навязали мне антисталинские убеждения и роль антисталиниста. Например, нам так назойливо твердили о том, что мы своими «прекрасными жилищными условиями» (комната в двадцать квадратных метров на пять человек) обязаны советской власти и лично товарищу Сталину, что можно было во что угодно свихнуться. Однажды я не выдержал и ехидно заметил, что мы действительно этими «прекрасными жилищными условиями» обязаны лично Сталину. С этого момента во мне зародилась ненависть к Сталину. Такого рода случаев, укрепивших мою ненависть, были сотни.

А потом начала действовать более глубокая причина, которую я осознал отчетливо только теперь: протест против того общественного устройства, которое складывалось в сталинское время и которое, как казалось мне, противоречило идеалам революции. Я возлагал вину за это «отступление» от идеалов революции на Сталина и сталинистов. Конечно, это общество складывалось и благодаря их усилиям. Но не только их. Оно явилось результатом творчества всего населения страны. И сталинизм, как это ни странно на первый взгляд, сам означал борьбу против своего собственного творения. Но эту тонкую диалектику я постиг много лет спустя, когда мой антисталинизм утратил смысл.

СТАЛИНИЗМ

Хочу подробнее развить высказанную ранее мысль. В сталинское время создавалось общество, которое мы сейчас имеем в стране. Во главе этого строительства стояли Сталин и его сообщники. Во многом общество отвечало идеалам строителей, во многом — нет. Во многом оно строилось само вопреки идеалам и в противоположность им. И строители прилагали

усилия, чтобы этих нежелательных явлений не было. Они полагали, что в их власти не допустить их. И в этом отношении они боролись против создаваемого ими общества. Многие в том, что делалось, можно отнести к строительным лесам, а не к самому строящемуся зданию. Но леса воспринимались как неотъемлемая часть здания, порою — даже как главная. Порою казалось, что здание рухнет без этих лесов. К тому же общество — не дом. Тут не всегда можно разделить строительные леса и само строящееся в них здание. Сейчас многое прояснилось. Многие понято как леса и отброшено. Так что же во всем этом есть сталинизм — само новое общество, созданное под руководством Сталина и его сообщников, исторические методы его построения, строительные леса, борьба против отдельных явлений строящегося общества?

Сообщники Сталина — кто это? Кучка партийных руководителей, аппарат партии и органов государственной безопасности? Общество строили миллионы людей. Они были участниками процесса. Они были помощниками палачей, палачами и жертвами палачей. Они были и объектом, и субъектом строительства. Они были власть и сфера приложения власти. Создание нового общества было прежде всего организацией населения в стандартные коллективы, организация жизни коллективов по образцам, которые впервые изобретались в гигантском массовом процессе путем экспериментов, проб, ошибок. Создание нового общества — воспитание людей, выведение человека, который сам, без подсказки властей и без насилия, становится носителем новых общественных отношений. Процесс этот происходил в борьбе многочисленных сил и тенденций. Среди них отмечу две системы власти, порождавшие друг друга, но одновременно враждебные друг другу, — систему вождизма и народовластия, с одной стороны, и систему партийно-государственного бюрократического аппарата, с другой.

Что есть сталинизм? Их единство? Или только система вождизма, система личной власти? Или все более укрепляющаяся система формальной власти государственного аппарата?

Я мог бы взять другие аспекты жизни этого периода и показать, что он был чрезвычайно сложен и противоречив. Различные группы людей, рассуждающих теперь о сталинизме, связывают с ним только один какой-то аспект общества в этот период. Но с такими односторонними подходами не поймешь этот период и то, что в нем родилось, — его результат. Сталинизм — это не нечто, подобное гитлеризму в Германии. Сходство есть. Но различие существеннее. Сталинская эпоха в ее самых существенных свойствах вошла в структуру нового общества и в психологию нового человека. Отброшено лишь то, что было связано с процессом строительства, с историческими условиями, с неопытностью, с наследием революции и прошлого... Что считать сталинизмом — то, что осталось, или то, что отброшено? Есть проблемы словесные. И есть проблемы существенные, а именно — проблемы понимания эпохи и ее продукта, причем — всестороннего понимания. И без поверхностных аналогий. Фашизм — явление мимолетное и бесперспективное. Коммунизм приходит на века.

Для меня сталинизм есть целая эпоха, а не только форма власти и управления. Вот вам еще один аспект этой эпохи, о котором никто ничего не говорит. В это время начала складываться новая социальная структура общества, новые формы неравенства. Сталинизм был попыткой остановить этот неумолимый процесс. Отсюда — особо жестокие репрессии в отношении представителей нарождающихся господствующих классов. Неспособность остановить этот процесс — вот основная причина поражения сталинизма как формы власти и ухода его со сцены истории.

Посмотрите, что происходило! Сталин и его сообщники при поддержке определенных кругов населения разгромили «ленинскую гвардию», т. е. тех деятелей революции и те слои населения, которые были активными участниками революции и гражданской войны. Таким образом, сталинисты действовали как контрреволюционеры — они остановили революционный период. Но, приступив к мирному строительству, они сами выступили одновременно и как носители духа революции.

Или возьмите, к примеру, коллективизацию. Чего только о ней ни наговорили! Ошибка! Преступление! Бессмысленная жестокость!.. И ни слова о ее великой исторической роли. Я-то это пережил. Да и ты тоже. Мы-то знаем, что это такое было. Недавно прочитал я статейку. Автор поступает так. Берет продукцию с приусадебных участков, находящихся в частном владении, и делит на общую их площадь. Затем берет продукцию колхозов и делит на площадь колхозных земель. И, естественно, получает, что первая цифра превосходит вторую, — «намек» на то, что частное хозяйство продуктивнее колхозного. Но это — грубая ошибка. Надо полученные в обоих случаях цифры разделить на величины затрат усилий людей соответственно на приусадебных участках и колхозных землях. И тогда первая величина продуктивности будет много ниже второй. Вот глубочайшая причина, почему теперь крестьян силой не заставишь отказаться от колхозов и вернуться к единоличному хозяйству. Сколько миллионов людей охотно бросило тупую и изнурительную крестьянскую жизнь и ринулась в города и на стройки?! А ведь это — тоже дело сталинизма!

То было время великого (великое — не обязательно хорошо) социального творчества. Многие исторические открытия делались на наших глазах. И мы сами принимали в них участие в качестве материала творчества и в качестве творцов. Интересное это явление

— историческое творчество масс людей. Проходят годы, и ученые начинают ломать голову над какими-то историческими явлениями, пытаются разгадать их тайну. А для участников этих явлений никаких тайн нет. Для них все очевидно. Все происходит на их глазах. Но зато они еще не знают того, во что со временем вырастет их примитивное и неприглядное начинание. Им не ведомо то, что их жалкое дело рождает великий феномен истории, который со временем станет таинственным для мудрецов. Впрочем, лишь для мудрецов. Чтобы эти мудрецы выглядели именно мудрецами, а не беспомощными идиотами.

Вот возьмите эту форму рабского труда, которая приобрела такой размах в Советском Союзе и стала необходимым элементом жизни, — посылку миллионов людей из города в деревни, на стройки, в отдаленные районы. Пропаганда рассматривает ее как начало «подлинно коммунистического отношения к труду», как признак будущего райского коммунизма. Я согласен с тем, что это — признак коммунизма. Только уже наступившего. И далеко не райского. Как эта форма зародилась? Очень просто. В результате политики коллективизации и индустриализации деревни опустели. А война вообще почти полностью истребила деревенское мужское население — деревенские парни и мужики погибали на фронте в первую очередь. Они были на самом низу армейской иерархии, выполняли самую опасную и самую черную военную работу. Положение в деревне стало катастрофическим. И это угрожало катастрофой всей стране. Выход был один: послать людей из городов в деревни. Так и сделали. Часть направили насовсем. А основную массу — на сезонные работы.

Обратите внимание: другого выхода не было! Либо гибель, либо делать таким-то единственно доступным путем. Вот вам одна из особенностей исторического творчества: необходимость. Необходимость в

смысле насущной потребности и возможности реализовать ее таким путем. История подобна реке: она течет туда, куда можно течь. Она течет в «социальные» дыры. Она течет в силу законов тяготения. А когда опыт удался, люди, от которых зависела судьба масс народа и страны, сделали определенные выводы: 1) можно без катастрофического ущерба для экономики страны посылать миллионы людей из городов туда, куда нужно; 2) можно этих людей использовать как дешевую рабочую силу там, где не хватает людей и куда люди добровольно не поедут; 3) это даже удобно, так как эти люди нужны и в городах, и ими можно манипулировать в масштабах государства; 4) можно эти мероприятия использовать как мощное средство коммунистического воспитания людей.

РЕАЛЬНОСТЬ И УТОПИЯ

Эпоха сталинизма была воплощением в жизнь сказки, утопии. Но воплощение это произошло в такой форме, что сказка превратилась в объект для насмешек. И дело не в том, что реальность оказалась хуже сказки, — во многом она оказалась лучше, — а в том, что жизнь пошла в непредвиденном направлении и сказка утратила смысл.

Коммунистическая утопия создавалась при том условии, что не принимались во внимание многие существенные факторы человеческой жизни: распадение человечества на расы, нации, племена, страны и другие общности и объединения; усложнение системы хозяйства и культуры; иерархия социальных позиций; наличие всякого рода соблазнов (вещи, слава, власть, развлечения); возможности делания карьеры и другие. Утопия предполагала лишь сравнительно небольшие объединения более или менее однородных индивидов, со скромным трудовым бытом и с примитивным разделением функций. Утопия создавалась для самых

низших слоев населения и самого низшего уровня организации жизни общества.

Люди верили в коммунистическую утопию, не подозревая о том, что отвлекаются от упомянутых выше социальных факторов. В самом деле, почему бы людям не заботиться друг о друге? Почему бы не жить в мире и дружбе? Почему бы не распределять трудовые усилия и жизненные блага по справедливости? Почему бы не воздавать людям почести по их способностям, достоинствам, реальным заслугам? Почему бы...? Почему бы...? И абстрактно рассуждая (т. е. не принимая во внимание все те неустранимые обстоятельства, которые объясняют, почему все это невозможно или возможно в такой форме, какая не имеет ничего общего с мечтой), все это вроде бы возможно. Но абстрактная возможность еще не есть возможность реальная.

Коммунистическая утопия осуществима в реальности лишь в той мере, в какой упомянутые выше факторы отсутствуют в реальности. Но для какого рода человеческих объединений это возможно? Как много таких объединений? Какова их роль среди прочего человечества? А главное — в каких масштабах, в какой форме и как долго коммунистическая утопия может просуществовать в таких объединениях реально? В нашей стране экспериментов на этот счет было достаточно. Кое-что в них было удачным, кое-что нет. Кое-что вошло в нашу нынешнюю жизнь. Кое-что исчезло как нежизнеспособное. То, что у нас есть, есть результат поисков наиболее жизнеспособных вариантов организации жизни в условиях, предсказанных в утопии.

О ДИАЛЕКТИКЕ

В России серьезно отнеслись к диалектике. И она прочно вошла в нашу идеологию. И в этом наше пре-

имущество перед Западом. Западная идеология антидиалектична. Даже Германия, где диалектика была открыта, отвергла ее. И это было одной из слабостей германского способа мышления, одна из причин поражения Германии в войне. А Сталин был диалектик. Пусть в примитивной и карикатурной форме, но все-таки диалектик. Вот, возьми сталинские репрессии в отношении командного состава Красной Армии. Общепринятое мнение: Сталин ослабил армию, и это было причиной поражения в начале войны. И Гитлер, помогая Сталину устранять «лучших» военачальников, думал, что ослабляет советскую армию. Да, в какой-то мере это ослабило Красную Армию и способствовало поражениям в начале войны. Но только ли это? И это ли главное? Мы-то с тобой знаем, каким был командный состав нашей армии до чистки. Не будь чистки, мы не имели бы таких поражений в начале войны, но мы проиграли бы войну. Сталин (инстинктивно или сознательно, не могу судить) поступал правильно, намереваясь обновить командный состав армии. Я ведь тоже был предназначен для этого обновления. У нас целая рота была ребят со средним и высшим образованием, нас готовили в офицеры. Сталин не учел инерции огромного общества и не успел провести обновление командного состава до войны. Пришлось это делать в ходе войны. Но одно из условий нашей победы — именно это обновление, т. е. повышение образовательного и интеллектуального уровня командного состава. Вот тебе классический пример диалектики.

Все, что сейчас говорят критики нашей истории и нашего общества, пронизано чудовищной антидиалектичностью, непростительной в наш век буйства науки. Кстати, после Сталина началось некоторое ослабление диалектичности нашей идеологии. Появились бесчисленные умники, уличающие Сталина в вульгаризации

марксизма. А сами эти умники занимаются тем же, только в потоке безудержного словоблудия.

СОУЧАСТИЕ

Великая эпоха ушла в прошлое, осужденная, но не понятая, — твердил я себе, словно в бреде. И в бреде тоже. Я прожил лучшую часть жизни в эту эпоху. В ней есть доля и моего участия. В нее вложена моя душа. Я не хочу ее оправдывать — не бывает преступных эпох. Бывают трагические эпохи, в которые совершается много преступлений. Но трагедия не есть преступление. Я не хочу оправдываться сам — совесть моя чиста. Я — сын своего времени. Верный сын. Я работал до кровавых мозолей, заранее зная, что не получу за свой труд ничего. Я голодал. Я мерз. Меня ели вши. Я постоянно ожидал ареста. Я добровольцем ходил в разведку. Я добровольцем оставался прикрыть отступающих товарищей. Я впереди роты шел в атаку. Я работал там, куда меня посылали. Я делал то, что меня заставляли. Меня обходили наградами и чинами. Я никогда не жил в хорошей квартире, не носил красивых вещей, не ел пищу и не пил вин, о которых читал в книгах. Мой опыт в отношении женщин достоин насмешки. Меня никто не обманывал и не запугивал, я делал все сам, добровольно. Я никогда не верил в марксистские сказки о земном рае. Знал, что происходило в нашей реальности. И все же я рад, что жил в ту эпоху и жил так, как прожил. Если бы мне предложили повторить жизнь, я бы выбрал прожитую мною в эту эпоху жизнь из всех возможных.

Великая эпоха ушла в прошлое, осужденная, но не понятая. Я тоже когда-то хотел принять участие в ее разоблачении и осуждении. Я имел что сказать. Я имел моральное право на суждение. Но вот прошло время, и я понял, что эта эпоха заслуживает понимания. И

защиты. Не оправдания, повторяю, а защиты. Защиты от поверхностности и мелкости осуждений. В условиях, когда все спекулируют на разоблачениях эпохи и ее продукта (т. е. общества, которое сложилось в эту эпоху), самый сильный и справедливый суд есть защита. И я буду защищать тебя, породившая меня и рожденная мною эпоха!

Сталинизм вырос не из насилия надо мною, хотя я был врагом его и сопротивлялся ему, а из моей собственной души и моих собственных добровольных усилий. Я ненавидел то, что создавал. Но я жаждал создавать именно это. Вот загадка феномена сталинизма. И я сам хочу в ней разобраться. Я знаю, что мои слова иррациональны. Но ведь человеческая история вообще иррациональна. Рациональна только человеческая глупость и заблуждения.

Я рассказал о своем смятенном состоянии Ему. Это нормально, — сказал Он. — Защитники коммунизма уже не способны понять и тем более защитить сталинскую эпоху. Они боятся скомпрометировать себя такой защитой. Они признали эту эпоху черным провалом в светлой истории коммунизма. Потому защищать эту эпоху придется нам, антисталинистам.

СТАЛИНИСТ И АНТИСТАЛИНИСТ

Выражение «сталинист» весьма неопределенно. Этим словом называют человека, лично преданного Сталину, активного проводника сталинской политики, представителя сталинской эпохи, принимающего ее идеологически, руководителя сталинского периода... Но сталинизм — это также и социально-психологический тип, наиболее адекватный той эпохе. Такой человек может ненавидеть Сталина и его банду, может заниматься антисталинской пропагандой, но быть характерным представителем именно этой критикуемой им эпохи. Сталинская эпоха породила огромное число

человеческих экземпляров, гнуснее которых трудно вообразить себе что-либо. Но она же породила и их антиподов, т. е. людей самоотверженных, абсолютно честных и чистых, искренних, готовых на любые трудности и жертвы ради своего народа, ради светлых идеалов коммунизма, ради Партии и Вождя. Именно из таких настоящих сталинистов выходили настоящие антисталинисты. Их протест вызывала не идея нового общества как таковая, а ее грубая материальная форма. Они психологически не могли примириться с тем, что великая революция идет в грязи и крови, что несут ее негодяи и ничтожества, не достойные имени человека. Потому, между прочим, мы не можем принять и надвигающегося «либерализма»: он означает конец не только революции, но и всех связанных с нею надежд и иллюзий. Нам нет места в будущем. Мы — дети прошлого. Нам остаются только воспоминания и разъедающие душу сомнения.

А Хрущев, между прочим, своим разоблачительным докладом нанес огромный ущерб делу коммунизма. Ущерб прежде всего психологический. Нужны десятилетия, чтобы кое-что восстановить в отношении людей к идеям и делам коммунизма. Взрослых уже не исправишь. Надо с новых поколений начинать все заново. С детей...

Мы суть характерный продукт революции — ее самый лучший и чистый продукт, но продукт двойственный — продукт легенды революции и ее реальности. Мы впитали в себя легенду революции, но восстали против ее реальности. И теперь мы защищаем не Сталина и сталинизм, а наше собственное участие в той эпохе.

Мы — люди коммунистического общества. И если бы нам пришлось выбирать, где прожить жизнь, мы выбрали бы то же наше общество в то же самое время. Мы боролись против этого общества, но — как

члены его. Мы продукт его, рожденный для борьбы с ним. Но в нем. И для него.

Мы были врагами этого общества. Но почему? Потому что мы и есть настоящие коммунисты. Мы — коллективисты. Мы были готовы на самопожертвование ради коллектива. Мы отдавали ему все силы и чувства. И именно потому, что мы — идеальные члены этого общества, мы суть враги его.

Мы в свое время выразили протест против сталинизма, поскольку заметили в жизни нечто такое, что не соответствовало нашим идеалам революции и представлениям о идеальном коммунизме. Потом мы изменили свое понимание революции и рожденного ею общества. Но уже не могли изменить своей психологии.

Мюнхен, 1982

Единственная ежедневная русская газета
за рубежом

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО»

выходит в Нью-Йорке, США, с 1910 г.

Главный редактор **Андрей Седых**

«Новое русское слово» регулярно печатает документы самиздата, протесты из СССР, произведения лучших эмигрантских писателей, публицистику и прочее.

Подписная цена 70 долларов в год,
35 дол. — 6 месяцев

Воскресное издание — только 35 дол. в год

Годовая подписка воздушной почтой
(пачками по 6 номеров) — 150 долларов в год

Подписку с платой направлять по адресу:

243 West 56 St., New York, N. Y., 10019 USA.
NOVOE RUSSKOYE SLOVO

ПОЧЕМУ ОНИ НАС НЕ СЛУШАЮТ...

Я уже где-то писал, что, едва вывалившись из самолета в Вене, спешил «раскрыть глаза» Западу, разобъяснить такое, что, мнилось, Запад жаждал, да не мог знать. Речь не о военных секретах, коих я и не ведал, а о сущности советской экономической системы, о ее действительном состоянии и о всяких других, в том числе и неэкономических, вещах. Перед отъездом откровенный разговор с гарвардским профессором. И, заранее уверенные в ответе, спросили его об интересе в Америке к советской экономике. Ответ показался невероятным — *большого* интереса нет. Прожив почти 9 лет в Америке, подтверждаю: он был прав. Выделяя слово «большой», хочу этим сказать, что вполне определенный интерес все же есть, но и этот скромный интерес, причем далеко не только к экономике, удовлетворяют без нашей, эмигрантов, помощи.

Опять-таки здесь важна степень. Статьи эмигрантов время от времени появляются в «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост», в престижном «Комментари», в европейских газетах и журналах. Издаются наши книги на туземных языках. Выступления на телевидении, лекции, конференции. Однако давайте посмотримся — о чем статьи и лекции? Почти всегда о недавнем личном опыте, о каких-то даже мыслях, но практически никогда эмигранта не привлекают как эксперта, он главным образом поставляет факты, он, так сказать, фактолог. И обычно выступление эмигранта комментирует западный специалист, советолог, ему и принадлежит последнее слово, оценка, если не приговор.

Казалось бы, огромным было влияние книг и выступлений Солженицына, но и это не совсем так. «Архипелаг» больше всех впечатлил тех, кто и раньше советскую власть не слишком жаловал, поборники детанта его по сути игнорировали. Как иначе объяснить знаменитое признание Картера после Афганистана, что он только тогда, через три года президентства, осознал — кто такие советские лидеры. Так Картер и его советники поняли Солженицына. И так поняли Солженицына те, что целеустремленно продают (вернее, дают в долг) самую передовую технологию.

В Америке постоянно занимаются советологией тысячи людей, но среди многих эмигрантов, имевших профессиональную репутацию в СССР как историки, социологи, литературоведы, экономисты, я знаю лишь одного специалиста, получившего постоянную работу в советологии. Знаю многих математиков, успешно профессорствующих в лучших университетах. Преуспевающих инженеров, врачей и кибернетиков. Византинист еще в Москве договорился о престижном месте. Экономист стал профессором ведущего университета, но не по советской экономике. И, наоборот, знаю двух-трех людей, которые по молодости или же по другим причинам ничем себя профессионально не проявили в СССР, а здесь внедрили в советологию, один из них весьма успешно.

Или те же статьи. В американских советологических журналах нас совсем почти не печатают. В специальном «Журнале сравнительной экономики» не было буквально ни одной строчки, подписанной эмигрантом. Почти ничего не было ни в «Славик ревью», ни в «Проблемах коммунизма».

В многочисленных вашингтонских кабинетах разрабатывают и перерабатывают американско-советскую политику, подготавливают переговоры, оценивают разведывательную информацию. Часто вспоминают

об СССР в Конгрессе. Но всерьез мнением эмигрантов не интересуются, разве что для проформы иногда кого-то пригласят.

Немного иначе в Европе. Знаю эмигрантов, преподающих в университетах русский язык и литературу. Издаваемый в Шотландии журнал «Совет студис», кстати сказать, лучший в советологии, печатает эмигрантов регулярно.

Все же когда Солженицын обронил как-то, что бывшим коммунистическим журналистам и профессорам предоставляют теперь кафедры, он был неправ. И потому, что не будешь ни журналистом, ни профессором, ни печатаемым писателем в СССР, если ты не «коммунистический», и потому, что кафедры не предоставляют.

В чем дело, почему это так? Почему в сотнях, именно в сотнях американских университетов, где преподают русский язык и литературу, не нашлось одного места для Наума Коржавина, который и этот самый язык и эту литературу не по чужим учебникам проходил?! Или же одного места для Александра Некрича — неужто все сотни профессоров русской истории лучше его, больше сделали в науке?! Или же одно место для доктора искусствоведения, крупного музыковеда Г. Орлова?! А ведь список можно длить.

Уже само по себе это достаточно печально, все же главным является сказанное — мы в очень малой степени влияем на общественное мнение, не от нас узнают, когда вообще узнают, в чем именно смысл различных событий в нашей бывшей стране, не слишком интересуются нашим мнением о грядущем.

I

Обращаясь к причинам всего этого, надо начать с такой привычной нам самокритики. Кое-кто претенду-

ет на общественное внимание без особых на то оснований. Два эмигранта объявили себя консультантами не больше и не меньше, чем Политбюро. Другой заявляет себя доктором наук, поясняя, что закончил, но не защитил диссертацию, однако он ничего там не опубликовал. Еще один представляет себя директором института. Выясняется, что он был «директором» сектора и что «директорство» состоялось во время отпуска завсектора.

Рассказывают разные вещи. Один эмигрант рассказал, а серьезный журнал напечатал, что в СССР миллион политзаключенных. Другой доподлинно знает, что по секретным данным Московского горкома на выборах голосуют «против» девяносто процентов. Два весьма уважаемых эмигранта уверяли, что, как им точно известно, есть специальный туннель из Москвы во Владимир, чтобы в случае чего начальство смылось. Напечатана книга, где врач-эмигрант информирует — во время давки в Московском метро предпринимчивые мужчины, как бы это сказать, имеют женщин.

Многие из нас забывают необходимость профессионализации. Талантливый писатель написал книгу о науке с массой ошибок. Другой очень способный писатель написал книгу об экономике и очень на меня рассердился, когда я отметил его ошибки. У каждого из нас (включая меня самого) есть собственная концепция политического развития СССР, причем, развивая и пропагандируя эти концепции, мы как-то забываем, что как минимум надо знать литературу по предмету, владеть хотя бы элементарными приемами анализа в этой области, знать терминологию.

Ничем другим, как отсутствием профессионализма не объяснишь склонность к широчайшим обобщениям. Приезжает новый эмигрант:

— Жрать совершенно нечего.

Сам он выглядит довольно упитанным. Пытаюсь расспросить подробнее.

— Ну, а как все-таки совсем нечего есть? Что елы, твоя семья, как с мясом?

— Только рано утром выбрасывают.

— Ага, ну а как часто твоя семья ела мясо?

— Каждый день.

— ???

— Доставали.

— Ну а твои знакомые?

— Все как-то крутятся.

Вот именно. Конечно же, продовольственное положение тяжелое (острят, что питаются главным образом вырезками из продовольственной программы), но, во-первых, это не новость, а во-вторых, частая фраза «жрать совсем нечего» не совсем точна.

То же относится и к не менее частым заявлениям, что все население против режима, что все партийные работники — тупицы, что все рабочие — алкоголики, что все украинцы — антисемиты, что достаточно показать партбилет орудовцу и он тебя отпустит и т. п.

Именно недостатком профессионализма следует объяснить и такое — мы не отделяем специфическое, присущее лишь советскому режиму, от общемировых проблем. К примеру, между двумя переписями 1959 и 1970 гг. несколько уменьшилось еврейское население. Кто виноват? Советская власть. А здесь как раз «евреи виноваты» — семьи почти исключительно городские, по преимуществу интеллигентские, и в таких рождаемость падает во всем мире.

Все это особенно скверно выглядит, когда эмигрант говорит о чем-то, что он знает приблизительно, что не составляет его специальность, с советологом, который занимается этим чем-то пару десятилетий, обсосал всю литературу, поговорил уже с другими эмигрантами и конкретную эту проблему знает вполне хорошо.

Никто и не помышляет заниматься физикой или там биологией без специальной подготовки. А на суждения по политике, социологии, экономике гораздо мы все. В эмигрантской печати я постоянно встречаю диковинные заявления об уровне жизни (например, что до Октябрьской контрреволюции питались лучше, чем сейчас), лихие исторические параллели, глобальные социологические обобщения, основывающиеся на персональном опыте автора и т. д. И, увы, редко услышишь — извините, я эту проблему знаю недостаточно.

Чтобы никто не обижался, расскажу о самом себе. В 1975 г. я долго втолковывал гарвардским профессорам, что капиталистическая экономика лучше социалистической. Глупость, конечно, несусветная. Полагалось бы мне тогда знать, что они на этом собаку съели, сознавать, что для такого разговора среди профессионалов я слишком смутно представлял себе капиталистическую экономику. Кабы говорил я это теперь, то меньше убеждал бы их в преимуществах развитого капитализма, а объяснил бы, скажем, как именно и почему советский опыт помогает разобраться в проблемах совершенствования экономического устройства, продемонстрировал бы, что если говорить о народнохозяйственном планировании, то советский опыт как раз и доказывает суетность этой затеи. Учел бы при этом уже известное на Западе, в том числе и написанное моими слушателями, разобрал бы их аргументы. Другой был бы коленкор.

Не учел я также традиционную либеральность этой научной цитадели. Да и язык сказался. Он почти всем нам мешает. Американцы поразительно терпимы к языку, но наши выступления плохо воспринимаются, мысль обедняется, становится плоской, тривиальной, в дискуссиях силы и внимание уходят на старания понять оппонента, а не на аргументы.

Еще об одном приходится с сожалением сказать. Мы все горазды на указание ошибок в советологических писаниях. Один эмигрант с пафосом говорит: «Ты в энциклопедию посмотри, чего там только не наврано». Ошибок действительно многовато даже в энциклопедиях, хотя, с другой стороны, не играют они тут привычной нам роли, так что и ссылаться на них не обязательно. Куда более важно, что мы далеко не всегда дополняем критику собственным образцовыми работами. Причин много. Прошло сравнительно мало времени, мы еще не совсем разобрались в реальных интересах западного читателя, многим пришлось очень трудно, буквально никому не удалось работать в спокойной обстановке. Многим отбили охоту контакты с советологами, муки с публикациями (хотя цензуры нет, печататься совсем не просто). Все же несомненный факт заключается в том, что мы в целом почти не производим «нетленку». Действительно, сколько новых, поистине оригинальных концепций, мыслей мы предложили? Сколько написали книг, которые читатели выхватывают? В скольких спорах на печатных ли страницах или же в аудиториях мы сумели склонить читателя-слушателя на нашу сторону, в чем-то его убедить?

Закончим эту самокритическую часть словами о тех, для кого эмиграция стала подлинной трагедией, обнажив несостоятельность претензий. Там он ничего не создал, ничем не выделился из ряда. Не из-за политического несогласия, не из-за «пятого пункта», а по собственной малоспособности. И тешился иллюзией, что ему не дают, его не пускают. А если к тому же была кандидатская степень, пара статей... И вот здесь опять ни черта не получается. По-человечески очень жаль таких, но не помочь им.

II

Отдельно — о сложном клубке политико-идеологических проблем и противоречий. Так получилось, что основная масса западных интеллектуалов, то есть наших потенциальных слушателей-читателей, традиционно либеральна. Либеральны «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост», обе они, кстати сказать, на последних выборах поддержали Картера. Преимущественно таковы и общественно-политические журналы. Либеральные же позиции, за считанными исключениями, отражают наиболее влиятельные европейские органы. Хотя после «бурных шестидесятых» в Европе и Америке начался некоторый сдвиг вправо, но это скорее сдвиг молчаливого большинства, массового избирателя, а не интеллектуальной элиты. За правыми стоит относительно мало интеллектуалов.

Либеральность означает, в частности, противостояние капитализму как таковому и симпатию к социалистическим идеям. Капиталистическое общество далеко не идеально, имеет массу недостатков. И что лучшего нет, что несовершенен сам человек, чтобы надеяться создать совершенную систему, далеко не всех утешает. Видя недостатки своих обществ, думающие люди хотят их ликвидировать, обращают помыслы к каким-то другим вариантам, среди которых принципиальная альтернатива лишь одна — социалистическая.

Полностью вкусив советской действительности, мы понимаем, что альтернатива эта ложна. Но нам отвечают, что нет в СССР настоящего социализма, что его там предали и извратили. И, собственно, тут-то и гнездится основная линия противоречий, вокруг которой настраивается много следствий, непосредственно относящихся к нашей теме.

Опасное переупрощение — считать каждого западного социал-демократа, марксиста, даже члена ком-

партии платным агентом Москвы. Типично, массово иное — искреннее разочарование в окружающих социально-политически-экономических структурах, честный, хотя и редко умелый, поиск альтернатив, огорчительное непонимание, что единственный выход — в развитии и укреплении западных систем, но не в привнесении в них советско-социалистических элементов.

К этому добавляются и партийные интересы — позиция часто определяется противоположным стоянием политического противника.

Все это, разумеется, страшно сложно. При всех моих, основанных на советском опыте, симпатиях к капитализму, не наблюдаю я больших успехов политики правительства Тэтчер по превращению английской экономики в «более капиталистическую». Незаметны успехи по «реставрации капитализма» и Рейгановской администрации. И, пример иного рода, вряд ли Остполитик была навеяна Брандту лишь политическим соперничеством с христианскими демократами.

Эти вполне очевидные вещи приходится говорить потому, что мы зачастую влетаем в них не разобравшись, а потом отдуваемся. У гениального Белинкова не получился контакт с американскими студентами; они всю тогда шли войной на собственный «истеблишмент» насчет Вьетнама и не желали верить честной правде. Через несколько лет после Белинкова мне пришлось встретиться с аспирантами Массачузетского Технологического института. В это чудо науки и техники попадают лучшие из лучших, краса и техническая надежда Америки. И эти ребята наперебой уверяли меня, что, несмотря на происки ЦРУ, Кастро избавил Кубу от проституции и безграмотности, а Китай преуспел в борьбе против бюрократии и за настоящий социализм.

С тех пор вроде бы многие (не все!) американцы начали разбираться в таких вещах получше (хотя еще пару лет назад Дэн Сяопина приветствовали в Вашингтоне не только с помпой, но и с неподдельным восторгом), все же самое неостроумное подозревать каждого, несогласного с твоей собственной позицией, в том, что он коммунист, прохиндей и идиот притом. Надо не пригвождать их немедленно к позорному столбу, а понять, что именно с ними нам и иметь дело, именно они и составляют наши аудитории, кроме них, мало кому на Западе охота нас слушать.

Огорчительно, что, выехав из страны, где не только инакомыслие, но вообще всякая инакость подавляется, мы крайне нетерпимы к любым несогласиям и, признавая на словах благость плюрализма, не научили себя действительно ему следовать. Именно поэтому споры среди эмигрантов так часто переходят на личности, поэтому-то изложение наших собственных позиций, не подкрепленное рассмотрением иных взглядов, не выглядит убедительным. Мы далеко не всегда пытаемся прислушаться к проблемам Запада, к заботам и волнениям западной интеллигенции и, не глянув окрест, бухаем в колокола, отталкивая даже потенциальных союзников, изолируемся.

Так и я поднял тех аспирантов на смех, прошелся насчет проституции и... потерял аудиторию, меня уже слушали вполуха. Лишь набив много шишек, я понял потом, как многие вполне хорошие люди, видя нечто не нравящееся в своей стране и замечая, что это нечто лучше в других странах, переносят вполне частные характеристики на всю систему. Сколько раз всем нам говорили, что, раз в СССР бесплатная медицина и образование, все получают пенсии, нет безработных и общественный транспорт дешев, значит, это «хорошее общество».

Наше отрицание даже тени каких-то достижений в СССР, особенно когда мы безоговорочно славим

Запад, вызывает у многих раздражение. И потому, что в конце концов Запад, а не СССР составляет главный предмет их забот и помыслов, и потому, что мы тем самым демонстрируем односторонность, «необъективность». Ох, эта распрекрасная западная объективность, это стремление все объяснить и тем самым оправдать, ни в коем случае не показать личное отношение. Эта самая пресловутая многосторонность взгляда — очень часто лишь мишура, мешающая действительно выяснению истины, но лишь в последнюю очередь важно наше отношение к ней. Такова норма в западном обществе. Наши прекраснодушные слушатели объясняют себе наши критические пассажи культурно-интеллектуальной отсталостью. И остаются при собственном мнении.

Еще одно. Многие эмигранты прямо ли, косвенно вовлечены в политическую борьбу в СССР, и уже только поэтому их мнения кажутся западной публике пристрастными. Это несколько смягчается, когда мы ратуем за признанные на Западе идеалы. Но когда Солженицын выставляет программу не демократического возрождения России, а ее религиозного обновления, когда другие говорят о необходимости авторитарной власти, то такие мнения неизбежно воспринимаются с предубеждением.

Я никак не хочу обсуждать эти программы по существу, говорить об их желанности, практичности, не о том речь. И я никоим образом не подвергаю сомнению искренность Солженицына и других. Дело ведь не в моем отношении; тема, напомню, — отношение Запада к нам. А авторы таких программ и их соратники автоматически исключают себя из числа экспертов, их, не слушая, считают необъективными по определению.

Стоит также сказать, что для евреев-эмигрантов сказывается несомненный конфликт с организованным еврейством Запада. Действительно, в Израиль не по-

ехали, в синагогу не ходят, да еще говорят о России.

И последнее. Многие из нас принадлежали интеллектуально к избранным слоям советского общества, к интеллектуальной элите. Там мы выбирали себе друзей и собеседников, а здесь, за немногими исключениями, мы спустились по лестнице социального престижа, теперь нас выбирают в собеседники. Часто это хорошие, добрые люди, а то, что их интеллектуальные интересы и запросы отличны, что у них другие взгляды, другие подходы — не их вина, но наша беда.

III

Значит ли все сказанное, что у нас вообще нет аудитории на Западе, что никому здесь наши уникальные знания, наши мнения и позиции не нужны?

Основные, так сказать, потребители советологического знания на Западе — студенчество, правительственные учреждения, средства массовой информации и деловые круги.

Студенты учат русский язык и литературу (к другим подсоветским языкам интерес микроскопический), меньше историю, еще меньше специальные курсы политологии, совсем мало советскую экономику. Поскольку почти повсеместно масштабы высшего образования сокращаются, интерес к этим курсам, во всяком случае, не растет. Эти курсы обычно составляют лишь частичку общей программы. Так, мало кого интересует советская экономика сама по себе, ее поэтому и преподают чаще всего в сравнении с другими. Для курса не столько важно описать советскую экономику как таковую, сколько выяснить ее особенности по сравнению с западными, указать, чем и как она отличается от них.

Не менее характерно это по отношению к курсам русской литературы — первостепенно рассмотреть русскую литературу как часть общемировой, выявить ее влияние на западную.

Поэтому для преподавателя ценность предметного знания советской экономики по меньшей мере сравнима со знанием современной экономической теории и западных экономик, а знания русской литературы со знанием западной.

Куда как важно и владение различными особенностями педагогического процесса. Многие преподаватели русского языка стесняются говорить с нами по-русски, зато они владеют (им кажется, что владеют) специальной методикой обучения. Далеко не всегда знание советской политической системы, так сказать, регулярного профессора сравнимо с нашими знаниями, зато он говорит со студентами на внятном английском (немецком, французском) языке, знает, что именно и как объяснить, чего именно студенты не знают, владеет терминологией.

И, увы, подавляющему большинству студентов особенно глубокие знания по этим предметам ни к чему. Мало из тех, кто корпит над глагольными формами, будут действительно использовать их, еще меньше тех, кому и вправду понадобится знание советской демографии.

Второй по важности потребитель — правительственные службы, главным образом военные ведомства и разведки. На них идут миллиарды, но подавляющая часть этих чудовищных средств расходуется на «технический шпионаж» — подглядывание и подслушивание. Основной интерес — тактико-технические характеристики вооружения, научно-конструкторские работы, персоналии советского начальства. Я не говорю, что все это не нужно, но на исследования советских экономики, демографии, международных отношений, социальных проблем и подобного отпус-

кают лишь миллионы. «Вашингтон Пост» писала как-то, что в многотысячном аппарате ЦРУ лишь 5 политологов специально занимаются СССР. Экономистов побольше, а вот про специалистов-социологов по СССР в ЦРУ я не слышал.

Казалось бы, что детальное и точное знание СССР жизненно необходимо, но, хотя все с этим на словах согласны, фактически изучают будущего да, собственно, и настоящего уже противника явно недостаточно. В конце 50-х, после спутника, на советологию пролился золотой дождь, прежде всего из американского федерального бюджета, но затем и интерес и ассигнования устойчиво уменьшаются. Винить в этом можно пресловутый детант, все же, как мне кажется, главным была неспособность сказать нечто действительно, необходимо важное. Никто не говорит, что уже все известно, но практически почти всегда трудно указать, что именно прибавит некоторое конкретное исследование и почему именно можно рассчитывать на надежность его результатов.

Предельный пример — сколько мы все обсуждали вопрос: кто сменит Брежнева? Сколько чепухи на этот счет напечатано в эмигрантской печати, и она была ничуть не лучше того, чем наполнилась западная печать. Так что не будешь и винить тех, кто не давал денег на подобные досужие упражнения ни советологам, ни эмигрантам. Или пример другого рода — известно, что советская экономика находится в отчаянно трудном положении. Но кто не только уверенно, но и убедительно покажет, чем это кончится? Вопрос близок к моим профессиональным интересам, и я бы взялся за такую работу, но почему именно мне должны верить? Ведь столько было уже предсказаний неминуемого и быстрого краха советской власти, что они набили оскомину.

Еще пример. Помимо других разнообразных аспектов так называемого диссидентского движения есть и

такой — в какой момент и как оно демонстрировало слабость режима или же его силу? Можно ли думать, что политические основы режима подточены, что он не так силен и стабилен, как кажется? За четкий анализ всего этого буквально схватились бы правительства западных стран. Но, опять-таки, почему именно надо верить, что некое лицо (группа лиц) способно провести такой анализ и представить действительно существенные, неочевидные и надежные выводы?

Примеров можно указать много, но и сказанного достаточно. Один советолог недавно сетовал: мы надеялись, что новая администрация будет больше интересоваться нами, однако люди Рейгана говорят — и так понятно, что советские правители ведут агрессивную политику, что они разбойники, которым нельзя доверять, что они быстро вооружаются, что у них большие экономические проблемы. Что существенно важного вы можете добавить к этому нашему знанию? Зачем тратить деньги на ваши исследования, а потом время на ваши отчеты?

Можно при этом подумать, что различные политические деятели — дилетанты, избегающие профессиональных знаний. Разумеется, последние американские президенты — отнюдь не специалисты по международным отношениям, но им помогали и помогают люди весьма сведущие. Живя в Вашингтоне, я вижу, сколько самой разнообразной информации собирается, сколько кажинный день проводится совещаний, семинаров и конференций, сколько бумаги изводится на докладные записки, меморандумы и анализы.

Очевидная трудность при этом в том, что все «боссы» хотят знать лишь то, что им хочется знать. Хрестоматийный пример, как Сталин не хотел внимать сообщениям о гитлеровском вторжении. А сегодняшние западноевропейские правительства не хотят знать, насколько именно советская экономика зависит от западной технологии. Точно так же, как Рейган и его

окружение с раздражением относятся к любым попыткам анализа продаж зерна СССР. И личный пример. В моей книге, вышедшей осенью 1981 г. (а еще раньше в статье) продемонстрирована предельная важность внешней торговли для советской экономики и, в частности, то, что в 1978 г. импорт составил 14% от всего советского национального продукта. На книгу не обратили внимания. Годом позже на первых страницах газет — по сути дела такое же заявление. Легкий, непродолжительный шумок, и все забыли. Почему? А потому что из этого следует необходимость прекращения торговых отношений с СССР. Не нравится.

Еще один момент. Даже при этих примерах не всегда очевидны мостики от конкретного знания, от анализа к формулировке политики, а она ведь и важна. Теперь, например, ясно, что в первый период президентства Картера совершили явную ошибку — привезли в Москву предложения о разоружении и нарвались на неожиданную реакцию. Я сейчас не говорю об этих предложениях по существу, ошибка прежде всего в том, что реакция была неожиданной, ее никак не предвидели. Пример, может быть, и не самый удачный, но ведь в подготовке предложений, в составе самой делегации были крупные специалисты-советологи. И, как мне кажется, их анализ ситуации был не так уж и плох, однако перевести анализ и его выводы в конкретную формулировку политики явно не сумели.

Сказанное относится ко всем, кто занимается или же хочет заниматься советологическими исследованиями для государственных организаций. Что же касается специфически эмигрантов, то надо еще добавить, что вообще традиционно избегают прибегать к их услугам как специалистов по своим бывшим странам. Не хотят нарваться на агентуру, считают, что мнение эмигранта по определению пристрастно. Поэтому нет в Америке экспертов по Китаю — китайцев, по Ирану

— иранцев. Укажут Киссинджера и Бжезинского, но они приехали в Америку детьми.

В общем, реального интереса к нашим услугам в государственных организациях нет.

Третий потребитель — средства массовой информации. Каждый день они сообщают что-то об СССР, но, по самой природе этого бизнеса, это сиюминутные, последние новости. Редко стараются заглянуть в глубину и требовать специальных, глубоких знаний. Это средства именно *массовой* информации, и здесь важнее знать потребности и вкусы читателя (слушателя), чем сам предмет.

Как я уже говорил, время от времени эмигранты прорываются на страницы ведущих органов печати, но, в общем, это отдельные эпизоды. Ко всему прочему, сказывается и культурно-языковой барьер.

Последний потребитель — бизнес, фирмы и компании, торгующие с СССР. Казалось бы, что уж где-где, но здесь-то считают денежки и понимают значение точных, верных знаний. И это оказывается не так. Такие фирмы хотят иметь хорошие отношения с советскими властями и уже поэтому избегают эмигрантов. А что касается рациональности их действий, то не нужен лучший пример, чем предоставление Польше, Венгрии, Югославии кредитов, которые получить назад явно не удастся. Да и зачем прибегать к нашим услугам, если наилучший совет, который мы можем добросовестно дать, — не надо торговать с СССР!

IV

Теперь о советологах. Знаю среди них весьма достойных людей, постоянно и благородно помогающих эмигрантам, интересующихся истиной как таковой, дружу с некоторыми. Но поговорим откровенно о неприятных вещах.

Пару лет назад звонок, проф. Г. Не могу ли я с ним встретиться и ответить на вопросы, как именно работает советская печать, можно ли, читая советскую прессу, разобраться в реальных политических событиях?

— Могу, — отвечаю, — но скажите на милость, зачем мне это нужно?

Запинается, потом говорит, что заплатит мне за беседу 100 долларов.

— Что ж, — говорю, — 100 долларов — это прекрасно, но давайте лучше сделаем работу вместе, давайте объединим ваши материалы с моими знаниями.

Долгое молчание, мямлит, что в его смете такое мое участие не предусмотрено.

— Не беда, я согласен бесплатно. Получайте ваши доллары, но мы опишем и опубликуем результаты работы вместе.

Опять долгое молчание, потом говорит, что нет, он не может.

— Ну, а можно ли о нашем разговоре рассказывать?

Вздыхает и соглашается. И после этого долго старался все это как-то смягчить, не хотел, чтобы мы поссорились. Мы и не поссорились, хотя с тех пор я его не видел и даже 100 долларов не заработал. И вот, пользуясь любезным разрешением, пересказываю разговор.

Стоит рассказать и о проекте, разрабатываемом группой под руководством проф. Миллара. Сначала они получили 250 тыс. долл. на разработку специальной программы обследования эмигрантов. Идея — провести массовый опрос и накопить информационную базу для статистического изучения образа и уровня жизни, для суждений о характере отношений в обществе и т. п. Плоха ли идея? Опрашивать будут главным образом евреев (а также немцев в Западной Германии), но они далеко не типичны, ни по уровню обра-

зования, ни по образу жизни, ни по многим другим параметрам. Большинство опрошиваемых приехали уже довольно давно, многое подзабыли, наслоились новые впечатления. Все же главное мое возражение против проекта не в этом. Я немного знаю программу исследования и с полной ответственностью скажу — на большинство вопросов вернее, лучше ответили бы специалисты-эмигранты без специального опроса. А если даже и признать рациональность опроса, то они бы и вопросы лучше сформулировали и сам опрос лучше провели бы, тем более, что есть среди нас профессионалы-социологи. Однако в эту работу, на которую Пентагон отвалил 6 млн. долл., эмигранты-профессионалы практически не вовлечены. Эмигрантов употребляют как поставщиков информации, а «чистую» (и хорошо оплачиваемую) работу взяли на себя проф. Миллар со товарищи (со советологи).

Почему же так? Почему, как я писал еще в начале, эмигрантов всячески отпихивают от советологии? Почему даже ограниченный интерес удовлетворяют советологи, а не мы? Приходится сказать, что срабатывает вполне человеческое чувство — нежелание конкуренции. Еще раз повторю, что в ситуации есть и наша вина, я об этом подробно написал. И о вполне объективных причинах тоже рассказал. Но всю ситуацию в целом я никак не могу объяснить иначе, как именно нежеланием, боязнью конкуренции. Судите сами. Ведь при всех наших личных и профессиональных недостатках, при нашем плохом английском (немецком, французском), при нашей прстрастности и т. д. и т. п., есть у нас то, чего нет и никогда не будет ни у одного советолога, — наши знания не книжные (кстати сказать, и книжки-то, по которым они все это изучают, тоже мы писали), мы знаем, как это есть на самом деле, как это реально может и не может быть. И если при всех наших недостатках мы обречем такие атрибуты, как профессорские кафедры, если наши книги

будут изданы ведущими издательствами, а статьи напечатаны наиболее престижными журналами, то слушать, читать будут в первую очередь нас. И с нами будут заключать правительственные контракты. Именно к нам обратится внимание общественности и прессы, именно нам будут внимать студенты и конгрессмены.

И без нас у советолога нелегкая жизнь. Пришлось с натугой долбить трудный русский язык. В СССР он был пару недель по ритуальному маршруту Ленинград — Москва — Загорск — Киев — Ташкент. Те, кто бывали несколько раз, общались главным образом с гидами Интуриста, официальными лицами и парой отказников возле синагоги.

«Обычные» специалисты смотрят на советологов сверху вниз, считают, что они занимаются не «настоящей» наукой, что они повязаны с разведкой. Печатают их, главным образом, в малотиражных советологических журналах. Уйти из советологии некуда, надо переквалифицироваться. Хотя работают советологи вполне истово — престижно и материально их положение явно хуже, чем у коллег, которые в советологию не подались. Сильно ругать советскую власть страшно — не дадут визу, и собственные западные либералы обругают. А тут еще мы. И при этом общий интерес к советологии никак не растет, мест мало, денег не дают, студентов тоже нет.

Обычно советолог довольно хорошо знает специальную литературу, но частенько попадает в полный просак. К примеру, один написал статью со сложным анализом текста двух академиков — Федоренко и Глушкова — и пришел к выводу о серьезных разногласиях по важному вопросу. Откуда ему было знать, что оба текста написаны одним и тем же кандидатом наук и академики эти тексты, возможно, и не читали.

Другой добросовестно опросил сотни эмигрантов и выяснил, что основной причиной эмиграции было желание объединиться с родственниками.

Есть, конечно, и более серьезные случаи. Вынужденные опираться на советскую статистику, советологи, включая работников ЦРУ, долгое время считали, что советские военные расходы примерно равны официальным показателям, а когда в 1975 г. ЦРУ пересмотрело эту оценку, оно и тут недобрало. Еще более серьезно, что, как теперь выясняется, еще в начале 1960 г. ЦРУ совершило принципиальную ошибку в определении сравнительного размера советской экономики по отношению к американской и вот уже в течение двух десятилетий все основные свои расчеты строит на базе этих явно неверных данных (я пишу об этом подробно в книге «Экономика недостатч», которая вот-вот выйдет из печати).

Уморительно читать, как вполне серьезные люди представляют политические события в СССР как борьбу фракций в Политбюро и в ЦК и предлагают политическую линию, которая должна способствовать московским «голубям». Впрочем, это не только уморительно, но и страшно, ведь на основе такой, с позволения сказать, теории основывается политика!

Не в юмористическом журнале, а в «Вашингтон Пост» пишут, что Андропов явно прозападной ориентации. Почему же так явно? А потому, во-первых, что он играет в теннис, во-вторых, любит абстрактную живопись и, в-третьих, говорит по-английски.

Заканчивая о советологах, скажу, что большой неожиданностью для меня была система критериев на Западе. В СССР мы знали, что в общественных науках критерии оценки действительной величины ученого смещены. Скажем, всегда была известна истинная общественная неформальная оценка математика вне зависимости от его регалий. И вряд ли кто-нибудь удивился, что бывшие советские кандидаты

наук — младшие научные сотрудники Каждан и Бернштейн — немедленно после эмиграции стали полными профессорами Гарварда. А вот оценка экономиста, историка, социолога была всегда затруднена и часто зависела не от таланта и заслуг, а от пробойной силы. Из-за этой затрудненности научная карьера в общественных науках в СССР значительно меньше коррелирована с действительной величиной ученого, чем в естественных науках. И казалось из СССР, что вот уж на Западе ценят ученых по достоинству не только в точных науках. На поверку не все так просто. Оказывается, и здесь нужна пробойная сила. И, выясняется, умение ужиться с коллегами тут важнее, чем в СССР. Не менее неожиданно — интриги и склоки на кафедрах, борьба мафий.

Западный мир вообще более конкурентен, чем привычная нам атмосфера советских научных учреждений, а в советологии конкуренция еще более обостряется недостатком мест, уменьшением числа студентов, скудостью государственных ассигнований.

V

Итак, и сами мы во многом виноваты, и объективные есть причины, и на конкуренцию мы натолкнулись. Тем и кончить? Но хочется предложить нечто конструктивное, позитивное.

Таким было бы предложение западной обществу, западному миру внимательнее отнестись к нашему опыту, проявить больше мудрости в оценке реальных опасностей Западу и т. д. Еще более конструктивно предложить западным правительствам уделить больше внимания советологии и нам в ней. Но хотя бы потому, что этот журнал не для них, попытаюсь сформулировать некоторые предложения для нас

самих. Не хочу никого поучать, я просто стараюсь обобщить и собственный опыт, и то, что наблюдал.

Давно уже я говорю экономистам, историкам, социологам, особенно молодым, — при любой возможности не идите в советологию. Старайтесь заниматься чем-то другим, наверняка больше преуспеете. Обидно это, да и трудно, но такова реальность.

Далее, надо нам по возможности покритичнее взглянуть на самих себя, поискать нечто, что нам мешает. Надо быть более аккуратным в высказываниях, меньше деклараций и больше аргументов, быть скромнее в обобщениях, стараться показывать картину с разных сторон. И ничего худого нет в том, чтобы почитать работы советологов, причем не только чтобы выявить в них ошибки.

Надо осознать, что писать для западного читателя надо не так, как мы привыкли, не так, чтобы в Москве кто-то сказал: «во выдал!» У западного читателя другие ассоциации, понятное в Москве по намеку здесь следует тщательно растолковывать, и, наоборот, уже очень многое ему, западному читателю, вполне известно.

Хотим мы того или же нет, этот самый западный читатель, натываясь на наши эмоциональные всплески, считает такие писания односторонними, пристрастными, он привык иметь дело с «объективными» авторами, и мы его не перевоспитаем.

Да что читатель. Буквально на днях мы читали воспоминания Картера, где, повествуя об иранских делах, он поминает, что его посол представил в своих отчетах «несбалансированную» позицию и пришлось его отставить. И все дела. Можно сказать по этому поводу много горьких и справедливых слов, но лучше запомнить это. Такова реальность.

Далее. Я не призываю к газзавату против советологов, хотя бы потому, что мы лишь набьем себе больше шишек, да и потому, что есть среди них, по-

вторяю, вполне достойные люди; все же нам не стоит упираться лишь в них. Все это трудно, но это тоже реальность. Не печатают нас в советологических журналах, так давайте печататься в других, давайте прямо говорить с публикой и с политическими деятелями, с потребителями наших знаний. И, разумеется, если уж мы хотим говорить с Западом, то надо говорить на западных языках.

И, чем и закончу, пора бы, давно уже пора, откликнуться на призыв В. Максимова — обсудить программу будущих преобразований в России—СССР. Если и есть миссия у нашей эмиграции, то она именно в этом.

ДВУХТОМНИК В. Е. МАКСИМОВА

«Прощание из ниоткуда»

Книга 1

Памятное вино греха

Переиздание отдельным томом выпущенной в 1974 году книги, имевшей большой успех как среди русских, так и среди иностранных читателей. Автобиографическое произведение, повествующее о тяжелых годах детства и юности писателя. Дана широкая картина жизни простых людей в разных уголках Советского Союза. 1982, 428 с., 28 н. м.

Книга 2

Чаша ярости

Книга охватывает биографию писателя во время его литературного становления, его встречи с коллегами в провинции и в столице, беглые зарисовки литературной жизни, портреты писателей. Заканчивается она прощанием с родными людьми и местами и описанием отъезда из России. 1982, 360 с., 28 н. м.

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D - 6230 Frankfurt/M. - 80

Восточноевропейский диалог

Петру Тильман

ПРИСКАЗКА И СКАЗКА

«ПЕРВЫЕ ПОДЛИННО СВОБОДНЫЕ ВЫБОРЫ»...

Как только Румыния в конце войны была оккупирована советскими войсками, союзники поставили к власти правительство «широкой демократической коалиции» во главе с королем Михаем I. Коммунистическая партия представляла ничтожное меньшинство — за них могло быть не больше 2-3% избирателей. Им нужно было стать «партией большинства»: смести с дороги «буржуазные партии»: национал-либеральную, национал-крестьянскую, а затем либо поглотить, либо также ликвидировать левые партии: социал-демократов, земледельцев, партию венгерского меньшинства и т. п.

За событиями в Румынии внимательно наблюдали представители великих держав: Скайлер от Великобритании и Гарриман от США. Следовательно, весь этот политический трюк надо было провести под видом легальности. Впрочем, ни у кого не было сомнения, что это одна видимость, ибо в Ялте Румыния была отдана в зону влияния СССР. Правда, западные дипломаты флиртовали с королем Михаем, маня его призраком освободительной высадки союзников в Черном море, но все это были пустые разговоры. А сам король позднее, вместе с полученным от Сталина орденом Победы, был изгнан из страны по решению Вышинского в 1947 году.

Но это было позже. Сейчас речь пойдет о выборах 19 ноября 1946 года.

Идет подготовка к выборам. Мы, горстка молодежи, собрались в помещении национал-либеральной партии в Бухаресте. Старые активисты отошли от дел: в стране почти не работал транспорт, железные дороги были в советских руках, путешествие зимой на грузовике напоминало крестный путь, да к тому же люди боялись, произвол царствовал повсюду.

Генеральный секретарь нашей партии Константин Братиану, рослый, толстый и веселый человек, которого мы называли Детка Братиану, снабдил нас плакатами, газетами, листовками и... своим благословением. Денег у партии, как обычно, не было. Мне и двум моим помощникам, уроженцам Трансильвании Симеону и Владу, дрожащим от холода в своих пальтишках, надо было выкручиваться своими силами.

В июле 1947 года наш генеральный секретарь будет арестован вместе с руководителями других демократических партий. Его не приговорят к смертной казни — его осудят на умирание в шахте Байя Сприе: на 200 метров под землей, 40° жары, погрузка и перевозка камней по источающим зловонную воду подземным коридорам. Умрет он в больнице, в Бухаресте, с изъязвленными легкими.

Умирая, он был счастлив, как ребенок, что его страданиям приходит конец. Вместе с его племянником я ходил к нему прощаться.

Покидая Бухарест и отправляясь на север страны, в Сучаву и Дорогож — нашу избирательную «крепость», — мы не сомневались в результате выборов: 90% избирателей проголосуют за националистические партии — либеральную и крестьянскую. Нам и в голову не приходило, что можно подтасовать выборы и получить эти пресловутые «99,99%». Был же еще и «контроль союзников» — оказавшийся полной фикцией, чистой инсценировкой. Народу, заведомо обреченному в жертву, пускали пыль в глаза.

Чтобы добраться на север, нам надо было найти грузовик, перевозивший товары, — поверх товаров усаживались люди, стуча зубами от холода и покрываясь толстым слоем пыли. И за это путешествие еще приходилось платить большие деньги.

Уездным городом был Дорогож. Нам нужно было попасть туда, заверить, что либеральная партия не прекратила своего существования, убедить людей, что свобода слова и мнения реальна и что хватит чуточки отваги, чтобы обрести нашу демократию, нашу независимость, нашу радость жизни.

Город был пыльным и пустынным. Жители предпочитали не высовывать носа из дому. Городским головой был майор Грушка из национал-крестьянской партии, начальником полиции — коммунист Фалибога, бывший учитель, марионетка в руках «политического комитета».

Комитет этот, заметим, состоял, в основном, из евреев, вернувшихся из СССР, умевших говорить по-русски, то есть удобных партнеров в переговорах с оккупационными властями. Положение евреев было благополучным до того, как Георгиу-Деж в 1952 г. — примерно тогда же, когда расцвел государственный антисемитизм в СССР, — провел чистку в рядах партии и заменил всех евреев в партийном руководстве румынами. Позже многие из них эмигрировали — двойные жертвы нацизма и коммунизма. Кроме антисемитизма снизу: «Они привели 'большаков'», им пришлось узнать и антисемитизм партийной номенклатуры.

И вот мы, «три мушкетера», в городке Дорогож, нагруженные нашими плакатами, нашим энтузиазмом и мечтами. Прежде всего мы расклеили плакаты — люди читали их, но украдкой, страхась. Полиция и госбезопасность были в руках «политиков», под контролем советских войск, и воспринимались как чуждая страшная сила. Румын-коммунистов практически не было — население по преимуществу сельское, и крестьяне, как все в мире крестьяне, стихийно противились коллективизму...

Для предвыборного собрания нам был нужен зал, а чтобы снять зал — нужно было разрешение начальника полиции. Тот отправил нас к члену политкома, адвокату Шайовичи, который принял нас в высшей степени любезно:

— Ну, начальник полиции все бы охотно для вас сделал, да, понимаете, надзор за всем в руках у русских. Ничего нельзя без разрешения русского коменданта. А это не комендант, а просто чудовище. Знаете, какая у него черная машина — «черный ворон», ездит по ночам, забирает сонных и — поминай как звали. В Сибирь, всех в Сибирь. А потом ищи-свищи...

Мы пошли к русскому коменданту, старшему лейтенанту, попросить зал. Обзавелись «толмачом» — переводчиком, чтоб объяснить, что нам надо.

— Это румынские внутренние дела, — отвечает он. — Меня это не касается.

Мы, довольные, мчимся обратно к товарищу Шайовичи.

— Отлично, — улыбается он, — идите к товарищу Левенсону, он занимается культурой.

Товарищ Левенсон мил и полон понимания:

— Вы поможете нашему фонду развития культуры, — он назвал довольно скромную сумму, — и берите себе на три часа наш праздничный зал.

— Спасибо, господин Левенсон.

В назначенный час почти никого нет — несколько крестьян, добравшихся из деревень, да еврейская молодежь, шумная, настроенная против нас. Они не стеснялись, зная, что представляют власть черни.

В своих выступлениях мы объяснили заколдованный круг экспроприаций, установленный еще Лениным: сначала со всем крестьянством против крупных промышленников, потом с беднейшим и средним крестьянством против «кулаков», наконец с бедняками против середняков, завершая все это коллективизацией и подчиняя полной власти государства всякое

крестьянство — богатое, среднее, бедное... Натравливая одних против других, заживо хоронят всех в одной братской могиле. И всегда играют на худших инстинктах человека, доводя его до гибели, до погружения на дно тоталитарного мира.

Наступило 19 декабря, день выборов. Крестьяне (70% населения) спокойно идут к избирательным урнам. Символ крестьянской партии — раскрытый глаз. Мы рекомендовали сторонникам либеральной партии голосовать за крестьянский список, чтобы создать твердое большинство перед лицом «левых».

Несмотря на то, что во многие урны заранее были подложены бюллетени с голосами за левых, несмотря на то, что выборы шли под контролем армейских частей, которыми командовал бывший капитан-дезертир, а ныне министр-коммунист Боднаран, несмотря на то, что армия и молодежь начиная с 18 лет получили право голоса, 90% голосов было отдано блоку национально-крестьянской и национально-либеральной партий. Министр внутренних дел Теохари Джорджеску в ужасе сообщил этот убийственный результат советскому представителю товарищу Кавтарадзе. Тот ничуть не взволновался, только сделал символический жест, вывернув ладонь большим пальцем книзу, и официальный результат был вывернут наизнанку. Так пришли к классическим 99,99% голосов «за» коммунистов.

Во время выборов я был в своей родной деревне, сидел в сельском правлении и следил за результатами голосования. Уже примерно зная окончательные результаты, я позвонил в уездный город, где собирали сведения со всего уезда. Посреди разговора меня прервал дружелюбный голос:

— Куда вы спешите, господин Тильман-Прункул? Результаты будут совершенно не те, что вы себе представляете.

От такого юмора у меня мурашки по спине побежали.

В соседней деревне один из независимых кандидатов, г-н Пиллат, вместе с крестьянской самоохраной добился того, что конечный результат не был искажен. Избрание стоило ему нескольких стычек. Но это был уникальный случай, и закончилось дело тем, что его сразу бросили в тюрьму, откуда он вышел после долгих лет беззубым инвалидом, страдая раком мочевого пузыря.

Такова-то была присказка Румынской Гуманистической Демократии.

«САМАЯ СПРАВЕДЛИВАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА»...

Коммунистическая власть не ликвидировала владельцев небольших предприятий по переработке сельхозпродукции вплоть до 11 июня 1948 года — одновременно конфискуя все их доходы, для чего на местах были поставлены «контролеры». Те, кто брал кредиты, должны были выплачивать их из своего кармана: партия считала, что владелец свои денежки припрятал, а в долг берет для прикрытия, чтобы не отдавать доходов государству.

Почему, проведя в 1945 году экспроприацию крупных земельных владений, партия дождалась в 1948-го, чтобы экспроприировать частных предпринимателей? Просто в 45-м году она еще не располагала кадрами, способными управлять этими предприятиями.

Мы занимались переработкой картошки...

Когда я вернулся с войны, прежде всего надо было восстановить фабрику после разрушений, нанесенных ей Красной Армией. Кроме того, в траншее был засыпан картофель, предназначенный для переработки, которая вовремя не состоялась. И вот марионеточный начальник полиции Фалибога, которого все звали

«Хаял-Бога», запретил мне притрагиваться к траншее с картошкой, поскольку это, мол, «народное достояние» (кстати, есть ее уже нельзя было — только на переработку она и годилась).

Председатель сельского правления коммунист Нистор остервенело мешал мне работать, угрожая обвинением в «саботаже».

Надо было придумать, как бы их припугнуть. Я пошел к советскому коменданту ближайшего города Сучавы — клин клином выбивать. Я преподнес коменданту несколько мешков с картошкой на прокорм его подчиненных — точнее, не преподнес, а предложил, с условием, что он пошлет упряжку и солдата за этой картошкой. У меня самого транспорта не было: машина, лошади — все было заграбастано братской армией. И вот мы с моим Иваном, славным, радостно выхлеставшим бутылку водки. В знак благодарности он непременно жаждал устроить салют из автомата посреди деревни, возле правления. А я сижу рядышком. Нистора пробрала спасительная дрожь, и я еще на какое-то время остался при своем дельце.

Я выкопал картошку из траншеи и сделал из нее клей — чистого белого крахмала из нее уже не получилось. Перележала.

...Но что же все-таки с «самой справедливой аграрной реформой»?

Аграрных реформ вообще-то было несколько. Первая и главная (затронувшая наибольшие земельные площади) была после Первой Мировой войны. Она была проведена, чтобы дать компенсацию солдатам, которые храбро сражались за земли, принадлежавшие другим. Цель этой реформы (1918—1920) была дать людям землю, разделить это высшее добро между гражданами и укрепить собственность.

После Второй Мировой войны пошел новый передел, но цель его была не наделить крестьян землей, а расшатать устои сельской жизни и сельского хозяй-

ства и загнать крестьян в колхозы и совхозы. Первая аграрная реформа этого времени была проведена после «освобождения», зимой 1944-45 гг.: «стихийная» экспроприация помещиков крестьянами под водительством партии. Но крестьяне недоверчиво относились к этим пропагандистам, яро делившим чужое. Тогда власти стали отыскивать вдов, инвалидов, лодырей, нахлебников — всех, кто сам не мог работать на земле, но думал: «Бери, пока дают, — потом можно будет продать».

Однажды я увидел удивительное шествие, во главе которого шли барабанщики и... сельский священник (слегка обалдевший от того, в какую грязь его затащили). Командовал шествием сапожник Тудор, бывший фашистский легионер, нажившийся на грабеже еврейских квартир в Черновцах после того, как евреев вывезли в лагеря. Он желал со мной говорить. А я, как на грех, «оказался занят». В порядке наказания Тудор решил экспроприировать меня полностью, хотя по закону мне полагалось оставить 50 га. Ну что ж, у меня ничего не останется.

Народу оказалось слишком много, а земель мало, наделы были крохотные, негде было даже плуг повернуть, дойдя до конца борозды. Земли оставались невспаханными, а сверху шли приказы... планификация... сев... — председатель сельского правления только за голову хватался, головою и рисковал. Я собрал членов своего национал-либерального комитета, честных крестьян, хороших хозяев, ночью они явились со своими бычками и плугами, и к полдню чуть ли не всё было вспахано. Исчезли маленькие клочки земли, огороженные колышками. Председатель явился, констатировал факт, для порядка выразил протест, но был счастлив: теперь он мог доложить министру о выполнении плана.

После первой послевоенной, «стихийной» реформы были другие, направленные на то, чтобы уничто-

жить прежних землевладельцев, отнять у них оставленные 50 га. Их, как вредный элемент, отправляли на поселение, где им приходилось каждую неделю отмечаться в участке и... искать какую-то работу, чтоб выжить. Все, что они имели, объявлялось «наворованным», «нажитым эксплуатацией», все доставалось милиции, членам партии, тем, кто занимал их жилища и их постели. У новых хозяев ведь ничего за душой не было, им надо было все оставлять, вплоть до зубной щетки... А это что за загадочная щетка? для чего? а, понятно, почесывать задницу.

Вслед за этими последовали простые крестьяне, те, кого партия в свое время милостиво наделила землицей. Точно, как было с кулаками в России. Когда хозяйство развалилось, государство дало землю кулакам, чтобы вытащить родину из пропасти голода. Кулаки наполнили пустые закрома и сусеки государства. Это выглядело слишком хорошо и рисковало опровергнуть неопровержимую теорию коллективизации. Вот и отправили кулаков в Сибирь — тоже способ отблагодарить. Марксистско-ленинская диалектика.

То же и в Румынии. Мелкие землевладельцы делали свое дело, потом у них забрали землю и отдали колхозам. Ограбленным крестьянам партия выделяла обычно залежь, вдали от деревни. Возделываемые почвы вокруг деревни шли колхозу. А после того как залежь была поднята и ценой неслыханных усилий собран хороший урожай, партия облагала крестьян налогами до изнеможения, потом вновь отбирала земли, а единоличникам вновь выделяла залежь.

Из аграрной и живущей экспортом продуктов сельского хозяйства страны Румыния превращалась в край голода, кризиса и нищеты. И только звучит над нею по сей день речь, монолог генерального секретаря, прерываемый аплодисментами и радостными кликами. И это заменяет хлеб и свободу.

ТИЛЬМАН Петру — родился в 1919 г. в Бухаресте, в семье офицера русской армии (балтийского немца), женившегося на румынке, инженера-строителя. Среднюю школу окончил во Франции. Вернувшись в Румынию, получил высшее юридическое образование, учился в Школе кавалерийских офицеров запаса (в 1941 г. короткое время был в кавалерийском корпусе на Восточном фронте). В 1945-48 гг. управлял семейной фабрикой по переработке картофеля и небольшими лесными и земельными угодьями, принадлежавшими его матери. Одновременно был стажером в Бухарестской коллегии адвокатов. В 1948 году все имущество семьи было конфисковано безвозмездно, а сам Тильман исключен из коллегии адвокатов за «буржуазное происхождение». Работая черноработчим, получил, учась на вечернем отделении, образование сначала топографа, а затем горного инженера. 15 лет проработал на шахтах — сначала рабочим, затем техником. В 1963 г., под угрозой нового увольнения все за то же «происхождение», эмигрировал — точнее, был «выкуплен» французскими друзьями за 6 тыс. долларов. С 1964 г. работает инженером в дорожно-строительной фирме. Выступает во французской печати со статьями о современной Румынии.

Журнал «БЪДЕЩЕ»

(«Будущее»)

на болгарском языке, ежемесячник,
издающийся в Париже

Журнал посвящает большое количество статей современному положению в Болгарии, условиям жизни и труда болгарского народа, борьбе за освобождение его. В последнем номере журнала опубликован ряд материалов о сопротивлении болгарских писателей, о положении болгарских крестьян, рассказ о советских концентрационных лагерях.

Адрес редакции: 18 bis, Rue Brunel,
75017 Paris, Tel. 380-57-64

Годовая подписка: 120 Fr. (70 DM, 30 \$
Par avion: 50 \$)

Запад — Восток

Лев Наврозов

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

«НЕ МОГУ слышать этого слова — культура», — говорит мне американская писательница, которая занимает в литературном истаблишменте Нью-Йорка такое же место, какое Андрей Битов занимал в Союзе писателей, когда я уезжал десятилетие назад, — то есть место уединенного родника на строительном объекте: балки, мусор, и вдруг в примятой траве родничок (как его кирзовыми сапогами не затоптали?), и родничок бьет себе, бьет.

Действительно, что за слово такое — культура? И в Москве, и в Нью-Йорке, и в Париже есть родники — ключи. Внимай их пенью и молчи. И вдруг культура. Мысль изреченная есть ложь. В школе была литература. Мне ничего не нравилось. Надо найти свои родники. Другому как понять тебя? Как высказать ему себя? Да и латинское слово «культура» режет русский слух, даже если забыть советские годы. Но другого слова нет. Как говорится, уж какое есть.

Я вырос в понимании культуры, где есть верх и низ, и верх — это и есть культура (тьфу, что за слово такое!), а то, что не верх, то — низ, бездарность или бульварщина: два слова, которые я ввожу в английский язык, ибо их в нем нет, да и по-французски слово «бульварный» в широком смысле забыто.

Бульварщина — это как были в старой России или во Франции, извините, публичные дома.

А бездарность?

Публикуется в порядке дискуссии.

У Чехова есть рассказ о том, как дама в провинциальном городе читает гостям свои романы и местный врач думает, что бездарен не тот, кто пишет такие романы, а тот, кто пишет их и не может скрыть этого.

Не пытаясь умалить Джойса, Кафку или Пруста, полагаю однако, что в западной литературе за истекшие сто лет не создано прозы, равной прозе Чехова. Тем не менее Чехов не писал романов потому, что не получилось бы как у Толстого или Тургенева, а раз не получилось бы, то нельзя и писать. И тут вдруг эта домохозяйка читает вслух свои романы.

Заметьте: этот рассказ мы проходили в школе — «еще при Сталине». И школьник должен был сказать, что Чехов, дескать, ненавидел пошлость. Эта дама не могла писать романы, как Толстой (ну или хотя бы как Куприн). Например, один из ее романов начинался так: «Мороз крепчал». И тем не менее она читала гостям свои романы.

То, что не Толстой (ну и даже не Куприн), то — «сточная канава русской посредственности» (как выразился Шкловский, когда он был Шкловским, о журнале «Русское богатство»). Посредственность и есть бездарность.

После 1917 г. флюберовско-чеховское представление о культуре в России было не только не отброшено, а, наоборот, возведено в высший ранг насильственной государственной политики.

Как сказал Бухарин в 1928 г., мы сочиним музыку, по сравнению с которой «Героическая» покажется собачьим вальсом.

Я помню номер журнала «Леф»: бульварщина, пошлость, бездарность изображены символически на обложке в виде вырезок из старых газет, и все это перечеркнуто крест-накрест. В старой России все это терпели, как терпят дома терпимости. А мы — крест-накрест.

И, казалось, дело идет на лад. Когда появилось советское радио («Радиостанции имени Коминтерна»), нельзя было услышать «легкой музыки». Пусть все слушают Бетховена и в конце концов начнут сочинять музыку, по сравнению с которой и Бетховен покажется собачьим вальсом. В наших учебниках литературы на одной стороне страницы были выдержки из Толстого, а на другой — из Фадеева, откуда следовало, что в смысле художественного мастерства Фадеев — это Толстой сегодня. Не совсем еще ван Бетховенов и графов Толстых превзошли, но уже идем вровень.

На самом деле была уже потеряна и литературная грамотность: утрачено понятие о самобытности и подражательности.

Насильственное подавление пошлости привело к насильственной пошлости. Миллионы школьников и взрослых повторяли, что «Чехов ненавидел пошлость», и это тоже стало в конце концов не просто пошлостью, а насилием вроде китайской пытки, построенной на повторении одного и того же.

Лучшим способом осуществления всеобщей бездарности оказалось всеобщее запрещение бездарности.

Бульварщину выгнали в частную дверь, а она лезла в казенных обличьях во все казенные окна. «Ум-р-р-и, несчастная!» — в шутку «изображал» мальчик, воздев «трагически» руку, в том же самом рассказе Чехова о домохозяйке, читающей гостям свои романы. Школьники говорили: «Это — пошлая шутка». А затем, став взрослыми и даже седея, эти школьники «изображали», воздев «трагически» руки, но «изображали» не в шутку, а со слезами из старой провинциальной мелодрамы:

Ум-р-р-и,

мой

стих!

Одно время казалось: русской культуры никогда и не было. Когда я прочел статью Чуковского о Блоке

в «Записках мечтателей», а потом как бы ту же статью, которую Чуковский переписал, я понял: конец. Если и ему советский медведь на ухо наступил, то у кого же есть еще слух?

В старой статье Чуковского Блок жаловался, что он не слышит больше музыки — время стало беззвучным. Переписанная статья Чуковского была уже не только беззвучной, а какофонической, и, живя в какофоническом времени, Чуковский больше не замечал фальши, потому что все стало фальшиво, и сам он был в этой статье весь фальшив.

Под камнем насильственной государственности, лица, «подававшие все признаки гениальности» (выражение Шкловского), задохнулись или переродились в анаэробные (не требующие воздуха) бактерии, производящие пошлость.

Хотел было анаэробно переродиться, но вместо этого в конце концов задохнулся Всеволод Иванов (его повесть «Похождения факира» все еще была вещью воздушной, дышащей, живой). Переродился Александр Прокофьев (после войны никто уже не помнил былых признаков гениальности этого ленинградского борова-чиновника) или Леонов (его анаэробный «Русский лес» был вполне уже дремучей пошлостью).

Но это все «известные имена». А вот товарищи моего отца, безвестного писателя, были писатели вполне безвестные. Вячеслав Аверьянов, например. Его «Золотая сковорода» была напечатана в 1928 г. Я ее вывез. Это литература. То есть это «подает все признаки гениальности». Это — мировая литература. Литература не может не подавать всех признаков гениальности. Заведомо негениальная литература? Зачем она? Читать чужие обывательские вымыслы о том, чего нет и не было?

Вячеслав Аверьянов задохнулся. Как он, «не успевший создать себе имени», мог выжить, если даже «известные имена» погибли?

А сам Шкловский? Какой поразительный случай анаэробного перерождения. Когда я встретил его в 60-е годы, это был не он. Это был его советский анаэробный двойник или, может быть, его престарелый сын-обыватель, родства не помнящий.

Я считал, что даже творчество бесподобного Пастернака было как пламя под спудом. Я не мог себе представить, что нерукотворный «Февраль. Достать чернил...» 1912 г. и симоновоподобную «Вакханалию» 1957 г. («Зимы, Зисы и Татры, / Сдвинув полосы фар, / Подъезжают к театру / И спят тротуар») написал один и тот же человек. Но это был один и тот же человек, потому что он рассказывал, уже задыхаясь, как главный бухгалтер Управления по делам авторских прав говорил: «Леонид Борисович. Как я люблю ваши стихи. Ведь я и рабочий день не начинаю, не положив на стол книгу ваших стихов. Ваших и Лебедева-Кумача».

Камень насильственной государственности. Вот на Западе его нет. Значит, на Западе — культура, как в Европе во времена Флобера или в России до 1917 г. и еще десятилетие спустя.

Культура воспринималась, как некая естественная данность, вроде жизни. Камень отвалите. Дайте дышать. А уж жизнь, она всюду.

Это представление распространено и среди многих «творческих работников» Запада, считающих, что они и есть культура, потому что здесь ведь свобода. Это вам не Россия, где гнет тоталитаризма. Когда Шостакович был жив, главный музыкальный критик газеты «Нью-Йорк Таймс» напечатал статью о музыке в России*. Подумать только: в такой огромной стране как Россия всего-то и есть один композитор, которого стоит слушать — Шостакович. Вот каков гнет тоталитаризма.

* «Нью-Йорк Таймс», 29 сентября 1974 г., стр. 19D.

Прочтя только эту статью, будущий историк заключит, что поскольку гнета тоталитаризма на Западе нет, то уж тут-то Шостаковичей единицами не считают, а возможно и сочиняют музыку, по сравнению с которой «Героическая» кажется собачьим вальсом.

Я открываю статью «Музыка» в Британской энциклопедии 1970 г., изданной в основном американскими университетами. Кто из живших в Америке композиторов упомянут? Русский эмигрант Стравинский и американский еврей Копланд. А в России? Шостакович. А в Западной Европе? Бриттен.

На примерно 4 миллиарда людей — 4 человека, которых стоило упомянуть как композиторов. Один на миллиард. Причем двое — побеги русской культуры до 1917 г. и в течение десяти лет после роковой даты.

С теми, кто скажет мне, что Британника не расслышала современных ей композиторов, которых оценят лишь посмертно, я охотно соглашусь. Но обычно оценки творчества прошлого строже, а не мягче. В то время как англоязычные страны были в XIX веке самыми свободными, Британская энциклопедия в статье «Музыка» не упоминает ни одного композитора в этих странах на протяжении всего XIX века. Австриец-немец Гайдн лишь жил в Англии, но и он уехал в Австрию до начала века.

Культура не есть непременно следствие свободы или роста богатства и образования в условиях свободы.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ, возможно, единственный писатель первой половины XX века, достигший того, чего век девятнадцатый в прозе не достиг, был вынужден работать дворником. И я понимаю, почему. Фадеев — был Толстой. Даже притязание Шолохова на толстовское величие было понятным. А что такое Платонов? Да он же неграмотный, или нарочно ко-

веркает великий русский язык, именно, как дворник, и пишет. Где ж тут культура?

Словом, задыхаемся! Канцелярии советских мешан-литературоведов. Литературное чиновничество всех чинов и званий. Всеобщая культурная бюрократия.

Ну вот я и на воле, я иду по Нью-Йорку со своим редактором из издательства «Харпер энд Роу», и я спрашиваю, есть ли в Нью-Йорке дворники. Улицы, видно, не метутся. «Были, — отвечает он весело. — Но они все стали писателями».

Меня осенило. Если в тоталитарной России, возможно, единственный в мире писатель, достигший того, чего век девятнадцатый не достиг, был вынужден работать дворником, то не может ли так быть на Западе, что, наоборот, лица, имеющие не более литературных или вообще умственных способностей, чем те, что строго необходимы для того, чтобы быть дворниками, стали вместо этого писателями? Ведь здесь же свобода. Никакая власть не может вынудить никого быть дворником, а не писателем.

До этого как-то само собой разумелось, что если шарлатан (этакий Лысенко), то непременно «назначен сверху». Позвольте, а что если в условиях свободы шарлатаны сами себя назначат? Скажем, Общество астрологов. Никакая власть их не назначала. Сами себя назначили. Мне скажут, что пример неудачный. Ведь только низы общества все еще занимаются астрологией. Правительства гороскопов теперь не заказывают. Позвольте тогда другой пример.

Мой дядя, известный психиатр и редактор-издатель психиатрического журнала, утверждал еще 60 лет назад, что лечение больных с помощью психоанализа — шарлатанство. Впрочем, почти то же самое утверждал и Фрейд, «основатель психоанализа», который возражал против применения его врачами, хотя и был врач сам. Но в Америке «психоаналитики» созда-

ли «психиатрический истаблишмент». Попробуйте разоблачить их! Это вам не Лысенко после смерти Сталина. Сами же инакомыслящие из рядов этого истаблишмента не раз заявляли, что он — общество шарлатанов. Американский психиатр пришел пригласить меня выступить на конференции психиатров. Он просидел у меня часа два, в течение которых я издевался над психоанализом (а заодно над Фрейдом, цитируя его письма), и он, как говорится, хохотал до слез. «Прекрасно, — говорю. — Надо мне на этой вашей конференции заодно проехаться по Фрейду». «Вы не понимаете», — залепетал он. Он был как советский партиец, который два часа хохотал, когда его знакомый-иностранец издевался над Марксом, пока знакомый не сказал, что он повторит это публично на конференции, на которую партиец его приглашает. Для этого психиатра его гильдия психиатров была «партия и правительство», а Фрейд — их Маркс, Ленин и Суворов сразу.

И ведь это психиатрия, медицина, лечение, а заведомо неправильное лечение — содержание тысяч ежегодных судебных дел. А что же такое литература? Чехов скажет в 1983 г.: «Я — писатель». А миллионы хамов, излагающих содержание порнографических открыток, производившихся столетие назад в публичных домах России, хором заорут: «Это мы — писатели, а ты — старый хрен в пенсне».

Идя по Нью-Йорку со своим редактором, я был как земной человек, верящий в то, что есть верх и низ, и вдруг осознавший, что вне его земли верха и низа может и не быть или то, что было низом, может стать верхом и наоборот.

В самом деле, Чехов был одним из самых высокооплачиваемых писателей в России (Пришвин, желая показать, что его ценили уже почти как Чехова, отмечает, что ему платили за строчку уже почти как Чехову). А стряпня бульварного писателя продавалась по

семь копеек за «выпуск». Помните у Розанова? «Книги должны стоить дорого». У меня на полках отца были стихи в бумажном переплете, шестнадцать страничек — 25 рублей, т. е. недельная зарплата высокооплачиваемого рабочего, и недурная, потому что туфли парижские стоили тогда пять рублей. Советское клише: «Эти книги покупали пресыщенные буржуа». Не пресыщенные ли буржуа покупают и теперь в Москве на черном рынке Мандельштама по баснословной цене? Где же эти пресыщенные буржуа в буржуазной (и на 80 лет более пресыщенной) Европе и Америке? Предложи в Америке купить 16 страничек поэзии в бумажной обложке за недельную зарплату высококвалифицированного рабочего. Да 600 тысяч американских миллионеров в обморок упадут. Выбить для поэта жалование, вспомоществование, пособие? Это можно, если деньги чужие, а не тех, кто их раздает. Но платить «такие деньги» из своих кровных миллионов за стихи?

Все книги стоят одинаково, а разница только в какой обложке. Поэтому бульварный графоман продает десятки или сотни миллионов экземпляров своих книг и снимается на фоне своих вилл и яхт, а Чехову пришлось бы заняться медициной.

Верх культуры стал низом богатства (и следовательно престижа), а низ стал верхом.

Но цены — это только один признак того, что общество ценит. Влюбленность в Блока. «...но ныне суждено судьбою мне быть поэтом и царем». Культура, престиж и богатство в России в значительной мере сходились на вершине общества.

Некоторым тонким серпом они перекрываются и на современном Западе. Но это перекрывание касается старины. словно в течение веков происходило одичание, и живой творец или мыслитель — это противоречие в терминах. Общество, где все, кроме культуры, обновляется с быстротой, от которой рябит в глазах,

ценит в культуре главным образом старинность. Конечно, и в Нью-Йорке есть живой «поэт номер один». И, конечно, он — «новатор». Но, конечно, стихи его не продаются, и живет он, как служащий, за счет благотворительности в целях развития культуры. И встретившись с ним, я потом сказал своему знакомому: «Слушайте, какие там стихи! Да это мелкий служащий». «Тут замкнутый круг, — ответил тот. — Поэзия никому не нужна потому, что она бездарна, а бездарна она потому, что никому не нужна».

У НАРОДОВ есть склонность обвинять друг друга в опошлении культуры. Многие итальянцы считают, что вся пошлость исходит от американцев, немцы, что она идет от всех немцев, французы, что она идет от всех нефранцузов, жители России, Азии или Африки, что она идет от Запада. В действительности опошление культуры шло повсеместно, и всемирную пошлость можно разделить на два потока: откровенная бульварщина (выражаясь языком «Правды») и «культурная» бездарность, то есть бездарность, сохраняющая внешние признаки «культуры» (например, подражание Толстому) и не являющаяся «откровенно бульварной» (скажем, избегающая порнографии).

Однако у бульварщины есть потребители, каждый из которых платит мало, но которых много — десятки и сотни миллионов. А «культурная» бездарность сбыта не находит. Поэтому на Западе «культурная» бездарность нищает, живет на бюрократическом иждивении, «идет вниз», а бульварщина «идет вверх». Это как если бы публичные дома или уголовные притоны расположились бы во дворцах или особняках на главных улицах города, а последние проститутки и непроститутки ютились бы в грязных переулках на его окраинах.

Я видел в России «нового писателя», советского богача-конъюнктурщика. Теперь я увидел «нового пи-

сателя» Запада. По сравнению с ним, советские конъюнктурщики — это деревенские увальни по сравнению с высокопрофессиональным гангстером. Ему стало известно, что в Голливуде спрос на пытки. Через пару суток роман пыток готов: арабы пытаются евреев. Ему не было и тридцати, он был лыс и считал себя начинающим, потому что его аванс за роман составлял 75 тысяч долларов, а не, скажем, три миллиона.

Я был ошеломлен: 75 тысяч долларов в виде аванса. И кому? За что? Он же был ошеломлен, столь же наивно, рецензиями на мою книгу. Он был уверен, что стоит мне пойти в его литературное агентство, «лучшее в мире», как он выразился, и уж три миллиона долларов в виде аванса за мою следующую книгу мне во всяком случае обеспечены.

Он мне устроил свидание в своем «лучшем в мире литературном агентстве». Но тут уж я не настолько оказался глуп, чтобы не понять, куда я попал. Это как если бы жених из глубинки принял бы роскошный публичный дом на центральной площади незнакомого города за церковь и пришел бы в него венчаться со своей невестой. «Литературные агенты» взирали на рецензию, в которой Сидней Хук говорил, что я превзошел Стерна (и еще кого-то). Какой Сидней Хук? Кто такой Стерн? Писатель, как вы? Умер? Да кто эту заумь читает? Сто чудаков в мире? Кому нужны эти гроши? Тут счет на десятки и сотни миллионов читателей-зрителей-долларов.

Но им как-то неудобно было сразу сказать: «Да это ж публичный дом. А вам надо церковь». Я представляю себе, как они потом похохатывали: «Ну и ну! Пришел тут один. Литературу принес. Стерн какой-то. Думал, мы литературой занимаемся. Умора».

Но бульварщина не просто растет, богатеет, торжествует, расползается, теснит. Не получив достаточной бюрократической финансовой поддержки и оказавшись таким образом перед необходимостью прода-

вать свои произведения читателям, слушателям, зрителям, «культурная» бездарность начинает их бульварщиной, оставляя «культуру» в виде некой обертки. Получается «культурная» бульварщина (например, «культурная» порнография). Мне пришлось в 1980 г. рецензировать книгу Ежи Козинского «Страстное представление»*. Подобно тому как «всякий культурный человек» в России знает, что название «Страстной монастырь» происходит от выражения «страсти господни, Голгофа», «всякий культурный человек» на Западе знает, что «Страстное представление — народное представление, изображающее страсти господни, Голгофу». Но «культурный человек» может не желать читать ничего, кроме порнографии. А выписывать на дом «откровенную порнографию» ему неудобно. Он же — «культурный человек». Жена, дети, соседи. И вот он выписывает книгу «Страстное представление». Книга была отрецензирована во всех мне известных периодических изданиях (кроме того, которое поместило мою рецензию) с той же «культурной» серьезностью, с которой советская критика рецензировала, скажем, Фадеева в 1952 г.

Страстное представление. «Культурный человек» может считать себя еще более культурным, получив по почте книгу с таким названием и после таких рецензий.

Но открыв ее, он не будет разочарован. Это не страстное представление, а стра́стное представление, то есть, называя книгу в старом духе: «Всеобщий бордель, или половая жизнь игрока в поло» (на обложке литературного приложения газеты «Нью-Йорк Таймс» сам Козинский был снят по пояс голый и в сапогах для игры в поло). «Культурное» название и является первым и последним притязанием книги на культуру. Читая название, надо сделать такую постную культур-

* *Chronicles of Culture*, май/июнь, 1980 г., стр. 14.

ную мину. А дальше никакой тебе культуры — один бордель. Есть даже роман игрока в поло с лошадьёю и с двумя лесбиянками сразу.

В одном из своих бесчисленных интервью Козинский выразился в том смысле, что русские писатели, мол, ныли в России — им не дают писать, а приехав сюда, опять не пишут, а лишь теряют время, сидя в кафе и рассуждая о судьбах России. Вот уж Козинский времени, действительно, не терял. Роман за романом. Приехал, увидел, победил.

Помимо «Страстного представления» Ежи Козинского, я рецензировал последние романы еще четырех столь же маститых писателей*, которые переводятся на все основные языки Запада. Не тратя время на их имена и названия романов (лучше уж посидеть в кафе, рассуждая о судьбах России), я лишь замечу, что в литературном истаблишменте Америки эти пятеро занимают такое же место, как Фадеев, Федин, Ажаев, Полевой, Бабаевский (или Павленко) занимали в советской официальной литературной иерархии на 1952 г.

Все пять (а считая Павленко, шесть) советских писателей извлечены мною не из своих воспоминаний, а из статьи 1970 г. «Русская литература» профессора русской литературы Колумбийского университета в Нью-Йорке Эрнста Симонса, автора монографии «Лев Толстой». Роман Федина «Необыкновенное лето» профессор считает «возможно лучшим послевоенным романом», в то время как он даже не упоминает такую, скажем, пятерку: Ремизов, Ходасевич, Цветаева, Мандельштам, Платонов. До третьей волны эмиграции, для верхушки литературно-советологического истаблишмента Америки Фадеев, Федин, Ажаев, Полевой, Бабаевский (или Павленко) представляли собой

* Одна из этих рецензий переведена Катериной Юнг на русский язык. «Апдайк и Филип Рот: писатели ли они?» — Литературный курьер, №№ 5, 6.

русскую литературу, вместе с Зощенко, Ахматовой и Пастернаком, ставшими столь же всемирно-известными, благодаря «скандальным происшествиям».

И вот позвольте краткий экскурс в сравнительное литературоведение: пять советских крепостных писателей 1952 г. и пять представителей свободного литературного истеблишмента свободного Запада тридцать лет спустя.

Фадеевым литературного истеблишмента Америки является Джон Апдайк, книга которого «Кролик богат» (ее я и рецензировал в 1982 г.) получила Премию за лучшую американскую книгу, Национальную премию литературных критиков и Премию Пулитцера. Бесперывные романы Апдайка переводятся на двадцать языков, и его подражание Джойсу «Кентавр» было, помнится, обнародовано в советской «Иностранной литературе» как западный изыск, который пора популяризировать.

Последняя рецензия на романы Апдайка в журнале «Комментарии» (представляющем собой в смысле инакомыслия в области культуры нечто вроде «Нового мира» Твардовского) содержала в самом конце следующую крамольную фразу (здесь за крамолу срока не дают, но выжить из всех престижных издательств могут): «В глубине души и сам Апдайк, наверное, понимает, что его успех и престиж — часть общего мошенничества...»*

Или вот пример того, как западную пятерку ценят сами же издатели и редакторы американского истеблишмента. В 1979 г. роман Ежи Козинского, опубликованный восемь лет ранее и получивший «Национальную премию за лучшую книгу» и другие награды и почести, был перепечатан ради шутки на машинке и разослан в 14 издательств (включая то, которое его опубликовало) и 13 литературных агентств. Никто

* Commentary, январь 1983, стр. 58.

даже не узнал «лучшую книгу», опубликованную всего восемь лет назад, и все получившие рукопись издательства и агенты ее отвергли*.

И советская и западная пятерка — конъюнктурщики. Романы и той и другой пятерки — фальшивы, надуманы, подражательны, набиты случайным литературным хламом.

Советская пятерка страдает от бульварной слащавости, раболепия и скованности, а западная — от бульварного неправдоподобия, развязности и самодовольства.

Литературно грамотный человек по крайней мере знает о необходимости, скажем, избегать литературных штампов. Пять маститых писателей Запада 1982 г. — более литературно безграмотны, чем пятеро советских маститых писателей 1952 г. Их романы — более наглая, грубая, спешная халтура. Редактор, правивший или переписывавший Ажаева, наверняка правил «Мороз крепчал» на что-нибудь более литературно грамотное. Но зачем же западной пятерке литературная грамотность? Тут же свобода. А покупать-то будут эту «культуру» только ради ее начинки из порнографии или хотя бы бульварщины. И, самое важное, продать эту «культуру» в кино и на телевидение, а там штамп, не штамп, разбираться не будут.

Пошлость советской пятерки — подневольная, бескровная, безжизненная, в то время как пошлость западной пятерки — вызывающая, насыщенная, лихорадочная — это как бешеное состязание между публичными домами в виде современных высоко-эффективных предприятий: максимум бульварно-бордельных ощущений на минимум расходов.

Я также отрецензировал** произвольно выбранный номер «ведущего» литературно-критического журнала

* «Books of the Times», Arno Press, Нью-Йорк, 1979, т. 2, № 3, с. 103.

** В журнале The Yale Literary Magazine, т. 148, стр. 62. Разу-

Америки, где печатаются и маститые писатели других стран Запада. Можно было бы сказать, выражаясь словами Шкловского, что это — сточная канава западной посредственности, но только эта канава вознесена на самую вершину культурного истаблишмента Запада.

ЧЕТВЕРТЬ века назад швейцарец по имени Макс Фриш опубликовал роман «Хомо Фабер», который перевела и напечатала советская «Иностранная литература». В то время бульварщина с порнографией еще не использовались так широко в виде начинки для «культурных» романов. Я сказал своим западным друзьям, что роман — литературный труп. Кому он нужен? И мне непонятно, почему Макс Фриш не стал владельцем аптеки (я представлял себе его, с его аккуратностью, именно владельцем аптеки, а не размашистым дворником). Мои друзья заметили, что, мол, мало ли какое никому не известное ничтожество советский журнал откопает. Ведь на Западе — свобода, и любой владелец аптеки (равно как и дворник) может издавать свои романы хотя бы даже и за свой счет.

На самом деле Макс Фриш был осыпан наградами и почестями многих академий Запада. В 1982 г. испанские Максы Фриши пожелали узнать, что думает и чувствует их всемирно-известный швейцарский собрат по перу, и маститый писатель Запада заявил Мадриду и миру:

Я считаю, что любовь между людьми настолько изменилась в последние годы, что все любовные истории [!] придется переписать. Теперь нет женщин вроде мадам Бовари. Жизнь женщины

меется, после моих статей началось бюрократическое преследование этого старейшего американского журнала с целью устранения инакомыслия, но, к счастью, дело получило в 1983 г. общенациональную огласку.

не имеет ничего общего с тем, что описано в великих романтических [!] романах прошлого*.

А не дожевывает ли всемирно-известный писатель Запада в 1982 г. портянки шестидесятников, которые казались далекими, смешными, захоластными Чехову около столетия назад? Макс Фриш, не написавший ни одной живой строчки, переписет «любовные истории» Флобера или Чехова как писателей, дескать, романтических и не имеющих отношения к новой женщине, Вере Павловне из саратовского захоластия 1863 г.

Кстати о Флобере. У него есть «собираательный образ», «Гарсон», с его *idées reçues*, что близко к тому, что Чехов понимал под словом пошлость (вспомним флюберовский «Словарь пошлостей», переводимый также как «Лексикон избитых истин»). Теперь «Гарсоны» — Максы Фриши — наверху, там, где был Флюбер или Чехов. На Западе они лишь забрались наверх иным путем, чем в России.

И тут любопытна еще одна особенность. Под «вольным искусством» на Западе можно понимать все, что неподсудно как шарлатанство, мошенничество или невежество. На Западе не только искусство или гуманитарные науки, но и разведку или дипломатию можно отнести к вольному искусству. И жрецы вольного искусства двигаются по всем его областям: редактор журнала поэзии был в течение десятилетий главой американской контрразведки, а работник английской разведки, член редакции лондонской газеты «Таймс» и корреспондент агентства «Рейтер» в Москве писал идиотские детективы, так что нельзя было понять, где кончается идиотство английской разведки и где начинается идиотизм его детективов, в которых фантастические водевильные идиоты-злодеи («русские») дрались («Они дерутся за пламенные очи, за

* World Press Review, ноябрь 1982, стр. 58.

нежный взгляд, за женскую любовь», выражаясь словами старой шансонетки) с водевильными идиотами-героями — современными графами из бульварных мелодрам прошлого столетия.

Будучи одинаково бездарными во всех областях «вольного искусства», миллионы Максов Фришей считают себя одинаково одаренными во всех из них, кроме тех, где на них могут подать в суд. Судьба Европы? Чехов сказал бы, что он ведь только доктор. «Ядерная катастрофа очень возможна», — вещает Макс Фриш Мадриду и миру:

В одной из моих записных книжек я писал, что есть только две возможности: мир или уничтожение. Я был оптимистом, веря, что мы выберем мир. Но мы имели ряд войн с применением обычного оружия, а США теперь выдвигают ужасную перспективу ограниченной ядерной войны в Европе*.

Гарсон изрекает пошлости — «только две возможности: мир или уничтожение». Ну а третья возможность? Например, советская западная Европа, а? Гарсон думал, что мы выбрали мир. Мы выбираем войну или мир. Как блюдо в ресторане. Подайте мир Гарсону. На 1982 г., когда Гарсон изрекал свои пошлости, свыше 2.000 ядерных боеголовок 604-х советских ракет среднего радиуса действия были нацелены на Европу, а у американцев в Европе не было ни одной ракеты, способной достичь советской территории, и только у Франции имелось 18 наземных ракет. Но Гарсон предвидит уничтожение, а не мир: «США выдвигают ужасную перспективу ограниченной ядерной войны в Европе».

Впрочем, издеваться над Максами Фришами бесполезно: Максов Фришей миллионы, они — умственный и творческий истаблишмент Запада, и повторяе-

* Там же.

мые ими пошлости помножаются через спутники земли на сотни миллионов телевизионных экранов и печатных страниц. Нет, срока́ они не дают. Но за их миллионноустой болтовней и так никого, кроме них, не слышно.

МОЦАРТ у Пушкина говорит, как я помню со школы, что если б все, мол, «предались вольному искусству», то тогда бы «не мог и мир существовать», поскольку «никто бы не стал заботиться о нуждах низкой жизни».

У нас на углу в Нью-Йорке владелец аптеки любил рассуждать о высоких предметах. Наверняка и у вас в Гамбурге, Амстердаме или Париже есть на углу такой же владелец аптеки. Или был сто лет назад. Он был уверен, что ему дан от природы великий творческий ум, а он погубил свою жизнь, продавая лекарства, вместо того, чтобы быть, скажем, Моцартом.

А быть Моцартом гораздо лучше, чем владельцем аптеки на углу. Да что там владельцем аптеки на углу! Лучше, чем миллиардером.

У нас есть знакомая, которая была замужем за композитором, а теперь она — за миллиардером. Выражаясь языком тещи из старого анекдота, миллиардер ей «кофе в постель носит». А композитор просыпался ночью (и это уже не анекдот, а быль) и требовал, чтобы *она* ему кофе в постель несла, потому что ему пришла в голову музыкальная мысль, которая может быть проживет не три века, как Соль-минорная Моцарта, а все тридцать три. Не подашь кофе и кто знает? На тридцать три века человечество оставишь без Моцарта, да и себя опозоришь во всех будущих биографиях.

К счастью, владелец аптеки был уверен, что дочь унаследовала его великий творческий ум. Она будет творческим работником, а именно писательницей. Надо только скопить 40 тысяч на университет. Пла-

тишь, поступаешь в университет, а там выбираешь: буду писателем. Ведь денежки-то свои кровные платишь. А кто платит, тот и выбирает. Были бы деньги, и, скажем, миллион детей средних классов становились бы ежегодно писателями, а миллион, допустим, композиторами. Тут вопрос лишь денег. Чем богаче свободная страна, тем больше детей средних классов будут «предаваться вольному искусству».

Но Моцарты ли они? Каждый человек рождается с ощущением, что он — не только Моцарт, а и вообще центр вселенной, Бог, возможно даже единственное живое существо. Затем жизнь вносит поправки: каждый человек убеждается, что его внимание к себе, обожествление себя, вселенская центральность не разделяется другими людьми (которые, оказывается, тоже существуют). «Вольное искусство» вытаскивает это ощущение из-под груза поправок жизни. «Ты — божественный Моцарт, — шепчет оно ему. — Ведь это так просто. Соль минор, например. И ты будешь жить тридцать три века, как вечно юный прекрасный бог».

Итак, дочь владельца аптеки кончила университет, получив множество наград за «лучшее художественное произведение» и «степень» писателя. Папа истратил 40 тысяч долларов недаром. Что же дальше?

Средний годовой доход американского «профессионального» (то есть напечатавшегося не за свой счет) писателя на 1982 г. составлял 4.775 долларов*, то есть сумму, которую мусорщик, работающий по совместительству в гараже, зарабатывает за 2-3 недели. Число детей средних классов, становящихся «профессиональными писателями», так велико, что никаких дотаций не хватит и не может хватить: в среднем «творческие работники» в подобных условиях всегда будут нищими по сравнению с мусорщиками.

* Нью-Йорк Таймс Мэгэзин, февраль 21, 1982, стр. 58.

Что же наша дочь аптекаря? Она не смогла ничего напечатать не за свой счет то есть, не смогла стать «профессиональным писателем», хотя бы даже и нищим по сравнению с мусорщиком. Она может писать романы ничуть не хуже пяти маститых писателей истаблишмента, о которых говорилось выше. Но предел числу печатающихся не за свой счет писателей есть даже в самых богатых свободных странах. Все могут писать романы не хуже пяти маститых писателей истаблишмента. Но все быть писателями пока что не могут: не хватает читателей и средств, а кроме того, истаблишмент не пускает новичков без связей и знакомств. Она выбита из социальной колеи, аптеку отца она и видеть не может, жизнь средних классов ей невыносима и для нее невозможна. Замужество ее расстроилось потому, что мужчина средних классов — какая же он ей пара? Принадлежать человеку, который и о Киркегоре не слышал, не говоря уже о Чоране. Жить с существом, которое не отличает начало Соль-минорной Моцарта от рока. Иметь детей от чудовища, которое может говорить только о бейсболе или о ценах на бензин.

В тоталитарной России на это дочери аптекаря (а не «ответственного работника») скажут: «Ну вот что, девушка, общественно-полезным трудом пора заняться. Есть место продавщицы в аптеке номер два. А то с голоду помрете. Или вышлем вас за тунеядство». Но в современном богатом свободном обществе дочь аптекаря имеет право на содержание за счет общества. Разве она не творческий работник, который не может найти работу по своей специальности? И чем она хуже тех американских негров, которые вообще живут на пособия в течение нескольких поколений?

ПОМНИТЕ фотографии «антивоенных демонстраций» в России 1917 г. в наших учебниках истории? Разумеется, в первых рядах (авангарде) шел рабочий класс.

А почему? Как почему? Рабочий класс — самый сознательный, прогрессивный, передовой, да к тому же создатель всех ценностей. Создатели всех ценностей борются против работодателей, которые, наоборот, являются паразитами (или кровопийцами), извлекающими прибыль из пота и крови создателей всех ценностей. Войны же бывают потому, что те из паразитов, которые производят оружие, желают производить его еще больше, чтобы извлечь из пота и крови рабочего класса еще больше прибыли, а также с целью захвата чужих земель в качестве колоний. Борясь против паразитов, рабочий класс борется тем самым за мир против войны.

Я смотрю на фотографию «антивоенной демонстрации» в Гамбурге в 1982 г.* Рабочего даже трудно и представить себе в этой среде. У них вид богемы XIX века. Но эта богема составляет теперь миллионы детей среднего сословия, считающих себя писателями, мыслителями, композиторами, дипломатами, стратегами и другими представителями «вольного искусства». Да, их миллионы. Да, это класс. Тем, кто считает, что слово «класс» — выдумка Маркса, позволю себе напомнить, что оно было в ходу в Англии в течение добрых двух столетий до приезда Маркса в эту страну, и, конечно, слово «класс» в социальном смысле было известно еще в древнем Риме. Часть класса жрецов вольного искусства заполонила «культурный истаблишмент», «средства массовой информации», университеты и бюрократию, в то время как другая его часть живет как описанная выше дочь аптекаря, поскольку в наиболее богатых свободных странах — право на жизнь за общественный счет.

Почему же этот класс вот уже четверть века идет «в авангарде борьбы за мир», то есть разоружение и

* Английский еженедельник «Экономист», 18 декабря 1982 г., стр. 43.

поражение свободных стран? Как почему? Этот класс — самый сознательный, прогрессивный, передовой, да и к тому же создатель всех ценностей. Разве этот класс — не писатели, композиторы, мыслители и все прочее? Посмотрите на их бороды! У этого, как у Галилея, а у того, как у Леонардо да Винчи и Толстого сразу. Прямо бал-маскарад: великие бородатые всех времен и народов. Кто же, как не они, будет заботиться о судьбах человечества и угрозе войны?

Раньше мы должны были верить, что благодать прогрессивности, сознательности и созидания всех ценностей почивала только на слесарях-монтажниках или шахтерах. Теперь мы должны верить, что она их оставила и снисходит только на класс миллионов молодых детей буржуазии, ставших жрецами вольного искусства, потому что кому же охота по своей доброй воле убивать свою жизнь, скажем, продавая лекарства в папиной аптеке, если можно заплатить 40 тысяч долларов и стать писателем?

«Правда» некогда проклинала интеллигенцию России за то, что та составляет с буржуазией единый реакционный класс, выступающий против пролетарской революции. В декабре 1917 г. в Москве собрались писатели — так сказать, собрание Союза писателей того времени. Решение: исключить г-на Серафимовича за согласие сотрудничать с большевиками (возглавлять отдел литературы и искусства в газете «Известия»). Серафимович встает. Есть ли среди присутствующих (желает знать Серафимович) хоть один писатель или иной творческий работник, несогласный с решением? Гробовое молчание. Серафимович уходит*.

Теперь для «Правды» единственный прогрессивный (передовой) класс в буржуазных странах — дети буржуазии в качестве жрецов свободного искусства,

* «Правда», 22 декабря 1917 г.

а рабочий класс — в Америке, например, — реакционнее самой что ни на есть крупной буржуазии.

В наших учебниках истории говорилось, что у рабочего класса — свои классовые интересы. Рабочий класс живет в нищете: см. «Положение рабочего класса в Англии». Да, по сравнению с крупной буржуазией, средний доход рабочего был нищенским. Но вот теперь в Америке у пролетариев (скажем, мусорщиков) «образ жизни» — как в XIX веке у крупной буржуазии, и пролетарии стали столпами буржуазного общества.

А жрецы свободного искусства? Ведь они Моцарты, боги, центры вселенной. Средний же доход профессионального писателя в Америке... Политический плакат: писатель (или композитор), грозящий костлявым кулаком пузатому мусорщику (или слесарю-монтажнику), сидящему на мешке с деньгами.

У рабочего класса — свои классовые интересы, классовые взгляды, классовая солидарность? А у класса жрецов вольного искусства — свои. На фотографии демонстрации в Гамбурге они несут лозунг: «Долой милитаристскую политику и прибыль военного производства!» Не прибыль вообще. А прибыль военного производства. Прибыль вообще больше их не занимает. Рабочий класс — не их союзник, и беспокоиться о нем нечего. Их мишень — прибыль военного производства. Рабочий класс был (хотя бы одним своим краем) в авангарде антиоборонной деятельности и даже пораженчества «стран капитала», ибо он чувствовал себя нищим пасынком общества (в средних показателях) по сравнению с крупной буржуазией. Почему же классу жрецов вольного искусства не быть теперь в авангарде антиоборонной деятельности и даже пораженчества? Разве он (в средних показателях) не нищий пасынок общества?

Я пришел в гости к жрецам вольного искусства (в основном, поэтам) в Нью-Йорке. Я не видел более несчастных людей, из которых, казалось, была высо-

сана кровь — возможно, производящими оружие и получающими прибыль кровопийцами. Наконец, я сказал: «Ну теперь уж не долго вам мучиться. Скоро и Америка станет советской».

Мое замечание привело девочку лет двенадцати, дочь поэтессы, в восторг. Но девочка не воскликнула радостно, как, возможно, воскликнула бы ее нью-йоркская бабушка этак полвека назад: «И в Америке наступит новая жизнь!» Или: «И рабочий класс Америки будет, наконец-то, освобожден!» Или: «И мы тогда вместе ударим по фашизму!» Девочка радостно воскликнула: «Так им и надо!»

Кому им? Рабочему классу и крупной буржуазии и всему паразиту-обществу, которое высосало у жрецов вольного искусства кровь, то есть деньги*.

РАЗУМЕЕТСЯ, сознание Флобера не определялось его бытием. Наоборот, во многом оно было его противоположностью. Разумеется, Чехов не был представителем русской разоряющейся мелкой буржуазии XIX века. Наоборот, в конце XIX века он изобразил жизнь человечества, и в частности наблюдаемую мной жизнь американцев XX века, вернее, чем любой американский писатель XX века мне известный. Разумеется, ум Джорджа Оруэлла не был продуктом его социальной среды. Наоборот, в 1949 г. ум его выпрыгнул из своей социальной среды и создал представление о тоталитарном обществе, которое отнюдь не уступает замятинскому, хотя, увы, с запозданием более чем на четверть века («Западный человек задним умом крепок»). Но поскольку миллионы жрецов свободного искусства отнюдь не Флоберы, Чеховы или Оруэллы, их сознание именно определя-

* «Деньги — это здесь кровь, — объяснил мне чахоточным голосом писатель, когда я спросил его, почему мне кажется, что из него высосали кровь. — Тот, кто беден, в том нет крови».

ется их бытием, они именно и есть представители своего класса больше, чем личности, их умы именно продукты их социальной среды, и мало кто из них может жизненно себе представить иную жизнь, кроме их собственной.

Если исключить невидимый преступный мир, образ жизни богатого свободного общества представляет собой обособленную от жизни остального человечества теплицу, вроде образа жизни дворянства XVIII века, с той лишь разницей, что роль слуг исполняют в основном механизмы. То, что называется в этой теплице бедностью, нищетой и даже голодом, напоминает злоключения опустившегося дворянина XVIII столетия, который и в самом деле умер с голоду, но только лишь потому, что у него не было слуг или потому, что деньги, которых бедняку хватило бы на месяц, он истратил за день. Американский журнал «Тайм» (семь миллионов читателей) трогательно повествует о том, как голодают в Америке бедняки, ибо, вместо того чтобы купить и отварить дешевую питательную курицу, они идут на улицу и покупают у разносчиков малопитательные «готовые бутерброды с горячими сосисками и капустой, воздушную кукурузу 'фрито' в пакетах, кексы с кремом, коку-колу».* Жрецы свободного искусства из журнала «Тайм», равно как и большинство его читателей, не понимают, что миллиардам посторонних на этой земле в их описаниях голода слышится слезливое бляение неспособных представить себе жизненное состояние, при котором нет возможности купить даже малопитательные кексы с кремом.

Заурядный дворянин XVIII века давал волю слезам при виде гибели бедной рыбки, которую плутрыбак ловил исключительно в силу собственной зловредности. Но он не мог и не хотел себе представить

* Time, 29 августа 1977 г., стр. 17.

падеж скота, голод, мор. Жрецы свободного искусства не давали строить аляскинский нефтепровод потому, что при этом могли погибнуть бедные птички (эти опасения оказались напрасными). Жрецы свободного искусства любят природу в духе придворных эпохи Жан-Жака Руссо, не спрашивая, откуда появляется бензин для их машин или жареные индейки, и полагая, что зло заключается в осквернении природы с помощью нефтепроводов, ядерного оружия, галстуков, причесок или бритвы. А истребление Пол Потом не бедных рыбок или птичек, а около половины населения Камбоджи, причем без всяких ядерных бомб, а, так сказать, на лоне природы и чисто природными средствами, вроде удушения, дробления черепов и закапывания заживо в землю, никак не отразилось в их классовом сознании и лишь скользнуло по нему без следа.

Во-первых, на их век теплицы хватит, а после нас хоть тоталитарный потоп. Во-вторых, надо же как-то наказать общество-кровопийцу, выпившее у них, богов, животворные деньги. В-третьих, если обращать внимание на события вроде истребления около половины населения страны ее коммунистами, то есть левыми, то это приведет к движению большинства населения наиболее богатых свободных стран вправо, а это, согласитесь, похуже всяких там будущих тоталитарных потоков после нас.

Движение вправо означает уменьшение чужих животворных денег, раздаваемых друг другу жрецами свободного искусства, «усиление военщины» и другие явления, идущие вразрез с классовыми интересами жрецов свободного искусства. Общество должно тратить средства сейчас на нас, Моцартов, богов, центров вселенной, а не на защиту от тоталитарного потопа после нас.

С другой стороны, зачем вообще выбирать войну, если можно выбрать мир? Максы Фриши привык-

ли к тому, что приятное выбирается, а неприятное устраняется юристом или врачом (и даже боль, которую дворянин XVIII века не мог велеть слуге взять на себя, устраняется врачом). Поскольку война — это неприятность, юристы должны устранить ее, договорившись с президентом России. Президент Никсон обнял президента Брежнева, а президент Картер даже поцеловал его. Никсон, Брежнев и Картер выбрали приятное — мир, с объятиями и поцелуями. Зачем же выбирать неприятное — войну? А рост ядерных вооружений, как известно, и приводит к ядерной войне. Развитие ядерной энергии вдвойне неприятно: и оскверняет природу (бедные рыбки и птички), и ведет к неприятной ядерной войне, вместо приятной жизни на лоне природы.

Максы Фриши варятся в собственном соку своей бездарности и не знают ничего, выходящего за пределы своей теплицы. Хотя одна из их пошлостей — это, что ни одна, мол, культура не является низшей культурой и надо бороться против западного культурного империализма, — они уверены, что в силу своего неизмеримого западного культурного превосходства, они понимают любую культуру лучше любых представителей этой культуры. Если страна — союзник, Максы Фриши оттесняют талант, находящийся в этой стране, а если страна — противник, то талант прибывших из этой страны беглецов или эмигрантов. Дело в том, что Максов Фришей так много, плодятся они в университетах с такой скоростью, что этот класс не может позволить себе отдавать средства чужим, посторонним, инородцам.

Тургенев, проживший почти всю жизнь во Франции, не написал ни одного романа из жизни Франции, и культурно грамотный человек понимает, почему. Любой Макс Фриш напишет «серьезный» или бульварный роман из жизни любой страны.

Но если любой Макс Фриш может написать «роман» из жизни любой страны, то уж остальное — новости о ней или разведывательные данные, ее прошлое или будущее, ее макросоциология или социальная психология — Макс Фриш считает своей духовной вотчиной, куда жители этой страны и думать не смей войти.

В гимназиях России немецкий преподавали немцы, а французский французы, и культурно грамотный человек понимает, почему. Уже в 1956 г. никто в англоязычных странах не смог заподозрить неподлинность моего английского литературного языка. Но и в 1983 г. я бы не посоветовал никому учиться у меня английскому языку, ибо это — язык без глубины подлинного детства, без почвы, без судьбы. Я могу быть кем угодно — подделать стиль любого английского писателя. Я не могу лишь быть английским самим собой.

Голландский Макс Фриш поделился радостью с польским журналом «Культура»: у него в русскоязычном издательстве нет ни одного русского*. А зачем Максам Фришам они нужны? Кончившая по отделению русского языка редактор нью-йоркского издательства услышала, как моя жена говорит со мной по телефону. «На каком это языке вы говорили?» — спросила она мою жену. «На русском», — ответила моя жена. «Это не русский язык», — определила та. «А какой же?» — спросила моя жена. «Возможно, диалект», — заключила специалистка. Все нации мира говорят на диалектах. Только жрецы вольного искусства богатых свободных стран говорят на всех языках мира, ибо они знают все, а это все — ими же производимая пошлость, в роковых пределах которой, возможно, им предстоит жить и умереть, увлекая за собой человечество в тоталитарную бездну, отнюдь не с адским ядерным грохотом, а с их хныканьем оттого что тоталитарный потоп — не после нас.

* «Континент», № 33, стр. 379.

НАВРОЗОВ Лев. Как и многие другие в современной России, Лев Наврозов жил подпольно примерно с 14 лет, то есть с 1942 года. Он был подпольным писателем.

Для того, чтобы существовать и не быть сосланным в качестве тунядца, он «внештатно переводил» на английский язык Достоевского, Герцена, Пришвина, Фазила Искандера, Андрея Битова. Наврозов черпает своеобразную гордость в том, что он никогда не числился ни на одной службе в мире, не имел никакого научного звания и не состоял членом ни одной организации, даже профсоюза, ни в России, ни вне ее. После первой и последней попытки напечатать свою книгу «Стаканчики граненые» в московском издательстве в короткий просвет «Пражской весны» 1968 года, Наврозов стал писать по-английски, и, приехав в Соединенные Штаты в 1972 году, он издал свою первую из семи книг, имеющих общее название «Воспитание Левы Наврозова: жизнь в закрытом мире, некогда называемом Россией».

Николай Росс

Врангель в Крыму

Впервые в отдельной монографии представлена внутренняя жизнь Крымского белого государства 1920 года, возглавлявшегося ген. Врангелем. Эта малоизвестная страница русской истории важна не только для историков, но и для каждого, кто хочет составить себе полную и объективную картину исторического развития России в начале XX века.

В книге приведены многочисленные документы из личного архива ген. Врангеля, в большинстве своем публикуемые впервые, а также редкие фотографии.

1982 16 илл., карта, 368 с. 32 н.м.

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M.-80

Факты и свидетельства

Махмет Керей

КАК Я СТАЛ СТРОИТЕЛЕМ ГАЗОТРУБОПРОВОДОВ

ЭТАП

20 ноября 1969 года во Владимирской тюрьме номер 2 кончился мой 7-летний срок заключения по ст. 56 ч. I УК Каз. ССР и меня должны были отправить еще на 3 года в ссылку, но задержали во Владимирской тюрьме на 3 дня дольше, пока не было этапа.

Наконец, посадили в «столыпин»¹ и отправили. Куда? Неизвестно. Едем. Через несколько дней слышу: «Сосногорск». «Столыпин» освобождается от зэков. Часть зэков увели, а другую часть, в том числе и меня, загнали в какие-то дворики ожидать дальнейшего этапа.

Через час или два повели нас к другому «столыпину». Поехали. Слышу: «Кулмагамбетов, с вещами!» Наконец-то кончился мой утомительный этап. Подходит к «столыпину» милиционер и забирает меня с моими документами у конвоя. Станция Микунь. Вечерет. Лежит довольно толстый слой снега, но не очень холодно. Милиционер отвел меня и запер в камеру предварительного заключения (КПЗ), где я и переночевал.

ДОЛГИЙ ДЕНЬ

Наутро в КПЗ дают мне кусочек, грамм 200, хлеба и кружку кипятку. Потом отводят в железнодорожное отделение милиции, выдают мне справку о том, что я являюсь ссыльным Усть-Вымьского района Коми АССР, выдают направление на работу в СМП-257 (строительно-монтажный поезд) — и прогоняют...

— Стоп, — говорю я, — у меня есть ручные часы и 5-6 рублей денег, которые я должен получить у вас. Когда меня вывозили из Владимирской тюрьмы, то мне эти вещи не выдали, а сказали, что по прибытии в ссылку я могу сразу получить их.

— Ну, да! — отвечает мне милиционер. — Ты их получишь через полтора-два месяца.

Так я оказался на улице, голодный, без курева и с пустыми карманами. Продать — нечего. Кому нужен тюремный бушлат с одним карманом на правой стороне или шапка-ушанка, сшитая из серой тряпки?

Ослабевший от длительного одиночного заключения во Владимире, я иду к СМП-257. Мне там говорят: «Идите сфотографируйтесь для прохождения медицинской комиссии и для нас». Я говорю, что у меня нет ни копейки денег, и прошу 5-10 рублей аванса. Не дают. Отвечают: «Когда мы вас примем на работу, дадим аванс и место в общежитии, а пока ничего не можем сделать».

Иду в поликлинику, где проходят медкомиссию. Узнаю, что для прохождения медкомиссии нужно потратить 3-4 дня.

Иду в милицию. Прошу 3-4 рубля денег и талоны на питание. Начальник милиции мне отказывает. Говорит, что у них нет ни денег, ни талонов для ссыльных. Тогда я прошу разрешения 3-4 дня пожить в КПЗ. Начальник отвечает: «Не имеем основания держать тебя в КПЗ».

Иду в горсовет. Объясняю ситуацию и прошу сколько-нибудь денег. Толстая женщина, компетентная в этом деле, не поднимая глаз, отвечает мне, что она знает о существовании закона, обязывающего местные органы власти оказывать необходимую материальную помощь ссыльным, но Верховный Совет им этих денег не отпускает.

Спрашиваю ее, где горком партии. «Горкома нет, есть райком в селе Айкино, в 8-ми километрах отсюда», — отвечает она.

День идет к концу. В Айкино съездить мне не успеть, тем более, что автобусы туда не ходят. Не видя никакого выхода из положения, голодный, уставший и злой, я бреду к рабочей столовой. Вижу остатки пищи на столах и рабочих, стоящих у кассы.

Думаю: а что если пойти и доесть то, что осталось в чужих тарелках? Нет, я сам себе не смогу простить этого позора. А что если попросить денег у рабочих? Просто так они не дадут: мало ли здесь нищих и бродяг. Придется объяснять свое положение, убеждать. Стыдно!

Вышел из столовой, когда начало смеркаться. В домах зажглись огни. Опять иду в милицию. Опять прошусь в КПЗ. Не разрешают...

Где бы украсть пятерку? Где бы переночевать? Нет, думаю, в тюремном костюме ни то, ни другое мне не удастся. В помутнении сознания совершить преступление? — Опять тюрьма, и жизнь кончится. А с другой стороны, какая радость была бы моим врагам, если б меня вновь осудили, но теперь уже за воровство или грабеж!

Спрашиваю у прохожих на улице, где КГБ. Не знают. Пошел опять к начальнику милиции. Оказывается, КГБ рядом.

Поднимаюсь по навощенным, необыкновенно чистым лестницам в КГБ. Сидит секретарша. Спрашиваю начальника КГБ. Она отвечает, что начальника

сейчас нет, но есть один сотрудник. Прошу принять меня. Выходит рослый мужчина с сединой и приглашает меня к себе в кабинет.

Я произнес краткую желчную речь о советских порядках и сказал, что за критику этих порядков сажают в тюрьму. В конце спросил: может быть, у КГБ имеются деньги для ссыльных?

Слушавший меня не перебивая кагебист встал, попросил минутку подождать и вышел из кабинета. Вернулся он, держа в руке десятирублевую бумажку. Протягивая ее мне, сказал: «У нас тоже нет денег на эти цели. Это мои личные. Когда у вас будут деньги — занесете».

Я взял деньги. Понимаю: поступил не морально. Но мою вину может смягчить то, что я никогда не считал себя борцом против советской власти и КГБ. Меня осудили за то, что с марксистско-ревизионистских позиций я пытался объяснить природу коммунистического строя.

Взяв 10 рублей у кагебиста, я поспешил в столовую, пока она не закрылась. Поел. Потом разыскал рабочее общежитие СМП-257, куда меня обещали принять на работу.

При входе в общежитие дежурила старушка. Я объяснил ей свое положение. Сказал, что я не вор и не бандит, а учитель, и попросился переночевать где-нибудь на полу. Сердобольная старушка отвела меня в отдельную комнату, указала кровать и попросила не выходить, пока она утром не отопрет дверь.

Так кончился мой самый тяжелый день в жизни...

В Микуни я вскоре узнал, что со всеми ссыльными поступают так же, как со мной. Привозят ссыльных и бросают на произвол судьбы без средств к существованию. Многие не выдерживают и начинают воровать. Почти все они быстро попадают, потому что трудно продать краденое в маленьком местечке. А государству от этого сплошная выгода. С одной стороны,

пополняется подневольный труд в исправительно-трудовых лагерях, а с другой стороны — местное население настраивается враждебно к ссыльным и радо помогать милиции против ссыльных.

В Микуни я еще более убедился в том, что законы в СССР — пропагандистская вывеска. Что же регулирует правопорядок? Секретные циркуляры и решения партийных органов. Например, Конституция СССР и антиконституционные статьи уголовных кодексов; систематическое нарушение Советским Союзом международных соглашений.

А вот мнение полковника МВД. 1964 год, Мордовия, лагерь 7 (пос. Сосновка, Мордовия). Группа эзков окружила начальника отряда. Один из нас спрашивает его: «Декларацию Прав Человека в ООН подписал и Советский Союз. Почему нас судят за переход границы как за измену Родине?»

Полковник отвечает вполне серьезно: «Та Декларация — для негров».

Я — ГРУЗЧИК

На следующее утро — прямиком на почту и даю телеграмму родственникам. Через день получаю 50 рублей перевода. Уговариваю фотографа сделать фото в тот же день вместо недельного ожидания. Продолжаю пользоваться добротой сердобольных старушек в том же общежитии и дней через 5 поступаю на работу в СМП-257 грузчиком, или «транспортным рабочим 2 разряда».

Из отдела кадров меня посылают в отдел снабжения знакомиться с моим непосредственным начальником. Им оказался седой веселый армянин, фамилию которого я теперь уже забыл окончательно.

— Кем вы работали? — спрашивает он меня очень вежливо, как бы пренебрегая моим арестантским видом.

— Был преподавателем в институтах.

— А за что вы сидели?

— Ну, статья называется «антисоветская агитация и пропаганда», — отвечаю я.

— Надо быть дураком, чтобы говорить правду, — грубо вмешивается в наш разговор одна женщина. Позже я узнал, что та женщина — жена моего начальника-армянина и работает учительницей в школе.

Попали дети в «правильные» или «неправильные» руки — вопрос очень сложный. Я не раз задумывался над проблемой воспитания детей при тоталитарном режиме. Воспитаешь честными — они хлебнут много горя, воспитаешь нечестными — подлость не знает предела, и сам можешь оказаться ее жертвой от своих же детей.

Когда ушла жена моего начальника-армянина, он продолжил разговор со своим коллегой-мужчиной.

— Приехал я в коми деревню, — рассказывал седой армянин. — Выхожу из машины и смотрю по сторонам. Мне нужна была или столовая, или магазин, или что-то в этом роде. Слышу, кто-то зовет:

— Дядя, дядя, иди к нам.

Смотрю: стоит мальчик возле дома, лет 5-6, не больше, и зовет меня.

— А что мне у вас делать? — спрашиваю я мальчика.

— Чайку попьешь и мамку по..., — отвечает мальчик...

Получив бумажку-направление на работу, я ушел из конторы.

База СМП — место моей работы. Постепенно вытягиваюсь в работу и знакомлюсь с городком.

От общежития до базы километра 3. Пересекаю маленький, сонный Микунь дважды в день.

Грузчиков на базе 10 человек: 3 мужика и 7 женщин. Женщины делают работу тоже тяжелую, но почище, а мы, мужчины, в основном заняты разгрузкой цемента, извести и стекловаты. Цемент забивает легкие, пыль извести обжигает глаза и дыхательные пути, а после разгрузки стекловаты колет тебя во всех местах.

Мужики — Федор Васильевич, Коля и я. Федору Васильевичу лет за 60. Он часто болел. Вкалывали мы с Колей. Коля — мой боевой командир. Он совершенно не щадил себя в работе, а я за это позволял ему командовать мной. Мне становилось жутко, когда Коля лез в люк вагона с рассыпным цементом. Там стояла густая пыль, а Коля был без респиратора. К тому же, если бы цемент неожиданно отвалился от стен вагона, Коля непременно утонул бы в цементе.

Разгружаем специальный вагон-цементовоз. На разгрузку вагона дается 2 часа, поэтому выгружаем цемент прямо на землю, чтобы не задерживать вагон на базе. Но когда порожний вагон стали толкать, он сошел с рельс. Я удивился тому, что это случилось на мягком, растекающемся цементе. Теперь уже наверняка наше СМП будет платить штраф железной дороге за простой вагона на базе.

Цемент портится от влаги. Мы затариваем цемент в бумажные мешки и относим их на склад. В конце нашей работы остается на земле много испорченного цемента. Я говорю Коле:

— Как жалко! Сколько цемента пропало?!

— Чего тебе жалко? Не бойся — платить нам за него не придется! Это еще ерунда. А вот осенью пригнали цистерну солярки. Выливать ее некуда. Бегу к начальнику и спрашиваю, что делать. А он мне говорит: «Вылей на землю, только смотри, чтобы никто не видел». Так я и сделал. А это — ерунда! Спишется, — говорит Коля.

Обедали на базе в комнате отдыха для грузчиков. Каждый ест то, что принес с собой. Столовая далеко.

От женщин я держусь подальше. Они видят, что я из тюрьмы, и разговора со мной не заводят.

Однажды я обращаюсь: «Федор Васильевич, вы...»

— Ха-ха-ха! — смеются женщины. — Что он — начальник, что ли? — спрашивает одна из женщин насмешливо. — Только начальников так называют.

— Он старший по возрасту, — говорю я.

— Он такой же грузчик, как и ты, поэтому «Федька» да и все, — говорят женщины.

Женщины поели и занимаются болтовней.

— Дохтуры врут. Их не всегда надо слушать, — говорит молодая женщина Тася. — Дохтуры говорят, что перед родами нельзя давать мужикам. А я репила дать, чтоб мой мужик не бегал по бабам. Это было за несколько дней до родов, и роды были очень легкие...

НА КОМПРЕССОРНОЙ СТАНЦИИ (КС-12)

Проработав более двух месяцев грузчиком, я решил бежать от цемента и стекловаты.

Февраль 1970 года. Иду на КС-12. Рабочие КС живут в одноэтажных общежитиях, которые называются 6-квартирными домами, и в вагончиках в «городке строителей». В «городке» всего 8 таких домиков, 2 вагончика и один большой склад. Один домик занимает контора, другой — столовая, в остальных живут рабочие и начальники. Воды в домах нет. Ее для питья и умывания надо носить ведром из крана, который возле столовой. Баня — в городе. До нее 2-3 километра.

Этот городок принадлежал генеральному подрядчику строительства КС-12 — СМУ-2 треста ГАЗ-ПРОМСТРОЙ. Остальные организации, участвующие

в строительстве КС, имеют подобные городки поменьше.

Позже я достаточно хорошо изучил жильцов городка СМУ-2. Подавляющее большинство рабочих — приезжие из Москвы, Ленинграда и других крупных городов, а также демобилизованные солдаты. Очень мало местных. Были там и «химики», и условно-досрочно освобожденные заключенные (УДО).

Все рабочие городка жили там без семей. Оставив свои семьи, они приехали на заработки. У меня сложилось впечатление, что у большинства из них семейная жизнь была разлажена еще до их приезда на стройку. Они много пили и пользовались дешевыми женщинами.

Например, бригадир СУ-16 Косоглазов и его друг Костя-электросварщик, оба ленинградцы и друзья, привели на ночь одну бабу на двоих в маленькую комнатушку. «Поддали хорошенько»... (т. е. много выпили).

Через несколько дней Косоглазов рассказывает:

— Вот, ребята, потеха-то какая! Костя завалился с бабой, а я по пьянке уснул. Просыпаюсь... Светики! Прямо на меня смотрит мохнатая, живая п....! Я оттолкнул Костю и за дело. Но потеха не в этом, братцы. Костя на ней триппер схватил, а я нет. Вот в чем чудо! Теперь Костя ходит колоться, а мне не надо!

Пьянки с женщинами в строительном городке были обычным явлением. Зимой 70-71 года прямо в середине городка сгорел вагончик и в нем насмерть два «химика».

От городка строителей до КС полтора-два километра. Туда проложили лежневую дорогу из города, чтобы доставлять груз от железной дороги. Но на строительной площадке КС и при подъезде к ней затонуло несколько слоев лежневки. Только в сильные морозы сухо на КС, а чуть потеплело — размесивается

грязь тракторами. Весной, летом и осенью по строительной площадке КС могут продвигаться только трактора-болотники, имеющие особо широкие гусеницы. В это время рабочие ходят в болотных сапогах, но и в них не везде пройдешь.

На строительство этого объекта — сердца газопровода — я был принят слесарем-монтажником 3-го разряда СУ-16 треста «Газпромстрой». Мой начальник — Юрий Борисович Дударов, впоследствии прославленный строитель газопроводов в Микуни и Ярославле. О нем писала газета «Социалистическая индустрия».

КАРЬЕРА ДУДАРОВА

Молодой, красивый осетин Юра Дударов имел не менее красивую жену в городе Ухта. Я многократно видел ее. Она, Дина, одевалась всегда хорошо и со вкусом — на мой взгляд. Правда, ее сослуживцы говорили, что она страдает kleptomанией, любила «проверить» чужие сумочки.

Юра Дударов работал газорезчиком в СУ-4 в гор. Ухте, имел 8 классов образования. Не знаю, на какой почве они сошлись, но начальник СУ-16 Владимир Александрович Житенев и главный инженер Ян Янович Агеев взяли Дударова на должность мастера и отправили в Микунь создавать участок СУ-16 (монтаж металлоконструкций).

В январе 1970 года Дударов прибывает в Микунь. Он поселился в арендованном частном доме, колот дрова, топил печь, готовил еду и ходил на КС. Жил бедно и много трудился. Рабочих у него было 4-5 человек, т. е. неполная бригада, но и она ничего не делала. Рабочие не знали, что делать, а Дударов не знал, с чего начать. Поэтому основная задача Дударова сводилась к тому, чтобы принять должным образом Яна

Яновича Агеева или Житенева, которые приезжали к нему: накормить, напоить их, выслушать их наставления и доставать инструменты и материалы к предстоящей работе. Дударов сам говорил мне о своих рабочих: «Ничего не делают, а кормить-то их надо».

Но к лету 1970 года Дударов был уже начальником участка, т. е. относился к номенклатуре треста и, формально, не мог быть уволен без согласия треста. Подчиненными Дударова были прораб с высшим образованием Василий Федорович Смирнов, специалист высшего класса по монтажным работам, и мастер-геодезист. А в бригаде было уже человек 20. И дом побольше был арендован СУ-16 для жилья Дударова, и слуга-домовод у него был. Этот слуга-домовод Володя Арутюнян был портным, шил Дударову брюки и костюмы и прекрасно готовил пищу. Однажды в вагоне-ресторане поезда управляющий трестом «Газпромстрой» Василий Данилов хвалил закуску у Дударова, а его застольник поинтересовался, кто готовил. Данилов ответил: «Готовил один парень, который работает слесарем у Дударова». Но на самом деле Арутюнян был только оформлен слесарем и получал зарплату. И любовница молодая была у Дударова — Ольга Чечина из горкома комсомола Микуня — известная потаскуха, но повыше ценой.

А В. Ф. Смирнов в это время трудился по 16 часов в день и спал рядом со мной в комнате в «городке строителей».

В чем секрет карьеры Дударова? Во-первых, я думаю, раболепие перед начальством, постоянная озабоченность — чем бы угодить. Но угодничество свое Дударов умел показать в достойной форме. Ведь начальству тоже не нравятся скользкие заискивающие типы. Дударов же всегда выслушивал начальственные наставления хмуро и внимательно, соглашаясь с достойным видом. Если скользкого заискивающего типа опасно использовать, то Дударов своим серьезным

видом мог внушить, что на него можно делать серьезную ставку.

Во-вторых, Дударов был умным жуликом. Он мог договориться об обмене, например, одних металлоконструкций на другие или просто украсть то, что ему нужно; знал, кому из своих рабочих нужно подсказать или намекнуть.

В-третьих, он мог стать «своим парнем», где ему нужно. Прежде всего он заслужил доверие тех, кто вывел его в люди: Житенева и Агеева. Они позволили ему взять «мертвых душ»², зарплату которых Дударов тратил на них и «на дело».

Потом Дударов «умаслил» главного бухгалтера СУ-16 Роговского, старшего бухгалтера Дину Николаевну и всю бухгалтерию, включая кассира. Он приносил в бухгалтерию то ящик яиц, то ящик апельсинов и говорил: «Девочки, это вам!» — и уходил, не взяв даже денег за столь дефицитные продукты. «Девочки» делили дармовое добро и не знали, как благодарить Дударова, а ему нужно было только доверие «девочек», когда ему вручали ведомость и деньги на выдачу зарплаты бригаде. Я точно знаю, что в то время, когда погиб слесарь-монтажник Костя Лопанцев (лето 1970 года), было в бригаде две «мертвых души» из Княж-Погоста, рабочие 5-го и 6-го разрядов, деньги за которых (рублей 800 в месяц) Дударов клал в свой карман.

Когда это дело стало известно Прокуратуре Коми АССР, Дударов переехал в Ярославль. Его вызывали в нарсуд Усть-Вымьского района (с. Айкино), но ему помог откупиться Сухарев, коми, имевший влиятельные родственные связи.

И в Ярославле Дударов пошел в гору: был начальником крупного строительного участка, о нем писали в газете «Социалистическая индустрия» похвальные статьи... Значит, дело не в везении Дударова в 1970 году, а просто были вовремя и верно подмече-

ны его ценные для условий развитого социализма качества хозяйственного руководителя.

КАТЮША

Житенев и Агеев были славные ребята, хотя ко мне они относились плохо. Ведь они «вывели в люди» не только Дударова, но и Катюшу Потапову, девушку с восьмиклассным образованием. Она была принята в СУ-16 машинисткой. Умела или нет она печатать — я не знаю. Но занятие ей нашлось: ею стал пользоваться начальник Житенев, потом передал ее главному инженеру Агееву, а когда и ему она надоела, перевели «в запас» для старперов*, приезжавших в Ухту «из центра».

Катюша облегчала им тяжкий труд по ревизии состояния дел в Ухте и Микуни, за что была отмечена переводом на должность инженера ПТО (производственно-технического отдела) СУ-16.

СТАРПЕРЫ

Север, стройки газопроводов — не только место ссылки. Там работают и заключенные, и «химики». Все это верно.

Новостройки — не только возможность сделать карьеру, получить квартиру, заработать большие деньги. Там и старперам не плохо.

Например, незадолго до моего приезда в Микунь туда в 1969 году нагрянуло начальство из центра для ознакомления с началом строительства КС-12. Чтобы не переутомились приезжие авторитетные гости, им

* Слово «старпер» не я придумал. Это — народное сокращение от «старый пердун».

устроили «культурный отдых» на реке Вычегде, на барже, где было все для гостей: выпивка, закуска и молоденькие девки. Но один престарелый гость выразил организатору «культурного отдыха» Балухте недовольство девкой. Он сказал, что хотел бы иметь женщину постарше. Балухта бросился к девке расспрашивать, чем она обидела гостя, а девка заявила: «Зачем он мне нужен — не е..т, а только воняет». Это стало крылатым выражением.

Спрашивается, откуда берутся деньги на кутежи и прочие умасливания приезжих из центра ревизоров?

Ответ простой: из государственного кармана. Закрываются³ фиктивные наряды на подставное лицо или находят человека с трудовой книжкой на руках* и оформляют его на работу. За это хозяин трудовой книжки, «мертвая душа», получает незначительную мзду, а деньги, которые он будто бы заработал, идут в карман начальника.

Вот, например, как это делается на уровне главка, т. е. следующего подразделения после министерства.

ЧЕРНАЯ КАССА

В главке «Главгазстрой» в городе Ухта Коми АССР хорошо знают, что и в главке, и в тресте можно добыть средства за счет «мертвых душ», но... Во-первых, возможные для «мертвых душ» должностные единицы всегда оказываются занятыми чьими-то родичами, полезными людьми или девкой какого-нибудь начальника повыше. Во-вторых, такие «мертвые души» за счет должностных единиц штатного расписания всегда слишком заметны. Поэтому легче всего

* Трудовые книжки всех работников, кроме заключенных, хранятся в отделе кадров, но хозяин может взять ее на несколько дней под расписку.

средства (деньги) добывать через первичные строительные организации — через стройуправления, за счет оформления «мертвых душ» на рабочие специальности. И это знают в главке. И вот, с легкой руки начальника главка в Ухте Радченко, была образована, примерно в 1970 году, «черная касса» главка. Радченко вызывал к себе по одному начальников стройуправлений и говорил им примерно следующее: «Вы, мол, Иван Иванович, знаете, что гостей приезжает немало, всех их надо принять должным образом — угощать и т. д. Мне, конечно, отпускаются средства на эти цели, но их слишком мало. Я бы хотел, чтобы вы помогли...»

Известно, что в стране Советов, где есть морально-политическое единство, никто не возмущается, не бунтует и не саботирует мероприятие, если оно предложено начальником. Так было и при Радченко. Более того, «черная касса» просуществовала и после свержения Радченко, т. е. при Андрееве, Васильеве и «Ильиче» — Владимире Ильиче Мирошниченко (в 1979 году он оставался у власти). Черной кассой до 1977 года распоряжалась тройка: начальник главка, парторг и начальник ОТиЗА (отдел труда и зарплаты).

Начальник ОТиЗА, Петр Иванович Романенко, ездил собирать деньги по стройуправлениям (до 1977 года, пока работал в главке), парторг Артаев помогал ему потом эти деньги сосчитать. Ну а тратили, конечно, все трое, причем знали, на кого и с кем.

Впервые я увидел Радченко весной 1970 года, когда передовиков производства, работавших на КС-12, привезли в Ухту на вертолете. Потом нас посадили на легковые машины, и мы с шиком подъехали к главку, где нас принял Радченко, начальник строительного главка. Нас пригласили в приемную комнату, которая была заставлена длинным рядом столов буквой «Г». На столах стояли коньяки, фрукты и конфеты. Радченко произнес краткую приветственную речь и предложил тост за строителей КС. Казалось, что Радченко

утомлен приемами и спешит покинуть нас, что он и сделал вскоре, предоставив нам хозяйничать за столом. Но его мягкие манеры, интеллигентный вид и краткая речь оставили у меня приятное впечатление о нем. Мне показалось, что он вовсе не украинец, а еврей или полукровка.

Когда его сняли, то в материалах его обвинения фигурировало и то, что он злоупотреблял своей властью, и то, что он разложился в быту и т. п. В качестве «бытового разложения» фигурировало то, что он использовал вертолеты для охоты: к вертолету цепляли вагончик и оставляли его в тайге. Мужчины охотились, а девки готовили стол. Потом начинались таежные оргии.

Конечно, все это было. Даже больше того, что сказано в материалах. Например, не упоминается крупнейшая афера — «черная касса». Зачем было упоминать, когда «черная касса» главка, с молчаливого согласия горкома партии, надолго пережила Радченко. Все, что было указано в материалах обвинения Радченко, это — «для народа», то есть не потому его сняли, что что-то выявилось, а сняли совсем по другим причинам.

В самом деле, городок Ухта — маленький. Главк — один. Все, что делал Радченко, делалось под носом и с ведома горкома партии. Безусловно, алчные горкомовцы пользовались средствами главка. Все это так, а все же — сняли...

Возможно, его сняли из-за личной вражды или соперничества группировок. Коми Обком партии был заинтересован протолкнуть своего коми Васильева, который был связан родственными отношениями с коми в Обкоме. Но были слухи, что это дело рук Янушевского, начальника главка в Москве, которому будто бы Радченко не дал хода в Ухте, где молодой и талантливый Янушевский был начальником стройуправления.

В 1977 году Радченко обитал в Воркуте, откуда некогда поднялся в ухтинский главк.

Еще несколько слов о «черной кассе» главка. Весной 1977 года я имел частную беседу с замом начальника Комигазпрома, членом горкома партии, бывшим работником Обкома профсоюза работников газовой промышленности Воронковым. Этот деятель оправдывает «черную кассу». Он считает, что принимать и угощать высоких гостей необходимо и, разумеется, нужны средства. Он даже загнал меня в угол вопросом: «Ну где бы вы взяли денег на это? Что бы вы делали?» Я тогда хотел возразить: разве они не получают зарплату, разве им не платят командировочные, почему их обязательно надо угощать, но меня интересовали доводы Воронкова, и я промолчал. Культ начальства и кража государственных ценностей, оказывается, вполне совместимы. Прославлять партию громче, запускать руки в карман государства глубже — «моральный кодекс строителей коммунизма».

ДЕМЧЕНКО

В строительстве КС-12 в Микуни участвовало, разумеется, множество организаций. Однажды появилась возможность устроиться лучше, и я пошел к начальнику СМУ-2 треста Газпромстрой Владимиру Александровичу Тertyшному. Он принял меня на должность экономиста в плановый отдел. Но приехал из Ухты начальник планового отдела треста «Газпромстрой» Демченко и выразил недовольство Тertyшному за то, что он принял меня в плановый отдел без его, Демченко, согласия. Основным аргументом Демченко было: «Мы имеем дело с цифрами, а их не всякому можно доверять». Действительно, было чего опасаться: цифры-то все были липовые⁴. Их можно было доверять только коммунистам, как Демченко,

которых не интересуют социальные последствия пустозвонства, демагогии и очковтирательства, ставших стилем их работы.

На строительстве КС-12 шла в то время штурмовщина под лозунгом — «Даешь КС-12!». Все приезжие начальники ничем существенно не могли помочь в строительстве, поэтому подгонять работающих стало их основной обязанностью. Результаты этого были существенны: фундаментные блоки КС укладывались без цементного раствора, на глине, проводили штукатурку мерзлых стен ГРС (газораспределительной станции), и когда потеплело, вся штукатурка обрушилась, трубы укладывались в землю с изоляцией на скорую руку и т. п. Однажды при встрече с Демченко (я с ним тогда часто встречался) я спросил его: «Зачем эта штурмовщина, ведь идет брак, и это дорого обойдется строительству?» Демченко ответил, что все это очень быстро окупится, и стал приводить цифры, как от продажи газа за рубеж можно быстро вернуть затраты. Я сказал, что газ имеет ограниченный запас и в будущем, возможно, будет представлять еще большую ценность, а «ваши расчеты построены на том, что он дармовой». Он ответил мне, что газа *на наш век* хватит.

После этого меня перевели мастером над «химиками». Мы делали бетон.

ДАНИЛОВ

В начале 1971 года, когда я работал мастером «химиков», со мной захотел поговорить управляющий треста Газпромстрой Василий Данилов. Он пригласил меня в кабинет начальника Управления, где мы говорили наедине. Данилов спросил меня, за что я сидел, с чем был несогласен. Я сказал ему, что был против политики партии, в частности, экономической. Тогда

Данилов сказал: «Экономика наша — это дебри, и бесполезно искать здесь какую-нибудь закономерность. Надо лавировать постоянно!» Далее Данилов говорил, что он сидел при Сталине, что надо вести себя применительно к обстановке.

Впоследствии на строительстве КС-12 раскрыли «дело студентов», которым долго занимался ОБХСС⁵. Но «погорели» мелкие сошки: прораб Кадыр Алиев получил 6 лет лагерей, и еще кто-то пострадал за взятки от командира студенческого отряда Суслова и других, работавших на КС-12 в 1970-1971 годах. Но ведь всем этим делом со взятками заправлял сам Данилов. Помню его устные распоряжения в СМУ-2 (генподрядчик): закрыть наряды за первый месяц по 10 рублей *на день* по списочному составу студентов, а во второй месяц — по 20 рублей. Причем он лично запретил проверять списочный состав работающих на КС-12 студентов. Было известно, что по списку числится 300 студентов, но часть их работала в других организациях г. Микуни. Когда Данилов дал распоряжение закрыть наряды по 10 рублей на день «прямого» заработка (без райкоэффициента и премии) на 300 студентов, то нелегко было набрать в нарядах объем работы на 70-80 тысяч рублей. Но когда на следующий месяц он же дал распоряжение закрыть наряды по 20 рублей, началась паника среди мастеров и нормировщиков⁶, но потом все разрешилось прекрасно: по распоряжению Данилова в нарядах стали писать «корчевку пней на территории КС», т. е. то, что давным-давно было сделано, в гораздо меньшем объеме, чем теперь фигурировало в нарядах.

Помню, как В. Данилов тогда обласкал прораба Кадыра Алиева, который не знал даже того, что соль в бетоне увеличивает коррозию стали. Никчемный организатор и безграмотный прораб, Алиев был предметом постоянных насмешек студентов.

Но Данилов знал, что этот дурак — его находка. Он пригодился Данилову для преступного добывания денег, для получения взяток от студенческих командиров.

А Данилов остался чист — его вина не доказана. В. Данилов придерживался «волевого стиля руководства» и к тому же был достаточно хитер: он не писал ни одной записочки, ни одного распоряжения о незаконных мероприятиях, а отдавал распоряжения устно и проверял их исполнение лично. «Студенческий бизнес» — дать заработать студентам на каторжном труде, дать нажиться их руководителям и самим хозяйственным руководителям погреть руки на этом деле — стал всесоюзным явлением. Поэтому в руководство ССО (студенческий строительный отряд) ринулись преподаватели вузов, которые обнаружили незаурядные способности по части мошенничества и превратились в кадровых руководителей ССО от различных вузов страны. А местные партийные и государственные органы не заинтересованы разоблачать преподавателей-мошенников, поскольку ССО не столь хозяйственное, сколь — политическое мероприятие. Подобно тому, как кукуруза при Хрущеве была «политической культурой»*. Но все же ОБХСС вынужден был время от времени разбираться с зарвавшимися дипломированными мошенниками.

Я слышал еще о нескольких «студенческих делах» в разных районах страны, что подтверждает изложенное мною.

* Бывший со мною в лагере № 7 (в Мордовии) политзаключенный Иван Станислав рассказывал, что когда он приехал в Калининскую область во времена Хрущева, то кукуруза там росла плохо. На вопрос Ивана, зачем же они сажают кукурузу, если она всегда здесь растет плохо, директор совхоза ответил: «Это же политическая культура».

Летом 1972 г. в поселок Вуктыл Коми АССР прибыл из Кировограда Владимир Ильич Мирошниченко* — на должность управляющего трестом Вуктылгазстрой. Мирошниченко вызвал нескольких своих людей, которые заняли руководящие должности в тресте, а те — своих, а те тоже своих, ну и т. д. И Вуктыл в результате наводнили кировоградцы. В СУ-18, где я тогда работал, попала некая Иванова из кировоградцев, женщина лет пятидесяти, которая носила золотые перстни, кольца и серьги и была торговым работником в Кировограде. Ее приняли в СУ-18 прорабом участка подготовки производства с окладом 170 рублей. Что она делала? Была подручной главного диспетчера — существовала такая никчемная в тех условиях должность — и переписывала начисто сводки о ходе строительных работ: на каком участке какие нужны механизмы, сколько уложено бетона, какие смонтированы металлоконструкции и прочая мура⁷.

«Блат выше Совнаркома» — говорили еще при Сталине. Не характеризует ли это основную линию кадровой политики КПСС?

Потом Мирошниченко стал замом начальника главка, а в 1976 году начальником главка в Ухте. Осенью 1975 года, когда он был замом начальника главка, я встречал его в Усинске. Он не пользовался авторитетом, но производил впечатление человека трудолюбивого и упорного. В кирзовых сапогах и плаще он бродил по глубокой грязи на строительстве «головных сооружений» и устраивал планерки в вагончикеканторке с начальниками участков стройки.

* То ли это была шутка, то ли правда, но ходила молва, будто кто-то обратился к Мирошниченко: — Скажите, пожалуйста, как к вам лучше обращаться, «Владимир Ильич» или «товарищ Мирошниченко»? — «Зовите меня просто 'Ильич'», — ответил он.

Когда Радченко стал начальником главка в Ухте (до 1969 года), то он потянул из Воркуты своих людей. Так попал из Воркуты в Ухту Петр Иванович Романенко, который занял пост начальника ОТиЗа главка. Он слыл докой по части денежных махинаций и не только подал идею Радченко о создании «черной кассы», но и стал ее душой. Это был не просто аморальный тип, но человек, который откровенно презирал честность и похвалялся своим искусством подлости. Ему принадлежало крылатое изречение: «Нет неподкупного человека, любого можно купить, только надо знать, кого за что». Это он повторял как свое открытие, как свое глубокое знание людей.

Он настолько пришелся по душе партийному руководству главка, что стал членом парткома и немало пережил Радченко в главке. Он наживался на «черной кассе» и от работы студентов на строительстве гаража, который потом продал, и от многого другого. Но допустил просчет и погорел «на бабе».

Романенко привык «пользоваться» своими сотрудниками, а потом избавляться от них, эта же не давалась и не увольнялась, хотя сперва любила ему подольстить и подарила хорошие настольные часы. Когда Романенко захотел секс-связи, уперлась насмерть, а ее муж-коммунист, занимавший видную должность, стал жаловаться в горком партии, в редакцию газеты. Романенко не отступал, зарвался. Он забыл, что у него нет твердой опоры, и... «сорвался» с высотного здания главка: был исключен из партбюро и уволен с работы. Но на новой работе (с февраля 1977 года) в НИСе «Комигазпрома» Романенко стал партторгом и правой рукой Владимира Сидоровича Христюка, начальника НИСа (нормативно-исследовательской станции). Для него услужливо освободили место начальника отдела в НИСе («попросили» перей-

ти прежнего начальника Н. Федотова на другую работу), хотя Романенко не знал дела. Для Романенко открылась новая дорога вверх. Номенклатурщики узнают своего «по нюху», да и в горкоме скоро «забыли» о его проделках. Нет, не забыли... Вот доказательство этого.

Летом 1977 года с авантюрным намерением я зашел к корреспонденту газеты «Социалистическая индустрия» по Коми АССР Круковскому (Владислав не то Святославович, не то Станиславович). Сидит в огромном кабинете в помещении редакции газеты «Ухта» коренастый мужичок. Престиж его несомненен по сравнению с работниками местной газеты. Я ему рассказал о моральном облике и преступлениях Петра Романенко. Оказалось, что В. Круковский знал многое из того, что я ему рассказал. Он выразил полную солидарность с моей оценкой Петра Романенко и закончил свои высказывания словами:

— Я уверен, что этот мерзкий Романенко доживает последние дни! Зайдите ко мне через несколько дней.

Потом я видел В. Круковского, ожидающего приема у первого секретаря горкома партии... После того В. Круковский ходил хмурый и наотрез отказался разговаривать со мной. Разоблачение в печати жульничества в верхах, в главке, оказалось под запретом. В горкоме партии решили не трогать Петра Романенко не только в печати, но и вообще, чтобы клубок преступлений не разматывался. В этом-то и проявляется сила организованной преступности, идущей сверху. Потому-то бедный В. Круковский со своим благородным порывом попал впросак. Сам виноват. Корреспонденту общесоюзной газеты следовало бы предвидеть реакцию горкома партии на это дело.

Когда я впервые в 1971 году увидел Валерия Обухова, ему было лет тридцать пять. Он был скромным инженером Отдела снабжения в стройуправлении, или просто «снабженцем». Обухов проявил способности по части доставания дефицитных стройматериалов, а это всегда связано с умением разузнать, договориться, «подмазать» и с умением склонить своего начальника к незаконной добыче средств для «подмазки» (фальшивые наряды, «мертвые души» и т. д.).

«Интересы производства» для советского начальства — демагогия, «интересы народа» — тем более. Только в Политбюро, возможно, вопрос об «интересах производства» рассматривается серьезно в связи с разложением трудовой дисциплины и упадком производительности труда в стране. На местах же основная забота начальства — устроиться получше, обзавестись блатом и жить по принципу: «живем только раз» и «после нас хоть потоп».

Валерий Обухов, не имея высшего образования и толковой специальности, пошел по пути стяжательства. Он делал гипсовые маски и торговал ими через знакомых, но главным его занятием было служить начальству. У него на квартире собиралось высокое начальство «перекинуться в картишки» до утра, выпить, а иногда и побаловаться девочками, добытыми Валерием из среды учительниц школы № 3 в Ухте. В 1978 году к нему закахивал сам начальник главка Васильев.

Примерно в 1976 году Обухов перешел в Отдел снабжения главка, а в 1979 году обменял квартиру в Ухте на Москву, и говорят, что ныне вертится где-то около начальника главка Янушевского по делам снабжения.

СУРГУТ

В 1973-1974 годах Сургут представлял собою довольно бурно развивающийся и значительный по величине город газовиков и нефтяников. Удивительно, что в таком большом городе не было общей гостиницы для приезжих. Все гостиницы были ведомственными, и в них останавливались люди, приехавшие в командировку в данную организацию. А люди, приехавшие в Сургут в поисках работы, ютились и мерзли на пристани, бродили по «частному сектору» в поисках крыши.

Но «их превосходительства» начальники, рангом выше городских (из главка или министерства), останавливались в специально для них арендованных частных домах.

Однажды, в начале марта 1974 года, я зашел к знакомому в трест «Сургуттрубопроводстрой», и он сказал мне: «Опять наш особняк готовят к встрече высокого гостя. Завозят продукты».

Особняк тот представлял собой арендованный частный дом. Там размещался гость, приезжавший из главка или министерства. Ел, пил, спал, принимал управляющих и главных инженеров трестов, начальников строительных управлений. Имелась в том особняке привратница или вахтер — тетья с «коротким языком» — и четверо молоденьких девушек. Тетья не пропускала в особняк посторонних, а девушки готовили пищу, убирали и, по выбору гостя, обслуживали его по ночам. Эти девушки без специального образования числились по разным организациям на инженерных должностях и ходили туда в день полочки⁸.

Я спросил приятеля: «Откуда берутся средства для покрытия расходов, на коньяки и продукты?», но он ответил, что не знает.

Конечно же, эти средства вытягивались из кармана того же богатого государства, которое грабит тру-

дящихся, сводя уровень их жизни к минимуму. Конечно, это было не обычное воровство. Во-первых, кража ли это, если блага воруются с согласия партийных органов без излишних формальностей? Ведь партия — это «ум, честь и совесть нашей эпохи». Если, во-вторых, они — «слуги народа»; если, в-третьих, «все вокруг колхозное и все вокруг мое».

Работал я в Сургуте на заводе железобетонных изделий (ЖБИ) старшим инженером по научной организации труда. Никакой науки в моей работе, конечно, не было и в помине, но штатное расписание должно было быть заполнено, поэтому меня взяли на такую должность. Железобетонные изделия завода предназначались для газонефтяного строительства. Работники заводоуправления были вольнонаемные, а рабочую силу составляли 960 заключенных строгого режима. В планах и отчетах слова «заключенные» не было. Заключенные именовались в документах «контингент второй категории» в отличие от «первой категории» — вольнонаемных. При мне было запланировано довести численность «контингента второй категории» на заводе до 1500 человек. Это могли бы подтвердить все сотрудники отдела труда и зарплаты (ОТиЗ). Например, Герберт — начальник отдела, Щербина — инженер. Завод и лагерь были обнесены общей стеной. Неподалеку от нашего завода находился еще один лагерь заключенных, но я там не был и количества заключенных в нем не знаю. Но то, что они работали на объектах, связанных со строительством газопровода, — несомненно. По Сургуту постоянно курсировали специальные машины с контейнерами для перевозки заключенных.

Меня удивляет наивность тех деятелей на Западе, в частности МОТ, которые запрашивают советские власти: «Не используется ли труд заключенных на строительстве газопроводов?» А как же иначе?

Советская система не отказалась от принудительного труда на «стройках народного хозяйства». Исправительно-трудовые лагеря времен ГУЛага не уничтожались в Советском Союзе никогда. А так называемые «химики», которые составляют четвертую часть всех заключенных, работают среди вольнонаемных, но на самых тяжелых и невыгодных условиях работы, т. к. место работы им назначается принудительно, органами милиции, и они не имеют права отказаться.

Теперь Запад интересуется вопросом: «А не работают ли заключенные на газопроводе «Западная Сибирь — Западная Европа»?» Строительство газопроводов — часть единой системы хозяйства, в котором труд заключенных в лагерях и на «химии» — ее важный и существенный элемент.

УХТА

Не знаю, кто начал создавать Сургут, но первыми строителями Ухты, города газовиков и нефтяников, были заключенные. Об этом хорошо знает Ахметов, директор хлебокомбината в г. Ухте, бывший полковник МВД и начальник лагеря.

Там осело множество бывших заключенных, в том числе Хасан Николаевич (он татарин) и Пернебаев (г. Ухта, ул. Савина, 3, кв. 41).

На окраине Ухты в Озерном при Сталине на кирпичном заводе работали одни зэки. Там Хасан Николаевич попал в глиномесилку и потерял ногу. Пернебаеву повезло освободиться без инвалидности.

Мне хорошо известно, что в Ухте, по крайней мере, до 1979 года работали «химики» на расширении КС-10 (компрессорная станция) и было множество лагерей возле города. В 70-х годах Ухта превратилась в замечательный город — благодаря труду заключенных.

Заклученным и условно-досрочно освобожденным (УДО, «удошникам», но их тоже называют «химиками»), как я сказал, достается самая тяжелая работа на строительстве газопроводов, как и всюду, потому что они не вольны выбирать работу.

Как бы тяжел ни был труд заключенных, какие бы плохие ни были условия содержания заключенных (они получают наихудшие продукты, часто уже портящиеся, гниющие, они не видят никаких фруктов), мне кажется, что в Советском Союзе есть еще более несчастные и обездоленные люди. Это «бичи». Слово «бич» пришло из жаргона моряков и происходит от английского «beach» (берег).

Нельзя не видеть, что смерть Сталина принесла народу облегчение. Вместе с «оттепелью» в СССР бурно разросся новый социальный слой. Представителей этого слоя в народе презрительно называют «ханыгами», «бичами», а на официальном языке — «тунеядцами». Слово «бич» в шутку расшифровывают «бывший интеллигентный человек». И в этом есть доля правды, ибо среди этих бродяг немало довольно образованных людей. Они при желании могли бы найти сносную работу. Но бичи предпочитают переносить суровые тяготы жизни вместо того, чтобы вовремя ходить на работу, отдавать все силы на содержание семьи, терпеть произвол начальства.

Ходят бичи в какой попало одежде, подбирают в парках и скверах пустые бутылки и сдают в приемные пункты, летом спят под кустами, а в холодное время года — в котельнях, в подвалах домов или в колодцах, где проходят отопительные трубы. Случалось, что бичей ловили на колхозном поле, где они раскапывали из-под земли картошку руками. Их били, как бродячих собак, и отпускали, потому что даже милиции трудно

иметь дело с людьми без прописки, без паспорта и у которых, кажется, уже нечего отнимать.

Часто бывали случаи, когда милиционер отпускал бича и говорил ему: «Уезжай из моего района. Еще раз попадешься — плохо тебе будет!» Но карательная система совершенствуется с каждым днем, и она нашла новый способ борьбы с бичами. Об этом хочу рассказать.

Известно, что на нефтяных месторождениях или вблизи них горят огромные факелы. Один такой факел горит, пожалуй, и по сей день в городе Ухте на нефтеперерабатывающем заводе (НПЗ). Огромный факел романтично освещал город ночью, и я любил смотреть на него из окна. Факел выходил из толстой трубы высотой около 20 метров. Под ним было жарко даже в самые сильные морозы. Он был сущим раем для бичей, и ухтинские бичи собирались на ночь под этим факелом. Но милицию это раздражало. Вначале факел хорошенько огородили забором, а когда и это не помогло, то залили всю территорию близ факела какой-то липкой и вонючей смолой. Таким образом, ухтинских бичей вынудили перейти к их традиционным способам ночевки: в колодцах и т. п.

После Ухты меня перевели на газовое месторождение Вуктыл, и там я узнал о том, что советская карательная система усовершенствовалась по борьбе с бичами. На Вуктыле, за рекой Печорой, был лагерь бичей. Им поставили палатки, дали топоры и пилы и заставили работать. Они находились там на положении административно-ссылных. За побег — срок, но уже в обычном лагере для заключенных.

Когда я был на Вуктыле, этот поселок газового строительства насчитывал около 10-15 тысяч жителей. Там жили приехавшие на свои деньги в поисках работы, «вербованные», то есть приехавшие по оргнабору (организованный набор рабочей силы), ссылные по приговору суда, условно-досрочно освобожденные за-

ключенные (УДО и «химики») и, наконец, административно-ссылные — «бичи». Все они работали на газовых объектах или для них.

На Вуктыле имелся маленький аэропорт, где сиделись вертолеты и «кукурузники», то есть двухкрылые АН-2. В районе аэропорта была, в частности, больница, размещенная в нескольких одноэтажных бараках. Эта больница получила широкую известность из-за случая с пропажей тазика.

Дело было зимой. Попал в больницу не в меру разжиревший пациент. Ему сделали операцию по удалению лишнего жира. Удаленный жир медсестра положила в тазик, вынесла на крыльцо ненадолго. Когда же она вернулась, тазика не было! Пришлось заявить в милицию о пропаже больничного инвентаря. Не откладывая дело в долгий ящик, участковый милиционер приступил к поискам тазика. И нашел его у бичей, за рекой Печорой. Никто, конечно, не признался в этой мелкой краже, но когда участковый спросил, где содержимое тазика, то бичи ответили, что уже кончился весь жир. На последнем остатке жира бичи дожаривали картошку.

Меня этот случай не очень удивил тогда. Я на месте бичей тоже не долго бы исследовал, что за жир в тазике.

Этот случай с жиром и бичами, я надеюсь, не очень взволнует читателей в Западной Европе. Они не почувствуют запах жира и картошки, когда будут пользоваться советским газом.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ

1. «Столыпин» — железнодорожный вагон для перевозки заключенных.

2. «Мертвые души» — в данном случае: люди, формально принятые на работу, но фактически не работающие там.

3. Закрывать наряд — когда рабочим дают задание, то заполняют наряд на работу (открывают наряд). Когда работа сделана, то после всех необходимых подписей, наряд считается закрытым — представленными к оплате.

4 Липовыми называются все ложные вещи.

5. ОБХСС — отдел борьбы с хищением социалистической собственности, отдел при управлении милиции.

6. Нормировщик — конторский служащий, который проверяет правильность применения норм времени и расценок в нарядах.

7. Мура — ерунда.

8. Получка — деньги, заработная плата.

Махмет КЕРЕЙ (Махмет Кулмагамбетов) родился в 1930 году, в Казахстане. После окончания средней школы в 1949 году поступил на философский факультет Казахского государственного университета, после окончания которого преподавал марксистскую философию в Чарджоуском пединституте в Туркмении, а затем в медицинском и политехническом институтах в киргизской столице — городе Фрунзе. С 1958 года работал научным сотрудником в Институте философии и права Казахской Академии наук. В 1963 году, по статье 56, ч. I УК Казахской ССР («антисоветская пропаганда и агитация») осужден на семь лет лагерей строгого режима с последующей трехлетней ссылкой. После освобождения из ссылки работал на различных сибирских стройках, в том числе и на строительстве газопроводов в Коми АССР. В 1979 году эмигрировал на Запад. Живет в Мюнхене.

ЗАЩИТИТЬ РОСТИСЛАВА ЕВДОКИМОВА!

22 июля 1982 года в Ленинграде был арестован Ростислав Евдокимов, сын Бориса Дмитриевича Евдокимова, долголетнего узника советских тюрем и психотюрем, погибшего в результате пережитого.

Ростиславу Евдокимову инкриминируют, в частности, его открытое письмо, написанное в 1979 году в связи со смертью отца. Письмо это «Ко всем честным людям земли!» было опубликовано в «Посеве» в конце 1979 года. Отклики на него были в ряде иностранных газет и журналов. В своем письме Ростислав Евдокимов назвал смерть отца — убийством.

Это и было преднамеренное убийство. Отца, заболевшего раком легких, выпустили умирать на «свободе». Через пять месяцев после освобождения он и умер.

После того как письмо Ростислава Евдокимова было направлено им в печать и опубликовано, КГБ взяло Ростислава Евдокимова под надзор, стало устраивать различные провокации. 22 июля он был арестован.

В сентябрьском номере «Посева» за 1982 г., сообщившего об аресте Ростислава Евдокимова, даны его краткие биографические данные. Родился он 29 ноября 1950 г. В 1968 г. окончил среднюю школу, а одновременно музыкальную школу по классу скрипки. В Ленинградском университете занимался историей древней Греции и Рима. В октябре 1971 года был арестован вместе с отцом, но через три дня выпущен за недостатком улик. Тем не менее, несмотря на отличные отметки, из университета был исключен. После исключения работал на разных работах: взрывником в геологических экспедициях, вахтером, разнорабочим.

Ростислав Евдокимов не раз выступал в защиту отца, добивался его освобождения из психотюрьмы.

Ростиславу Евдокимову предъявлено обвинение в «антисоветской агитации и пропаганде». И самое страшное: ему, как и когда-то отцу, угрожает заключение в психотюрьму.

В Ленинграде живет престарелая мать Ростислава.

Сестре Светлане удалось вырваться за границу. Она живет в США. Ей нужно помочь, нужно выступить на защиту брата. Это святая обязанность, долг русской эмиграции, ее организаций, прежде всего Комитета защиты гонимых православных христиан, созданного в США.

В Западной Германии, в Мюнхене, создан и действует Комитет спасения Игоря Огурцова.

В Европе нужен Комитет защиты всех русских православных христиан.

В заключении Владимир Осипов, Леонид Бородин и многие другие. Недавно арестован Валерий Сендеров. Им всем не на кого рассчитывать, кроме русской эмиграции. И долг эмиграции, ее организаций, выступать на защиту наших братьев.

Сейчас нужно помочь Ростиславу Евдокимову, защитить его.

В. Д. Самарин

ИСТОКИ

Татьяна Штейншнайдер

РАЙ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

(Последние годы Е. М. Куприной)

*Такой свободной вольностью дышали,
Что внуки позавидовали б нам.*

О. Берггольц

Куприны вернулись в Россию 1 июня 1937 года. Пожилые люди, уставшие от постоянной нужды, борьбы за существование в чуждом им мире, замкнутости эмигрантской жизни, равнодушия общества к писателю, — они возвращались на родину с надеждой и верой. Они благодарно принимали все знаки внимания. Дочери Ксении, оставшейся в Париже, Елизавета Маврикиевна* писала:**

Москва, 1. 6. 1937 г.

Как только приехали в Негорелое, сразу другая атмосфера — русская речь, много внимания и ласки увидели от советских служащих. В Москве встретили папу представители писательских организаций и много старых друзей по литературе. Но что папу смутило — это множество фотографов, которые щелкали со всех сторон. Он так отвык от такого внимания и интереса к себе. До сих пор не может опомниться от чуда — вчера был в Париже, сегодня в Москве! Как в сказке. Так был потрясен радостью приезда и приема, что первый день не мог говорить.

* Она не любила, чтобы ее называли Елизаветой Морицевной как значилось в документах.

** Все цитаты по книге К. А. Куприной «Куприн — мой отец» (М., «Сов. Россия», 1971), изданной по возвращении ее в СССР.

В прекрасном отеле нам дали целую квартиру с ванной, кормят замечательно, внимательное отношение всех служащих даже трогательно.

Москва, Метрополь, 2. 6. 37.

...Папа молодеет с каждым днем и твердо верит, что быстро окрепнет на родной земле, доволен, что кругом русская речь...

20. 6. 37.

Видишь на фотографии, что мы уже пополнили, что значит жить на Родине! А у папы какое милое и спокойное лицо.

22. 11. 37.

Союз писателей все меры принимает, чтобы у нас как можно скорее была квартира либо в Москве, либо в Ленинграде.

По масштабам рядовых советских граждан, Куприны были обласканы фантастически. Им дали четырехкомнатную квартиру в новом благоустроенном Доме специалистов на Лесном проспекте в Ленинграде, предлагали вернуть дачу в Гатчине или выдать компенсацию 70 000 рублей. Куприны отказались. Переиздание произведений обеспечивало их материально, а членство в Союзе писателей давало многочисленные социальные привилегии.

В письмах к дочери Елизавета Маврикиевна отмечала все хорошее в открывавшейся перед нею жизни.

2. 6. 37.

Пав. Егор., как художник, получает пенсию (П. Е. Щербов, друг Куприных, их сосед по Гатчине).

2. 6. 37.

Были у нас Билибины — приезжали на один день в Москву — оба очень веселые и довольные, сын их учится и отбывает военную службу одновременно.

(Билибин — художник, вернувшийся из эмиграции незадолго до Куприных. К. Куприна пишет, что его пример сильно повлиял на ее отца.)

2. 6. 37.

Много прежних журналистов видели; что меня поражает — они все молоды — многие старше папы, а на вид лет 50, а главное, все бодрые.

Ей хотелось верить, что жизнь в стране изменилась к лучшему: ведь в этом было для нее оправдание отказа от прежних убеждений и разрыва с эмиграцией.

26. 6. 37.

Посылаю тебе его портрет, может быть, дашь во французскую газету, пусть посмотрит французская публика, какое у него милое и счастливое лицо на Родине, и скажи им на основании писем от нас, как все искажают путешественники, нужно быть русским и любящим свою Родину, а главное отрешившимся от прошлого, понимать, что все здесь идет к лучшему и крупными шагами.

5. 7. 37.

Можно было рассчитывать на внимание к папе, как к большому писателю, но он встретил здесь столько любви и нежности к себе, какую могла дать только Родина, он так счастлив, и я за него, что об одном только и печалимся, что не решались сделать это раньше: сколько он мог бы пользы принести своей стране. Сколько лет выброшено псу под хвост! Я думаю, что в таких условиях папа начнет снова писать, он и сейчас говорит, что о Москве старой и о Москве новой он так напишет, что заставит весь мир полюбить ее, как он любит!

1. 6. 37.

...Сегодня нам показывали Москву... Мое сердце порадовалось — сколько за эти годы здесь сделано для народа — морально здесь настроены хорошо, у всех бодрый вид. Я лично, конечно, здесь буду чувствовать себя лучше, чем в эмиграции, где застой полный, — я надеюсь, что смогу быть полезной родине, и это не слова, ты отлично знаешь мою натуру, всегда я мечтала о лучшей жизни для народа — девочкой еще болела душой за него.

С конца ноября 1937 г. в отрывках из писем, приведенных дочерью, говорится только о старых знакомых, а еще через несколько месяцев, когда стало известно, что Куприн смертельно болен, — только о его состоянии. Такое изменение содержания цитат позволяет думать, что происходившее в 1937 году все же не прошло полностью мимо Елизаветы Маврикиевны.

После смерти мужа Елизавета Маврикиевна не захотела оставаться дома. Подружившаяся с ней в последний год жизни Куприна соседка по гатчинской даче А. А. Белоград устроила ее лаборантом фотодиатеки Академии художеств. До войны мало кто успел познакомиться со сдержанной скромной пожилой женщиной, сидевшей в одном из многих вспомогательных отделов. Когда я ее увидела в самом начале войны, то почувствовала вокруг нее атмосферу какой-то отчужденности — то ли от пиетета к памяти ее мужа, то ли от страха перед общением со вчерашней эмигранткой.

Война все изменила. Елизавете Маврикиевне довольно скоро пришлось переселиться в здание Академии: ее квартира была сильно повреждена снарядом. Тогда и проявился ее человеческий талант и пригодилась ее специальность (она была медицинской сестрой, прошла фронт в русско-японскую войну, много врачевала в эмиграции). В здании Академии собралось много народу. Сотрудники переселялись туда, сначала надеясь, что толстые сводчатые стены защитят их от бомбежек, а потом — чтобы избавиться от изнурительных многокилометровых переходов на работу. В страшную блокадную зиму Елизавета Маврикиевна ходила по промерзшим коридорам и кому приносила кипятка (не все могли добраться до титана), кому помогала советом или добрым словом. Когда у меня начался голодный понос, бич ленинградских детей, ее привели к нам. Надежды на выздоровление особой не было, это понимали все, даже я в свои 6 лет. Елизавета Маврикиевна посоветовала заварить чай и сказала, что на другой день нужно бы дать настоящих белых сухарей. Одна из сотрудниц, узнав о нашей беде, возможно, от Елизаветы Маврикиевны, принесла мне два сухаря из своего неприкосновенного запаса.

Многим Е. М. Куприна закрыла глаза в ту зиму, в том числе и художнику Билибину. Сама же она страдала от голода, по-видимому, меньше других. Дополнительный паек Союза писателей спасал от острой дистрофии. Весной 1942 года она сильно ушиблась, попросила маму сделать ей массаж, и мама увидела, что у нее было нормальное тело неистощенного человека.

После эвакуации Академии в феврале 1942 года Елизавета Маврикиевна осталась в составе небольшой группы охраны здания и фондов. Она стала командиром звена гражданской противовоздушной обороны, хранила медицинское снаряжение, обучала своих коллег основам первой помощи. Но главное, к ней обращались все, кому нужна была медицинская помощь. Чаще всего это были трофические язвы, открывавшиеся то тут, то там. И меня она тоже лечила долго, терпеливо. Немного я встречала в жизни медиков, таких участливых к боли пациента.

Опережая физическое восстановление, у блокадников происходило духовное возрождение и обновление. Пережив ужасы блокадной зимы, увидев глаза смерти и грань человеческого озверения, люди инстинктивно потянулись к тому, что составляет светлое начало жизни. Возникло своеобразное блокадное братство, подобное тому, какое бережно хранят в душе бывшие фронтовики и узники сталинских и гитлеровских лагерей. Все, пережившие в Ленинграде всю блокаду, с кем я когда-либо говорила, вспоминали это время тепло и благодарно. Я тоже проникалась этим чувством братства. Его не стерли из памяти все последующие события. Я и теперь считаю блокадные годы не только золотыми годами своего детства, но и самыми счастливыми из всех, прожитых в России.

В Академии, где большинство составляли идеалисты-интеллигенты, нравственная атмосфера была удивительно здоровой. У людей появилась общность,

сплоченность, чувство нужности того, что делаешь. И взаимоотношения стали мягче, душевнее, больше доверяли друг другу, старались помочь.

Помню, летом 1942 г. потребовали список трудоспособных — разбирать деревянные дома на топливо к зиме. Выяснилось, что из сорока с лишним человек трудоспособных всего трое, у остальных гипертония, сердечные и желудочные заболевания, туберкулез, возраст за 60 (дистрофия, естественно, не считалась). Расхохотались: «Все равно все поедем!» И поехали все, даже пожилая женщина, которая с трудом передвигалась с палкой. Работать она, конечно, не могла, но приносила воду, присматривала за детьми.

Ко второй блокадной зиме подготовились основательно. Все, связанные с охраной фондов, поселились в большом подвальном помещении с печью. Там же, в подвале, на некотором расстоянии была вода и туалет. Чтобы не мерзнуть, воду для умывания держали в комнате и на ночь ставили ведро. У десяти женщин были общие обязанности: систематические дежурства, учения, подъемы по сигналу тревоги. У них было общее стремление поддерживать человеческие бытовые условия. И работали они тоже в одной отапливаемой комнате, выходя в свои промерзшие отделы в разных концах огромного здания только при крайней необходимости. Все прожили в Ленинграде предыдущую зиму, потеряли близких, и для большинства соседки по комнате были единственными, кто знал об их каждодневных заботах и тревогах. Они помогали друг другу как могли, всегда подменяли на дежурствах. Если кто-нибудь задерживался в городе, все ждали с нетерпением: бомбежки и обстрелы были жестокие. На новый 1943 год все мамыны сотрудники прислали мне в больницу елочные игрушки.

Елизавета Маврикиевна прожила эту зиму вместе со всеми. Она отказалась поселиться в квартире, которую оборудовала Белогруд себе и своей домработнице:

«Хочу как все. Хочу с товарищами». И товарищи относились к ней особенно тепло: избавляли, как могли, от поездок в Союз писателей, часто приносили воду и подметали пол в день ее дежурства. И она умела помочь. Тактично делилась хлебом, который оставался у нее от дополнительного пайка. Видя, как мама без конца перешивает мои одежки, принесла как-то из дома сверток: «Таниным куклам». Мама отказывалась — большие куски могут и ей пригодиться, — но она настояла, и в капоре из куска обойного плюша и остатков подкладки я прошеголяла чуть не до студенческих лет.

Конечно, в отношениях между людьми были и сложности. Большинство остерегалось Белогруд: единственная партийная, в райком часто ходит, да и только ли в райком... Но для людей, переживших Большой террор, это были мелочи.

А жили в комнате интеллигентные люди с обычными судьбами. У одной муж пропал без вести в застенках, у другой умер в ссылке, у третьей погибли муж и брат, четвертая только перед войной вернулась из ссылки, а муж ее сидел. Судеб остальных я не знаю, но лишь об одной моя мама много лет спустя сказала уверенно, что до войны та жила вполне благополучно, а муж ее умер в блокаду на своей кровати. Многие рассказывали они друг другу в ту зиму. Конечно, и молчали о многом, но при близости, в какой они жили, говорило и молчание. Все они были искренне лояльными советскими людьми, считали свою судьбу обидным недоразумением, касающимся только их лично. Им просто в голову не приходило, что они жертвы порочной системы. А в те дни они чувствовали себя бойцами со страшным врагом человечества — фашизмом, защитниками культуры, значит и гуманизма. А губители культуры — вот они — бьют из дальнобойных орудий по зданиям Ленинграда, гордости русской архитектуры, попали бомбой в здание

Академии. Сотрудники горячо обсуждали, что, попади бомба на 20 метров в сторону, погибла бы уникальная библиотека или музей слепков, и, похоже, не задумывались, что погибли бы сами. А за Невой разрушенный особняк Лавалья, и еще, и еще. Эти стоящие перед глазами образы заслоняли в памяти недавнее прошлое, когда собственные культуртрегеры в мирное время планомерно уничтожали памятники национальной культуры и разбазаривали сокровища Эрмитажа. Уж если Анна Ахматова в те годы писала: «Но мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово», то что спрашивать с рядовых сотрудниц Академии художеств. Они всей душой желали скорой победы, связывая с ней и счастье человечества, и конец собственных бед. Да ведь и выбора у них не было.

Не знаю, когда Елизавета Маврикиевна начала избавляться от иллюзий. В ту зиму она по-настоящему окунулась в жизнь обыкновенных советских интеллигентов, и характерным результатом было то, что я бы назвала самоцензурой. Хорошо помню пересказы разными людьми рассказов Елизаветы Маврикиевны о дочери. Она очень тосковала о Ксении, говорила, что имя это означает «завоевательница дальних земель», охотно рассказывала о ней, показывала фотографии. Но на вопрос, почему дочь не поехала вместе с родителями, отвечала, что та, начинающая киноактриса, незадолго до их отъезда получила большую роль. Это было так важно для карьеры, что она решила остаться на съемки, потом задержалась (может, «вредитель» завелся), а там началась война на Западе. Дочь же пишет, что стала звездой экрана задолго до отъезда родителей и была куда более известна во Франции, чем ее отец (вопрос таксиста: «Уж не отец ли вы знаменитой Кисы Куприной?»).

Жизнь все более налаживалась. Читали все время много — библиотека получала обязательный экземпляр. В ту зиму стали ходить в Филармонию, посе-

щать лекции, доклады. В Академию чаще стали приходиться люди: художники в поисках материалов, бывшие сотрудники и студенты за архивными справками. Научные сотрудники-фронтовики, получив отпуск, приходили посмотреть сданные на хранение архивы, а кто просто посетить *alma mater*, узнать о друзьях и коллегах. После прорыва блокады стали приезжать командировочные. Иногда они читали лекции, всегда восхищались мужеством блокадников, и блокадники начали оглядываться на пережитое. Помню, как гордо и радостно праздновали 240-летие осажденного, но непокоренного города. А жизнь шла своим ходом. Весной в Академии вскопали под огород внутренний Круглый двор, сотрудники переселились в помещения с естественным светом по двое в комнате.

Елизавета Маврикиевна выбрала соседкой Софью Максимовну. Я никогда не слыхала плохого слова об этой женщине. Это она принесла два сухаря, которые спасли мне жизнь в самые тяжелые дни блокады. И в то же время люди, проработавшие с ней бок о бок десятки лет, не знали о ее жизни почти ничего, не знали даже, была ли у нее когда-нибудь своя семья. Была она подозрительна — про человека, вызывавшего ее недоверие, говорила: «Типичный провокатор», — но и сама никого никогда не вызывала на откровенность.

Еще с середины зимы у Елизаветы Маврикиевны стали появляться признаки мании преследования. «Зачем приходит сюда этот человек?» — сначала с недоверием, потом подозрительно, а потом со все более и более нарастающим страхом спрашивала она о каждом появившемся в стенах Академии. Крейсер «Киров», всю войну стоявший на причале напротив Академии, казался ей пунктом для наблюдения специально за ней. Симпатия и дружеское внимание окружающих не могли преодолеть ее страха перед миром. С ней старались поговорить, успокаивали, как умели, — она

замыкалась, избегала товарищей. Благодаря исключительному социальному положению ее смогли дважды поместить в психиатрические клиники. Но улучшения были недолговременны и непрочны, а ужас преследования обступал ее все плотнее. Тревога охватила всех. При встрече спрашивали друг друга, когда видели Елизавету Маврикиевну, что она говорила.

Маме она верила дольше, чем другим: оставляла ей доверенности на получение карточек и денег, отдала остатки своего семейного архива и вещи, которые хотела сохранить для потомства. Возможно, ее привлекала и я: дети были нечасты в блокадном Ленинграде. Она никогда не заигрывала со мной, но всегда была благожелательна и как-то уважительно внимательна. Запомнился ее последний приход к нам. Елизавета Маврикиевна отдала продукты, которые мама за несколько дней до того принесла для нее с другого конца города. Мама недоумевала. Она сказала, что продукты отравлены. Мама долго и терпеливо ее уговаривала. Она сопротивлялась. Наконец мама сказала: «Хорошо, давайте сюда эту крупу, я сварю из нее кашу, и мы все вместе будем ее есть. Не буду же я травить своего ребенка!» Она как будто только теперь заметила меня, смягчилась, что-то сказала. Мама отвернулась к плите, как вдруг Елизавета Маврикиевна с криком кинулась под кровать искать подсматривающего за ней и бросилась из комнаты.

Через несколько дней, 7 июля 1943 года, большинство членов маленького коллектива копались до начала работы на своих грядках. Вдруг раздался крик: «Скорее, Елизавета Маврикиевна повесилась!» Круглый двор мгновенно опустел. Вытащили ее из петли, но откачать не сумели. К уходу из жизни она готовилась тщательно. Убрала комнату, перестирала и перегладила белье. Несмотря на неоднократные напоминания, не взяла к себе письма и фотографии, которые отдала маме в архив на хранение перед уходом

в больницу. А ночевала она одна: Софья Максимовна уехала в город к сестре.

Для траурного митинга открыли Конференц-зал Академии, которым не пользовались с начала войны. Коллеги старались, как могли: заказали гроб, убрали помещение, постелили ковры, достали цветы, были и венки. Однако последней воли покойной исполнить не удалось: не нашлось достаточно людей, чтобы поднять тяжелую надгробную плиту на могиле Куприна. Пришлось хоронить ее рядом. Ослабевшие люди и гроб-то до могилы донести не сумели, вывернули по дороге.

Сразу же после гибели Елизаветы Маврикиевны в Академию нагрянули молодые люди в штатском, увезли тело на вскрытие, опечатали комнату, стали вызывать на допросы еще не оправившихся от потрясения сотрудников. После такой беседы мама мне сказала, что нигде и никому я не должна говорить о случившемся. Не знаю, брали ли подписку о неразглашении. Лояльным советским людям достаточно было сказать, что это могут использовать враги, и никто не «разглашал».

Некоторое время спустя мама передала из архива в Пушкинский дом то, что Елизавета Маврикиевна отдала ей на хранение, и копию акта о вскрытии. Другая копия акта осталась в личном деле. Вещи из комнаты Елизаветы Маврикиевны исчезли как-то незаметно, неизвестно куда.

* * *

Многие годы спустя бывшие коллеги и соседки не раз тепло вспоминали Елизавету Маврикиевну Куприну. Вспоминали ее рассказы. Рассуждали, что могло быть причиной ее болезни и трагической гибели. Схо-

дидлись обычно на том, что «тяжело ей было, не понимала она советской жизни».

Думаю, что главное она поняла. Но приспособиться и привыкнуть жить этой жизнью не смогла — задохнулась.

Апрель 1981, Иерусалим.

ШТЕЙНШНАЙДЕР Татьяна — родилась в 1935 году в Ленинграде. Окончила Ленинградский педагогический институт им. Герцена. В 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию по физиологии зрения. С 1975 г. живет в Израиле.

Литература и время

Борис Парамонов

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ БОРИСА ПАСТЕРНАКА (Заметки о романе «Доктор Живаго»)

I

В книге Ольги Ивинской приведена запись Пастернака на машинописи стихов (17. 11. 56): «...я не всегда был такой, как сейчас, ко времени написания 2-й книги докт. Живаго. Именно в 36 году, когда начались эти страшные процессы (вместо прекращения поры жестокости, как мне в 35 году казалось), все сломилось во мне, и единение с временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал» (Ольга Ивинская. В плену времени. Fayard, 1978. Самиздатский титул: Москва, 1972).

Цитация автографов поэта — не единственное ценное качество этой книги. Главное ее достоинство — в облике самого автора. Мы должны узнать эту женщину, если мы хотим лучше узнать Пастернака. Она сама — не автор, а персонаж — лучший комментарий к его стихам. И то, что мы узнаем в книге о Пастернаке-человеке, без зазора совпадает с обликом его стихов.

Ивинская — не только подруга Пастернака, это его *тема*.

Пастернак писал в автобиографии, что литературоведы охотнее всего женили бы Пушкина на позднейшем пушкиноведении. И добавлял:

«А мне всегда казалось, что я перестал бы понимать Пушкина, если бы допустил, что он нуждается в нашем понимании больше, чем в Наталии Николаевне».

Существует афоризм: для камердинера нет великих людей. Ивинская, конечно, была к Пастернаку ближе любого камердинера. Но величие поэта не умаляется от сообщаемой в книге прозы, наоборот, оно растет постольку, поскольку эта проза способствует нашему пониманию поэзии.

Пастернак говорил на I съезде ССП:

«Поэзия есть проза... голос прозы, проза в действии, а не в пересказе. Поэзия есть язык органического факта, т. е. факта с живыми последствиями. ...Чистая проза в ее первозданной напряженности и есть поэзия».

Из всех этих прозаических фактов, сообщаемых в книге, мне показался самым интересным для характеристики Пастернака-поэта рассказ о том, как однажды в его пиджаке, брошенном на диван, кошка родила котят.

А разве неинтересно, например, узнать, что Пастернака до слез умилял фильм «Матрос Чижик» (по Станюковичу) — довольно-таки слюнявая история о том, как русские матросы спасли негр-тенка? Разве мог бы позволить себе такое «человек со вкусом»? Тут-то мы начинаем понимать, что гений — это меньше всего проблема вкуса. Менее всего гений «культурен».

Часто цитировались слова Пастернака из речи на Парижском конгрессе о том, что поэзия не в небе, а в траве. Стоит процитировать и другое — одно письмо Пастернака, сообщаемое Ивинской:

«...мои читатели и почитатели... не поняли во мне главного: что я «стихов вообще» не люблю, в поэзии, как ее принято понимать, не разбираюсь, что я не судья, не ценитель в этой области... Если вы разделите людей на партийных и беспартийных, мужчин и женщин, мерзавцев и порядочных — это все еще не такие различные категории, не такие противоположности, как отношения между мною и противоположным мне миром, в котором любят, ценят, понимают, смакуют и обсуждают стихи, пишут их и читают... вера в то, что в мире существуют стихи, что к писанию их приводят способности, и прочая, и прочая — знахарство и алхимия».

Думается, что не только высокопоставленные литературные друзья Пастернака, вроде Асеева, отвернулись от него, но он и сам не сильно их обожал. Об этом у Ивинской есть интересная глава под названием «Друзья, родные — милый хлам...» с письмом Пастернака актеру Борису Ливанову. Запьянцовский старик Кузьмич — хозяин дачи Ивинской — и самогонщица Маруся, продукцию которой Пастернак прятал у себя в подвале, были ему ближе, чем коллеги, не потому, что он был «демократ» — этих терминов лучше избегать, — а потому, что он их, Кузьмича и Марусю, не воспринимал как нечто постороннее. Они были для него деталью мира, в котором он жил сам. Естественно, это был мир «природы», а не «культуры». Они его раздражали только тогда, когда в дело вмешивался, по-теперешнему, «маскульт».

В книге Александра Гладкова «Встречи с Пастернаком» рассказана одна замечательная история. В Чистополе, в эвакуации, Пастернак, выйдя на сцену литературного вечера, отказался выступать, сказав, что утром он обидел соседей по коммунальной квартире, накричав на них только за то, что они завели патефон и мешали ему работать; эти люди не виновны в том, что не понимают хорошей музыки, и он, Пастернак, не может простить себе такого снобизма.

Пастернак не любил выделяться, хотел жить в толпе. Он говорил, что не мыслит жизни вне тайны и незаметности, жизни в зеркальном блеске выставочной витрины. В толпе, «на ранних поездах», легче было затеряться. Происходило все это не оттого, что он был демократ, а оттого, что он был интроверт. Он носил мир — в себе. Отсюда — гармония этого, пастернаковского мира.

Читаешь его стихи, смотришь на даты — страшные годы; и думаешь, что не так уж страшны они были, если по-прежнему шел снег, или парила весенняя земля, или гремела гроза. Наивная аберрация: это не снег шел, не гроза гремела, а Пастернак стихи писал. Жизни — вокруг — не было, она сохранялась только в стихах Пастернака. Мир был дан ему на сохранение. Удивительно ли, что, владея таким богатством, он не очень нуждался в общении с людьми.

Нобелевская премия была ему не нужна. Его выставили за зеркальную витрину. Тихо съездить в тихую Швецию и вернуться нельзя было. Нарушили порядок пастернаковского существования. Все его поведение вокруг истории с премией объясняется только одним желанием этот порядок восстановить, вернуться к себе, в себя. Кто-то, в октябре 58-го «разоблачая» Пастернака, рассказал, как в 1945 году его наградили медалью «За доблестный труд в Отечественной войне», а Пастернак за этой медалью не пошел: «Ах, медаль... Я пришло, может быть, сына...» Совершенно то же самое было у него и с Нобелевской премией. Он в ней не нуждался. Он жаждал воли и покоя. Но советская власть была куда шумнее чистопольских соседей.

Конечно, Пастернак хотел напечатать «Доктора Живаго», но «стратегия и тактика» рассчитали бы это действие по-другому. С этой точки зрения была сделана «глупость». Можно назвать также это актом внутренней свободы. Не осуждение (с упомянутой точки зрения) и не восхищение должен вызвать поступок Пастернака — а только признание его невысказанной среди людей естественности.

Пастернак не умел, не мог и не хотел рассчитывать, прикидывать варианты, строить предположения. Все эти умения необхо-

димы жителю земли, но ведь он-то был, по счастливому (впрочем, апокрифическому) выражению тов. Сталина — *небожителем* (см. у Ивинской, стр. 147-147). Нужно сделать очень небольшое усилие, чтобы понять: в этом была не слабость Пастернака, а сила его. Даниил во рву львином. Сделать это усилие и прийти к этому пониманию очень помогает книга Ивинской. И это должно быть ей зачтено.

Раньше мы могли только догадываться об этом. Шкловский писал о нем: «Счастливый человек... Жизнь свою он должен прожить любимым, избалованным и великим». Это верная формула, и о ее верности мы могли судить по стихам Пастернака. Основной, если не единственный, мотив этих стихов — счастье бытия. Кому, казалось бы, могло это помешать? Оказалось — мешало. Оказалось, что та жизнь, которая осталась за его стихами, — жизнь, протекавшая не в природе (ибо природа и стихи Пастернака — одно), а в истории, — эта жизнь не была счастливой. Судьба Пастернака показывает, что пути бытия и истории разошлись. «Распалась связь времен»; эта тема Гамлета стала темой Пастернака.

Советские дезинформаторы винят Пастернака в том, что он уходил от истории. Такие разговоры начались задолго до «Доктора Живаго», еще в двадцатые годы. Корнелий Зелинский называл его «гениальный дачник». Потом эпитет, разумеется, отпал; стали говорить о «взбесившемся обывателе». Да, история настигла его и на «даче». Это и называется тоталитаризм. Обобществлено было всё, «частная жизнь» не задалась. А мы думали, читая его стихи, что она возможна. И это помогало жить.

Высшим счастьем казалось, что человек в 1937, 41, 47-м — оставался жив, как аббат Сийес. И даже получал гонорары за переводы Гёте и Шекспира. И даже жил в собственном доме, ездил в Москву на ранних поездах. Создавалось впечатление, что это вот и есть та жизнь в тайне, вне зеркального блеска витрин, о которой позднее сказал Пастернак.

Все это было не так, и Пастернак недаром переводил Шекспира.

Он не уходил от истории. В «Докторе Живаго» он посмотрел ей в лицо и сказал все, что думает.

Мы узнали у Пастернака, что поэзия — это проза. Но при этом он всю жизнь мечтал о прозе как таковой, о жанре. Говорил Цветаевой, еще до ее эмиграции, о романе «как у Бальзака» — с любовью и героиней. «Детство Люверс» и «Повесть» — очень серьезные прозаические заявки. А к концу 30-х годов относятся те фрагменты, которые уже позволяют говорить о начавшейся работе над «Живаго».

Интересно отметить дату первого появления этих фрагментов в печати — 37-й. Вспомним, что разрыв Пастернака с эпохой очень точно им датирован тридцать шестым годом. Социалистическая реальность подошла вплотную. Надежды исчезли, и, как всегда в таких случаях, пробудились воспоминания.

Реальному образу жизни Пастернак задумал противопоставить образ идеальный, в данном случае — уже ушедший в прошлое. Психологически — прошлое всегда есть резервуар красоты. Пастернак попытался сохранить поэтический образ революции. При этом оказалось, что он попросту вспоминает старый быт. Это были поиски утраченного времени.

Только теперь мы можем понять, что в дореволюционном простонародном быту был стиль. Высокие сапоги, гармошка, самоварные чаепития на Воробьевых горах — под стать масленичным гуляньям и звону московских колоколов. В эту устоявшуюся буколику входило новое — и сразу же обретало приметы быта, знакомые любому пригородному пассажиру:

«С ленивой телесностью, как волос в парикмахерской, на пол падаю жирное серебро стальной стружки. Мимо обширного застекления с поломавшимися стеклами, сотрясая полы и своды, пробежали поезда и паровозы. Но свистков не было слышно, лишь видно было, как отрывались от клапанов петушки белого пара и отлетали в пустое послеобеденное небо» (Проза. 1915—1958. University of Michigan, Ann Arbor, 1968).

Это — описание инструментальных мастерских Казанской железной дороги в отрывке «Тетя Оля». А вот описание тогдашнего быта (Оля учит рабочего Терентьева):

«В закате загорался притвор Спаса в Песках и черепные впадины его звонниц. Заглохший самовар приходилось раздувать. Это почти никогда не удавалось. Его разводили снова.

Подкрадывались сумерки. Оля закрывала книгу. Чай садились пить в надвинувшейся темноте. Только руки, сахарница и что-ни-

будь из закусок озарялись на минуту красноватым вздохом угольков, падавших в решетку самоварного поддувала» (там же).

Создается образ гармонического быта, «паровоз» и «самовар» в нем не противопоставлены, а объединены, и достигается это употреблением слова «поддувало». Ассоциативные связи идут дальше и объединяют церковь Спаса в Песках с революционной книгой.

Марина Цветаева писала, что быт у Пастернака легкий — не оседлый, а в седле. И когда он пишет о революции, подполье у него заменяется сходкой, «маевкой».

«Пустую вырубку окружали голенастые ели и сосны. За ними лиловела голая, еще только что отзимовавшая чаща. Из нее заплывал паровозный дым и тянул ключьями до самой заставы».

Эти отрывки («Надменный нищий», «Уезд в тылу» и др.) печатались как фрагменты из романа о 5-м годе. Реальность Пастернак хотел ограничить поэтической прелюдией к ней. Пятый год — еще не революция; вернее, революция хороша тогда, когда она ничего не меняет в картине осени или зимы. Жизнь продолжается. В поэме «1905» он писал:

Было утро.

Простор

Открывался бежавшим героям.

Отрывок «Уезд в тылу» уже вплотную подводит к «Доктору Живаго». Действие переносится на Урал, но оно передвинуто не только в пространстве, но и во времени — 1916. Сюжет еще не разверстан по лицам так, как это будет в романе, но уже входит основная его тема — тема гибнущего быта (возы с капустой расхватываются горожанами еще не доезжая до рынка). Тут же бытовые реалии передаются в уже неясных нынешнему читателю образах: «На мне были новые, неразношенные сапоги. Когда я нагнулся, чтобы *пересунуть пятку в правое по подбору...*» Подчеркнутые мной слова так же загадочны, как слова Блока из письма к матери, когда он был призван в армию: о присылке сапог *черного товара*.

Мы даже не способны представить себе, сколько реальностей ушло из России с большевистской революцией.

Фрагменты к роману — очень сильная проза. Мне она кажется сильнее основного текста «Доктора Живаго».

Конечно, отрывок в пол-листа легче написать, чем роман в 30 листов. Но дело не в объеме, а в материале, с которым работал Пастернак в том и другом случае. В роман он ввел современность,

начавшуюся вместе с большевистской революцией. Материалом романа стала жизнь, из которой ушла поэзия.

Конфликты этой жизни не могут быть разрешены или «сняты» эстетически.

Оказалось, что в вещи крупного жанра нельзя сохранить иллюзию торжествующей красоты. Большая русская литература XX века должна быть эстетически ущербной. В ней не может быть катарсиса. Угрожаемо не художественное творчество, а само бытие. Поэтому литература должна быть чем-то большим, чем просто литература. Дело идет не о художественных приемах автора, а о том, быть ли ему живу. С какой-то демонской иронией подтвердилась теория Б. М. Эйхенбаума о «литературном бытии».

Слова об эстетической неудаче Пастернака вряд ли удивят русского читателя. Это утверждение стало почти что общим местом. Но на Западе роман имел громадный успех. То и другое требует пояснений.

Успех на Западе объясняется, конечно, не политической сенсационностью — никакой политики в романе нет (Марк Слоним сказал, что Пастернак так же враждебен политике, как Толстой — истории), а, как кажется, элементарными литературными реминисценциями, возникавшими у западного читателя. Он, думается, ощутил в романе «стиль рюсс», что-то вроде «Войны и мира» в постановке Кинга Видора. Поверхностный взгляд увидит в книге много «достоевщины»: страшный русский мужик, топором убивающий семью, непонятно для чего сбежавший от домохозяев Антипов, переименовавший к тому же фамилию и ставший чем-то вроде Великого Инквизитора, курсистка, стреляющая не то в любовника, не то в прокурора. «Трактирные» диалоги героев (это не объясняя, уверенный, что русский читатель помнит того же Достоевского). И те же самые черты романа у русского вызывают обратную реакцию. Ему кажется, что автор не выдержал жанр; в романе отсутствуют психологические мотивировки, и в то же время он как будто реалистичен, причем крепко реалистичен, склоняется к бытописательству. Ничего фантастического, позволяющего обойтись без психологии, как в «Мастере и Маргарите» или, положим, в «Хулио Хуренито», в нем нет. Антипов принимает странное решение, и тут же — великолепное описание зимней ночи, лодок, вытасненных на берег, воинского поезда, идущего мимо дома. Выразительная реалистическая деталь: гимназист, не могущий натянуть фуражку на забинтованную голову, и Стрельников, говорящий рядом о зверях Апокалипсиса. Вечеринка в московском доме, накануне октябрьского перево-

рота, с уткой и спиртом, прерывается вдруг странным монологом хозяина и начинает напоминать Тайную вечерю. Толстой, Чехов приучили нас к другой прозе, у них герои в критической ситуации говорят об «Африке», на сцену являются даже сопли (Пьер Безухов со спасенной на пожаре девочкой). Русская психология оказывается гораздо проще той, что представляет себе западный читатель Достоевского. И почему же Пастернак, автор, у которого даже в стихах «зрели прозы пристальной частицы», как раз в прозе решился на такую как бы ходульность?

При многократном чтении начинаешь понимать, что это нарушение пропорций, перебивка масштабов не составляет порок, а придает *качество* книге Пастернака. Сложность в том, что это качество — не эстетическое, тут мы имеем дело отнюдь не с «приемом». В романе Пастернак велик не как художник, а как человек, решившийся разорвать с эстетикой. Такое решение продиктовала ему *тема* романа.

Люди более или менее эстетически искушенные знают, что тема в искусстве ничего не решает, что она совершенно нейтральна в отношении самого факта искусства. Слово «тема» приводит на ум другое, крайне скомпрометированное слово — «отражение» и различные его «ленинские теории». В борьбе с этими теориями и особенно с перенесением их в эстетику мы в свое время начинали понимать, что подлинное произведение искусства не отражает бытие, а *моделирует* его. Отношение бытия к художественному произведению — отношение макрокосма и микрокосма. Микрокосм так же, как макрокосм, — самодовлеющее, замкнутое в себе бытие, целостность, в нем нет субъект-объектных отношений, нет ничего внеположного, т. е., возвращаясь к прежнему термину, — нет извне заданной темы; не бывает литературы «о».

Такое понимание искусства казалось нам в Советском Союзе верхом как мудрости, так и гражданской смелости; и в каком-то отношении это была не худшая из позиций — там приходилось вести повседневную борьбу за свободу творчества. Такой эстетизм был в сущности не эстетической, а этической позицией, он был аксиологией: требовалось убеждение в самостоятельной ценности искусства. Теперь приходится признать, что особенной доблести в этих убеждениях не было.

Мысль о самодостаточности произведения искусства, об искусстве как моделировании бытия следует связывать исключительно с той ситуацией, которая существовала внутри определенного, ныне изжитого стиля культуры — гуманистического, ренессансного.

Эстетизм — реликт этого стиля, модификация в теории красоты основополагающих этот стиль рационалистических посылок. Определяющее как ренессансную эстетику, так и ренессансную онтологию понятие гармонии — пережиток архаического платонизма. Искусство, стимулировавшее эстетизм, — поистине птолемеевское (термин Николая Федорова, употреблявшийся им в несколько ином значении). Ныне в наш когда-то замкнутый мир ворвались ледяные вихри из космоса, как говорил Бердяев в «Кризисе искусства». В мироздании обнаружилось дыры. Тогда родилось левое искусство, отбросившее прежнее понятие гармонии. Маяковскому такими дырами в небе казались звезды — традиционный предмет поэтического поклонения. Утративший прежнюю гармонию мир распался на ряды внеположных объектов, он отчужден и экстериоризирован. Так же, как эстетическая гармония перестала быть моделью бытия, так и сам человек — и дух его и тело — перестал быть моделью и вечным образом искусства.

Великие художники во все времена не поддавались эстетическому соблазну, потому что они всегда были выше культуры — какой угодно культуры. Их корни бездонно глубоки, они уходят не в космос, а в хаос. (Скажем более сдержанно: за пределы эмпирического бытия.) Поэтому, как неоднократно замечалось, у гениальных художников хромает композиция. Еще бы: у Толстого историософские рассуждения нарушают художественную целостность вещи (давая ей в то же время какой-то новый синтез, ибо в историософии «Войны и мира» — «война» и «мир» уже не противопоставляются, а объединяются, ибо «война», история тоже роятся), а у Шекспира в ритуал дворцовой жизни Эльсинора вторгается мир духов.

Мы вернулись к Пастернаку. Он писал:

О! весь Шекспир, быть может, только в том,
Что запросто болтает с тенью Гамлет!

Пастернак, как известно, искал поэзию в траве, а не на небе. Но в «Докторе Живаго» появились тени.

Это, прежде всего, главные мужские персонажи — сам доктор и Антипов-Стрельников. Правда, их развоплощение происходит по разным причинам.

В романе, наполненном крепкими описаниями крепкого быта, картинами не желающей умирать природы, вдруг появляются эти духи. Происходит резкое нарушение стилистического единства. Это воспринимается как эстетический срыв. На самом деле таким способом автор выражает жизненный конфликт, ставший содержанием романа. Разрушение эстетической ткани должно выразить

крах жизни, быта, культуры. Рушатся культурный и социальный космос. Роман — плач на реках Вавилонских, страсти четырех Евангелий, Апокалипсис нашего времени. Это библейское укрупнение масштабов выводит роман из эстетического ряда, как описанное в нем — из бытия. «Доктор Живаго» — роман конца. Эстетизировать этот конец нельзя.

Ближайшая ассоциация русского читателя — «Двенадцать» Блока: что-то большее искусства, нечто не оценимое эстетически.

Потом уже, как частность, вспоминается статейка Достоевского, описывающая гипотетическую ситуацию: помещение в лиссабонской газете, на следующий день после землетрясения, стихотворения Фета «Шепот, робкое дыханье...» В этом случае, соглашается Достоевский с Добролюбовым, автора нужно бить.

Пастернака же советская власть была за то, что он напомнил ей о ее катастрофической природе — как раз тогда, когда она, после смерти Сталина, надумала стабилизироваться.

Апокалипсис тоже может стать бытом, растянуться во времени. Он может стать нудным, как очередь за колбасой. Может убивать медленно.

Пастернак записал в автобиографии «Люди и положения» слова Андрея Белого: торжество материализма привело к исчезновению материи. Нам, советским читателям, почему-то дали это прочесть («Новый мир», 1965, № 1). Для того, кто вдумался в эти слова, появление «Социализма» Шафаревича уже не было чем-то неожиданным.

Мы теперь, в эмиграции, можем читать спокойно, не поглядывая ни на часы, ни на дверь. И если мы не торопясь перечитаем обе эти книги подряд, мы увидим, что они — об одном и том же. «Доктор Живаго» верифицирует Шафаревича.

А в России мы не могли понять «Доктора Живаго» потому, что, читая книгу, сохраняли уверенность в собственном бытии. Простительная для человека иллюзия. Нужно было ощутить выброшенность из бытия, чтобы понять эту книгу. Эмиграция в этом сильно помогает.

Приоритет эмигрантских комментаторов и исследователей романа несомненен. Очень точно пишет об особенностях «Доктора Живаго» Л. Ржевский, формулируя понятие «стилевого дуализма» у Пастернака: «Внешне этот дуализм, казалось бы, отражает неоднородность авторского поэтического инструментария; со стороны же творчески-композиционной, наличие реалистических стилей объективного повествования и стилей субъективных, «аутных» — есть

как бы выражение основного конфликта романа — конфликта между внутренним миром одной, необычайного богатства, человеческой души и миром ее окружения» (О тайнописи в романе «Доктор Живаго». — «Грани», № 48).

Выведа своего героя из бытового ряда, разорвав его связи с окружающей жизнью, Пастернак дал высокую правду времени, не сводимую к удачам той или иной биографии.

Эренбург писал в своих мемуарах, как он «огорчился», прочитав «Доктора Живаго». Поэту, мол, нечего было писать роман: он слышал, как стучит сердце и растет трава, но не услышал хода истории. У Эренбурга получается, что услышать ход истории это значит угадать победителя и на него поставить. А как быть в том случае, если проиграли — все?

Я ничего не хочу сказать особенно худого об авторе «Хулио Хуренито», ни о Константине Георгиевиче Паустовском. Последнего я вспомнил потому, что параллельно с «Живаго» перечитал его автобиографическую прозу. Сделал это сознательно: материал обеих вещей дает очень сильное совпадение. Тут и старорусский быт, и бегство в природу, и даже фронт первой войны с теми же разоренными местечками. Захотелось посмотреть: чем же отличается великий писатель от просто хорошего?

Просто хороший писатель бежит от трагедии — не от литературного жанра, а от жизненной правды в эпоху, когда трагедия стала бытом. Ему хочется остановить мгновение и сказать, что оно прекрасно. Другими словами, он эстет; но эстетика не открывает ему мир, а заставляет его разными ширмами. Он тратит все силы на то, чтобы не заметить происходящего. Поэзия заменяет ему правду.

А Пастернак всегда оставался верен своим давним словам: «Неумение найти и сказать правду — недостаток, которого никаким умением говорить неправду не покрыть». Великий писатель бесстрашен, он не боится видеть. Различие — в масштабе личности. Мера гения — не талант, а чисто человеческое величие. Талант — условие необходимое, но не достаточное.

Как известно, Юрий Андреевич Живаго Октябрьскую революцию поначалу одобрил. В письме из редакции «Нового мира», отвергавшем роман, это одобрение было расценено чуть ли не как про-

вокация. В лучшем случае — отговорка автора; заплатка на антисоветской ткани романа.

Между тем у Живаго все было очень органично. Это революция оказалась неорганичной. Пастернак не человека судит революцией, а революцию человеком. Очевидно, это и было сочтено антисоветчиной.

Известие об Октябрьской революции застигает доктора на улице.

«Метель хлестала в глаза доктору и покрывала печатные строчки газеты серой и шуршащей снежной крупой. Но это не мешало его чтению. Величие и вековечность минуты потрясли его и не давали опомниться».

Придя домой, Живаго объясняет событие тестю:

«— Главное, что гениально? Если бы кому-нибудь задали задачу создать новый мир, начать новое летоисчисление, он бы обязательно нуждался в том, чтобы ему сперва очистили соответствующее место. Он бы ждал, чтобы сначала кончились старые века, прежде чем он приступит к постройке новых, ему нужно было бы круглое число, красная строка, неисписанная страница».

А тут, нате пожалуйте. Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к ее ходу. Оно начато не с начала, а с середины, без наперед подобранных сроков, в первые подвернувшиеся будни, в самый разгар курсирующих по городу трамваев. Это всего гениальнее. Так неуместно и несвоевременно только самое великое».

Это очень важное у Пастернака определение — обыденщина, будни, отсутствие красной строки. Получается, что революция не столько опровергает будни, сколько входит в их естественное течение. Она превосходит их только размером, скачка, перерыва нет, сохраняется качество бытия.

Понятно, что это характеристика не революции октябрьской, а собственной историософии Пастернака. Революция выступает у него здесь в гармонии истории и природы; собственно, она и есть эта гармония.

Вспомним также, что метель, снег, сопровождающие революцию (как и все крутые сюжетные повороты романа), в мифологии Пастернака, как это доказал Виктор Франк, означают — смерть.

Очень скоро выяснилось — собственно, еще до того, как Живаго читал на улице газету, — что первый результат революции сказался как раз в нарушении естественного течения жизни. Сказано об этом вскользь, потому что намек бывает порой эффективней декларации.

У Живаго болеет маленький сын, а он не может выйти на улицу, чтобы купить лекарство: идет бой, большевики борются за власть.

Намек тут такой: грядущая гармония не стоит страданий ребенка.

Однако мы не должны считать слова о революции, как редакторы «Нового мира», неискренними. У Пастернака с ними слишком многое связано.

В этих словах сказалась инерция его опыта, скорее чем собственный характер революции.

У Пастернака было в жизни откровение — лето 1917 года. Как все знают, эта дата — второе название его гениальной книги «Сестра моя жизнь». Известные слова его об этой книге повторены в «Докторе Живаго»: «И не то, чтоб говорили одни только люди. Сошлись и беседуют звезды и деревья, философствуют ночные цветы и митингуют каменные здания. Что-то евангельское, неправда ли?»

Всем известно отношение Пастернака к Рильке. Преклонение достигало того, что он вел с учителем посмертные разговоры, надо полагать — о самом важном. И о чем же он писал в письме, отправленном покойнику? Да всё о том же:

«Едва ли сумел я, как следует рассказать Вам о тех вечно первых днях всех революций, когда Демулены вскакивают на стол и зажигают прохожих тостом за воздух. Я был им свидетель. Действительность, как побочная дочь, выбежала полудетой из затвора и законной истории противопоставила всю себя, с головы до ног незаконную и бесприданную. Я видел лето на земле, как бы узнавшее себя, естественное и доисторическое, как в откровенье. Я оставил о нем книгу. В ней я выразил все, что можно узнать о революции самого небывалого и неуловимого» (Проза, стр. 345).

Революция персонифицируется в женском образе: нежнейший лик человечности. Причем нет в этом образе никакой аллегорической скульптурности, античных реминисценций, нет «Делакра», он нарочито прост, даже снижен — побочная дочь, бесприданница (хочется добавить — «простоволосая»). Этот образ неоднократно возникает в стихах Пастернака.

Очевидно, это и была «сестра моя жизнь». В революции по эту открылся истинный лик бытия, при этом оказалось, что ничего, так сказать, сверхъестественного не происходит, просто вдруг жизнь обретает гармонию в собственной повседневности. Поэзия становится реальным фактом жизни и не требует больше книг.

Отсюда пошли у Пастернака разговоры о тождественности поэзии и прозы.

Мы должны верить поэтам. Те же видения были у Блока, в зиму 17-18 г. Его стихией была зима, как пастернаковской — лето. В докладе «Крушение гуманизма» он развивал свою любимую мысль о культуре и стихии. Стихия побеждала в революции — и за это, только за это, Блок революцию принимал. И эта стихия поначалу не была враждебной человеку, она несла его на высоты, недостижимые для культуры. В начале революции («всех революций» у Пастернака) падал строй и образ исторически сложившегося бытия, т. е. *культуры*, и открывалось нечто высшее. Чем назвать его? Уж не видением ли рая?

Видимо, остро переживалось выпадение из времени, символизированного историей, открывалась вечность. Выпадение из заведенного не нами порядка — начатого кем и когда? — давало это неземное впечатление. Понималось, видимо, что не «царизм» пал («царизм», «Версаль» — только символы культуры, истории, времени) — а некое изначальное проклятие.

Видимо, в начале всех революций люди заглядывают за грань грехопадения. Иначе бы революции никогда не повторялись. То, что они видят за этой гранью, длится мгновение. Но мгновение, говорил Кьеркегор, — атом вечности, а не времени. Поэты на то и поэты, чтобы это мгновение не забыть, зафиксировать. Но на этой сверхкультурной высоте долго не удержаться, и чем выше подъем, тем глубже падение. Начинается революция в собственном смысле, революция в истории, история революции: война всех против всех. Человек начинает мстить самому себе за то, что не удержал мгновение, что нужно возвращаться в историю, в культуру и вместо явленной во плоти гармонии творить ее символы — ту же культуру. Предел грехопадения оказывается непреодолимым.

Я сейчас не собственную философию революции строил, а пытался всего-навсего извлечь ее философу из синтетических образов наших великих поэтов. Повторяю: их опыту, их интуициям нужно доверять. А философское подтверждение этого опыта можно найти у Розанова, у Шестова. Собственно, на Розанова и опирался в своих теоретизированиях на эту тему Блок.

Лето 1917 года описано Пастернаком не только в стихах, но и в прозе. Это часть пятая романа — «Прощанье со старым» — шедевр прозы Пастернака.

Входя в обстоятельства написанного, понимаешь, что шедевры возникают не потому, что художник отточил мастерство, а по-

тому, что он нечто увидел, ему дано было увидеть, было ему *явление*.

Образ гармонии, реализованной здесь, на земле, является доктору Живаго летом 1917 года в городишке Мелюзееве, в котором он застревает после ранения на фронте. Это здесь философствуют цветы и митингуют здания.

Вот совершенный образ бытия у Пастернака:

«За вороньими гнездами графининога сада показалась чудовищных размеров исчерна багровая луна. Сначала она была похожа на кирпичную паровую мельницу в Зыбушине, а потом пожелтела, как бирючевская железнодорожная водокачка.

А внизу под окном во дворе к запаху ночной красавицы примешивался душистый, как чай с цветком, запах свежего сена. Сюда недавно привели корову, купленную в дальней деревне. Ее вели весь день, она устала, тосковала по оставленному стаду и не брала корма из рук новой хозяйки, к которой еще не привыкла.

— Но-но, не балуй, тпрусеня, я те дам, дьявол, бодаться, — шепотом уламывала ее хозяйка, но корова то сердито мотала головой из стороны в сторону, то, вытянув шею, мычала надрывно и жалобно, а за черными мелюзеевскими сараями мерцали звезды, и от них к корове протягивались нити невидимого сочувствия, словно то были скотные дворы других миров, где ее жалели».

В этом и подобных местах (а их в романе десятки) Пастернак достигает высот большого русского стиля. Это та самая трава, в которой он искал поэзию. Устанавливается непосредственная связь между предельно низким — хлев, корова — и предельно высоким — небо, звезды. Забегая вперед, скажу, что в таких местах дается пастернаковский образ христианства. Евангельская истина для Пастернака — не только в высоте морального правила, но и вот в этих простейших реалиях повседневности. (Так написано стихотворение «Рождественская звезда».) В ряду всех этих чудес — еще одно: провозглашение в округе «Зыбушинской республики», отделившейся от России, во главе с мукомолом Блажейко. Волостное правление Блажейко переименовал в апостолат. Республика опирается на дезертиров из двести двенадцатого пехотного полка.

Не нужно усматривать здесь иронию. Описывается не Зыбушино, а град Китеж, приблизившийся вплотную, — только через лес пройти.

Тут вспоминаются «теплые воды», на которые собирались убежать богучаровские мужики в «Войне и мире».

Летом 1917 года вся Россия побывала на этих теплых водах.

Происходят чудеса: «...небылицы рассказывали про главного помощника Блажейко. Утверждали, будто это глухонемой от рождения, под влиянием вдохновения обретающий дар слова и по истечении озарения его снова теряющий».

Народ в Мелюзее особенно держится за эту весть и яростно оспаривает приезжих агитаторов. Это понятно в городе, в котором разговаривают даже деревья.

В защиту зыбушинского глухонемого выступает и бывшая белая кухарка графини Жабринской Устинья. Она приводит в доказательство на митинге Валаамову ослицу, но не может вспомнить, о чем та говорила.

Все дело портят даже и не большевики, а комиссар Временного правительства Гинц.

Когда Пастернака громили в 58-м году, какой-то эрудит вспомнил его стихотворение «Весенний дождь» со словами «Керенский, ура!». Этого, конечно, было тогда достаточно для того, чтобы приписать Пастернаку сочувствие буржуазному Временному правительству и вообще буржуазной идеологии. Ничто не может быть более неверным.

Фридрих Шлегель говорил: «Лень — это единственный богоподобный фрагмент, завещанный нам раем». В начале революции все — «ленятся», все — «дезертиры», сама революция — дезертирство из культуры. Комиссар Гинц у Пастернака должен свидетельствовать, что миг райского равновесия, достигнутого летом 1917 года, был нарушен со стороны «культуры».

Слушая разглагольствования мальчишки-комиссара (честная, культурная, либеральная, буржуазно-демократическая жвачка), Живаго думает:

«О, как хочется иногда из бездарно-возвышенного, беспросветного человеческого словоговения в кажущееся безмолвие природы, в каторжное беззвучие долгого упорного труда, в бессловесность крепкого сна, истинной музыки и немеющего от полноты души тихого сердечного прикосновения».

Лето 1917 года было так хорошо не потому, что в России были свободы и заговорили люди, а потому, что заговорили деревья. Не политический деспотизм обрушился, а мировой порядок необходимости.

В революции заговорила стихия, а Гинц и прочие агитаторы эту стихию портят. Они не понимают тайного мотива революции —

не из оков данной формы правления вырваться, а из культуры. Мы и не вправе требовать от них этого понимания.

Зато это очень хорошо понимали такие люди, как Василий Розанов, Блок. Понимал и Пастернак. В этом понимании он выступил как самый настоящий *славянофил*, ибо предпочтение природы, стихии культуре — первый признак славянофильства.

Вопрос осложняется тем, что понимать под культурой.

Западник в оппозиции «стихия — культура», установленной Розановым, естественно, выберет второй член. И все получается очень логично, только почему-то при этом забывается, что Розанов — гений.

Вообще это обстоятельство заслуживает самого пристального внимания: среди западников очень много хороших и честных людей, и они готовы принять в свою среду любого, но среди них совершенно немыслим гений. В самом деле, куда они денут Льва Толстого? Того же Розанова? Блока? А теперь выясняется, что и Пастернак такой же.

Бердяев говорил, что гений — дитя стихии, а не культуры, культура же делает из него, дикого зверя, — домашнее животное. (Превосходный пример одомашненного гения — Томас Манн.)

Проблему сильно запутывает сам термин «славянофильство». Ведь в идейном течении, известном под таким названием, главное не в противопоставлении хороших русских нехорошим нерусским, а противопоставление плоскостной культуре религиозной глубины и полноты. В этом смысле иудей Лев Шестов — самый настоящий славянофил.

Славянофильство — отнюдь не только то, что писали Хомяков, Киреевский, Аксаковы и Юрий Самарин. Главными славянофилами в России были не партийные идеологи, а великие писатели. Славянофильство — мировоззрение гениев, индивидуализированных ликов бытия. Та культура, которая отвергалась славянофилами, была (и остается) культурой нивелирующей, культурой *общего смысла*, т. е. рационалистической. Она родила науку — мировоззрение, не индивидуализирующее бытие, а генерализирующее его. О прочих грехах науки говорить сейчас не будем.

Чтобы нерусским не было обидно, напомним, что славянофильство — явление типологически совершенно сходное с немецким романтизмом (да во многом от него и пошедшее): идею *художественной культуры* — в противовес научной — первыми высказали именно романтики. У них же дана апология гения, гениального творчества как истинной модели бытия. Да можно даже и Канта

вспомнить, разводившего науку и гений как раз потому, что науке можно обучить любого.

Была ли ошибка у славянофилов? Да, была. Россия в их построениях стилизована, в ее прошлом виделась осуществленной ее будущая задача. Славянофильство было ретроспективным, а его истина — проективна. Создание индивидуализированного стиля во всей толще культуры (а не только в художественном творчестве) — еще не решенная задача, и трудно сказать, как она будет решаться. (Возможна ли локальная наука, математика к примеру? Вопрос кажется диким, а вот Шпенглер, да и наш Хомяков считали, что возможна.) Во всяком случае, ясно одно: подавление локального стиля всегда опасно. Существуют атомы бытия, разложение которых грозит взрывом.

Недавно мы услышали один такой взрыв — бретонцы в Версале. (А потом и корсиканцы начали взрывать ежедневно по тридцать шесть бомб.) В культурнейшей и благополучнейшей Франции оказалось возможным такое. Кто скажет, что бретонцы и корсиканцы подвергаются национальному притеснению? Их протест — против угнетающего, нивелирующего стиля культуры. Культура должна быть локальной, провинциальной, рустичной. Стил ь ампи р — не лучший из стилей. В извечном нашем выборе мы должны предпочесть «Москву».

Судороги «третьего мира» — оттого что он силком затащен в чуждую модель культуры, мнящуюся универсальной.

Так что центр, идея славянофильства — отнюдь не в русском национализме, а, если хотите, в любом, в выделении и осознании самой проблемы локальной культуры. Сейчас мы не можем не видеть, что это подлинная проблема XX века.

Пастернак — настоящий, убежденный провинциал. Образец бытия для него — уезд в тылу. Языком провинциала приводит он мир в строй и ясность.

Люблю вас, старинные пристани,
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть ее задушевней.

Неудачу революции Пастернак видит в том, что она не нашла своего языка, усвоила чуждый ей, стихии, язык городской культуры. Ведь как заговорил зыбушинский глухонемой?

Он оказался вполне современным молодым человеком, выучившимся у передовых дефектологов читать с губ. При этом оказы-

вается, что он придерживается крайне левых взглядов и считает, что революцию следует углублять.

Чудо подменено прогрессом, хоры ангелов — граммофоном, Валаамова ослица — воспитанником школы Гартмана и Остроградского.

Клинцов-Погоревших — колоссальная, вечная удача Пастернака-прозаика. Школьники свободной России будут изучать его вместе с Чичиковым и Обломовым.

Клинцов-Погоревших, заговоривший по науке глухонемой, — архетип большевизма. Большевизм так же народен, как этот чревоушитель. Народная мечта, легенда, миф — жутко спародированы в большевизме.

Но он все-таки сумел овладеть революцией, овладеть народом, потому что сам народ, как выяснилось, сильно охоч до граммофонов.

Другими словами: культурный прогресс уводит бытие из глубин и сажает его на мель.

4

Пятая часть романа кончается тем, что в поезде, на подъезде к Москве, даровитый глухонемой наделяет доктора подстреленной им на охоте уткой — той самой, что потом была съедена на Тайной вечере в московском доме Живаго. Утка завернута в обрывок какого-то печатного воззвания.

«— Жене! Жене! В подарок жене, — радостно повторял Погоревших, точно слышал это слово впервые, и стал дергаться всем телом и хохотать...»

Этот бесноватый не знает в жизни самого главного. «Жена» — знак этого самого главного: будни, быт, дом, повседневная работа, проза, поэзия.

Страницей раньше написано следующее:

«Вдруг в первый раз за все эти дни Юрий Андреевич с полной ясностью понял, где он, что с ним и что его встретит через какой-нибудь час или два с лишним.

Три года перемен, неизвестности, переходов, война, революция, потрясения, обстрелы, сцены гибели, сцены смерти, взорванные мосты, разрушения, пожары — всё это вдруг превратилось в огромное пустое место, лишенное содержания. Первым истинным событием после долгого перерыва было это головокружительное при-

ближение в поезде к дому, который цел и есть еще на свете, и где дорог каждый камушек. Вот что было жизнью, вот что было переживанием, вот за чем гонялись искатели приключений, вот что имело в виду искусство — приезд к родным, возвращение к себе, возобновление существования».

В книге Ивинской приводится отзыв о романе поэта Сергея Спасского, со словами о том, что в жизни топка печей и замазывание окон на зиму интереснее и важнее стратегии и тактики революции. Собственно, этими словами Спасский выразил основной смысл романа. Разговоры, которые Живаго ведет на эти темы с прозектором, следует назвать эпическими.

Пастернак воспроизводит в подобных местах вторую и главную тему из Розанова: святость быта, частной жизни, домашнего очага, деторождения. Я ни в коем случае не настаиваю на заимствовании или влиянии, нужно говорить о конгениальности.

Дневник Живаго в части девятой «Варыкино» полон этими темами. Происходит апология так называемого мещанства. Апелляция идет непосредственно к Пушкину. Пастернак, как и Пушкин, унизился до смиренной прозы.

Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да шей горшок, да сам большой.

Вспомним, что эти стихи, как важнейшие у Пушкина, как завет его русской литературе и набросок ее проекта, цитировал Страхов, самый, пожалуй, обстоятельный из славянофильских теоретиков. Славянофильство, за пределами выдуманной темы национального приоритета, ничего и не имеет в виду, кроме этой апелляции к органическому быту как последней инстанции, как месту истины.

Страхов в трех томах «Борьбы с Западом в русской литературе», в статьях о Тургеневе и Толстом дал ту же трактовку тенденций новой культуры, которую, уже как итоговый ее результат, сформулировали Адорно и Хоркхаймер в «Диалектике Просвещения». Прочитав эту книгу, невозможно говорить, что в ужасах коммунизма виновна русская национальная традиция.

Если эту традицию и можно в чем-то упрекать, то как раз в обратном: нежелании вылезать за ворота скотного двора — в историю. «Скотный двор» — это не аллегория России, а фрагмент строчки Пушкина из уже цитировавшегося «Путешествия Онегина».

Не все ценности порождены историей. И вообще нужно помнить, что в хлеву родился Христос*.

Вспомним одного из персонажей «Доктора Живаго» — дядю Николая Николаевича.

Николай Николаевич — тип нового русского интеллигента, синтетический веховец. \Фрагменты его высказываний — реминисценции Владимира Соловьева.

В этих высказываниях Николай Николаевич христианство толкует в качестве основной исторической силы, столбовой дороги человеческого прогресса. История человечества — это история построения Царствия Божия на земле, ее этапы — свидетельства триумфа христианства. В России первым эту мысль сформулировал Чаадаев. В программное построение ее превратил Владимир Соловьев в нашумевшем реферате «Об упадке средневекового миросозерцания». Идея культурного прогресса понята здесь как христианская идея, и безбожники-революционеры, производящие этот прогресс, трактованы как бессознательное орудие Бога.

«Николай Николаевич... развивал свою давнишнюю мысль об истории, как о второй вселенной, воздвигаемой человечеством в ответ на явление смерти с помощью явлений времени и памяти».

В сцене с заболевшей Анной Ивановной молодой Живаго следует в русле этих идей.

Мысли эти критиковались и отвергались еще Мережковским (чтоб лишний раз не вспоминать Достоевского). Христианство, экстериоризированное в историю, утрачивает главную свою тему — мистирию личности. (Н. Федоров, которого в связи с Николаем Николаевичем, помянул кто-то из писавших о «Живаго», тоже был против перенесения христианской задачи в инстанцию прогресса.) Историософский оптимизм никак не вяжется с христианством, и это понял уже сам Соловьев в «Трех разговорах». Постепенно веховцы отошли от этих идей, надо подчеркнуть — еще до революции (см., например, работу С. Н. Булгакова «Апокалиптика и социализм» в его книге «Два града»).

Сходный процесс шел и в европейской мысли — в движении от т. н. либеральной теологии к неопротестантизму Карла Барта и его последователей.

Резюме можно найти в формуле Бердяева: «В истории не образуется Царство Божие» («О рабстве и свободе человека»).

* См. рассуждение об истории и хлеве в замечательной книге Розанова «Когда начальство ушло».

Николай Николаевич — отнюдь не «рупор идей» Пастернака, иначе Пастернак не стал бы делать его сочувствующим большевикам. В части шестой — «Московское становище» — он дан иронически. Здесь упоминаются два его единомышленника — журналист Мирошка Помор и публицистка Сильвия Котери, которую Александр Александрович Громеко, тесть Живаго, называет «Попурри».

Пастернаку не может нравиться попури из христианства и большевизма. Но такая позиция строго логична, если придерживаться «исторического мировоззрения», видеть в движении истории ступени Божественного воплощения. «Антиисторический» славянофил Константин Аксаков называл такое мировоззрение даже не историческим, а «привременным»: любому временщику оно зовет поклониться как очередному воплощению Мирового Духа.

Перспектива для Николая Николаевича — не эмиграция с Бердяевым и Шестовым, а «обновленчество».

Весь смысл романа «Доктор Живаго» — в противопоставлении истории и быта. Героев романа ждет крах, когда они переносят себя из частной жизни в историю.

Таков в романе Антипов-Стрельников.

Его неудавшаяся семейная жизнь берется как явление одного порядка с национальной катастрофой России. Он стал мерять семейные отношения общественными критериями, увидел в семье социальные проблемы. Решил, что в неудавшейся его жизни с Ларой виноват общественный строй. Мужскую ревность к первому любовнику жены мотивировал социально.

Примерно то же произошло в свое время с Герценом.

Они не поняли того, что понял и к чему призывал Розанов: не из дома нужно бежать за правдой, а — в дом. Тут правда; другой не найдешь.

Так и только так надо понимать слова Лары о жизни с Антиповым. Свой рассказ она начинает с максимально высокой ноты: «Тогда пришла неправда на русскую землю». И продолжает:

«Главной бедой, корнем будущего зла была утрата веры в цену собственного мнения. Вообразили, что время, когда следовали внушения нравственного чутья, миновало, что теперь надо петь с общего голоса и жить чужими, всем навязанными представлениями. Стало расти владычество фразы... доля дурацкой декламации проникла и в наши разговоры, какое-то показное, обязательное умничание на обязательные мировые темы...

И тут он совершил роковую, все наперед предрешившую ошибку. Знамение времени, общественное зло он принял за явление до-

машнее. Неестественность тона, казенную натянутость наших рассуждений отнес к себе...

...С каким-то юношеским, ложно направленным самолюбием он разобиделся на что-то такое в жизни, на что не обижаются. Он стал дуться на ход событий, на историю. Пошли его размолвки с ней. Он ведь и по сей день сводит с ней счеты».

Происходит самоотчуждение человека в историю; причем он мнит себя в ней свободным, творцом. Он желает *переделать жизнь*, но это, по Пастернаку, — акт не творческий, а самоубийственный, выпадение из органического строя жизни. Происходит нарушение жизненной непрерывности, «длительности». История выступает как образ самоубийства, потому что в ней люди по преимуществу теряют себя.

Когда Пастернак в автобиографии размышлял о самоубийстве, он как раз в этих терминах описал его причину: потеря собственного лица — невыносима самоубийце; это «страдание в отсутствие страдающего».

В жизни Стрельникова сдвинулись и перемешались пласты бытия. В семейной жизни у него мотивировки социальные, в революции — сугубо интимные. Он, так сказать, мстит обществу за поруганную честь Лары. Он говорит Живаго: «Обвинение веку можно было вынести от ее имени, ее устами. Согласитесь, ведь это не безделица. Это некоторое предназначение, отмеченность». Живая женщина превращена в эмблему.

Слов нет, у Стрельникова высокие мотивы, и он сам — высокий герой. Как бы мы ни копались в его психологии, мы не получим права сказать, что он плебей с комплексом неполноценности. Это герой классицистической трагедии. Но, по Пастернаку, всякий классицизм — ложный.

Обвиняется не герой, а героизм: героизм как ампула, как жанр. Отвергается жизнь в зеркальной витрине.

Стрельников и Живаго — отдаленное эхо Наполеона и Кутузова в трактовке Льва Толстого.

«Сказочно только рядовое, когда его коснется рука гения», — пишет в варыкинском дневнике Живаго, вспоминая Пушкина. И если спроецировать Стрельникова на темы Пушкина, мы узнаем в нем Алеко. Алеко ведь — не вульгарный ревнивец, но человек «культуры».

«Поруганная честь женщины» — для Живаго, для Пастернака такая же выпренная ложь, как «светлая заря человечества».

Великий знаток женщин Митя Карамазов говорил, что никогда не надо извиняться перед женщиной. Добавим: мстить за нее тоже не надо.

Кажется, у Фолкнера в «Шуме и ярости» говорится, что категории «девственность», «чистота» выдуманы мужчинами и значимы только для них. Как говорит Лара, «он разобиделся на что-то такое в жизни, на что не обижаются».

Подлинного вкуса к жизни у героев-революционеров в «Докторе Живаго» нет. Они не живут, а всё готовят к жизни. Революция оказалась не высоким образом будней, как это явилось Пастернаку летом 1917 года, а разрывом с бытием. Ливерий Микулицын готовится к новой жизни и «борется» за нее, а пока что нюхает кокаин. Самоотчуждение в истории — вот этот самый кокаин; «опиум для интеллигенции», как говорит Раймон Арон*.

За Лару никому не нужно мстить, потому что она — ничья.

«Там он опять получит в дар из рук Творца эту Богом созданную белую прелесть. Дверь отворит в темное закутанная фигура. И обещание ее близости, сдержанной, холодной, как светлая ночь севера, ничьей, никому не принадлежащей, подкатит навстречу, как первая волна моря, к которому подбегаешь в темноте по песку берега».

Пастернак писал Жаклине де Пруаяр, что в список действующих лиц его жизни входят Бог, женщина, природа, призвание, смерть: «Все, что имеет значение, ими исчерпывается» («Новый журнал», 1965, № 80).

Это у Пастернака — перечисление стихий, которым человек *подчинен*, порядок необходимости, а не свободы. Существование у Пастернака — в страдательном залоге. Дар — это то, что дано, а не взято. Он не знает никаких сублимаций, никаких волевых порываний; идеальное для него, как для Аполлона Григорьева, — цветение и аромат реального. Как Гезиод, он пишет одновременно теогонию и наставление по сельскому хозяйству. Он эпичен и патриархален: ветхозаветный пастух и русский мужик одновременно. Толстой должен быть всем хорош для него, но его смущает толстовская моральная проповедь и «приготовление к смерти». Нужно не приготовление, а готовность. Нужно вспомнить того же Толстого — «Три смерти» — лучше всех умирает дерево.

* Читая его книгу, я недоумевал: неужели утонченным французским интеллектуалам нужно растолковывать такие азы?

В системе Пастернака из человека нельзя делать «отвлеченное начало». Это вносит в мир излишнюю суету.

Нужно не покорять, а подчиняться.

Пастернак переводил Рильке:

Как мелки с жизнью наши ссоры,
Как крупно все, что против нас.
Когда б мы поддались напору
Стихии, ищущей простора,
Мы выросли бы во сто раз.

Все, что мы побеждаем, — малость.

Нас умаляет наш успех...

А Лара голосит над гробом Живаго:

«Вот опять что-то в нашем роде, из нашего арсенала. Твой уход, мой конец. Опять что-то крупное, неотменимое. Загадка жизни, загадка смерти, прелесть гения, прелесть обнажения, это пожалуйста, это мы понимали. А мелкие мировые дрязги вроде перекройки земного шара, это извините, увольте, это не по нашей части».

Это ведь не плач, а мировоззрение.

Любовь Лары и Живаго, строго говоря, не индивидуализирована. Здесь, как и в стихах, лицо, личность — только повод для того, чтобы сказать чему-то высшему человека.

«Никогда, никогда, даже в минуты самого дарственного, беспмятного счастья не покидало их самое высокое и захватывающее: наслаждение общей лепкою мира, чувство отнесенности их самих ко всей картине, ощущение принадлежности к красоте всего зрелища, ко всей вселенной.

Они дышали только этой совместностью. И потому превознесение человека над остальной природой, модное няньченье с ним и человекопоклонничество их не привлекали. Начала ложной общественности, превращенной в политику, казались им жалкой домодельщиной и оставались непонятны».

Это, повторю еще раз, не любовная лирика, а мировоззренческая программа. Лара у Живаго, как и у Стрельникова, превращается в некий символ, но с иным, полярным значением. У Живаго она выражает не общественную несправедливость, как у Стрельникова, а строй и лепоту мира до всякой истории, можно сказать — до грехопадения.

Поэтому Живаго и Стрельников — антиподы, и там, где живет один, умирает другой.

Уступка истории, «грехопадению» в том, что Лара видится ему все-таки не Евой, а скорее Магдалиной.

Монологи Лары стилистически неотличимы от тех, что произносит сам Живаго, но это потому, что голос заговорившей стилистики, по Пастернаку, должен быть высоким голосом.

Пастернак — архаик, досократик, чувственные начала у него, как у Эмпедокла, обладают субъективным сознанием.

Но если Лара — как бы Магдалина и чистота ее не в той стерильности, в которой ее хотел бы полагать Стрельников, то можно ли считать Живаго — Христом?

Конечно, христианство самого Пастернака — не каноническое. У него свободное, поэтическое отношение к христианству и ко Христу. Иначе он не стал бы уникальное в мироздании событие, уникальность Христа считать чем-то вроде идеальной мерки человека. У Пастернака Христос — идеальный тип, допускающий вариации; одна из них — Гамлет. В общем, что-то в высшей степени не богословское.

Чтобы увидеть, как Пастернак понимает христианство, надо обратиться к части 17-й романа — «Стихи Юрия Живаго». Здесь все темы романа подчеркнуты и обнажены, как на схеме. А тем, оказывается, две — природа и Христос.

Живаго, в противоположность дяде Николаю Николаевичу, вырывает Христа из истории. На примере Стрельникова мы могли видеть, что история не есть место, где способен реализоваться человек, индивидуальный дух. В истории господствует общее, «общественное». Это только честный немец Генрих Риккерт мог думать обратное. Что ж, он, кажется, дожил до Гитлера.

В последнем разговоре с друзьями, «принявшими» советскую власть, Живаго сравнивает их с лошастью, которая рассказывает, как она сама объезжала себя в манеже. История — манеж для говорящих лошадей*. Но, хотя они как будто говорят по-человечьи, собственных слов у них нет.

«Его друзьям не хватало нужных выражений. Они не владели даром речи».

И Живаго думает: «Дорогие друзья, о, как безнадежно ordinarily вы и круг, который вы представляете, и блеск и искусство

* Вспомним Горького: «Русская интеллигенция — ломовая лошадь истории». Это был у него комплимент.

ваших любимых имен и авторитетов. Единственное живое и яркое в вас, это то, что вы жили в одно время со мной и меня знали».

Это слова власть имеющего.

Стрельников, человек, пошедший жить в историю, как будто даровит, но не самобытен. «Дар, проглядывавший во всех его движениях, мог быть даром подражания».

Дудоров и Гордон уже не производят впечатления даровитости. Они уже пошли в поток, в серию. «Рассуждения Дудорова были близки душе Гордона именно своей избитостью... Как раз стереотипность того, что говорил и чувствовал Дудоров, особенно трогала Гордона. Подражательность прописных чувств он принимал за их общечеловечность».

Выпадая в историю, эти люди лишаются биографии. Судьба у них усреднена, как в косяке сельдей.

Христос, христианство у Пастернака — единственный резерв человечности, и душа человеческая — по природе христианка. Спасая душу, человек должен уйти из истории. Поэтому человек, остающийся в наше время человеком, обречен на страсти Христовы.

Пастернак бежит от истории в христианство, как в природу. Природа на уровне человечности — это быт, возможность жить собственным домом, «частная собственность». Нужно было пережить социализм, чтобы понять: частная собственность не обезличивает человека, не превращает его в игрушку рыночных стихий, а очеловечивает, чеканит его индивидуальный лик, дает ему собственную судьбу. Это, как говорил Гегель, абстрактная форма субъективной свободы.

Мы вдруг поняли, что купечество Островского — не «темное царство», а носитель подлинного русского стиля. А стиль индивидуализирует, стиль это человек.

Самый пленительный женский образ романа — отнюдь не Лара (чистая идея женственности), а мелькнувшая в десятой части лавочница Ольга Ниловна Галузина — видение исчезнувшей русской жизни, всей ее сладости и благолепия.

В подобных партиях романа ощущаются подлинные тяготения Пастернака-художника. Тянет его к эпосу, к работе во вкусе «Войны и мира». Но у Пастернака происходит разрушение эпоса, потому что рушится органический строй бытия. Пастернак — анти-Толстой, потому что мир, описанный им, — это антимир.

У Пастернака сильный розановский заквас (вообще, Розанов присутствует в русской литературе, как углерод в органических со-

единениях*), но он, в отличие от Розанова, не разводит Христа и жизнь, христианство и культуру. Если под культурой понимать, конечно, Льва Толстого, а не фонограф, индивидуализацию бытия, а не тиражирование. Не «прогресс», к которому апеллировал дядя Николай Николаевич.

Для Пастернака мир во Христе не прогорк, а впервые обрел истинную сладость.

Розанов опровергается в «Рождественской звезде»:

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры.
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.

Христианство для Пастернака не означает ничего другого, кроме противопоставления истории — и частной жизни, возведенной в значение чуда. Об этом говорит Сима Тунцова: не Черное море, расступившееся по мановению пророка, а рождение ребенка становится в христианстве событием, равным чуду.

«Что-то сдвинулось в мире. Кончился Рим, власть количества, оружием вмененная обязанность жить всей поголовностью, всем населением. Вожди и народы отошли в прошлое».

Для христианства эта реставрация «Рима», империи, истории — не прогресс, а регресс. Дело истории проиграно с его появлением.

Николай Николаевич, пока он еще не связался с большевиками, писал о христианстве и о Риме так:

«И вот в завал этой мраморной и золотой безвкусицы пришел этот легкий и одетый в сияние, подчеркнуто человеческий, намеренно провинциальный, галилейский, и с этой минуты народы и боги прекратились и начался человек, человек-плотник, человек-пахарь, человек-пастух в стаде овец на заходе солнца, человек, ни капельки не звучащий гордо, человек, благодарно разнесенный по всем колыбельным песням матерей и по всем картинным галереям мира».

Но все же русскому писателю не легко отделаться от Розанова.

Христианство Пастернака — скорее душевно, чем духовно. В его жизни «розановскую» роль сыграл, видимо, человек, которого

* Даже и в «Лолите».

исследователи единодушно сочли прототипом Живаго, — Дмитрий Самарин.

В автобиографии «Люди и положения» из «персоналий» описаны Пастернаком самые близкие люди, самые важные для него люди: Скрябин, Маяковский, Цветаева, Т. Табидзе, Яшвили. Самарин описывается слишком подробно для случайного знакомого:

«Философия, диалектика, знание Гегеля были у него в крови, были наследственными. Он разбрасывался, был рассеян и, наверное, не вполне нормален. Благодаря странным выходкам, которыми он поражал, когда на него находило, он был тяжел и в общечитии невыносим. Нельзя винить родных, не уживавшихся с ним и с которыми он вечно ссорился».

О Самарине же говорится в ранней книге «Охранная грамота». Страниц ему посвящено немного, но мы из них узнаем, например, манеру Самарина усаживаться в университетском амфитеатре или есть кекс.

Еще подробности в автобиографии:

«В начале нэпа он очень опростившимся и всепонимающим прибыл в Москву из Сибири, по которой его долго носила гражданская война. Он опух от голода и был с пути во вшах. Измученные лишениями близкие окружили его заботами. Но было уже поздно. Вскоре он заболел тифом и умер, когда эпидемия пошла на убыль».

Это похоже на появление Живаго в Москве (часть 15-я).

Внешний повод для разговора о нем тот, что Самарин соблазнил Пастернака Марбургом. Мне кажется, однако, что не в этом причина упоминаний о нем.

Самарин — автор замечательной работы «Богородица в русском народном православии», напечатанной в номере журнала «Русская мысль» за март-июнь 1918 г. К сожалению, здесь, в Нью-Йорке, я не мог найти этот номер.

Не будем говорить о влияниях, об определяющем воздействии и пр. Ясно, что человек, особенно пастернаковского масштаба, сам избирает, на кого и на что ему опереться. Человек *готов* к тем или иным воздействиям; влияния не могут идти от совершенно чуждого духовного опыта.

Самарин помог Пастернаку осознать и сформулировать его собственные первоначальные интуиции. С этими мыслями Пастернак прожил всю жизнь.

В статье Самарина речь идет о том, что в русском народном (не церковном) православии главным персонажем является не Христос, а Богородица, «мать сыра земля» (см. соответствующую

главу в «Бесах», на которую, кстати, Самарин ссылается). Это православие с сильными языческими реликтами.

Так пастернаковский феминизм (тема обширнейшая и требующая специального разговора) перешел с уровня психологической врожденности на уровень идейный. Тема была осознана. В «Живаго», она звучит во весь голос. Это — тема святой плоти, обожествления природных стихий.

С этой темой Пастернак вошел в большую русскую традицию, стал великим русским писателем.

И когда мы проецируем его творчество на философскую плоскость, мы должны в первую очередь вспоминать не немецких романтиков, не Шеллинга, а потомка славянофилов Дмитрия Самарина.

Настоящие уроки Пастернак получил все-таки не в Марбурге, а у русской природы и у русской культуры.

Но тут нас и подстерегает главная опасность, я бы сказал, соблазн. Можно ли считать Розанова, богородичное христианство и Толстого с Пастернаком — можно ли считать их *сегодня* учителями, сказавшими вечное слово правды?

Бердяев называл Розанова «мистической бабой» и статью о нем озаглавил «О вечно бабьем в русской душе». Это к вопросу о богородичном православии.

Как ни крути, нам нужна «тактика и стратегия». Мы можем более или менее удачно замазать окна на зиму, но большевики все равно разобьют стекла.

Бегство не удастся, даже в скит, даже в лес. И там они поймут, как поймали Живаго партизаны Ливерия Микулицына.

Кутузовская тактика изжила себя, враг у нас страшнее Наполеона. Отступать некуда, мы уже сдали Москву.

Высшее достижение России — ее художественная культура. Она очень хорошо увязывается с «богородичным православием»: искусство, вспомним старое определение, это явление идеи в чувственной форме. Но искусством спастись нельзя. Сам художник им ныне не спасется. Сколько таких художников погибло в ГУЛаге?

Мы увидели на примере Пастернака, что само христианство в осмыслении художника становится частным делом.

Встает — в который раз? — вопрос о христианской общественной культуре — и ведет за собой ближайшую ассоциацию: Великий инквизитор. Это ведь его слова: христианство слишком высоко для всех, это религия аристократическая, религия гениальных одиночек.

В мучительной попытке выбраться из этого противоречия славянофилы сделали самую крупную свою ошибку: они, так сказать, объявили гениальным весь русский народ.

Это была сублимация одиночества и слабости. Из нужды делали добродетель. *Только* уход — от зла, от культуры, от истории, от Запада, от цивилизации, от науки с водородной бомбой — это зло накликает.

У Живаго есть в романе не только ангел-хранитель (Евграф), но и двойник — государь Николай II, появляющийся на фронте в Галлии: «...он был по-русски естественен и трагически выше этой пошлости». «Пошлость» здесь у Пастернака — история, империя, война, «народ». Русский царь сделал то же, что Живаго, — ушел из истории в семью (гениально показано Солженицыным в «Этюде о монархе»). Распутинщина была трагически неудачной попыткой русской монархии обрести национальный стиль. В этой попытке она и сама кончилась, и нацию отдала во власть враждебным силам.

Но это не значит, что наша неотложная задача — восстановление монархии или империи (последняя, кстати, восстановлена Стрельниковыми). Нужно другое: мутация национального типа. Конечно, сам по себе он мало в чем виноват; просто такой, каким показали его нам наши великие художники, он не способен победить напавшее на него зло. Нам нужен тип славянофила сильного и, одновременно, открытого миру.

Думается, что мутация уже, собственно, идет. И началась она там, где и должна была начаться. Изменился тип русского художника, русского гения. Высокий пример у всех у нас перед глазами.

Это задача — не только нынешнего дня, это наша историческая задача. Нам нужно помирить Стрельникова и Живаго. Снять противоречие добра и злой силы.

Июль 1978

БЫТЬ ЖИВЫМ

(Памяти Бориса Вахтина)

*...Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

Б. Пастернак

Когда перестает быть живым близкий, главный для тебя человек, — с новой силой приходят мысли, которые обычно заталкиваешь под поверхность сознания. Уходит и обваливается в темноту, каменеет часть собственной жизни. С тонкой, глухой болью рвутся корешки, связывающие с прошлым. Мы еще тут, в жизни, а его уже с нами нет. Что мы здесь делаем? Невидимый пронизывающий поток протягивает нас поодиночке и группами, полосками-поколениями из будущего в прошлое, через ярко освещенное пятно «настоящего», жизни.

Только здесь, в жизни, мы располагаем свободой — протекая через отпущенную нам последовательность лет, дней, моментов, мы меняемся и действуем. Зависит ли что-нибудь от того, что именно мы делаем — что выбираем в жизни и делаем собой? Тысячей взаимосвязей уходят от нас в жизнь наши поступки и наш облик в каждую происшедшую с нами секунду. Каждое отдельное может исчезнуть, затихнуть где-то и раствориться; а может, хоть и незаметно, остаться навсегда моментом, вложенным нами в еще не исполненный поток бытия. Все будущее мира может зависеть от мгновенной улыбки, оброненной кем-то когда-то или любым из нас сейчас, сию секунду. Наверное, есть в размахе истории непостижимая для нас до конца направленность и даже предопреде-

ленность; но есть и открытость-свобода, выбор и риск — в истории всего мира, как и в единичной человеческой жизни.

Открытость-свобода реальна — вопреки обстоятельствам, доводам и очевидностям, вопреки осознанным потребностям; вопреки самому хаосу. Тот, кто решается осознать в себе эту открытость, принимает неотрывные от нее ответственность и риск, принимает в себя глубину и серьезность бытия. Это сделал Борис Вахтин, и стал значимым, главным человеком для многих и разных людей вокруг себя. Живя в стране, захваченной тотальной властью, — он был одним из самых свободных людей на свете. Он обладал знанием и пониманием происходящего, трезво и дерзко оценивал свои возможности, свободно выбирал свой путь и следовал ему. Я буду всегда благодарен за то, что он был рядом многие годы, и многое было задумано и сделано вместе.

Ему были свойственны благородство, рыцарское понятие о чести, готовность «положить душу за други своя» и безграничная любовь к родной стране, ее языку, культуре и свободе. Он всегда искал, находил и использовал всякую возможность претворить эту любовь в творческое действие — в своей прозе, в своей науке, в общении с друзьями, в общественной жизни. Такие люди являются наиболее социально ценными, движущими, жизненно необходимыми в любой стране — но особенно в тоталитарной державе, где «нормальные» люди зачастую оказываются проглочеными и подавленными рутинной террора, общественной пассивностью и насаждаемым сознанием невозможности перемен. Тоталитарная держава в идеале, в соответствии с предначертаниями классиков коммунизма — стала бы царством смерти, остановившегося времени, абсолютного нуля. Мы, выросшие в России, знаем, что там, несмотря ни на что, все еще произрастает хлеб и добывается нефть, ходят трам-

ваи, работают заводы и институты, там живут замечательные люди, пишутся книги и картины, происходят события. И мы знаем наверняка, что все живое, человеческое, настоящее происходит в царстве несвободы не под эгидой, а вопреки мертвящей власти и мертвой идеологии, происходит творческими усилиями свободных людей — таких, как Борис Вахтин.

Тоталитарная власть опасалась и ненавидела Бориса Вахтина, потому что его нельзя было приручить, нанять или запугать (попыток было немало). Идеологические чиновники Академии Наук, Союза Писателей и всеильного в Ленинграде обкома партии, как и «кураторы» из КГБ, никогда не оставляли его своим зловещим вниманием, они постоянно и успешно разрушали все его усилия найти свое место в существующей социальной ткани. Вахтин был прирожденным и ярким писателем, ученым и общественным деятелем*. За свои полвека он прожил по крайней мере три жизни — жизнь писателя, которого не печатали; жизнь ученого, которому не дали осуществить его замыслов; и жизнь общественного деятеля, не занимавшего никаких постов. Ему закрыли дорогу в печать; ему не дали защитить законченную более десяти лет назад и высоко оцененную специалистами докторскую диссертацию по литературе и истории древнего Китая; ему были наглухо запрещены заграничные поездки. Вокруг него была проведена «невидимая» угрожающая черта — гебистские машины зачастую дежурили у его дома, выслеживая тех, с кем он общался.

Высокий, красивый, сильный человек — Вахтин был всегда победителем, и был источником спокойствия, тепла и жизненной силы для нас, его друзей. Он извлекал радость и смысл из всего, чем занимался — будь то переводы и исследования китайской лите-

* См. статьи И. Ефимова («Новое Русское Слово», 20 ноября 1981 г.) и В. Марамзина («Русская Мысль», 26 ноября 1981 г.).

ратуры или его собственная проза. Обойдя десятки редакций, его проза была подхвачена ручейками Самиздата, разошлась во множестве машинописных копий и стала неотъемлемой частью нашей литературы тысяча девятьсот шестидесятых-семидесятых годов. Произведения Вахтина получили широкую известность в литературных кругах и оказали влияние на многих известных писателей.

Он был одним из тех редких людей, которые — где бы они ни находились — силой своей личности кристаллизуют вокруг себя островки подлинного человеческого общения, становящиеся носителями культуры, традиции и независимого общественного сознания, средой интеллектуальной и духовной жизни. Благодаря таким островкам только и возможна еще жизнь в сегодняшней России. В доме Вахтина я встретил людей, ставших близкими друзьями, и книги, оставившие глубокий след в моей жизни. Борис много раз приходил на помощь мне и многим другим — он обладал тончайшим знанием советского социума и неисчерпаемым воображением, с ним всегда удавалось найти оптимальный выход из, казалось бы, безвыходной ситуации.

Борис Вахтин видел дело своей жизни не в политической борьбе, а в посильном участии в историческом процессе сохранения и развития национальной культуры. В течение более чем двух десятилетий он был инициатором и организатором многих событий, без которых культурная жизнь Ленинграда была бы неизмеримо беднее. Об этом еще много будут писать; мне хочется вспомнить два эпизода, в которых я участвовал. В январе 1963 года он организовал мой доклад в ленинградском Доме Ученых. Это было через полтора месяца после «хрущевского погрома» на выставке в Манеже, в период, когда художники-абстракционисты приравнивались к «идеологическим диверсантам». Доклад под названием «О возможности модели-

рования творческих процессов живописи» содержал теоретическое описание процессов создания и восприятия абстрактных картин и вызвал яростную дискуссию. Через пять лет, в январе 1968 года, Вахтин организовал ставший знаменитым «Вечер творческой молодежи» в ленинградском Союзе Писателей. Вечер включал выставку и обсуждение моих абстрактных и религиозных картин и чтение своих произведений лучшими поэтами и прозаиками тогдашнего Ленинграда — в частности, впервые после ссылки выступил перед столь широкой аудиторией Иосиф Бродский. Собралось несколько сотен человек, вечер был чудесным. Наутро последовали доносы, расследования и преследования; все шло своим чередом. Читатель поймет, какое огромное значение имели такие события для всех, кто в них участвовал.

В 1968 году Вахтин написал открытое письмо в защиту политических заключенных, которое вскоре было передано по «Голосу Америки». В письме упоминалось имя Игоря Огурцова, которого тогда, кажется, еще никто не защищал. Борис говорил тогда, что не мог не написать этого письма — «пепел Клааса стучал в его сердце»: память об отце, совсем молодом, исчезнувшем в сталинских застенках в тридцатые годы. Видимо, это письмо наложило на него несмыслимую печать «нелояльности» и навсегда закрыло дорогу его прозе в печать.

В 1974 году Вахтин был привлечен свидетелем по «делу Хейфеца—Марамзина». Это было плановое мероприятие КГБ, затеянное с целью запугать интеллигентское население Ленинграда и продемонстрировать идеологическую бдительность «органов». Мы вместе тогда решили отказываться от дачи показаний. Разница была в том, что я к тому времени уже решил эмигрировать из СССР при первой возможности, в то время как Борис принял твердое решение остаться. Мужественное поведение Вахтина на следствии вызва-

ло ярость КГБ и навсегда разрушило его научную карьеру.

Когда я уезжал из России навсегда в 1975 году, было нестерпимо горько думать, что никогда больше не увижу любимого друга. Но мне суждено было увидеть его еще раз — в глубинах духа. Хочу рассказать об этой внезапной и яркой встрече. Борис пришел ко мне в медитации, когда я проходил «эст-трейнинг» — это чрезвычайно интересная и интенсивная психологическая программа, дающая возможность участникам войти в контакт с обычно недоступными нам пластами нашей собственной психики. Прожив уже шесть лет на Западе, я был уверен, что у меня «все в порядке», — но неожиданно для меня оказалось, что мой отъезд из России был незажившей травмой, которую я загнал глубоко в бессознательное, — и оказалось, что именно Борис Вахтин был для меня олицетворением той части моей совести, чьей санкции, чьего прощения мне не хватало. Медитация, в которой он ко мне пришел, стала одним из самых сильных и реальных, глубинно-существенных переживаний моей жизни. Он был передо мной, и был со мной, мы разговаривали каким-то странным бессловесным способом, непосредственно слыша и понимая мысли друг друга. Я просил Бориса простить меня, и он простил. И я знал, что теперь — только теперь — переживание эмиграции завершилось в моей душе.

Это было всего восемь месяцев назад, я позвонил ему по телефону на другой день и рассказал, что он был со мной, — Борис ответил, что он со мной всегда. Я знаю, что он и останется со мной, как и со многими-многими другими, — хоть он и ушел от нас туда, где нет пространства и времени. И я знаю теперь, что он не раз еще поможет мне в трудную минуту.

Борис Вахтин любил жизнь, любил свою семью и друзей и больше всего на свете любил свою страну. Он делал и делает ее лучше, обитаемое своим при-

сутствием в ней. Он никогда не осудил никого из нас, уехавших, — но для себя решил не уезжать, несмотря ни на что. Там было его место. Он отдал себя России до конца.

Хьюстон, декабрь 1981

«ДЫША ОСТОРОЖНЫМИ НОЧАМИ...»

Бестолковый приемник короткими плещет волнами.
Ничего не слышать — приговор, а на сколько? кому?

Это строчки из стихов Ирины Ратушинской. Прильнувшие на родине к приемникам сквозь остервенелый визг заглушки расслышали нынче приговор:

— на сколько? — СЕМЬ и ПЯТЬ, семь лет лагеря строгого режима и пять лет ссылки, максимальная кара по ст. 70 ч. 1;

— кому? — молодой киевской поэтессе Ирине Ратушинской.

СЕМЬ ЛЕТ ЛАГЕРЯ ЖЕНЩИНЕ — этого не было давно, с мрачной памяти украинских процессов 1972-1974 гг. Но, хоть и теперь дело шло в Киеве, похоже, что жестокость приговора — уже не «местная специфика» украинского КГБ, а часть планомерного ужесточения репрессивной политики, рассчитанной на окончательное удушение всякого не запланированного свыше движения души, на окончательную изоляцию или застрачивание всех, о ком писала Ирина Ратушинская: «...не по здешним порядкам не знающий плача и страха»... ха»...

Ирина не сомневалась в своем будущем: «через год, дыша осторожными ночами...» — для суда такое, вне сомнения, дает в переводе на их суконный язык: «...сознавала преступность своих действий». Переводить поэзию на прозу (да еще такую!) уже преступно, но когда это переводится еще раз, в цифры — повторим: СЕМЬ и ПЯТЬ, — мы знаем, кто преступник.

А «преступление» Ирины — несколько публикаций стихов и очерков, буквально несколько, не наберешь и полдюжины на ту дюжину лет, на которые молодая женщина, как в своих стихах, «переменит на пайку паек — да тряпье на отрепье».

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ тюрьмы, лагеря и ссылки — за свободный полет пера, за свободный порыв души. Да не оставят они ее и в мрачных пропастях земли.

«КОНТИНЕНТ»

Искусство

Александр Глезер

СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЕ ИСКУССТВО И РУССКАЯ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ

С тех пор как в 1975 году я оказался на Западе, меня не переставал удивлять один феномен. Выставки неофициального русского искусства в Англии, Японии, Италии, Франции, Германии посещали тысячи зрителей, то есть эти выставки пользовались успехом. В этих странах появились коллекционеры этого искусства, то есть нельзя объяснить успех подобных экспозиций лишь политическим интересом: вот, мол, посмотрим, что в СССР запрещают. Однако статьи искусствоведов, не всех, но большинства из них, были или негативными, или двусмысленными. Обычно они сводились к тому, что есть, конечно, среди неофициальных русских живописцев талантливые мастера: Свешников, Рабин, Плавинский, Немухин, Калинин, например, но все они вторичны — да это и понятно, если столько лет искусство подавляют. Кто-то похож на Сера, кто-то на Дебюффе, кто-то на Шагала. «Где авангардисты?» — восклицали критики. «Где открытия?» — вопрошали они. Мне не раз приходилось встречаться и спорить с некоторыми из них: кого-то я не сумел переубедить, кого-то убедил, что они просто не взгляделись в работы русских художников-неконформистов, что схожесть, о которой они говорят, — результат поверхностного взгляда, что нет, в сущности, ничего общего между трагическими полотнами

Свешникова, скажем, и светлыми и умиротворенными картинами Сера, что пуантилизм для Сера был основой творчества, а для Свешникова — это просто технический прием, который он употребляет время от времени.

Возникает вопрос: почему такая разность восприятия у искусствоведов и у любителей живописи, причем, повторяю, не в одной какой-нибудь стране, а вообще на Западе? Неужто публика глупа, а коллекционеры, приобретая произведения Шемякина или Рабина, Целкова или Неизвестного, сплошь все заблуждаются?

Лучше всех, пожалуй, объяснил происходящее английский искусствовед Джон Сперлинг. Это произошло в 1977 году, когда в Лондоне, в Институте современных искусств, открылась выставка «Неофициальное искусство из СССР». Кстати, эта, готовившаяся почти два года экспозиция чуть не сорвалась. А случилось вот что.

Я привез в Лондон слайды картин. Когда Совет директоров Института современных искусств и критики просмотрели их, то были ошеломлены. «Я испытал шок, — сказал один из них. — Мы ожидали увидеть в работах современных русских мастеров развитие идей Кандинского, Малевича, Лисицкого и вдруг увидели фигуративное, с нашей точки зрения, традиционное искусство». — «Я не знаю, что делать, — сказал другой. — На такую выставку никто не пойдет, она провалится».

Но произошло обратное: сотни людей пришли на вернисаж, столько же на две дискуссии, которые мы проводили. Экспозиция ежедневно открывалась в 12 часов дня, но задолго до этого у входа выстраивалась очередь. Директор Института современных искусств по окончании выставки признался, что никогда за последние годы у них не было столько зрителей. И тогда же, выступая на одной из наших двух дис-

куссий и полемизируя со своими коллегами, Джон Сперлинг сказал: «При таком множестве незнакомых художников, вдруг требующих нашего внимания, понятна наша защитная реакция и стремление разложить их по четко определенным западным категориям. Но чего мы ожидали? Сонма русских Бэконов, Хокни, Поллаков, Кронингов и Раушенбергов, выходящих во всеоружии, как Паллада, из трещащей от боли головы Брежнева, или нового течения, которое спасло бы нас от холодной руки концептуализма или гиперреализма? Нам же предлагается нечто, что труднее воспринять, нечто более русское, чем кажется с первого взгляда».

Мне думается, что английской критик очень точно описал, что происходит с западными искусствоведами и почему они с недоумением, а порой и с раздражением, воспринимают неофициальное русское искусство. Легко объяснить и почему зрительское восприятие работ столь разнится от их. Зрители и в Москве, и в Лондоне, и в Париже не думают ни о каких «измах», не раскладывают картины по определенным полочкам. Они приходят на выставки, смотрят произведения, которые что-то говорят их сердцу и уму, и их реакция связана не с профессиональными построениями и рассуждениями, а с эмоциональным началом. Многие из них мне говорили: «На таких русских выставках мы видим то, чего не можем найти в наших галереях и салонах, — чувство, душу, духовность». Так что недаром московский искусствовед, ныне эмигрант, Игорь Голомшток как-то писал, что в искусстве есть новаторы формы и новаторы духа. К последним он относил и лучших русских художников-нонконформистов. Я с ним согласен, но мне кажется, что интерес западных любителей живописи к неофициальному русскому искусству объясняется не только этим. Чтобы разъяснить свою точку зрения, я хочу обратиться к тем процессам, которые происходят ныне в мировом изобразительном искусстве. За семь лет пребывания

на Западе мне довелось побывать в галереях многих стран. Они как бы делятся на две категории. Галереи, где, как правило, демонстрируется только модернистская живопись, и галереи чисто коммерческие, где экспонируется только то, что наверняка можно продать. Поэтому я условно, не говоря о конкретных тенденциях, разделил современное западное искусство на модернистское и коммерческое. И вот что странно: я обнаружил общие черты не только между ними, но также между ними и искусством социалистического реализма, те общие черты, которые как раз и отталкивают от них зрителей, ищущих и находящих то, чего им не хватает, в творчестве неофициальных русских живописцев.

О какой же общности соцреализма, нынешнего модернизма и коммерческого искусства я говорю? Прежде всего, о рационализме, отсутствии чувств. «Призвание художника — посылать свет в глубины человеческого сердца», — говорил Шуман. Кандинский писал, что «всякое произведение есть дитя своего времени и часто оно мать наших чувств». Мне кажется элементарным, что каждое значительное произведение литературы и искусства таит в себе и сгусток чувств, и сгусток мысли. Без того или без другого оно неполноценно. Но о каких чувствах может идти речь в социалистическом реализме? Художник здесь выполняет социальный заказ, он пишет то, что разрешено и как разрешено. Мне могут возразить, что есть же в СССР живописцы, которые воссоздают на своих полотнах не портреты партийных вождей, не передовых рабочих и колхозниц, а русский или украинский пейзаж, например, или цветы. Да, есть такие, конечно. Но ведь и они связаны определенными рамками, они не могут написать пейзаж в том стиле, который не дозволен, они вынуждены заниматься самоцензурой, насиловать себя, и о чувствах в их произведениях говорить не

приходится. Может быть, это преувеличение? Нисколько. Вот конкретный пример.

В 1969 году в одной из московских библиотек я организовал выставку художника Владимира Яковлева. На ней были представлены лишь его натюрморты с цветами. На следующий день выставку закрыли, а директора библиотеки выгнали с работы. Когда я пришел за объяснениями в райком партии, мне коротко сказали: «Это пессимистические цветы».

Смешно искать искренние чувства и в западном коммерческом искусстве. Оно, как и соцреалистическое, делается по заказу — только не партийному, а заказу рынка. Безусловно, не все художники, произведения которых сегодня хорошо продаются и выставляются в коммерческих галереях, являются более или менее талантливыми ремесленниками, стремящимися лишь к заработку. Приведу только два примера. Вот художник Сергей Голлербах, эмигрант второй волны. Он, фигуративный экспрессионист, приехал в США в 1949 году. Тогда здесь господствовало беспредметное искусство и Голлербаху пришлось тяжело. Но он не стал приспособливаться к рынку и в течение многих лет зарабатывал на жизнь как иллюстратор. Теперь он выставляется в одной из самых известных коммерческих галерей Нью-Йорка. Но он-то художник не коммерческий. Просто сейчас вошел в Америке в моду фигуративный экспрессионизм и работы Голлербаха пришлись, как говорится, ко двору. А вот другой русский художник — Михаил Шемякин. Одиннадцать лет назад приехал он во Францию, и ему не пришлось менять стиль, он остался верным себе. К счастью, то, что он делал, как нельзя лучше подошло французским галереям. Поэтому, когда я говорю о коммерческом искусстве, я имею в виду тех живописцев, которые готовы в любой момент изменить манеру письма, и не по внутренней потребности, а по велению рынка. Кстати сказать, лучшие неофициальные художники,

оказавшись на Западе, не изменили себе. Некоторым из них трудно, все они мастера, и каждый из них мог бы работать в любом стиле. Но именно потому, что они истинные художники, этого не произошло. И именно поэтому в их картинах сохраняется живое чувство, которое так привлекает зрителей.

И, наконец, модернизм. Опять же я не говорю о больших мастерах, чьи открытия обогатили современное искусство. Нет, я говорю о том, что в основном можно увидеть сегодня в большинстве авангардистских галерей. Открытий никаких, иногда красиво, иногда остроумно, порою забавно, — но, Боже мой, каким холодом веет от большинства картин, скульптур и объектов. Василий Кандинский написал книгу, которая называется «О духовном в искусстве». Но о какой духовности может идти речь, когда мы видим в галерее положенное на пол неровное бревно с подписью «Объект номер один» или перевернутое вверх ногами дерево с обрубленными ветвями?! Так что вполне можно понять западных зрителей, которые в поисках души, человеческого тепла и даже человеческой боли и отчаяния — только бы не голый рационализм, — приходят на выставки неофициального русского искусства, подолгу простаивают у картин Владимира Овчинникова, Вячеслава Калинина, Оскара Рабина, Бориса Свешникова, а потом благодарят организаторов экспозиций и присылают в Музей неофициального русского искусства в Монжерон и Джерсити письма, которые свидетельствуют о том, что подлинное, необходимое людям искусство, будь оно беспредметное или фигуративное, не в состоянии обойтись без чувств, без духовности, без эмоционального начала.

А на восклицания западных критиков: «Где же в неофициальном русском искусстве авангард?!» — скульптор Эрнст Неизвестный однажды ответил: «А где же сегодня авангардисты западные?»... Вопрос

отнюдь не случайный и не злонамеренный, с целью, как говорится, утереть нос оппоненту, сам, мол, дурак. Авангард — это всегда открытие нового. Открытия же в искусстве совершаются не каждый день и даже не каждое десятилетие. Великий русский авангард 20-х годов — Кандинский, Малевич, Родченко, Лисицкий, Попова, Клюн, Татлин — родил новые формы, оказал влияние на все мировое изобразительное искусство, влияние, которое испытывается и по сейчас. Открытия Поллока в 40-е годы и Раушенберга в 60-е, новые пути, проложенные ими и их последователями, вновь обогатили искусство. Но бывают такие периоды, порой и весьма длительные, когда нет открытий, когда синтезируются открытия, сделанные в прошлом, и в это время требовать от художников во что бы то ни стало нового, авангардного в области формы, и бесполезно и нелепо. Да и потом, разве художественное произведение можно оценивать только по степени авангардности? Не является ли, к примеру, не менее, а даже более важным для оценки художника своеобразие его видения мира, его индивидуальность. И как раз индивидуальность, точнее отсутствие или почти полное отсутствие ее, является второй общей чертой соцреализма, сегодняшнего модернизма и коммерческого искусства. В Нью-Йорке, в нижнем Манхэттене, есть целый район, где находятся только галереи авангардистского плана. Часто заглядывая туда, я тщетно, чуть ли не в течение целого года, старался выделить и запомнить какие-то работы, какие-то имена. Потом некоторые уже из встретившихся мне здесь картин и объектов я встречал и на других выставках, узнавая их только по названиям и фамилиям авторов. Никогда не было у меня такого ощущения: мол, этого художника я уже видел. А ведь работы таких мастеров модернистского искусства, как Мондриан, как Джаспер Джонс, и других истинных авангардистов узнаются с первого взгляда.

Этих художников друг с другом не спутаешь. Да, все они авангардисты, пролагатели новых путей, но все они и яркие индивидуальности, подобных которым сегодня в авангардистских галереях почти не найдешь. Как не отыщешь их и в коммерческом искусстве, где вчерашний абстракционист, следуя потребностям рынка, превращается в фигуративного художника, чтобы назавтра, если это диктуется галереей, стать мастером-ремесленником любого нового стиля.

И, конечно, не приходится говорить об индивидуальности в искусстве социалистического реализма. Здесь запреты и цензура нивелируют всякий талант, а те, кто не поддается этому процессу, в официальные экспозиции просто не включаются. Эрнст Неизвестный очень точно отметил, что на выставках в СССР можно сейчас увидеть работы самых разных направлений, но ни в коем случае не увидишь индивидуальности. Она удаляется с обширных полей соцреализма как сорная трава. Впрочем, это и понятно. Индивидуальность всегда независима. А независимость, как известно, в СССР отнюдь не поощряется.

Чтобы пояснить свою мысль о значении индивидуальности в изобразительном искусстве, я приведу несколько примеров из других областей. Стоит вам, скажем, прочесть несколько строк Достоевского, Хемингуэя или Солженицына, как вы узнаете каждого из них. Если вы любитель музыки, то стоит вам услышать Баха, Шопена или Шостаковича, как вы немедленно различите их. А если вы любите современных русских бардов, то никогда не спутаете Высоцкого с Галичем, а едва вы услышите «последний автобус по улице мчит, верша по бульварам круженье», как без всяких сомнений, даже не зная, предположим, этой песни, скажете — это Булат Окуджава.

То же самое и в живописи. Кстати, можно любить или не любить, принимать или не принимать творчество неофициальных русских живописцев, но лучшим

из них в индивидуальности не откажешь. И достаточно только назвать имена: Михаил Шемякин, Олег Целков, Эрнст Неизвестный, Владимир Янкелевский, Оскар Рабин, Олег Кабаков, Лидия Мастеркова, Владимир Вейсберг, Дмитрий Краснопевцев, Владимир Немухин, Вячеслав Калинин...

В 1969 году московский художник Анатолий Зверев написал портрет моей жены. Работу забрал я, едва он ее закончил, краска еще не высохла, а дома кто-то задел холст и краску смазал. Несколько художников пытались восстановить картину, но тщетно. А Зверев пришел, провел, казалось бы, небрежно по холсту пальцем, и все встало на свое место. Портрет ожил и выглядел так, словно его и не повреждали. Чем это объяснить? Ничем иным, как мастерством Зверева, одного из наиболее талантливых художников-нонконформистов.

«Словарь русского языка» Ожегова дает такое определение слову «мастерство» — высокое искусство в какой-либо области. На мой взгляд, мастерство включает в себя и данный Богом дар, и умение, школу. Применяя понятие «критерий мастерства» к соцреализму, коммерческому искусству и сегодняшнему модернизму, невольно попадаешь в тупик. Как его, это понятие, определить? Тут мне могут сразу же возразить: каким бы, мол, ни был, скажем, художник-академик Налбандян, мастерства у него не отнимешь. Как, например, он пишет портреты — и абсолютное сходство, и каждая деталь выписана, каждую пуговицу на пиджаке или на военном кителе, кажется, потрогать можно. Все верно. Но это мастерство не художника, а ремесленника. Любой живописец, окончивший Академию художеств или даже художественную школу, способен добиться того же самого. Посади десять таких ремесленников за мольберты и предложи им написать человека, яблоко, дерево или пуговицу, и они напишут одно и то же, трудно будет отличить их работы друг от дру-

га. А вот яблоки Сезанна ни с какими другими не спутаешь. Так же, как портреты Модильяни. И, кстати, о внешнем сходстве. На улицах Парижа и Тбилиси нередко можно встретить художников, которые предлагают вам нарисовать ваш портрет. И рисуют две-три минуты и добиваются абсолютного внешнего сходства. Но разве это мастера? Нет, умелые ремесленники. А вот Пабло Пикассо написал однажды портрет критика Гертруды Стайн. Он сделал один вариант, второй, третий... Кто-то из его друзей зашел к нему и заметил, что, дескать, первый и второй варианты близки к оригиналу, а на третьем не женщина, а свинья в кубе. «А разве она не свинья в кубе?» — ответил Пикассо. Художник старался передать в своем портрете не внешнее сходство, это может сделать и фотограф, а сущность человека, которого он написал.

В искусстве социалистического реализма, являющегося социальным заказом, в искусстве, из которого изгоняется любая яркая индивидуальность, в искусстве, которое лишено искренности чувств и духовности, теряется критерий мастерства, и вместо мастеров, за редким исключением, портреты и пейзажи, жанровые картины и военные батальные сцены пишут более или менее способные ремесленники. Все они окончили художественные училища, школы, академии, все они умеют рисовать, писать, но цензура так всех нивелирует, что даже от природы одаренный художник, всю жизнь идя на компромиссы, теряет не только индивидуальность, но и мастерство. Загляните на многочисленные юбилейные или тематические выставки — какое однообразие, какая схожесть живописцев друг с другом! Да это и понятно. Если главное — тема, то к чему что-то искать, зачем находить новые возможности для того, чтобы выразить себя, к чему думать о мастерстве? Пиши на заданную тему, и тебя выставят, и картину твою приобретет Министерство культуры или, на худой конец, Художественный фонд.

В западном коммерческом искусстве происходит то же самое. Рынок диктует, а художники, которые подчиняются ему, художники, для которых основное — заработок, мечутся из стороны в сторону, меняют стили, теряют индивидуальность, если она была, теряют подлинное мастерство и превращаются в умелых, здесь только в умелых, иначе не продашь, ремесленников. Кстати говоря, в этот соблазн впали и некоторые оказавшиеся на Западе русские художники-нонконформисты. Но лучшие из них остались верны себе и сохранили и свой стиль, и свое мастерство.

Прежде чем говорить о мастерстве в сегодняшнем модернизме, хочу подчеркнуть, что модернизму я вовсе не враг, именно с современного искусства и началась моя любовь к живописи вообще. Но одно дело настоящие модернисты, авангардисты — пролагатели новых путей в искусстве, такие, как Малевич, Кандинский, Шагал, Вазарелли, Генри Мур, Поллак, Раушенберг, например, а другое — бесконечное число их подражателей, которые выставляются сегодня в галереях авангардистского плана. Эти «авангардисты» никаких открытий не делают, а стремятся лишь поразить чем-нибудь зрителя: то ли техническим приемом, то ли необычным сочетанием красок, а иногда и просто вещами, не имеющими отношения к искусству. Так, с полгода назад в одной из нью-йоркских галерей двое живописцев выставили портрет Гитлера. Произошел скандал. Об этом много писали. Но какое это имеет отношение к искусству? И где уж тут думать о мастерстве, когда есть одно желание — обратить на себя внимание любой ценой. А вот другой пример. На выставку в Музей современного русского искусства в изгнании в Джерси-Сити принесли свою работу художники-концептуалисты Виталий Комар и Александр Меламид: на красном полотне было написано всего два слова — «Вам хорошо!». Комар и Меламид уже много лет работают вместе. Вместе еще в Москве

они создали новое течение соц-арт, по аналогии с поп-артом. Только американский поп-арт родился от обилия вещей, а соц-арт от обилия идей. Как вы понимаете, искусство Комара и Меламида полно иронии и остроумия, и в выдумке им не откажешь. Но как конкретно оценить эту работу? Вот другой художник-концептуалист Александр Косолапов принес на выставку еще одно красное полотно. На нем было написано: «Сашок! Ты будешь пить чай?» Ну, хорошо, всех этих трех художников я знаю, а если, скажем, пришел с улицы вовсе незнакомый никому человек и принес красное полотно с какой-нибудь иронической надписью? Как определить — художник или нет? Как применить к таким работам понятие «критерий мастерства»? В чем оно, мастерство, проявляется: в остроумии ли написанного, в том ли, ровно или неровно, красиво или некрасиво написано? По-моему, ответить на этот вопрос невозможно. И с грустью прохожу я по авангардистским галереям Нью-Йорка, потому что ни отдельные технические находки, ни остроумие, ни эпатаж публики не заменяют чувств, индивидуальности и подлинного мастерства, которыми так богато настоящее авангардное искусство двадцатого века. И хотя, безусловно, сегодня в Париже, Нью-Йорке, Лондоне и Мюнхене есть талантливые, искренние, самобытные мастера, но не они в целом определяют состояние и уровень современного западного искусства.

* * *

Есть в современном искусстве такое понятие, как искусство действия, включающее в себя хэппенинги и перформансы. Внешне эти акции схожи, но путать их друг с другом не следует. И в том и в другом художники выходят на люди и творят некое действие.

Это действо фотографируется. Для будущего эти фотографии и остаются единственными свидетелями свершившегося. Но в то время как хэппенинги всегда направлены на то, чтобы изменить обычный стиль поведения зрителя и вовлечь его в происходящее, сделать соучастником события, перформансы на это принципиально не претендуют. Тут главное не зрителя вовлечь, а создать нечто зрелищное.

В мае 1982 года в Нью-Йорке группа русских эмигрантов — художники, инженеры, математики — провели перформанс под названием «XXVII съезд КПСС». В действе этом не было ни пародии, ни гротеска, все происходило на всамделишном уровне, только на английском языке. Съезд как съезд. Доклады. Дискуссии. Выборы. И нужно сказать, что зрелищность действия от этого лишь выиграла и действо произвело на зрителей сильное впечатление. Кстати, и американская пресса откликнулась, причем положительно, на это событие. С одним из участников перформанса «XXVII съезд КПСС» доктором математических наук и художником Виктором Тупицыным мы разговорились, и я ему сказал, что все это, конечно, забавно, но, на мой взгляд, к изобразительному искусству не имеет отношения, что это нечто совсем иное и должно оцениваться по каким-то особым критериям. А дальше речь у нас зашла об основных направлениях в современном мировом изобразительном искусстве, то есть социалистическом реализме, нынешнем модернизме и коммерческом искусстве. Я высказал ему свою точку зрения на общие черты этих трех направлений — такие, как отсутствие эмоционального начала и духовности, отсутствие индивидуальности и отсутствие подлинного мастерства. Он против этого не возражал, но заявил, что я оперирую устаревшими ценностями. «Какие же новые?» — поинтересовался я. Этого Тупицын объяснить не мог, но утверждал, что нынешние модернисты пытаются воздействовать на зри-

теля по-другому: чем-то неожиданным, экстравагантным, ошеломляющим. «Например, — говорил он, — выставляя портреты Сталина, Гитлера или Мао, художники думают не об индивидуальности, они хотят эпатировать публику, а кроме того, почему нельзя рассматривать Сталина или Гитлера как своего рода художников, которые писали не на холстах, а в жизни, которые осуществляли свои хэппенинги и перформансы в мировых масштабах?». — «Но почему тогда не взять Наполеона или Атиллу?» — спросил я. «Ну, это было давно, этим никого не удивишь и ни раздражения, ни протеста не вызовешь». — «Но тогда, — возразил я, — речь идет не об искусстве, а о политике, не об искусстве, а о желании вызвать скандал и обратиться на себя таким образом внимание». — «А почему бы и нет?» — откликнулся он. И наша дискуссия зашла в тупик. Мы говорили о разном и на разных языках.

А я вспомнил, как в 1970 году два московских моих приятеля уговаривали меня послать в газету покаянное письмо. «Ну, что от тебя убудет? — повторяли они. — Иначе все потеряешь». Когда же я сказал, что совесть и честь не позволяют мне сделать этого, то один из них, поэт Александр Богучаров, даже замахал руками: «Чудак ты, кто же теперь о таких устаревших понятиях думает!»

Но я полагаю, что как в жизни честь и совесть являются вечными ценностями, так и в искусстве вечными ценностями являются индивидуальность, мастерство, присутствие в картинах и скульптурах эмоционального начала, духовности. А желание эпатировать публику, вызвать скандал и не имеют отношения к искусству вообще, и к тому же все это старо, как мир. Семьдесят лет тому назад в России этим занимались, например, футуристы. Но, конечно, уж если нет индивидуальности, если нечего сказать, нечего выразить, если ничем иным, как скандалом, зрителя

не привлечешь, то сойдет и эпатаж. Но вот почему-то лучшие неофициальные русские живописцы: и те, кто оказались в последние годы на Западе, и те, кто остаются в СССР, — к этим далеким от настоящего искусства методам привлечения публики не прибегают. А именно такие вечные ценности, как сочетание в их полотнах высокого мастерства, яркой индивидуальности, глубины и искренности чувств, будь то любовь или отчаяние, и притягивает уже в течение добрых десяти лет тысячи и тысячи зрителей на экспозиции русских художников-нонконформистов. Это не преувеличение. Напомню некоторые цифры. Венецианское Бьеннале неофициального русского искусства в 1977 году посетило сто шестьдесят тысяч любителей живописи. Директор Бьеннале Карло Рипо ди Меана сказал мне, что уже много лет такого наплыва зрителей он не видел. В 1978 году на подобной же выставке в Японии, в городском музее Токио, только за одну неделю побывало 18 тысяч зрителей. В том же году выставку художников-нонконформистов в Музее изящных искусств французского города Шартра посмотрело более двенадцати тысяч человек. И так бывало повсюду: в Париже и Лондоне, Западном Берлине и Вене, Турине и Фрайбурге... И, повторяю, привлекали любителей живописи не возможность увидеть какие-то откровения в области формы, не новые технические приемы, не ухищрения, направленные на эпатаж, а искусство в самом прямом и полном смысле этого слова. Картины, акварели и рисунки, в которых они, зрители, находили и живые человеческие переживания, и неповторимую индивидуальность, и высокое мастерство. И чем дальше шло время, тем больше появлялось западных критиков, которые, отбрасывая прочь привычные для себя стандарты, старались непредубежденно разобраться в творчестве неофициальных русских художников. В Англии таким стал Джон Сперлинг, во Франции — Ален Боске, в

США — Джон Болт и Алисон Хилтон. И во всех этих странах, а также в Италии, в Японии, в Бразилии и Бельгии появились коллекционеры свободного русского искусства.

Когда шесть лет назад в Монжероне под Парижем открывался музей неофициального русского искусства, скептики говорили, что дескать, первое время французы туда поедят, а потом кто же будет таскаться в такую даль, за семнадцать километров от Парижа. Но, хотя у музея нет средств для рекламы, он постоянно посещается, и не только французами, но и немцами, англичанами, бельгийцами... И на каждую выставку, которая проходит в нем, откликается французская пресса, а порой и немецкая, и голландская. То же самое происходит и в США, где двухлетняя деятельность Музея современного русского искусства в изгнании в Джерси-Сити под Нью-Йорком неизменно освещается и американской прессой, и телевидением.

Два года назад один из французских журналов по искусству опубликовал статью под названием «Русский фронт наступает». Она была посвящена трем одновременно проходящим в Париже выставкам русского неофициального искусства. Год назад одна из нью-йоркских газет дала статье, связанной с экспозициями русских художников-нонконформистов, броский заголовок: «Русские пришли». В этом году в Париже открылись две русские галереи, в прошлом году в Нью-Йорке, в нижнем Манхэттене начал работать «Современный центр русского искусства». Все это означает только одно — интерес к свободному русскому искусству и в Европе, и в США со временем не убывает, а растет.

И мне думается, что этот процесс будет продолжаться, так как людям свойственно искать в искусстве созвучные им эмоции и мысли, самобытность и человеческое тепло, то самое, которое, по выражению композитора Шумана, должно нести свет в челове-

ческие сердца: то есть то, что как раз и содержит в себе неофициальное русское искусство.

БЛАГОДАРНОСТЬ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

Свершилось. После шести лет борьбы, в которую оказались вовлечены десятки тысяч людей в разных странах мира, наша семья сумела добиться от советских властей права на воссоединение.

Мы рассматриваем это событие не только как нашу личную победу, а как победу всех наших друзей, всех тех, кто помогал нам в эти трудные годы. Мы считаем также, что символически — это была победа Добра над силами Зла, победа таких основных человеческих чувств и понятий, как свобода, любовь, семья, дружба — над тоталитарным человеконенавистническим аппаратом и военно-полицейским режимом.

Мы уверены, что наш успех вселит новые надежды в сердца многих людей, сражающихся за воссоединение со своими родными и близкими.

В эти дни мы часто с благодарностью вспоминаем всех тех, кто помогал нам в этой борьбе. Тысячи совершенно незнакомых людей, узнав из западной прессы про нашу беду, писали и звонили нам, предлагая свою поддержку. И теперь мы каждый день получаем большое количество писем с поздравлениями от этих замечательных бескорыстных людей. Оглядываясь назад, мы видим, что эти прошедшие 6 лет были для нас не только годами боли, разлуки и отчаяния, но и временем, в течение которого мы приобрели стольких верных и надежных друзей.

В этой заметке для «Русской Мысли» мы хотели бы поблагодарить своих соотечественников, которые помогли нам добиться победы. И, прежде всего, тех, кто — там. Их немного, но тем драгоценнее была для нас их поддержка. Ведь за это они подвергались преследованиям, им угрожали, отключали телефоны и проч. Но властям так и не удалось запугать их.

Особо глубокая благодарность от нас — Андрею Дмитриевичу Сахарову и Елене Георгиевне Боннэр. Их триумфальная победа в недавней голодовке вдохновила многих членов московской группы разделенных семей на подобную отчаянную борьбу. Риск был огромен, но результаты превзошли все ожидания. Пять участников бессрочной голодовки из семи — получили разрешение на выезд из СССР...

Мы благодарны Сахарову за его письмо советским властям в поддержку членов группы. Мы, со своей стороны, будем делать все возможное, добиваясь возвращения Сахарова из ссылки домой.

Что же касается соотечественников, живущих на Западе и помогавших нам в наших бедах, то перечислить их всех нет никакой возможности... Наша глубокая искренняя признательность В. Аксенову, Вл. Буковскому, Вл. Максимову, Ал. Гинзбургу, Эрнсту Неизвестному, о. Виктору Потапову, членам редакций «Русской Мысли» и «Нового Русского Слова» и многим, многим другим.

Еще раз — глубокий поклон нашим друзьям.

*Татьяна и Эдуард Лозанские
Париж, 5. 1. 83*

Условия подписки на журнал «КОНТИНЕНТ»

На 1 год — 40 н. м.; на 6 месяцев — 20 н. м.

Цена одного номера — 12 н. м.

Пересылка за счет подписчика.

Подписка может быть оформлена в генеральном представительстве «Континента» по адресу:

**A. Neimanis · Buchvertrieb
8000 München 40 · Bauerstraße 28 · Germany**

а также у корреспондентов журнала (адреса на второй странице обложки) или у представителей «Ассоциации друзей «Континента»:

**США: Вост. побережье — Э. Штейн (E. Sztein),
594 Chestnut Ridge Road
Orange, CT. 06477, USA**

**Генеральное представительство
«КОНТИНЕНТА»**

**A. NEIMANIS BUCHVERTRIEB
8000 München 40 · Bauerstr. 28 · Germany**

ТОТАЛИТАРНЫЙ ПАНОПТИКУМ

Боюсь, что я бы не сказал ничего нового, если бы стал доказывать здесь удручающую неэффективность Организации Объединенных Наций в ее нынешнем состоянии. Это засвидетельствовал недавно и сам ее Генеральный секретарь Перес де Куньял, которого, согласитесь, трудно в данном случае заподозрить в предвзятости.

Мне бы хотелось отметить сейчас, прежде всего, последовательную утерю всех моральных критериев, на которых основывались в самом начале ее Устав и традиции.

Процесс моральной энтропии ООН начался где-то во второй половине пятидесятых годов, бурно, в самый разгар деколонизации, развивался в шестидесятых и достиг своего апогея в эпоху так называемой разрядки напряженности. Белое вдруг сделалось для этой организации черным, а черное — белым. Именно в этот период из ее состава (причем, как это ни горько сознавать, по инициативе тогдашнего Президента США) был исключен национальный Китай, никогда и нигде не нарушивший буквы и духа Устава, и вместо него принят Китай тоталитарный, попиравший и до сих пор попирающий все Божеские и человеческие законы как в отношении своих граждан, так и всего остального мира.

Этот вызывающий акт стал сигналом к началу засилья в ООН диктаторских, а то и просто уголовных режимов. Кто только за эти годы не навязывал ей свою волю! Каннибалы вроде Бокассы, Иди Амина или Матиаса, параноики наподобие Кадафи и Хомейни, бандиты с большой дороги типа Арафата и Кастро

(последний, к примеру, не считает зазорным для себя лично участвовать в пытках своих политических противников, вспомните хотя бы поэта Вальядареса!). Причем каждого из этих человеческих выродков зал ООН встречал стоя и восторженными овациями. Поистине: бывали хуже времена, но не было подлей!

Уже в наши дни эта малопочтенная организация с серьезным видом обсуждает вопрос, какой из двух кровавых банд Камбоджи: Пол Пота, зверски уничтожившей треть собственного населения, или Самрина, захватившего теперь власть с помощью вьетнамских штыков, — отдать предпочтение представлять в ее составе свою страну? И это решается на глазах законного камбоджийского правительства во главе с принцем Нородомом Сиануком!

Некоторые руководители этой организации наивно пытаются объяснить подобную практику плюралистической широтой. Но почему-то их плюрализм, включая в свой политический спектр никем не избранных убийц и насильников, никогда не предоставил трибуны демократической оппозиции тоталитарных стран. К примеру, для представителей более чем полумиллионного народа крымских татар, насильственно изгнанного со своей земли и пытающегося добиться своего возвращения сугубо мирными средствами. Видимо, теперь, чтобы получить слово в ООН, туда надо входить не с ее Уставом, а с автоматом Калашникова наперевес!

Беспринципность и аморализм руководителей этой организации дошел до того, что недавний ее Генеральный секретарь Курт Вальдхайм под грохот советских танков в Афганистане вручал в Кремле господину Брежневу медаль Мира (никем, кстати сказать, не учрежденную, а просто купленную этим ловким австрийцем в случайном магазине сувениров) «за заслуги в области укрепления взаимопонимания между народами». Умилительная картинка: бывший эсэсов-

ский офицер и глава самого агрессивного государства на земле сливаются в дружеском экстазе под одобрительные аплодисменты всего Свободного мира! Хоть плачь от восторга!

Но чего, скажите, еще можно ожидать от организации, почти четверть штата которой состоит из шпионской агентуры тоталитарных стран, причем агентуры, оплаченной западными налогоплательщиками!

Следуя простейшей логике и здравому смыслу, странам Свободного мира следовало бы давно отказаться от участия в навязанном ей тоталитарной мафией политическом спектакле под названием ООН, к тому же, спектакле, оплаченном из их собственного кармана. И таким образом прекратить ее бесславное существование.

Но в освободившемся здании этой организации США могли бы открыть музей восковых фигур основателей и участников этого тоталитарного паноптикума в поучительное назидание нашим потомкам. Может быть, они — эти потомки — окажутся умнее и дальновиднее нас.

ТРИ ГОДА ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ

3-е расш. и дополн. издание.
В сборнике 21 фотография,
карта Афганистана

Сборник составлен на базе статей из журнала «Посев» и охватывает период с начала войны до лета 1982 года.

1982

224 с.

12 нм

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M.-80

Памяти Бориса Георгиевича БАЖАНОВА

Борис Георгиевич Бажанов, человек из ряда вон выходящий, родился 9 авг. 1900 г. в Могилеве-Подольском на Украине, в семье железнодорожного врача. С самого раннего детства он поражал своих родных и товарищей ранней развитостью и блестящим умом.

Русская революция 1917 года захватила его, тогда студента Киевского университета, коммунистическая утопия увлекла его, и в 1919 г. он вступает в партию. Ум его и организаторские способности позволили ему меньше, чем за месяц, возвыситься от рядового партийца до вершин аппарата.

В 22 года Борис Бажанов предложил полную реформу устава РКП(б) — после ее одобрения он был назначен секретарем Сталина и Политбюро.

В 1928 году Борис Бажанов, ставший в столкновении с жесткостью, несправедливостью и деспотизмом большевистского режима антикоммунистом, бежит из СССР через иранскую границу. Его пребывание на Западе, при его детальнейших познаниях всей секретной структуры дипломатических, административных и полицейских органов Советского Союза, превратило его в прямую мишень агентов ГПУ, которых Сталин посылал, чтобы избавиться от столь неудобного свидетеля. Чудом избежав нескольких покушений и осев во Франции, Борис Бажанов, в свое время с отличием окончивший в Москве политехнический институт, не прекращая борьбы с большевизмом, совершает ряд изобретений и технических усовершенствований, способствуя развитию французской промышленности.

В 1939 году, когда СССР напал на Финляндию, Борис Георгиевич стал советником при маршале Маннергейме. Ему было поручено набирать добровольцев среди советских военнопленных и формировать из них боевые отряды.

Начиная со времен войны, Борис Георгиевич поселился в коммунашке на Острове св. Людовика в Париже и, уже обладая прочной репутацией выдающегося изобретателя, отдался своим открытиям. Среди них — революционная теория строения материи, позволяющая объяснить Ньютонов закон всеобщего земного притяжения и дополнить его законом всеобщего отталкивания материи, многое объясняющего в физике микрочастиц и в ряде явлений химии.

Борис Георгиевич был потрясающе умен, наделен исключительным даром к анализу и синтезу, а также огромной широтой кругозора как в науке, так и в политике. При всем при этом образ его жизни был крайне прост, даже — аскетичен. Координатами его жизни были отвага и труд.

Принося последние почести политику, ученому, глубочайшему человеку, мы оплакиваем драгоценного друга.

Да покоится он в мире!

Михаил Кельбер

Наша почта

Главному редактору «Континента» В. Е. Максимова
Многоуважаемый Владимир Емельянович!

Поскольку в напечатанном в «Континенте» «докладе» Е. Эткинда, А. Синявского и К. Любарского был пассаж меня лично касающийся, я очень прошу Вас напечатать в ближайшем номере Вашего журнала следующее:

Несмотря на то, что я с 1978 г. никакой общественной деятельностью не занимаюсь и почти не печатаюсь в эмигрантской печати, мое существование, по-видимому, волнует проф. Е. Г. Эткинда, который при всяком удобном и неудобном случае припоминает одну мою давнюю обмолвку. Написав, что как будто при погромах не было человеческих жертв, «если память мне не изменяет», я к тому же напрасно упомянула слово «память», потому что историю погромов я не читала, а помнить их не могла и по возрасту моему, и потому что детство мое прошло в той части России, где погромов не бывало. Зато я действительно помню, что из сотни русских евреев, которых я в моей жизни встречала уже на Западе (со многими из них я была дружна), *ни один* не сказал мне, что кто-либо из членов его семьи был убит во время погрома. Среди самых антирусских советских эмигрантов 70-х годов, мною встреченных, как будто тоже такого семейного свидетельства (как было о Бабьем Яре) не появилось. Итак, я ошиблась. Скромно прибавлю, что за полвека литературной и журналистической деятельности, вероятно, я была повинна и в других ошибках. Впрочем, литераторам ошибки более простительны, чем профессорам. И хотя Е. Г. Эткинд прекрасно знает французский язык, ему, вероятно, неизвестна довольно вульгарная французская поговорка:

«Ne cherche pas les poux sur la tête d'autrui, cherche les sur la tienne» (не ищи вшей на чужой голове, ищи их на своей). Я специально не выискивала ошибочные утверждения Е. Г. Эткинда, но все же указала ему *один только раз* в статье и один раз устно, что он совсем напрасно причислил Боратынского к числу жертв царского режима и приписал царскому генералу такое странное обращение к великому князю, как «Ваше сиятельство» вместо Ваше высочество (или Ваше императорское Высочество, если вел. князь был сыном или внуком государя). Сиятельством называли князей и графов. Ошибки можно, и иногда должно, указывать, но повторно цепляться за одну и ту же, право, не имеет смысла...

Зинаида Шаховская
Париж, ноябрь 82 г.

Читайте в следующем номере «Континента»

Стихи:

**И. Бродский, Н. Горбаневская, А. Донде,
Ю. Кублановский, А. Раннит**

Круг рассказчиков:

**М. Зайчик, Ю. Кашкаров, Г. Покрасс,
Л. Чертков**

Публицистика:

**Г. Андреев, С. Караванский,
И. Куперман, М. Михайлов**

Критика и библиография

ОБЩЕЖИТИЕ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Профессора юридического факультета Ленинградского университета были недовольны аспирантом из Америки Логаном Робинсоном. Вместо того, чтобы послушно отсиживать на их лекциях и конспектировать их труды в библиотеках, он всё время чего-то требовал. То он хотел пойти в суд и посмотреть, как советское право применяется на практике. То пытался доказывать, что ему совершенно необходимо посетить заседания международного торгового арбитража (сфера его специализации в юриспруденции) и для этого поехать в Москву, где, как ему известно, проходят сейчас заседания комиссии, регулирующей торговлю между СССР и Кубой. То проявлял буржуазную ограниченность и отказывался признавать гуманность советского закона, разрешающего списать на государство любые убытки производства, если они причинены без злого умысла. Однажды его наглость дошла до того, что он спросил, где можно купить якобы необходимую ему книгу — «Гражданский кодекс РСФСР».

Много огорчений доставил мистер Робинсон и «Интуристу». В отличие от большинства иностранцев — вежливых и послушных — он как-то очень быстро научился пропускать мимо ушей чиновничье «нъет». Например, уезжая на Рождественские каникулы в Европу, он просит «Интурист» в Риге купить ему билет на самолет в Вильнюс. Ему терпеливо объясняют, что в Вильнюс ему нельзя, потому что в его документах нет соответствующей визы, что это ничего не значит, что поезд на Варшаву идет через Вильнюс: нужно вернуться в Ленинград, и там через каких-нибудь пять-десять дней ему поставят нужные штампы.

«Нет, — заявляет мистер Робинсон, — по новым правилам для транзитного проезда виза не нужна».

Logan Robinson. An American in Leningrad. 320 pp. W. W. Norton & Co., New York / London, 1981.

Неопытная сотрудница «Интуриста» поддается на провокацию (писаных-то правил нет и у нее), покупает ему билет. В рижском аэропорту бдительные стражи пытаются задержать его, но он выворачивается и тут, дерзко заявляя: «Неужели вы думаете, что «Интурист» купил бы мне билет, если бы я не имел права на проезд через Вильнюс?» Так и обманул, проехал куда ему было нужно. И такие номера он выкидывал во множестве.

С иностранцем-туристом советские власти обходиться уже научились. Из самолета — в гостиницу, там побаловать его семгой и икоркой, выкачать из его карманов еще несколько десятков долларов при помощи палехских шкатулок, грампластинок, балетных спектаклей, а там — в автобус с дымчатыми стеклами, да по памятным местам, да по «Золотому кольцу», где на придорожные поля удобрения отпускаются по специальным нарядам, так что колхозные нивы выглядят не хуже, чем в Техасе. Суздаль, Владимир, Киев, побеленные церкви-музеи (а церковей-складов, церковей-развалин с «кольца» не видать), снова пирожки, кулебяки, водочка — и хватит с него, может ехать обратно, разносить легенды о советском процветании.

Но что делать со студентом или аспирантом, который приезжает, как этот Робинсон, чуть ли не на год?

Он живет в университетском общежитии и выходит в город, когда ему вздумается. Конечно, контингент в общежитии подобранный — стукач на стукаче. Но ведь и стукачи — не без слабостей. Один готов продаться за пару джинсов. Другой так изленится, что даже для виду учебника не откроет за весь семестр, выдает себя с головой. Третий пьет беспробудно. А Робинсон тем временем ходит себе по улицам, заговаривает с неподготовленным народом, делает снимки в бакалейном магазине, а когда его арестовывают за это, ухитряется обмануть простодушных милиционеров и пленку им не отдать.

И что хуже всего — он заводит себе друзей.

Кажется, не было за последние 20 лет иностранной книги о России, в которой автор не отметил бы, со смесью восхищения, зависти и благодарности, ту совершенно особую атмосферу сердечного радушия и тепла, в которую ему доводилось погружаться в русских домах, в дружеских компаниях, собирающихся за рюмкой водки на тесной кухне.

Словно бы все лучшие человеческие качества — искренность, отзывчивость, прямота, добродушный юмор, бескорыстие, приветливость, — будучи начисто изгнанными из общественной жизни, сгустились в жизни домашней, семейной с такой необычайной силой, что иностранец уносит память об этих вечерах как о чем-то самом важном и волнующем из всего случившегося с ним в России. Да и мы, новые эмигранты — разве не эти вечера с друзьями вспоминаем как главную утрату, не по ним ли наша ностальгия?

Таким домашним и дружеским прибежищем для Логана Робинсона оказалась семья писателя Давида Дара — дочь Лора, зять Слава Паперно (переводчик с английского), внук Максим. В разговорах и прогулках с ними он проводил часы (которые должен был бы потратить на проникновение в мудрость советского законодательства), на их примере изучал нелегкую науку — «повседневное выживание рядового гражданина в условиях победившего социализма», в их доме знакомился с другими русскими, пел под гитару русские и американские песни, узнавал о последних новостях неофициальной культуры — домашних выставках картин, самиздатских публикациях, новых записях Окуджавы и Высоцкого. Так как к моменту выхода книги «Американец в Ленинграде» семья Паперно эмигрировала (Дара вынудили уехать еще раньше, и он умер недавно в Израиле), Робинсон смог подробно описать свою дружбу с ними без риска поставить их под удар.

Автор внимателен к деталям быта и к историческому прошлому новой для него страны, чуток к особенностям языка, проницателен в суждениях о политической ситуации и социальной структуре. Но главное — полон сочувственного интереса к людям и их жизни и дерзкой решимости не поддаваться мифам официальной пропаганды, пытающейся скрыть эту жизнь от постороннего взгляда. Что-то новое в картине российского «сегодня» обнаружит для себя даже читатель, уехавший в середине семидесятых. Например, рассказ о ста килограммах тыквы, которую семья Паперно закупила на зиму по случаю и готовила ее потом во всех видах (так плохо всё же не было раньше); участвовавшие атаки на диссидентов с применением отравляющих веществ (незаметно прыснуть горчичным газом на одежду, а потом месяцы лечить — а заодно и изучать — ожоги в Военно-ме-

дицинской академии); рост «левого бизнеса», достигший таких размеров, что в Ленинграде возникла частная фабрика по производству защитных очков для сварщиков; и снова, и снова — нехватка продовольствия, доходящая до того, что даже в интуристовских отелях иностранным гостям подают «котлеты по-киевски», в которых есть обжаренные сухарики, обсыпка, зеленая петрушка, масло внутри, но, как ни ищи, нет куриного мяса.

Нужно надеяться, что эта умная, увлекательная и человечная книга поможет западному читателю яснее увидеть драму сегодняшней России. Ее стоило бы вручать каждому иностранцу, покупающему туристскую путевку в Москву и Ленинград. Не для того, чтобы он отказался от путешествия, а для того, чтобы лучше подготовился к нему, чтобы смог увидеть больше, понять — лучше, полюбить — то, что заслуживает любви, смог бы вернуться от сетей и ловушек Большой Показухи, приготовленных для него кремлевским «Министерством Правды».

Игорь Ефимов

РАЗВЕНЧАННОЕ БОЖЕСТВО

Парадоксальная особенность кровавых коммунистических диктаторов заключается в том, что в глазах не только собственных, но даже других народов они становятся чуть ли не полубогами. Что касается Иосипа Броз Тито, то о нем был создан и усиленно распространялся миф как о национальном вожде, герое, вожде, человеке исключительных моральных качеств. Восхвалялся Тито и как воплощение коммунистической ереси — этакий коммунистический Давид, один на один вставший против Голиафа.

Ценность этой книги как раз в том и состоит, что в ней ложный этот миф развенчивается, и не кем-нибудь, а человеком, который многие годы знал Тито лично, был его другом и соратником и являлся к тому же вице-президентом Югославии. Милован Джилас поставил своей задачей не

Милован Джилас. Тито — мой друг и мой враг. Издательство «Лев», Париж, 1982.

только восстановить правду о личности диктатора, но и показать корни явления, которое можно было бы назвать «тивовщиной».

С присущим ему умом, глубиной и талантом Джилас показывает, что для Тито такие понятия, как народ, коммунизм и партия, были всего лишь средством для осуществления своего я. В принципе Тито был точной копией Сталина с некоторыми поправками на особенности характера и взрастившей его национальной почвы. Главной и отличительной чертой обоих, как, впрочем, и всех диктаторов мира, является неугасимая, коварная и непреодолимая воля к власти. Именно «чистой» власти. Однако неременной составной частью власти тоталитарно-коммунистической становится марксизм, который, по словам Джиласа, «является кодексом поведения и наркотиком страха, порабощающим сознание».

При чтении книги не случайно возникает постоянное желание провести параллель Сталин — Тито. Вождя невозможно создать, если он не создает себя сам. И оба они, эти мальчики из провинции, честолюбивые и умные, наделенные способностью концентрировать волю и схватывать сущее, неудержимо рвались вверх. Обоим свойственно удивительное чувство интриги и политической игры, оба с врожденным упрямством создавали свое имя и культ.

Между прочим, Тито находился в Москве в середине тридцатых годов, в самый разгар жесточайших сталинских чисток. И был одним из немногих, кому удалось нащупать путь сквозь ужас проверок и ликвидаций, кому удалось уцелеть. На его глазах летели головы тех, кто обольщался, строил иллюзии относительно революции, партии и вождя. Тито никаких иллюзий не строил. Он проходил великолепную школу диктаторской власти, понимания того, какую она играет роль для судьбы революционного движения и самой идеи. Именно тогда он понял, насколько метод управления и власть важнее самой революции.

В ту страшную пору мерилom истинной революционности была преданность Советскому Союзу и лично Сталину. И Тито был предан им бесконечно. Джилас показывает, что сталинский ученик Тито был вполне искренен в этой своей преданности, однако «учение» давалось ему нелегко. Из Москвы, «столицы первой страны победившего социализ-

ма», он приезжал нервным и обессиленным, совершенно вымотанным страшным напряжением, которое приходилось переносить, и отдыхал среди подпольщиков проклятой монархо-фашистской Югославии.

Именно тогда, в Москве, Тито понял, насколько прав был Сталин, который в своей политике опирался на средний партийный строй, составляющий скелет и нервную систему тотальной власти. Получавший привилегии и подачки, этот слой возвышал над собой диктатора и обожествлял его. Поэтому партия стала предметом главных и неусыпных забот Тито, который отлично усвоил, что главную опасность для системы представляют не низы, а верхи, что по отношению к верхам необходимо проявлять постоянную бдительность. И надо сказать, что бдительность проявлялась, а любая крамола душилась в самом зародыше. Красноречивый пример — история отношений Тито с другом и соратником Милованом Джиласом, который за опасные свободолюбивые политические идеи долгие годы просидел в тюрьме.

В истории Югославии и в личной карьере Тито безусловно самым важным событием явился разрыв со Сталиным в 1948 году. Благодаря этому событию, возникло множество заблуждений относительно самого Тито и образа его правления. На первый взгляд может показаться, что Тито восстал против сущности сталинизма и пошел на разрыв с собственным прошлым. Однако, глубоко анализируя эту важную страницу титовской биографии, Джилас показывает, что дело обстояло вовсе не так.

Увеличение свобод Тито всегда ощущал как страшнейшую опасность для своей власти, он панически их боялся. На относительную свободу внутреннего рынка и на рабочее самоуправление он был вынужден пойти под давлением обстоятельств, против собственной воли. Для спасения страны и для собственной карьеры диктатора это было необходимо. Тито пошел ва-банк и выиграл игру. Кстати, послабления в области рынка и организация самоуправления действовали очень локально и никоим образом не влияли на сущность системы и власти.

Джилас подчеркивает, что, наоборот, начиная с 1948 года, в Югославии началось самое страшное время, которое можно сравнить только с годами сталинских чисток. Роль и сила тайной полиции невероятно возросли, надзор за ума-

ми ужесточился, возник югославский ГУЛаг и созданные по личной инициативе Тито концлагеря с системой пыток и изощренных издевательств над заключенными. Что же касается политических симпатий Тито, то Джилас не случайно указывает на тот факт, что после смерти Сталина югославский диктатор немедленно пошел на нормализацию отношений с Москвой. Конфликт со Сталиным, по мнению автора, лишь еще раз подтвердил, что войны между коммунистическими странами не только возможны, но порою и неотвратимы.

Немало страниц этой удивительной книги посвящено стилю жизни югославского диктатора. В отличие от аскетического Сталина, Тито любил роскошь, нацеплял на себя золото и бриллианты. Он потерял счет своим дворцам и охотничьим угодьям, любил прогулки и общество хороших женщин. К сожалению, как разрыв Тито со Сталиным, так и эти личные особенности его характера дали Западу возможность для иллюзий и надежд на то, что в Югославии якобы родился «особый» коммунизм, что коммунизм способен быть либеральным и так далее и тому подобное. Для Джиласа было чрезвычайно важно разоблачить беспочвенность и вред подобной выдумки.

Прежде всего коммунизм — это всегда жестокая тотальная власть и полное удушение свобод и демократии. Позволив себе оппозицию, он тут же подорвал бы основы собственного существования, на что никогда не пойдет и пойти не может. В этом смысле Югославия с некоторыми отклонениями во всем до мелочей повторяет основные черты современных тоталитарных коммунистических государств.

Что же касается дворцов, бриллиантов и барского образа жизни, то, по мнению Джиласа, в облике этого выскочки из низов мы наблюдаем всего-навсего совмещение двух зол — коммунистического с вульгарно-буржуазным. В любом случае абсолютная власть со всей неизбежностью, как это случилось и у Сталина, совершенно подмяла под себя частную жизнь властителя. Тито умирал одинокий, окруженный чужими людьми, чиновниками, льстецами, и подхалимами.

В книге помещено очень важное для прояснения ее существа предисловие Михайло Михайлова, который призывает читателя вникнуть в суть воспоминаний и прочесть их внимательно и непредвзято. Тогда станет понятно, насколько

ко глубоки истоки распространенного в мире культа Тито и что питаются они «нежеланием увидеть реальность нашего времени, когда демократии угрожает не одно определенное государство, а мировой коммунистический тоталитаризм во всех своих формах».

М. Михайлова

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ

«Крикни сейчас «замри» — я бы тотчас замер,
Как этот город сделал от счастья в детстве».
(Римские элегии, 1)

Двенадцать стихотворений составляют книгу. Книгу завершённую, как двенадцать цифр на циферблате. Замкнутость суток, наполненных жарой, неподвижным воздухом, и рассмотренных подробно, до невозможности подробно, деталями — ведь в замершем, неподвижном мире легко не спеша разглядеть все, что попадает, все что перед глазами... И не только разглядеть, а медлительно — почти лениво — повести мысль по незримым лучам ассоциаций, которые исходят от любого попавшего в поле зрения предмета:

Цифры на циферблатах скрещиваются, подобно
прожекторам ПВО в поисках серафима...

Тут уже неважно становится, действительно ли цифры скрещиваются, или стрелки, важна не деталь, а идущая от нее ассоциация — совмещение несовместимого на первый взгляд, а если вникнуть — страшный гротескный образ, за которым возникает целая тема: не просто прожектора, а прожектора ПВО шарят по небу, не самолет, несущий смерть, ищут они, а серафима; образ космической вражды, вернее враждебности зазнавшегося земного, материального всему духовному, неподвластному...

Я так подробно остановился на этом образе (хотя дан он походя, в запятых, вводным предложением) лишь пото-

Иосиф Бродский. Римские элегии. «Руссика», Нью-Йорк, 1982.

му, что он как в капле отражает всю манеру, в которой написаны «Римские элегии».

Но возьмем сначала «внешний план» — на уровне описательном. Жаркий август в Вечном городе. Все замирает. Все неподвижно. И можно скользить глазом по руинам и комнатам, по древности и по сегодняшнему, по куполам соборов и язычку свечи, по строчкам в старинных книгах и булыжникам мостовых... И тут вступает второй план — план ассоциативный, причем поэт ведет нас вслед за своей мыслью порой очень далеко от предмета, эту мысль вызвавшего:

Ястреб над головой, как квадратный корень

Из бездонного, как до молитвы, неба...

Так или иначе, незапамятные времена и сегодня живут — или лениво спят в августовской неподвижности одновременно. Движения нет даже у времени. Так из всей мозаики деталей и «посторонних» мыслей кристаллизуется образ вечности. А в ней — нет случайного. Все значит. И купола, что «смотрят вверх, как сосцы волчицы, / накормившей Рема и Ромула и уснувшей», и «свечной язычок над пустой страницей» — все в этой мозаике имеет свое место. И без любой детали — самой незначительной — мир стал бы беднее, а значит — перестал бы быть собой. Эта детализация, это ленивое перечисление всего, что попадает в поле зрения, эти нематериальные лучи мысли от материальных вполне предметов, все это — остановленное время. Остановленное мгновение. Как моментальная фотография (только она-то почти не дает ассоциаций, в «элегиях» же они — главное). Эта попытка (удавшаяся вполне) схватить мимолетное и заставить его быть неподвижным, как вечные камни Рима, это все и есть, по сути дела, завершенность мгновенного — основной принцип импрессионизма, который в стихах, на мой взгляд, еще не воплощался с такой определенностью.

Импрессионистический подход — ведь это психологический реализм, если он уводит вас по путям ассоциаций. И где-то он выходит за пределы поэзии, стремясь к прозе. И поэт чувствует это. Музыкально-ритмическая сторона стиха, его мелодические выразительные средства тут сведены к минимуму, тут они не нужны, они мешали бы — и вот чуть ли не единственная строка во всей книге, которая передает нечто чисто музыкальными средствами:

«воздух пропитан лавандой и цикламеном».

Тут и на уровне ритмическом (от двухсложного слова, через два трехсложных к четырехсложному — замедление ритма, утяжеление его), и на уровне фонетическом (пропитАН ЛАВАНдой и цикЛАМеНОМ) — медлительный бой часов, все замедляющихся и останавливающихся в замкнутом пространстве комнаты, все говорит о неподвижности вечности, хотя внешне, «пейзажно», что ли, неподвижность эта — следствие августовской жары... Август — «месяц замерших маятников», и в этой томительной неподвижности жизнь может взглядеться сама в себя, как «орел всматривается в решку».

Все «отступления», ограниченные лишь случайностью — куда упадет взгляд или куда прихотливо повернет мысль, — то есть практически ничем не ограниченные, потому и богаты так «обертонами» смыслов: как бы ни уходила мысль в сторону, она все время возвращается к главному образу вневременного, вечного, олицетворенного Римом.

К тишине, сначала солнечной, постепенно подмешивается и ночная темнота. Она тоже в двух планах — пейзажном сначала, мистическом потом. Первая — символ второй. К покою жары — покой ночи. Ночи обычной и ночи вечной. И вот — двенадцатая элегия — «благодарность за все». Тут уже сформулировано то, что обойдено — тщательно обойдено — во всех элегиях, кроме этой, последней: «Чем незримей вещь, тем оно верней, / что она когда-то существовала». И план глубинный, прежде мерцавший лишь из разных, вроде бы случайных ассоциаций, тут обретает физически ощутимый смысл, ибо сформулирован. Но сформулированное — это последняя дверь. И благодарность уместна перед уходом. И вся эта — двенадцатая, как двенадцатый час, элегия, становится благодарностью и прощанием, путем через Лету. А строки, вроде бы о солнце:

На сетчатке моей золотой пятак,

Хватит на всю длину потемок —

не только о солнце, которое уносишь с собой из Вечного города, из Рима в мир, но и тот обол, который платят Харону за переправу...

Первые книги Бродского, в которых все было и музыкально, и динамично, очень мало похожи на эту маленькую по объему книжку. Гораздо больше общего с ней у книги «Часть речи» и у некоторых из стихов «Конца прекрасной

эпохи», в которых динамика стиха уступает место медитативной статике рассуждений, дающей возможность разглядывать крупным планом попадающиеся взгляду предметы. Но сама внутренняя хаотичность, порой случайность этих деталей в упомянутых книгах показывает, что не в них, а именно в «Римских элегиях» Бродский приблизился к тому, чего он искал, чего он хотел от своих стихов. Необязательность и блуждание взгляда и речи, нечто вроде очищенного от сюжета поэмы (ненаписанной) лирического отступления, постепенно уступили место хаотичности не хаотической, а организованной по авторской воле. Точнее, психологический натурализм (т. е. случайное — как принцип) двух предыдущих книг уступил место психологическому импрессионизму «Римских элегий», где все закономерно сцеплено и едино при всей кажущейся разбросанности образов, где все ассоциации вытекают из калейдоскопа картин, рисуя причудливую, но подлинную линию хода поэтической мысли. Ничего подобного не было в «Сонетах к Марии Стюарт», хотя поэтическая задача была вполне сравнима с той, которая просматривается в элегиях.

Возможно, это объясняется тем, что стремление к метафизической поэтике сначала натолкнулось у Бродского на поэтов английского барокко, которые все же оказались не столь близки ему, и статичность и медитативность стихов из «Части речи» не была необходима органически, внешний прием и суть там не слиты. В последнее же время, когда Бродский приблизился к новым метафизикам современной американской поэзии (типа Сильвии Платт, например), — их влияние оказалось благотворнее. Возьмем крайние по времени точки: «Пилигримы», «Шествие» с их музыкальностью, экспрессивностью стиха и мысли, с их многоголосьем, их романтизмом, свойственным в принципе русской поэзии вообще (за редкими исключениями), и «Римские элегии» (написанные сравнительно недавно) с их метафизической статичностью, мыслью ветвящейся и кружащейся столь же неторопливо, как и медлительный ритм — один для всех элегий, — ритм недвижимый, как изображенный в элегиях вечный Рим. И мы сразу увидим, что здесь, в элегиях, столь непохожих на ранние стихи, есть та же органичность. Манера, воплощавшаяся не всегда четко в «Конце прекрасной эпохе» и «Части речи», в элегиях полностью оправдана.

Утратив романтизм и музыкальность русской поэтической традиции, Бродский прививает русской поэзии новую ветвь, которой у нее не было. Приживется ли она — покажет будущее.

Василий Бетаки

В ФОКУСЕ ВОГНУТОГО ЗЕРКАЛА

Когда читаешь новую книгу Александра Зиновьева «Гомо советикус», сразу же вспоминаешь «Сагу о носорогах» Владимира Максимова. Сравниваешь, находишь сходство, отмечаешь и отличия. И вот какие делаешь выводы:

«Сага о носорогах» — памфлет. Портретная галерея здесь составлена из легко узнаваемых лиц. Модели известны всем. Но их черты гиперболизированы; они — словно отражения в выпуклом зеркале.

«Гомо советикус» — сатира. Здесь тоже ряд портретов. Но это портреты собирательные. В каждом из них узнают себя несколько людей. И эти портреты из многих лиц стянуты воедино в фокусе зеркала вогнутого.

Зеркало Владимира Максимова обращено к Западу.

Зеркало же Александра Зиновьева уставилось на нас, устремившихся с Востока на Запад.

В свое время против «Саги» ополчились западнико-либералы.

На «Гомо советикус» обиделись — мы.

В «Саге» — Носороги.

В «Гомо советикус»...

...предполагают, что на земле после атомной войны все живое должно погибнуть — кроме Шуршащего племени. До поры до времени они живут в нищенских щелях. Длинными усами покачивают они в темных и теплых кухнях. И крепнет под боком беззаботного Человечества, становясь лишь неуязвимее от морилок, Хитиновая армия.

Александр Зиновьев. Гомо советикус. «L'âge d'homme», Лозанна, 1982.

Александр Зиновьев рассказал о нищенской мощи. О ней пока не подозревает уверенный в своей неколебимости мир, который принял нас. А ведь мы — передовой отряд Армии, посланной сюда для Великого Дела.

В фокусе вогнутого зеркала — Пансион. (Кстати, А. Зиновьев всегда в своих книгах пишет нарицательные имена с заглавной буквы, чтобы таким образом собрать частности в общее.) В Пансионе на распутье племя эмигрантов. Они только что покинули Союз. Заграница для них пока что чужбина. И вот — сколачивается конгломерат, представляющий более или менее все слои советской интеллигенции. Ведь нам очень свойственно сколачивать конгломераты. Недаром же одна из составляющих аббревиатуры СССР — *Союз*.

Эта колония находится вне времени и пространства — как бы в тараканьей щели. Она очищена от прошлого и от будущего и поэтому представляет материал, пригодный для исследований и испытаний. Такого рода исследованиями и занимается на досуге в Пансионе сам автор. словно естествоиспытатель, разглядывает он новый вид человека. И дает мутанту имя: «гомо советикус».

* * *

«Иначе говоря — гомосос. Мое отношение к этому существу двойственное: люблю и одновременно презираю, восторгаюсь и одновременно ужасаюсь. Ибо я сам есть гомосос», — так пишет автор в предисловии.

Каковы слагаемые гомососа? Оппозиционер и ура-патриот, западник и славянофил, олух и «себе на уме», ну, и многое-многое другое. Но каждый — «асс». Агент Советского Союза. Асс в «человеческой терминологии» — некто, достигший в чем-то совершенства. Совершенство гомососа в том, что он образцовый тайный агент. Настолько образцово-тайный, что и сам в себе этого часто не подозревает. Правда, зато до него, кроме него самого, все остальные члены колонии-конгломерата — ассы; такова уж особенность гомососа.

Какова миссия гомососа? Его миссия — в запрограммированности. Оболваненная душа несет в мир советскую идею. И эта идея гнездится под мощным панцирем, нарощим

от перегрузок в стране, непригодной для нормальной жизни.

Зиновьев настаивает: гомосос силен. Он способен запугать и развратить.

Гомососы «являют собой новый, более совершенный тип мыслящего существа и несут этот образец другим», говорит автор. И его вогнутое зеркало начинает мало-помалу поворачиваться фокусом к Западу.

Что же уловит западный наблюдатель в фокусе зеркала?

На первый взгляд, нечто вовсе пустопорожнее. Штампованные типы. Вчерашние Ибанцы: Энтузиаст, Нытик, Циник, Шутник, Диссидент, Художник. Их жены. Серия масок. Обойма.

Но западный взгляд покуда равнодушен.

Автор не щадит своих «подопечных». На каждый портрет имеет право обидеться добрый десяток прототипов. Один Энтузиаст чего стоит! «Энтузиаст прибыл с великой миссией — научить Запад уму-разуму и руководить отсюда диссидентским движением в Союзе. Он жаждет издавать журнал, а еще лучше — газету. Он считает, что это — основное звено, ухватившись за которое мы (кто?) вытянем всю цепь. Ленин ведь тоже с этого начинал!».

Не только типажи эмигрантов составлены А. Зиновьевым из кусочков. Из кусочков составлена и вся эта книга. У каждого кусочка — свой центр, свой фокус, но если разрезать книгу ножницами и отрывки перетасовать, от этого мало что изменится. Вероятно, это происходит из-за того, что и рассказывается о неподвижно застывшем отряде — наизготовке перед стартом. Персонажи книги ведь тоже можно пока что безнаказанно тасовать. А пока все, на что они способны — трепаться, злоупотребляя даром свободы слова. Каждому кажется, что он — провозвестник истины. На самом деле, ничего нового он, гомосос, в силу своей запрограммированности, сказать неспособен. Кажущаяся свобода воли скрывает под собой дремучий советский конформизм.

* * *

Так, с непрекращающейся холодной издевкой, в которой сквозит отчаяние, до боли вглядывается автор, и мы вместе с ним, в картину мира, собранного в фокусе его зеркала. Неужели ж там — дробящееся Ничто?! Неужели же «искра Божья», свойственная человеку от века, в результате мутации исчезла, и на ее месте — угольно-черное пятнышко — словно частичка сажи? черной сажи бездуховности. И эта черная сила ведет атаку на западный мир. Уже сейчас «...образованные слои западного общества мало в чем уступают советским гомососам», утверждает автор. А подобное притягивается к подобному. И хотя, как говорит поэт, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места им не сойти» — носороги тянутся к хитиновым. Что же будет, если состоится это воссоединение?! Какой бронированный гибрид произойдет от того?! Во всяком случае, тогда уж неизбежно «гнусное будущее», где большая часть человечества будет приравнена — нет! не к рабам, к предметам. Их лишат звания человека, с тем, чтобы малая горстка властителей получила по потребностям...

Что же может противостоять нашествию? Может быть, машина Банка, сооружающегося напротив Пансионна? Возможно, это и произошло бы — если бы они существовали во взаимодействии, хотя бы в противодействии. Но Банк и Пансион — эти две угрюмых крепости, настолько различны, что им друг до друга нет никакого дела. Они оберегают — каждый свое.

* * *

Так не лучше ли дать отбой, ужаснувшись собственному Ничто, чем отравлять собою мир? В том-то и дело, что мир уже отравлен. И не стоит обманывать себя, разыскивая не-правильности в социалистической системе. СССР — в этой аббревиатуре одна из составляющих — слово «социалистический». Самый правильный социализм — советский. И Зиновьев учит глядеть правде в лицо. И для этого протянуто миру его вогнутое зеркало.

Едкий цианистый настой книги Александра Зиновьева обильно насыщен парадоксами. Парадокс, конечно, — то, что мы, сами того не зная, все агенты ГБ. Парадокс — что все великие исторические события порожились и стимулировались дилетантами и шарлатанами. Еще парадокс: «Обычный советский человек... всем ходом своей жизни обучается три дела делать без специальной подготовки: руководить, критиковать режим и быть агентом КГБ». Да мало ли еще там парадоксов! (Жаль только, что со времен Оскара Уайльда парадокс подешевел.)

* * *

Но не только парадоксы, а и софизмы делают книгу. Да и весь «Гомо советикус» — один большой софизм — логическая задача с нарочито встроенной ошибкой в построении. Ошибка же в том, что не могут механически собраться воедино отдельные лица, стиснувшись в портрет-робот.

Книга А. Зиновьева — своего рода тест: кто обидится — тот и есть советский по своей природе. Люди же, которым чуждо советское сознание, видят благодаря этой книге следующее:

Мы — не хитиновые с коллективным сознанием, однако много непредвиденного произошло и произойдет еще с советской интеллигенцией, очутившейся по сю сторону «железного занавеса». Из свидетелей того, что было, они превращаются в очевидцев того, что творится здесь, в «зрительном зале». Страшная чуткость развилась в советских людях от постоянной настороженности в прошлой жизни. Они способны загодя, очень задолго (надо надеяться!) до катастрофы распознавать ее. А распознав, предостеречь благодушествующий мир:

ОПАСНОСТЬ!

И тогда пришелец уже — не «гомо советикус», а просто:
человек.

А раз так — это, к счастью, уже совсем, совсем другая история.

Кира Сагир

ПОЗНАНИЕ ПОЭЗИЕЙ

На простой, без иллюстраций, белой обложке — необычное, чуть старомодное название: «Поэтический трактат». Почему трактат, а не, скажем, поэма? И о чем это? О поэтике? О мироздании? В ироничном вступлении автор сам указывает на «служебность» романов и трактатов, уступающих в иерархии словесности первое место поэзии, и сожалеет, что поэзия давно оставила «баталии, где ставка — жизнь». Чтобы снова свести в одно поэзию и весь многообразный человеческий опыт поэта, и написан этот поэтический, поэтичный, исторический, философский и вместе с тем глубоко личный «трактат».

Четыре главы трактата — четыре эпохи истории, четыре эпохи в поэзии, четыре составляющих авторской памяти, которые он оживляет то в хронологии, то в причудливом ассоциативном ряду «из года 1956-го».

Первая глава — о предисловии к XX веку: «Прекрасная эпоха». С легкой иронией отмечены ее приметы: вера в прогресс, в братство человечества, поэзия — «эрзац молитвы», «эфирные напевы», чурающиеся прозы жизни, будь то проза рабочих окраин или повседневность, представленная выразительной обоймой слов: «вагон, билеты, задница и деньги». В две-три строки даются портреты поэтов этой эпохи, открывая собой подлинный путеводитель по польской поэзии XX века. Вот, для примера, Леопольд Стафф:

Стафф, несомненно, был медвяно-ясным,
Русалок, ведьм и проливень весенний
Он славил мнимо мнимому же миру...

...Поэзия, не менее прекрасная, чем эпоха, прервавшаяся в день, когда с командой «Vorwärts! En avant! Allez!» «скончались... под кадрили — богатство и прогресс...» В этой эпохе — корни грядущего.

Из кровопролитной войны возродилась новая Польша, а вместе с нею — Варшава, «столица», о которой речь во второй главе. Автору — уроженцу Литвы, выросшему в

Чеслав Милош. Поэтический трактат. Пер. с польского Н. Горбаневской. «Ардис», Анн Арбор, 1981.

Вильне, — Варшава этих лет видится эфемерной и обреченной: «А после не останется ни камня В том месте, где ты был когда-то, город... Но поражения твои вознаграждаются. Как знак того, что только речь — отчизна, Вал крепостной тебе — твои поэты». Поэты этих лет — старшие современники Милоша: Юлиан Тувим и Ярослав Ивашкевич, Юзеф Чехович и Тит Чижевский... Кто-то из них хорошо знаком русским читателям «Трактата», за сведения о других благодаришь переводчика и комментатора, — но для каждого Милош находит точные, исполненные цехового уважения и, вместе с тем, личные характеристики. Пожалуй, только о Люциане Шенвальде — резче и определеннее: «Вот Шенвальд — лейтенант-красноармеец. Когда по лагерям полярным стыли И стеклятели трупы ста народов, Прекраснейшими польскими стихами Писал он оду Матушке-Сибири». И еще — прорывается нежность в строках о Марии Павликовской: «Там раздаются трели нашей Сафо, Какой еще не знала наша речь... Сотрется жизнь, но кружится пластинка. Давно забыв о бархате Карузо, Играет жалобу Марии Павликовской, Предсмертное ее «*Per che? Per che?*»»

Возможно, двадцать лет независимости были противоречивыми и несовершенными, однако, если бы они нуждались в оправдании, для Милоша оно — в том, что в них «прекрасное созреть успело». Трагический финал недолговечной «столицы» готовился извне и изнутри. Он был уготован «не за нехваткой пушек или танков», но распадом ценностей, отсутствием единства и общей веры, раздробленной «всеми искушениями, которым в нашем веке подвержен ум», как выразится Милош много позже, в Нобелевской лекции.

Трагедия страны имеет отмеченное в календаре начало: 23 августа 1939 года, день подписания сталинско-гитлеровского пакта о разделе Европы. Этот день, не называемый Милошем, постоянно присутствует за текстом: он предрешил судьбы отчизны и речи, руины Варшавы и гибель поэта Владислава Себылы, расстрелянного энкаведистами в Катынском лесу вместе с тысячами польских офицеров; от этого дня ведет отсчет и судьба Милоша: подполье в годы войны, послевоенные годы надежды и в начале 50-х годов — добровольное изгнание. Об этом — следующая глава «Трак-

тата» — «Дух Истории». Кто же он, этот Дух? Вот его портрет «общим планом»: «Где дым от крематория клубится И где по деревьям звонят к вечерне, Гуляет Дух Истории довольный. Милы ему после потопа страны, Готовые принять любую форму. Мелькает на задворках та же юбка В Аравии, и в Индии, и в Польше». Дух Истории всемогущ: ему подчиняется время и пространство, он разрушает судьбы — людей и государств. От него не спастись: «Он жаждет... души и плоти». Может быть, это иная ипостась вечных сил природы, Духа Земли, для которого смерть — только необходимое звено в цикле продления жизни? Или это издревле знакомый человеку сатана, чуть изменивший обличье и прикрывающийся «разумным гегелевским фракком»? В чем смысл нечеловеческих испытаний, выпавших на долю поколений? И можно ли найти слова для описания царства этого многоликого духа, «Когда язык поэзии не знает Того, что выпало потомкам поздним»? Как с честью исполнить долг человека и поэта в этом царстве смерти? Вот младшие современники автора, вступающие в неравную схватку со смертоносным духом: «И ни один герой у древних греков Не шел на битву так лишен надежды, Воображая свой бесцветный череп, Откинутый ботинком равнодушным». Другие пытаются найти компромисс, в окружающем хаосе видя приметы сбывающихся пророчеств предшественников, и пытаются воспринять уроки, в которых этот Злобог «В единый миг безбрежной перемены Открыл нам боль двадцатого столетья, Чтоб мы взойти смогли на высоту, Туда, где держишь ты штурвал вселенной...» Нет поэта, который силой слова сумел бы очистить землю, а если бы и нашелся такой чудотворец, его ждала бы газовая камера, или петля, или пуля и рот, залитый гипсом... Апокалипсис войны, отчаяние, лишь изредка — мгновенная надежда, что хоть на «одну безмерную минуту» на грани жизни и смерти можно будет остановить время и вновь увидеть жизнь. В те дни рождается бесхитростная песня девушек из гетто, слова которой до сих пор преследуют память: «Зима пройдет — Весна придет — Тогда из нас — Трава взойдет...»

Мы расстаемся с автором, который по-крестьянски орудует мотыгой на картофельном поле и с иронией примеряет строки своего великого земляка — Мицкевича — к занятию, возвращающему поэта, вместе со всей страной,

в первобытность. Дух Истории оставил ему жизнь, чтобы он мог свидетельствовать и осмыслить свои свидетельства. Его путь во времени и в пространстве продолжается.

Заключительная глава, «Природа», отделена от предыдущей пробелом в несколько тысяч миль, в несколько лет и в целую эпоху нового опыта.

В центре американского континента, в озерах у подножья Скалистых гор, как в дельте Ахерона, поэт пытается отрешиться от Истории и, вслед за Руссо и Торо, обрести гармонию в природе. Но отрешиться от памяти невозможно: природа, осмысленная лишь под взглядом человека — наблюдателя и поэта, не отменяет прошлого, а новое пространство лишь усиливает его — повторяемостью явлений и неожиданным обретением на новом континенте двойников, с новой остротой воскрешающих первоисточник. В торжественной и прекрасной вставной оде октябрю скрыта поразительная по емкости и лаконичности формула, где сведены ценности, остающиеся неподвластными истории:

О октябрь!

Ты пора поэзии, то есть полной решимости

В любое мгновение жизнь начать сначала.

Ты даешь мне волшебное кольцо, и, повернуто,

Оно светит вниз никому не видимым бриллиантом свободы.

Поэзия и свобода — две тайны, открывающиеся автору в природе, оправдывающие и утверждающие жизнь. Пусть ему порой кажется, что в поэзии он всего лишь «слышит голоса, не разбирая слов». Из трагедии истории он творит свободную поэзию, не позволяя навязанным извне идеалам исказить искомую истину. Его не подкупили соблазны мавзолеев и памятников, обещанных верным слугам того самого Духа Истории, который зажигал печи крематориев, а затем на той же польской земле пытался навеки слить слово «октябрь» с залпами «Авроры». Поэт бесстрашно вглядывается в прошлое и, не в силах воскресить погибших, спасает их от забвения. Ему предстоит долгий путь: мы расстаемся с ним в океане, на борту корабля, плывущего — куда? «На остров счастья? Нет...» — к тому бесконечно отдаляющемуся горизонту, имя которому — познание.

Даже самые короткие заметки об этом сложнейшем сочинении были бы неполными без упоминания о переводчике, выполнившем работу поистине гигантскую. «Трактат» отличается замечательным богатством ритмов, размеров и интонаций: обманчиво эпическая основная нота неожиданно срывается то в фольклорно-плясовую, то в торжественно-одический метры. Помимо высокого формального мастерства, необходимого для передачи столь поэтически разнообразного текста на другом языке, перевод «Трактата» немыслим без глубокого вживания в текст, перенасыщенный ассоциациями и явными и скрытыми аллюзиями на конкретные приметы действительности или же на сочинения предшественников и современников автора — от Мицкевича до Себильы. Читатель будет благодарен Н. Горбаневской и за то, что в собственных комментариях она делится сведениями, без которых отдельные фрагменты «Трактата» превратились бы в звучный, но лишенный для непосвященных смысла ребус.

«Поэтический трактат» в переводе Горбаневской — это не просто еще одно важное произведение мировой поэзии, доступное русскоязычному читателю. Усилиями Горбаневской и Бродского стихи Милоша входят в обиход новейшей русской поэзии, расширяя ее территорию и становясь ее частью.

И еще одно, чрезвычайно субъективное замечание: набранный переводчиком просто на машинке ИБМ, текст сохраняет родство с машинописью и зрительной неподдельностью напоминает появившиеся двадцати-двадцатипятилетней давности странички самиздатских журналов и сборников, на которых, среди множества голосов, искавших «не поэзии, но дикции иной», прозвучал голос Натальи Горбаневской. И тот простой факт, что именно этим голосом для нас рассказан мир иного поэта, иного времени и иной страны — чужой и в то же время близкий, в особенности в минуты, когда Дух Истории как будто снова утвердил свое царство в этой стране, — поддерживает надежду на то, что поэзия, в союзе со временем, побеждает историю.

А. Сумеркин

СМЕЛАЯ КНИГА

Издательство «Петер Ланг» выпустило по-английски книгу Александра Штромаса о возможных социальных и политических переменах в Советском Союзе.

В том, что немецко-швейцарское издательство опубликовало книгу Штромаса по-английски, есть известное преимущество: её теперь могут читать в Америке и в большинстве стран Африки и Азии. Жаль только, что эта книга пока недоступна русскому читателю. В ней, в отличие от пронизанных отчаянием и безнадежностью многих статей и романов недавних выходцев из России, Штромас утверждает обоснованную надежду на политический переворот, обещающий России благосостояние и постепенную либерализацию.

В самом начале своей работы Штромас отмечает частую у многих исследователей тенденцию применять к явлениям и событиям, происходящим в СССР, понятия и критерии, позаимствованные из западной общественной и политической жизни. Это нередко приводит к ошибочным заключениям. Так, например, правозащитное движение приравнивают к политической оппозиции. Неудачи правозащитников объясняют отсутствием поддержки в широких слоях населения и отсюда делают ошибочный вывод о единстве народа и власти и вообще о невозможности возникновения политической оппозиции в Советском Союзе. Между тем, сами диссиденты никогда себя политической силой не считали, не покушались на политическую монополию КПСС, но стремились использовать свой моральный авторитет для давления на власть, с тем чтобы ограничить произвол и смягчить жестокость режима. Политической оппозицией диссиденты не стали не только потому, что сами того не хотели, но прежде всего потому, что выбранный ими путь открытого действия был несовместим с оппозиционной политической деятельностью. Согласно Штромасу, в настоящее время в Советском Союзе политическая оппозиция может зародиться только в подполье.

Что касается утверждения об отсутствии в широких слоях населения недовольства властью, то Штромас убедитель-

Alexandre Shtromas, *Political and Social Change: The case of the Soviet Union*. Peter Lang Verlag, Frankfurt/Bern, 1981.

но показал, что вся история Советского Союза насыщена примерами активного и пассивного сопротивления народа. Поставленный в начале революции вопрос «кто кого» не разрешен и по сей день. Никакого искреннего единства народа и власти не существует, есть согласие и единодушие по неволе. Гражданскую войну большевики выиграли благодаря географическому преимуществу, единству и дисциплине Красной армии (по сравнению с разрозненностью белых и антибольшевистских левых сил), а также благодаря тому, что идеологически белое движение отождествлялось с реставрацией, в то время как в большевиках многие всё еще видели наследников прогрессивной и популярной революции. Потом пришли Кронштадтское восстание, Антоновщина, отчаянные попытки сопротивления во время коллективизации, массовые сдачи в плен летом 41-го года, в результате которых свыше миллиона советских граждан надели форму, казалось бы, лютого врага. Теперь массовое сопротивление приняло формы идеологического равнодушия, подчас переходящего в насмешливый цинизм, и экономического саботажа, выражающегося в прямом воровстве, в погоне за «левыми» заработками и в поголовном участии в махинациях черного рынка.

Один из наиболее интересных тезисов Штромаса, который неизбежно вызовет негодование у одних, радость у других, — это тезис о русских патриотических силах как о главном могильщике коммунизма. Штромас считает, что русский национализм и православие всегда угрожали дальнейшему существованию режима. Это знал Ленин, признавал Сталин, хорошо понимают и современные правители в Кремле. Несмотря на это, власть иногда была вынуждена использовать русский патриотизм, но лишь негативно, для оборонных целей. К созидательному государственному строительству русский национализм не допускался. Примером тому т. н. «Ленинградское дело», когда, несмотря на разгул кампании против «безродных космополитов», одновременно была жестоко подавлена внутрипартийная группировка русских националистов.

Штромас утверждает, что замена коммунистического правительства любым национальным, даже довольно деспотичным и авторитарным, приведет к раскрепощению экономики, к ограничению внешнеполитических авантур и к по-

степенной либерализации общественной и политической жизни внутри страны. Иными словами, авторитарная национальная власть, по сравнению с тоталитарной, коммунистической, будет первым шагом в сторону более открытого общества.

Носителей грядущих перемен Штромас находит среди специалистов, занимающих довольно ответственные посты в советской и партийной администрации. Их профессиональные интересы на всех ступенях иерархии неперестанно вступают в конфликт с интересами партии, хотя в то же время часто совпадают с национально-государственными интересами. При этом Штромас подчеркивает, что неверно отождествлять власть и правящий слой в СССР с какой-либо одной профессиональной группой или с каким-либо отдельным административным учреждением, будь то т. н. военно-промышленный комплекс, Госплан или КГБ. Власть целиком находится в руках ведущей партийной клики, управляющей с помощью разветвлений партийной организации в промышленности, в армии, в сельском хозяйстве, в органах принуждения и расправы. И повсюду партийные интересы вступают в борьбу с ведомственными и профессиональными интересами. И даже специалисты, работающие непосредственно в партийном аппарате, не чужды этим столкновениям. Таким образом внутри советской системы возникают «конструктивные силы», которые Штромас, не совсем удачно, называет технократами, хотя причисляет к ним и представителей т. н. творческой интеллигенции — писателей, художников, артистов, крупных ученых, а не только инженеров, научных работников и военных специалистов и офицеров.

Развив тезис о роли технократов и русских национальных сил в деле создания действенной политической оппозиции режиму, Штромас переходит к наиболее смелой части своей книги — разработке возможных сценариев грядущих перемен. Он полностью согласен с утверждениями самиздатского автора середины 60-х годов, Федора Знякова, о том, что в СССР проведение любых мер, несовместимых со сверхмонополистической системой, означает начало социальной революции и что для успешного завершения революционного процесса необходимо существование т. н. «второго стержня». В послевоенной истории коммунистических стран такой второй стержень возникал неоднократно: в Венгрии

это были низовые партийные организации и кружки интеллектуалов, — например, клуб Петефи; в Польше в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. второй стержень возник в результате раскола в самом ЦК партии.

Штротмас предлагает читателям три главных сценария возможных политических перемен в Советском Союзе, для каждого из которых он находит по несколько исторических моделей. Для первого варианта моделью служат неудавшаяся попытка проведения революционных реформ правительством Чехословакии в 1968 г. и успешная «революция сверху» 1975 года в Испании. При этом варианте в Советском Союзе приход к власти технократов может осуществиться во время смены поколений на партийных верхах и второй стержень возникнет внутри советского партийно-административного аппарата.

Во втором варианте инициатором перемен будет армия, а моделью могут послужить чилийский и португальский перевороты семидесятых годов. Как уже было отмечено выше, Штротмас не согласен с распространенной на Западе точкой зрения о ведущей роли т. н. военно-промышленного комплекса в управлении и направлении системы советского тоталитаризма. Армия отнюдь не чужда конфликту придирчивой партийной указки с профессиональными интересами офицеров и военно-технических специалистов. Причем этот конфликт усугубляется тем, что главная идеология офицерства — патриотизм и русский национализм, и именно поэтому армия потенциально особенно опасна режиму.

Третий вариант — классический гражданский переворот, примером которому может послужить Великая французская революция, Венгерское восстание 1956 г. и также, от себя добавим, события 1980 г. в Польше. Штротмас считает, что и при этом варианте главной движущей силой будут технократы, которые сумеют возглавить и направить движение стихийного недовольства.

Утверждения Штротмаса о характере политической оппозиции и о путях революционных перемен в Советском Союзе наверно вызовут ряд возражений, подчас обоснованных, как со стороны западных советологов, так и у представителей различных эмигрантских кругов, хотя некоторые доказательства правильности его мыслей уже начали поступать из Самиздата (см., например, заявление Инициативной груп-

пы за народную демократию, «Посев», 1982, № 1, а также Бюллетени СМОТ №№ 16, 17 и 19). Хотелось бы только, чтобы эти возражения породили конструктивную дискуссию, а не превратились бы в мелочные придирки педантов и раздражительную брань всезнаек-пророков. Поэтому особенно важно, чтобы участники дискуссии познакомились с работой Штромаса в оригинале, а не судили о ней по пересказам и рецензиям, по необходимости неполным и субъективным.

В конце книги, обращаясь к западным политическим деятелям, Штромас говорит, что только политические перемены в самом СССР могут принести настоящую разрядку и, следовательно, не нужно бояться дестабилизации советской системы и распада советского блока. Наоборот, на Западе пора создать стратегию активного поощрения политических перемен в Советском Союзе, для чего необходимо повысить уровень изучения происходящих в СССР процессов, разработать ряд реально осуществимых моделей смены режима, поставить советское правительство на одну доску с южно-африканским и с диктатурой в Чили и оказывать широкую поддержку ненасильственной борьбе диссидентов с коммунистическим тоталитаризмом. Здесь остается несколько неясным, включает ли Штромас в понятие «широкой поддержки диссидентам» помощь со стороны Запада становлению конструктивных сил внутри советской системы и сотрудничество с ненасильственной, но вынужденной действовать в подполье политической оппозицией.

В заключение следует еще раз отметить, что в книге Штромаса отражены нужные и смелые мысли о судьбе и будущем нашей страны. Хотелось бы, чтобы с ней познакомились как можно более широкие круги как западных, так и русских читателей.

Г. Юрьев

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ.

«...скучный журналист достоин виселицы, к которой я еще не имею ни малейшей склонности», — если верить первому русскому Нобелевскому лауреату, сказал Андрей Седых 50 лет назад. Примем это пятидесятилетие за четвертый юбилей — нынешнего уже года. В 1982 году Андрей Седых отпраздновал три юбилея: 80-летие со дня рождения, шестидесятилетие журналистского и писательского труда и сорок лет работы в «Новом Русском Слове» — и по-прежнему недостоин виселицы.

В ногу со своим главным героем пошел и альманах «Три юбилея Андрея Седых», а ведь как нетрудно съехать в пристойную академическую скуку в подобном предприятии. Не скучно читать даже поздравления (впрочем, о двух, помещенных в английском оригинале, по неграмотности ничего сказать не могу), — конечно, курится некоторый фимиам, но разве достаточный? Например, такое досадное упущение: ни одна прекрасная дама из всех трех эмиграций не объясняется юбиляру в любви — то ли русские дамы отличаются необычайной для XX века сдержанностью, то ли строгий редактор цензуру навел.

Не обессудьте за легкомысленное начало. Сам Нескучный Альманах не обязан быть ни легкомысленным альбомчиком, ни сборником сатиры и юмора — и не является им. (Кончая с мелочами, стоит ответить на слышанный мною упрек: «Почему — альманах? Альманах — издание периодическое». Верно, только почему не вообразить его себе периодическим, с заменой года в подзаголовке на 1987-й, 1992-й и — дай Бог долгой жизни и юбиляру, и «Трем юбилеям»).

Главное чудо альманаха — не простое соседство авторов из трех эмиграций, но единение их в любви (все-таки в любви!) к удивительному этому долгожителю русской зарубежной журналистики и литературы. Долгожителю — не по возрасту только, а потому что Андрей Седых вошел в журналистику, по нашим временам (когда все долго-долго учатся, всё «готовятся к жизни»), можно сказать — мальчишкой, не «готовясь к жизни», а спешно и полно живя ею.

Три юбилея Андрея Седых. Альманах. 1982. Ред. Леонид Ржевский. Обложка Сергея Голлербаха. Нью-Йорк, 1982.

Между прочим, и диплом свой университетский он получил все еще очень молодым, но уже матерым журналистом, и на следующий же год выпустил первую книгу очерков. Единение в любви — и потому никто не удивится, что поздравляют Андрея Седых не только редакции дружественных газет и журналов, но и православные иерархи, а рядом с нежными словами, обращенными к юбиляру бывшими коммунистами Зинаидой и Петром Григоренко, под столь же нежными словами стоят фамилии старинной русской аристократии. А в разделе статей и очерков о юбиляре давнее предисловие И. А. Бунина к «Звездочетам с Босфора» отлично сочетается со текстами современных критиков.

Но юбилейный альманах — не только поздравление, а еще и подарок. И как таковой, как альманах, как издание, выпущенное не в одном экземпляре для нужд именинника, он еще и подарок всем нам, читателям. Говоря «всем нам», я не преувеличиваю. Есть, скажем, поклонники стихов Ирины Одоевцевой, а есть фанатики прозы Владимира Войновича — и те, и другие найдут в альманахе свое. Возьмите хотя бы имена одних представленных в альманахе прозаиков: Василий Аксенов, Юз Алешковский, Владимир Войнович, Владимир Максимов, Михаил Моргулис, Леонид Ржевский и, наконец, сам юбиляр (прибавим сюда и уже упомянутое эссе Бунина — хоть всего-навсего «предисловие»), но проза блистательная, даже какая-то непривычно легкая, летучая — между чрезвычайной мастерской отделанностью рассказов и неотшлифованностью писанных для себя дневников в этом несколькостраничном тексте мастерство и «домашность» сочетались в удивительной свободе). Конечно, эти имена не исчерпывают всю сегодняшнюю русскую прозу (и можно, например, пожалеть, что талантливый прозаик Александр Антонович представлен в альманахе лишь стихами), но мне трудно поверить, что найдется такой читатель, которого не привлечет ни один из названных писателей. Правда, чего не найти в здешней альманашной прозе — это мата, даже «на том предельном минимуме, за которым, — как настаивал в нашем журнале рецензент книги Юза Алешковского, — русский человек просто перестает быть русским». Ничего, тот же Алешковский здесь напечатался, и оказалось, что есть ему что сказать и без матерка, и русским быть не перестал. Только Аксенов все-таки полупро-

ташил мат, только «скромную букву» заменил, но он же партработника изображал: работяга без мата еще кое-как представим, а уж с райкомовским «бульжником» это было бы прямое искажение художественной правды.

То, что русский читатель, по моим наблюдениям, всегда любит, — это всяческие записки, заметки, воспоминания, архивные разыскания: старые и новые, популярные и академические, рассказывающие про знаменитостей и про никому неизвестных, но чем-нибудь занятых людей. Так, например, в воспоминаниях Б. Филиппова, напечатанных в альманахе, равно интересны портреты великой пианистки Марии Вениаминовны Юдиной и старого дворника, «Костиного деда» (мы даже имени его не узнаём, зато — что на десятом уже десятке лет погиб на Колыме). И еще засомневаешься, кто ярче описан в воспоминаниях Ю. Иваска — поэты или жители белого дома у самого моря, которые стихов не читали, но в чудачестве поэтов, пожалуй, перещегооляли. А. Бахрах публикует воспоминания из своего постоянного цикла «Пути, дороги», знакомя читателя с обликом замечательного русского медиевиста, профессора Флорентийского университета Николая Петровича Оттокара. Наконец, нельзя не отметить замечательно удачно выбранную для републикации статью Б. М. Эйхенбаума «Миг сознания». Напечатанная в журнале «Книжный Угол» в ноябре 1921 г., она никогда с тех пор не перепечатывалась и стала более чем просто библиографической редкостью. Статья, написанная после смерти Блока и Гумилева, статья о медленной или быстрой смерти поэта и поэзии, когда искусству не остается другого пути, как пойти на службу. Цитируя надрывные, гневные, иступленные крики Андрея Белого о писателе-«пролетарии», обреченном на голодную смерть, Эйхенбаум пишет: «Господин русский читатель! Слышите ли вы все это — ведь это *последние* слова говорятся. Слова, которых никогда, вероятно, не набирали наборщики».

Так-то вот, перечитывая альманах, и добрались мы от первоначального легкомыслия к ноте напряженно-трагической. Но ведь у нас это как-то так и принято: ни на каком празднике — юбилее ли, именинах или там масленице — о трагическом не забывается. И, честно говоря, невероятно смешной, залихватский и светлый рассказ «Звездочеты с Босфора» (тот, что дал заглавие книги, а в альманахе пред-

ставляет Андрея Седых — прозаика), рассказ о приключениях безденежных и голодных юношей в Константинополе, разве он — не о трагедии этого, еще не двадцатилетнего поколения, одного из многих поколений первой эмиграции? И других поколений, и других эмиграций... И дай Бог всякому так деятельно, так непреклонно и с такой душевной ясностью (о цене которой мы можем только догадываться) преодолеть эту трагедию, как стало это с Андреем Седых.

Н. Горбаневская

Георгий Владимов

Три минуты молчания

Эта книга талантливого русского писателя возникла из опыта плавания автора простым матросом на рыболовном траулере 849 «Всадник» по морям Северной Атлантики. Роман был впервые напечатан А. Твардовским в «Новом мире» (№№ 7, 8 и 9, 1969 г.). Только через семь лет — вскоре после выхода на Западе истории караульной собаки «Верного Руслана» — роман «Три Минуты Молчания» вышел книгой в издательстве «Современник». Но изменения, внесенные автором в текст для книжного издания, а также вычеркнутые цензурой в журнальном варианте места не были приняты издательством «Современник» и полный текст по-русски печатается впервые. (В 1978 г. вышел в изд. Галлимар по-французски.)

Большой формат 408 с. 34 н. м.
Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M.-80

Коротко о книгах

С. ДОВЛАТОВ

ЗОНА

«Эрмитаж», США, 1982

Книга Сергея Довлатова — публикация первой из его работ, рукописи почти двадцатилетней давности, которую автор не смог вывезти из страны и получал затем разрозненными кусками; многие из них так до него и не дошли. Но издание этой книги стало для него насущной необходимостью, потому что рождалась она не столько как литературное произведение, сколько как способ выжить, ухватиться за ускользающие привычные критерии, как соломинка для утопающего.

Сергей Довлатов начал писать свои заметки, будучи надзирателем в лагере для уголовников: опыт, мягко говоря, не совсем обычный для бывшего студента университета (только что исключенного и загремевшего в армию), «юноши из хорошей семьи». Этот опыт оставил на нем следы, которые не могут ни исчезнуть, ни хотя бы зарубцеваться. На пороге жизни и «взрослости», когда реальность — не более, чем литературная реминисценция, встретиться с ней лицом к лицу в темном углу — все равно что с бандитом: разденет, разует и часики отнимет. Довлатов о том и пишет, для того и пишет, чтобы обозначить эту встречу и разрушение, которое она в нем произвела. Раньше, до лагеря, ему известны были из литературы два отношения к каторжникам: одно — как к людям несчастным и обездоленным, достойным жалости (к нему он и склонялся, ибо именно это отношение воспитала в нем русская литературная традиция); другое — как к преступникам и злодеям, которых ловят благородные сыщики и ждет неминуемая кара (это, естественно, позиция любого полицейского романа).

Оказавшись в лагере, юный и интеллигентный надзиратель поначалу глубоко презирает себя за недостойную роль, в которой оказался, и жалеет несчастных узников, но в конце концов его настигает поразительное и чудовищное открытие: истины нет ни в одной из этих двух точек зрения, ибо и преступники, и надзиратели настолько уподоблены друг другу, что просто взаимозаменяемы. У охраны тот же язык, тот же образ жизни, тот же способ мышле-

ния, что и у уголовников. Даже одежда похожа. И круг интересов не так уж сильно отличается. Да и если действия их разглядеть внимательно, то оказывается, что многим охранникам место за решеткой, а из многих уголовников вышли бы надзиратели на славу. Не посрамили бы...

Оказывается, что люди, еще вчера занимавшие на воле высокие посты, очень быстро превращаются в нормальных эзков, словно всю жизнь только к этому и готовились. «Крупные хозяйственные деятели без следа растворяются в лагерной шушере. Лекторы общества «Знание» пополняют ряды стукачей. Инструкторы физкультуры становятся завзятыми наркоманами. Расхитители государственного имущества пишут стихи. Боксеры-тяжеловесы превращаются в лагерных «дунк» и разгуливают с покрашенными губами».

В лагере — своя иерархия ценностей, отрицающая, да попросту камня на камне не оставляющая от привычного, с детства воспринятого свода нравственных законов. Здесь, в лагере, Довлатов видит в миниатюре все государство, со всеми его институтами и аппаратом. И он приходит к выводу, что советская власть — это не только идеология, составленная из определенного количества догматических положений и постулатов; это образ жизни, способ существования. Просто в лагере все становится острее и резче, все примитивизируется и обнажается.

В особых условиях, при круто меняющихся обстоятельствах, человек теряет все привычные опоры, все спасательные круги, которые раньше держали его на плаву. Он может рассчитывать только на то, что заключено в нем самом, — это его единственное достоинство и прибежище. Вот так автор, осознав однажды неминуемость собственного падения, бежал от бездны в свои заметки, записи, в коротенькие, простые, но неизменно впечатляющие новеллы. А когда словесность становится якорем спасения, когда простая фраза уподобляется молитве или хотя бы талисману, когда в нее верят, как в вечную душу, она перестает быть просто словесностью и просто фразой, она становится литературой.

ИСТОРИЯ ТИФЛИССКОГО АВАНГАРДА

Венецианский университет сделал важное дело, выпустив сборник работ, посвященных практически еще не освещенному литературоведением явлению тифлисского авангарда. В период меньшевистской республики (до февраля 1921 г.) и в первые годы Закавказской федерации в столице Грузии кипела художественная жизнь. В студии «Фантастический кабачок» и в кафе «Химериони», распланированных художниками С. Судейкиным, Л. Гудиашвили, Д. Какабадзе и др., оказавшиеся на Кавказе Сергей Городецкий и Алексей Кручёных встречались с грузинскими поэтами Г. Робакидзе, Т. и Г. Табидзе, П. Яшвили, выступали представители крайнего «заумного» крыла футуризма Илья Зданевич и Игорь Терентьев (составившие вместе с Кручёных группу «41°» — географическая широта Тифлиса), руководил студией танца знаменитый впоследствии мистик Г. Гурджиев и т. д. Материал сборника группируется в основном вокруг этих имен.

Вначале идут статьи о наиболее признанных представителях этого авангарда — художниках Ладо Гудиашвили (статья Джона Боулта) и Давиде Какабадзе, о его размышлениях об искусстве (статья Гастона Буачидзе). Затем надо выделить обзор истории и теории грузинского авангарда с 1915 г. (с) времени образования в Кутаиси группы «Голубые роги») по 1924 г., сделанный Луиджи Маргаротто. Наиболее интересны сведения о раннем периоде творчества замалчиваемого в настоящее время вождя грузинского авангарда Григола Робакидзе. Общий же обзор закавказского авангарда дан в обширном исследовании Марцио Марцадури под броским, но не очень точным заглавием «Меньшевистский футуризм», где между прочим интересны отмеченные автором постоянные споры между Кручёных и Робакидзе. Вполне органически входят в сборник и материалы о продолжении деятельности тифлиских новаторов в Париже, куда в начале 20-х годов перебрался И. Зданевич (Ильязд) и некоторые художники, и об их связях с кубистами, дадаистами и сюрреалистами. Любопытно следующее место из парижского письма Зданевича 1921 года: «Модернизм в искусстве, за который я боролся всю мою жизнь, эволюционировал, превратившись в новый академизм, в сухое и сектантское искусство. Здесь нет ни свежих

L'avanguardia a Tiflis. (Quaderno del Seminario di Iranistica, Uralo-Altaistica e Caucasologia dell'Università degli studi di Venezia. № 13). Venezia, 1982.

людей, ни новых идей». Или тонкое замечание из доклада тех же лет: «Мир Ислама и мир Израиля не писали гласных, летящих к Богу, а греки, бывшие с богами запанибрата, обзавелись ими. Стало ясным, почему язык гласных интернационален, а согласные таят соль отечества». (Подобная сентенция, как и известная в свое время брошюра К. Малевича «Бог не скинут», показывают, что и в недрах левейших течений не исчезала богоискательская жилка.) Что же касается опытов Зданевича в области зауми, которым посвящено несколько публикаций сборника, то, на наш взгляд, значение их ограничивается отдельными фонетическими находками. К сожалению, очень скупо говорится о романе Зданевича «Восхищение», (Париж, 1930) и даже не называются многочисленные романы Г. Робакидзе, изданные по-немецки, после того как он в 1931 году остался на Западе. Интересный материал собран Татьяной Никольской в ее статье о другом «заумнике» — И. Терентьеве. К его слугам надо отнести то, что он задолго до лэфовцев указал на значение «литературы факта»: «Появился факт! Лишенный всякого смысла, бесполезный, злой, неуютный, простой, ябедный, голый факт!» Публикуется здесь и один из его текстов 1924 года, предвосхищающий прозу Хармса 30-х годов. Отметим, что указанное автором сходство одного из стихотворений Терентьева с позднейшим стихотворением Ходасевича, видимо, неслучайно, так как они были знакомы в предреволюционные годы в Москве (через А. И. Чулкову). Лишь бегло отмеченная в статье Никольской режиссерская деятельность Терентьева, чья постановка «Ревизора» в Ленинграде вызвала зависть Мейерхольда, более подробно освещена в выше-названной статье Марцадури. Уже опубликовавшая несколько работ о мэтре заумников Кручёных Розмари Циглер дает здесь анализ его поэтики тифлиских лет.

Известный своими тщательными работами о Хлебникове Александр Парнис выступает здесь со статьей о тифлисском периоде О. Мандельштама и приводит первый его перевод с армянского (из Кара-Дервиша), сделанный в 1921 г. задолго до его путешествия в Армению. Тут же находится краткая заметка Надежды Мандельштам о грузинской теме у Мандельштама. Также здесь помещен отрывок из воспоминаний В. Катаняна, ряд неизвестных текстов и фотографий. Думается, данный сборник позволит более объективно оценить реальное значение футуризма, продолжающего оставаться предметом малообоснованных политических спекуляций, когда загромождающие наше время архаические проекты счастливого будущего продолжают душить настоящее. *Л. Чертков*

Броня БЕН-ЯКОВ

СЛОВАРЬ АРГО ГУЛАГА

«Посев», 1982

Такое впечатление: всякий описывающий жизнь лагерников словно некий этнос фиксирует. И названия случаются характерные, этнографические: «Архипелаг», «Прощание из ниоткуда», «На краю географии», а то и вовсе «Путешествие в страну зэ-ка». Раз этнос, то — свои законы, свичай-обычай, своя философия, песни, одежда и, уж конечно, свой язык.

Как феня соотносится с «великим, могучим», а равно с другими языками, ее структура и динамика — вопросы и для специалиста темные. Я не специалист, потому и мысли все какие-то внелингвистические наплывают. Ну, прежде всего констатация общеизвестного: в той или иной мере феней в Союзе пользуются все. Это не мода, это — лагерь как структурный элемент жизни. Все под лагерем ходят, над всяким грянуть может. За что? За что угодно. Может, и ни за что, может, и за дельце. Оно и прежде было: «Кто Богу не грешен, царю не виноват?» Но — сокрушено. А теперь или с презрением: «Ни украсть, ни покараулить», или — хладная констатация: «Не украдешь — не проживешь». Вряд ли так было задумано с самого начала. Шли к этому шаг за шагом, как пьяный: от пивной к пивной — к канаве. В блевотине всеобщей лжи и воровства лежат в обнимку пионер с пенсионером, жертва с палачом, партиец с помом... лежат и по фене ботают.

Впрочем, не будем столь уж функциональны: не только потому на фене трекают, что лагерь под боком, но еще и потому, что феня — иная культура. В фене — стихия языка, противостоящая официальному, дубовому, мертвящему.

Вряд ли в безумном 17-м планировалось, чтобы все приворывали, но сейчас это откровенно используется. Все тащат, а того, кто еще и строптив, — первого за шкирку. И еще: ведь даже если ты копеечную какую-то детальку выносишь с завода — все, твой возможный бунт подрезан под корень, в твоём вопле уже не прозвучит чистая нота глубинного гнева, он будет дребезжать фальшью, ибо и ты теперь причастился всеобщей подлости... И всегда виноватым себя чувствуешь, а виноватый послушной...

Вот такие нелингвистические печали навевает этот словарь. А насчет чистоты кодифицированного языка я как-то не очень понимаю. Что это такое: чистота? Очевидно, единожды зафиксирован-

ная норма. Единой и навечно?.. Чистота чистотой, но, когда язык контролируется государством, тут не до пуризма — не умертвил бы вконец. А жив язык, не очень чистый, именно в субкультурах. И сегодняшний Даль, взявшись за четырехтомник живого, великорусского, добрую половину его на фене построит. Вот и претензия к автору «Словаря»: почему не два тома?

Эдуард Кузнецов

На 77-м году жизни умер

Валерий Яковлевич ТАРСИС.

Писатель, публицист, переводчик, свободно владевший шестью языками и превосходно знавший западноевропейскую культуру, он несомненно войдет в историю русской культурно-политической оппозиции послесталинского периода как один из ее зачинателей.

Валерий Тарсис был первым из русских писателей этого периода, открыто восставшим против государственной монополии на литературно-художественное творчество и начавшим печатать свои произведения за границей под собственным именем.

Он был одним из первых узников психиатрических тюрем, заключенных по политическим мотивам.

И он также был первым после войны изгнанным из СССР писателем.

Первую свою книгу Валерий Тарсис издал в 1929 году. С тех пор он никогда не прекращал литературной работы, опубликовав несколько рассказов и повестей в советской периодической печати и выпустив в свет 34 книги переводов с разных языков, преимущественно с итальянского и французского.

Революционно настроенный в ранней молодости, Тарсис еще в начале тридцатых годов пришел к полному отрицанию идеологических и культурных основ общества, принесенных революцией. С этого времени он написал огромное количество произведений — повестей, рассказов, романов, философских эссе и этюдов, стихов — что называется, в стол. Подавляющее большинство их было затем опубликовано за границей и переведено на иностранные языки.

Валерий Яковлевич прожил большую, полную и честную жизнь. Мир и покой душе его!

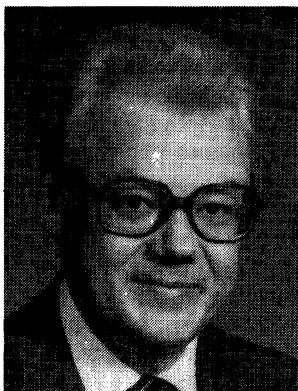
«Континент»

Наша анкета

ИНТЕРВЬЮ С АРКАДИЕМ ШЕВЧЕНКО

— *Аркадий Николаевич, расскажите для начала о себе и о своей работе в Организации Объединенных Наций.*

— В течение длительного времени, хотя у меня были сомнения относительно некоторых дефектов политики Советского Союза, я служил Советскому Союзу, как говорится, верой и правдой, до тех пор пока окончательно не убедился, что советская позиция совершенно не отвечает ни интересам советского народа, ни интересам мира или народов других стран. Это произошло не сразу, не в один день, не так, что какое-то просветление нашло на меня. Это произошло в результате нескольких лет, когда я видел, что указания, которые мы получали, не соответствуют интересам мира и противоречат тому, что должно быть сделано для его сохранения. И двуличие — вот то, что меня окончательно привело к убеждению, что я не должен оставаться на советской службе: одно дело, что советские говорят и открыто делают, а другое — что они держат в уме и какие цели по-настоящему преследуют. Они используют ООН, в основном, в двух целях: для пропаганды и для наводнения Соединенных Штатов агентами КГБ и шпионами. В моем департаменте из 13 советских служащих семь были профессиональные работни-

ки КГБ или ГРУ. Остальных они тоже прямо использовали, давали им задания, и получалось, что вся работа советских служащих была посвящена сбору самой разной информации о США, экономической, военной или какой бы то ни было, — если обобщить, это не что иное как шпионаж. Фактически все советские сотрудники ООН использовались советской разведкой.

— В апреле будущего года исполняется пять лет с тех пор, как вы обрели свободу, — срок, дающий возможность подвести некоторые итоги. Не сожалеете ли вы о своем решении, принятом в апреле 1978 года?

— Совершенно не сожалею, и, если бы все повторилось снова, я бы сделал то же самое. За эти годы я убедился в том, что здесь я имею полную свободу: никто меня не контролирует, никто мне не дает никаких указаний: что говорить, как говорить, что делать. В течение первого времени я был занят тем, что информировал соответствующие американские учреждения о моих знаниях о Советском Союзе, — я считал необходимым сделать это для того, чтобы американское правительство лучше понимало Советский Союз. Второе мое занятие, которое я начал и продолжаю, — это лекции, с которыми я побывал уже в разных университетах. Главное же для меня — это книга, которую я пишу и которую надеюсь завершить к концу этого года. В ней будут изложены мои взгляды на советскую систему и мой опыт, а также будет объяснено, почему я решил с ней порвать, хотя я и не могу пожаловаться, что мне жилось в Советском Союзе плохо, как живется многим другим. Я был членом элиты, с большой зарплатой, у меня там все было — здесь мое жизненное положение гораздо сложнее. Здесь я сам должен зарабатывать на жизнь, и это не так просто. Я не занимаю здесь никакого официального положения — я частный гражданин.

— *Вы рассчитываете скоро закончить вашу книгу. Выйдет ли она по-русски?*

— Книга выйдет по-русски, но дело в том, что я только часть ее написал по-русски, а часть, чтобы ускорить ее подготовку к изданию, — прямо по-английски. Мне не повезло с одним, с другим переводчиком — получались такие искажения, что я просто не знал, что делать. Буковскому и некоторым другим посчастливилось найти переводчиков, которые их блестяще перевели. А мне не повезло. Но, тем не менее, я надеюсь скоро закончить книгу и надеюсь, что она будет опубликована в начале следующего года.

— *Буковский, кстати, свою последнюю книгу писал по-английски и потом для русского издания должен был сам переводить ее.*

— Ну, он гениальный человек, если мог писать на английском языке... Я пишу, но с ошибками, и мне просто посчастливилось, что моя жена, американка, мне помогает,

— *Вернемся к вашей работе в ООН. Знают ли советские служащие за границей, например, в представительстве СССР в Нью-Йорке или в советском посольстве в Вашингтоне, о том, что действительно происходит у них на родине? Откуда они черпают свою информацию о Советском Союзе?*

— Я бы сказал, что, в общем, они знают, что происходит в Советском Союзе. И информацию они получают скорее не из официальных источников, не из телеграмм и сообщений, которые приходят в представительства СССР за границей из Москвы, а больше из частных писем. Но даже в частных письмах, посылаемых дипломатической почтой, обычно почти никто не пишет правды, потому что эти письма вскрываются и прочитываются цензурой. А без цензуры приходит так называемая «карманная почта» — это когда приятели привозят в кармане письмо от друзей, от родственников или рассказывают о том, что происходит

в Советском Союзе. «Они» еще не дошли до того, чтобы лезть в карманы, когда вы пересекаете границу с дипломатическим паспортом. Значительная часть информации идет от служащих, побывавших в СССР в отпуске: их семьи живут в разных районах страны — и на Кавказе, и в Сибири, не в одной только Москве, — они разъезжаются по стране, разговаривают с родными... Да вот мой личный пример. Моя мама жила в Крыму, и я, приезжая в отпуск, всегда ездил в Крым, и там со мной люди, мамины знакомые и случайные встречные на пляже, разговаривали довольно откровенно о том, что происходит. Даже в Евпатории, в Крыму, который находится на особом обеспечении, зачастую нет хлеба. В Советском Союзе есть районы на особом обеспечении, особенно курортные районы летом. Я сам ходил в магазин и видел, что во второй половине дня полки пустые. Так что все всё прекрасно знают, и дипломаты, выезжая из Нью-Йорка, покупают продукты и везут их в СССР. Иногда доходит до смешного: красную или черную икру покупают в Нью-Йорке и везут в Советский Союз. Икра — советского производства, но ее невозможно достать, даже для дипломатов среднего уровня. Я мог достать: я имел доступ к специальным магазинам в Москве, но дипломат такого уровня, как первый секретарь или советник посольства, ничего не может купить в Москве. Чтобы попасть в специальный магазин, вы должны быть в номенклатуре, а номенклатура начинается с определенного уровня — на дипломатической службе только с советника посланника. Все, кто ниже, не являются номенклатурой.

— В январе 1982 года американский обозреватель Джек Андерсон писал, что, по вашим словам, полковник КГБ Виктор Лесовский был «главным советским шпионом» в ООН. По настоянию советского правительства генеральный секретарь ООН продлил срок службы Лесовского в январе еще на шесть месяцев,

до начала июня. Кто, по-вашему, занимает должность «главного советского шпиона», т. е. резидента советской разведки, при ООН сегодня?

— Лесовский никогда не был, как писали газеты, «главным шпионом». Он значительное лицо в советской разведке, полковник КГБ, хорошо знающий Соединенные Штаты, с большими связями в американских кругах, и он довольно много сделал для советской разведки, но никогда не был на первых ролях. Так что это преувеличение прессы. Но человек он опасный: у него хорошие манеры, хорошее знание американского образа жизни, он вхож ко многим американцам, занимающим высокое положение, поэтому я бы сказал, что за ним нужен глаз да глаз. Но он никогда не был резидентом. В тот период, когда я был в ООН, резидентом был Юрий Дроздов, а сейчас главный советский резидент в США — Владимир Казаков, заместитель постоянного представителя СССР при ООН. Тоже человек опасный: он хорошо знает США, был здесь до этого несколько раз, работал в советской миссии при ООН и в течение трех лет был моим подчиненным. С тех пор я знал, что он работник разведки, потому что в своем кругу мы всегда видели, кто работает на кого. Поработав советником миссии при ООН, он вернулся в Москву, там работал в центральном аппарате КГБ и теперь вернулся уже резидентом.

— *Летом 1982 года в ряде западных стран прошли демонстрации за мир и разоружение. По малопонятным соображениям, демонстранты почти всегда требовали одностороннего разоружения стран Запада. Некоторые обозреватели утверждали, что демонстрации эти были инспирированы Кремлем, который также щедро оплатил расходы организаторов. В Дании даже поймали советского дипломата с поличными, — вернее, с наличными, которые он передавал одному из руководителей пацифистского дви-*

жения. Считаете ли вы, что эти демонстрации — действительно дело рук Кремля?

— У меня нет никаких сомнений на этот счет, потому что это одно из орудий советского проникновения и влияния на западный мир, осуществляемого через целый ряд каналов. В первую очередь, через компартии западных стран, в некоторых странах влиятельные и многочисленные. Есть много таких, кто симпатизирует коммунистическим партиям, а еще больше тех, кто в целом не понимает, в чем заключается советская политика. Организацией пацифистских демонстраций занимается непосредственно ЦК партии, находит на Западе подходящих организаторов и не жалеет на это дело никаких денег. Я знаю, что в некоторых европейских странах каждому демонстранту выдавали определенную сумму денег за участие в демонстрации. Просто платили за часы, проведенные на демонстрации. На это дело были отпущены огромные средства. Это дело организованное, и хорошо организованное. В отличие от нормальных западных демонстраций, возникающих стихийно и, разумеется, никем не оплачиваемых, в этих демонстрациях везде была советская рука. Ну, может быть, я несколько преувеличиваю, говоря «везде», — в некоторых случаях демонстрации вспыхивали сами по себе, но все крупные мероприятия, демонстрации — это в значительной степени дело рук Советского Союза. Оркестровка идет из Москвы, оркестровка и деньги.

— *Вы говорили о компартиях. Знаете ли вы что-нибудь о том, получают ли эти западные партии финансовую поддержку, субсидии из Москвы?*

— Это общеизвестный факт. Притом компартии получают не только деньги, но и множество других благ. Руководители компартий разного уровня, от верхов и до среднего звена, приезжают в СССР, ездят на курорты. Я сам последние три года моей службы отдыхал в Кисловодске, в санатории «Красные кам-

ни», — там треть отдыхающих были иностранцы, которые бесплатно пользовались лечением и обслуживанием, какого вы и здесь не получите. Это были, в основном, функционеры западных компартий, но не только: были среди них и другие люди, которые по разным причинам соглашались работать на Советский Союз. Это даже предпочтительнее: Советский Союз ищет свою агентуру не только в рядах компартий, где она слишком бросается в глаза. Я был в Кисловодске с таким французом — он не член компартии, и у него больше возможностей влиять на общественное мнение, никто не скажет: «А, он коммунист!» Особенно если это какой-нибудь либерал или член другой партии, его возможности влияния увеличиваются.

— *Какие советские учреждения, помимо непосредственно КГБ, занимаются подрывной работой на Западе?*

— В основном все-таки КГБ, в некоторой степени ГРУ — военная разведка. Но как определить подрывную работу? Подрывная работа идет в разных направлениях: прямой шпионаж, наличие в кагэбистских группах, скажем, на территории США, людей, подготовленных для проведения террористических и диверсионных актов. Вслед за КГБ и ГРУ я бы выделил АПН и ТАСС — часть из их сотрудников действительно журналисты, но значительная часть, особенно тассовцы, — это работники КГБ. Министерство иностранных дел этим почти не занимается.

— *На Западе бытует мнение, подкрепленное фактами, что советское правительство соблюдает подписанные им международные договоры, только если они ему выгодны и только пока остаются выгодны. Такова судьба, в частности, подписанных СССР документов о правах человека. Каково известное вам отношение советского правительства к международным договорам?*

— Я думаю, что, поставив этот вопрос, вы уже ответили на него. Действительно, Советский Союз относится ко всем договорам и соглашениям, которые подписывает и ратифицирует, только с точки зрения своих узких интересов. В отношении Пактов о правах человека в Москве вообще долгое время были сомнения: подписывать их или нет, — и они были подписаны с большим отставанием, и сделано это было только чтобы показать, что Советский Союз защищает права человека, но при этом с прямым замыслом не применять их на советской территории. Это подписание — пропаганда. Я пошел бы дальше и сказал бы, что целый ряд договоров они просто порвали, когда были в этом заинтересованы. Было же соглашение о временном прекращении ядерных испытаний, а что получилось? Вдруг, без всяких объяснений испытания возобновляются. И каков предлог: Франция произвела испытания! Какую угрозу представляло одно французское испытание для Советского Союза? Полагаться на то, что Советский Союз будет выполнять подписанные им международные соглашения, — это просто иллюзия. До тех пор, пока они служат интересам Советского Союза, СССР будет их выполнять. Как только они перестанут служить, СССР найдет смехотворные предлоги для того, чтобы просто не соблюдать никаких соглашений. Совершенно неверное впечатление сложилось на Западе, что Советский Союз соблюдает свое слово, когда подписывает международные договоры. Это большой вопрос, потому что это часть всей политики отношений Советского Союза с Западом. Это часть именно той политики, которая рассматривает период «мирного сосуществования» как временный. Им нужно именно сейчас, на определенное количество лет, иметь хорошие отношения со многими западными странами, потому что они нуждаются и в технологии, и в зерне, и в разных других продуктах. Но если только они сами встанут на свои ноги,

плевать они хотели на все эти соглашения. Они будут действовать, как они хотят, пользуясь тем, что в настоящее время у них есть сила, настоящая сила: не только в том дело, что у них есть ядерное оружие и ядерное равновесие, но у них есть превосходство в обычных вооружениях. Огромный просчет Запада: и Соединенных Штатов, и их европейских союзников — в недооценке того, что надо иметь обычную мощь, которая должна противостоять Советскому Союзу. Я думаю, что какое-то осознание этого недавно началось, особенно в США. Проблема состоит в том, что, в общем-то, ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты не решатся на ядерную войну, потому что практически это означает уничтожение обеих стран. Есть некоторые люди в США, которые считают, что СССР может начать ядерную войну, но это неправильно: советские руководители боятся ядерной войны так же, как и американские, и не начнут ее. А превосходство советской мощи в обычных вооружениях дает им возможности экспансии в разных районах мира, поэтому основной упор сейчас должен быть сделан на укрепление обычных вооруженных сил НАТО и других стран. В этом, я считаю, сейчас ключ к тому, чтобы приостановить дальнейшую советскую экспансию.

— *Значит, вы считаете, что советское ядерное вооружение — это скорее мера защиты, обороны или, точнее, запугивания и ядерного шантажа?*

— Это больше мера шантажа, чем самообороны. В этом больше политики, чем реальной военной мощи. Имея такой ядерный арсенал, какой Советский Союз себе создал, он считает, что может позволить себе все что угодно, потому что США не решатся начать войны. Это политическое оружие. Стратегический арсенал СССР — это политическое вооружение, которое нейтрализует и дает возможность предпринимать другие действия. В то время как ядерный арсенал нейтрализует, у советских преимущество в других отношениях

— не только в обычном вооружении, но и в пропаганде, в проникновении в другие страны, в том, чего нет у Запада. Их орудие — это компартии, движение за мир, всякие сочувствующие, и здесь они действуют вовсю.

— *Недавно с поста председателя КГБ ушел Юрий Андропов. На его место назначен Виталий Федорчук — палач Украины. Что может означать для Советского Союза эта перемена?**

— Я думаю, что практически никаких изменений не будет. На Западе существует превратное впечатление, будто КГБ является главной силой, которая решает и определяет все в СССР. КГБ все-таки находится под контролем ЦК, и что значит смена Андропова, которого некоторые считали вроде бы либералом, — я думаю, что это глубокая ошибка, он никогда не был либералом, достаточно вспомнить, что он был послом в Венгрии, когда подавлялось венгерское восстание, и играл главную роль там, а какие репрессии начались при Андропове против диссидентского движения и как это творилось, будто какой-то урон стране был от диссидентов! Андропов ничуть не лучше, чем Федорчук или кто бы то ни было другой. Он — «интеллигент», но, вы знаете, это просто внешняя оболочка. Он человек образованный, знает английский язык, в отличие от многих других советских руководителей, и он мог себя представить вроде бы как либерала. Федорчук, я думаю, будет прямее, грубее вести себя, но в принципе не будет отличия: та же линия, которую проводил Андропов, будет проводиться и Федорчуком. И потом надо иметь в виду, что Федорчук — это фигура, которая ничего вообще решать не будет. Если Андропов как член Политбюро имел вес и влияние в руководстве СССР, то сейчас КГБ будет под большим контролем ЦК и под контролем того же самого Андропова. КГБ ничего не будет делать по своей собственной инициативе, поэтому я лично не

* Интервью было взято до смерти Брежнева. — Ред.

вижу разницы. То, что происходило до сих пор, будет происходить и дальше, и эта смена в моих глазах ничего не меняет.

— *Вы, кажется, лично знали и Андропова и Федорчука. Что вы можете о них сказать?*

— Андропова я знал лично, Федорчука — нет. Андропов, я должен повторить, — внешне человек, обладающий определенным обаянием. Он пытается создать впечатление, что он внимательно вас слушает, что он прислушивается к вашим рекомендациям и будет следовать им. После разговора с ним, если вы не знаете действительной практики КГБ, может сложиться впечатление, что это в самом деле хороший человек. На некоторых людей это психологически действовало. Но нужно было знать линию и политику КГБ, которую я, в общем, знал. Я бы сказал, что он умный человек, знает все ходы и выходы в советском руководстве, знает, как устанавливать хорошие отношения с другими. Например, когда ему нужно было поговорить с Громыко, он сам приезжал в МИД — небольшой жест, но такими жестами он пытался завоевать расположение других членов Политбюро. Для Громыко было важно, что не он идет на поклон в КГБ и не где-то они встречаются на нейтральной почве, но сам Андропов приезжает к нему в министерство и беседует с ним в его кабинете. Он умеет действовать, умеет налаживать хорошие отношения с другими людьми и в силу этого может весьма преуспевать. Я сомневаюсь, что он может сменить Брежнева сразу же после его смерти, — он идет к власти постепенно. Он слишком умен: у всех еще чересчур свежо в памяти, что он был председателем КГБ, — он выждет. Поставят промежуточную фигуру на некоторое время, а потом он может прийти к власти. О Федорчуке единственное, что я могу сказать, что родня моя, которая жила на Украине, жаловалась на действия украинского КГБ. Это, вероятно, отражало более

грубую манеру Федорчука вести дела — не интеллигентно, не тонко, а более напрямик. Но лично я его не знаю.

— *Вы упомянули Андрея Громыко. Вас связывают с ним многие годы знакомства. Что вы можете сказать о нем?*

— С Громыко меня связывают, действительно, многие годы не только знакомства, но и тесной совместной работы. Я знал его, еще когда он был заместителем министра иностранных дел. Но непосредственно с ним я работал, когда был его советником в 1970-1973 годах. Советником в том смысле, что практически я занимался всеми вопросами — не одним каким-то. Европейскими делами, американскими делами, и через мои руки шли документы, которые шли к Громыко из отделов, — он всегда просил меня посмотреть и сделать замечания. Я писал для него речи — для выступлений в ООН и внутри страны, — бывал у него дома, потому что у нас были личные отношения. Моя покойная жена была очень близка с Лидией Дмитриевной, женой Громыко, поэтому я его знаю очень хорошо. Я бы сказал, что Громыко — человек, который защищает советскую внешнюю политику, в общем, довольно успешно и, главное, со знанием дела. Его сила, огромная сила, — во-первых, невероятная память. Он помнит мельчайшие детали всего того, что произошло за эти годы. У него колоссальный опыт переговоров со всеми американскими президентами в течение всего послевоенного периода — он был послом в Вашингтоне, он знает ООН, он умеет подойти к министрам, премьер-министрам или президентам и найти к ним подход, как с ними разговаривать. У него, действительно, колоссальнейшие способности в этом отношении. Но я бы сказал, что как большой политик, в области идеологической... он просто не придает этому значения. Иногда он прямо забывает об идеологических вопросах. У меня было несколько случаев, когда

меня приглашали на беседу в ЦК и говорили: «Вы знаете, вот некоторые выступления Громыко в ООН, у них нет настоящей идеологической подкладки. Это изложение внешней политики Советского Союза, а не идеология». Идеология куда-то исчезала. Я ему сказал однажды: «Андрей Андреич, вы знаете, иногда надо вставлять некоторые идеологические вещи в ваши выступления». Он, конечно, не возражал, но я бы не сказал, что он был в особенном восторге от этого. Как человек, он, с одной стороны, неплохой: он незлопамятен. Если кто-то совершит ошибку или поступит не так, как он хотел бы, он не будет действовать, как действовал, например, Вышинский — выгонять, преследовать, привлекать к этому КГБ. А с другой стороны, он груб. Если ему что-то не понравится в чем-то выступлении, он может начать разговаривать с человеком, с которым много лет проработал, в таком тоне: «Вы идиоты, вы ни черта не понимаете, вам здесь не место, вы что, дошкольники?» Это бывало не только в отношении меня — это было и с Корниенко, и с другими. И с Кузнецовым — ну, с ним немного полегче, но с нами были эти взрывы совершенно необоснованные, из-за какой-то одной фразы. Если б я был на его месте, я сказал бы: «Ну, здесь — здесь, пожалуйста, лучше сформулировать иначе». Вместо этого он взрывается, и начинает литься поток брани. Интересно, что у него нет этой вспыльчивости с иностранцами — только со своими. В личной жизни Громыко — человек очень строгих правил. Насколько я знаю, у него никогда не было никаких связей с женщинами, кроме своей жены. Это его первая и единственная жена, он с ней прожил всю жизнь, и, по-моему, он вообще никогда не смотрит на женщин, просто не видит их. С ней у него очень хорошие отношения. С другой стороны, у него огромный отрыв от реальной жизни: он никогда никуда не ходит, бывает только у себя в кабинете, работает, после этого едет к себе или

на московскую квартиру, или на дачу на машине, вообще ничего не видит, и мне даже кажется, что у него немного прохладные отношения с детьми. Не то что бы он плох с ними, но он остается на какой-то дистанции. С дочкой это, с Эмилией, может быть, объясняется тем, что он абсолютно не выносит зятя, Пирадова. Но и вообще с детьми у него какая-то странная дистанция. Эмилия жаловалась мне на него, потому что у меня с ней были очень хорошие отношения. И с Пирадовым у меня были очень хорошие отношения — я знал его, когда он был еще профессором в институте, который я закончил. Я бывал у них. Эмилия жаловалась: «Папа живет где-то в небе, не от мира сего, не знает реальной жизни. Мне иногда даже не хочется с ним встречаться».

— *В каком институте Пирадов был профессором?*

— В Институте международных отношений. Когда я был студентом, он был руководителем моей дипломной работы. Он был в это время доцентом, потом стал профессором. После того как он женился на Эмилии, он был постоянным представителем СССР при ЮНЕСКО в Париже. Не знаю, кажется, он и сейчас там. Несколько лет назад я был проездом в Париже и был у них, и Эмилия откровенно сказала, что хотела бы оставаться в Париже как можно дольше. Папа, конечно, этому способствует, хотя Пирадов, конечно, пересидел в Париже.

— *Можно считать, что и Добрынин, посол СССР в США, тоже пересидел в Вашингтоне?*

— Видите ли, тут проблема заключается в том, какой пост он займет, вернувшись в Москву, потому что стать просто одним из заместителей министра — это для него слишком мало. К тому же, до сих пор не решен вопрос — он все время обсуждался в Москве, — кто может заменить Добрынина в Вашингтоне. Перебирали одного за другим и все время приходили к выводу, что заменить Добрынина трудно. Нет человека.

который хорошо знал бы США, был бы вхож везде здесь и обладал бы способностью привлекать внимание к себе, так легко разговаривать со всеми. Добрынин, к тому же, человек очень умный — большинство телеграмм или бесед он сам делает и встречается с руководителями США наедине, даже советники при этом не присутствуют. Это американцам импонирует и освобождает от некоторых формальностей: присутствие любого другого советского всегда связывает. Это я знаю по себе: если я сам беседовал с кем-то — это одно дело, а если мои помощники или кто-то другой был — это сразу связывало, я должен был соблюдать некоторый ритуал и говорить некоторые вещи, которые могли не понравиться моему собеседнику. А если я сам был — это было не нужно, я беседовал по деловому, и все шло нормально. Несколько человек рассматривались как возможная смена Добрынину. Среди них был Корниенко — он отпал, потому что у него жена серьезно больна. Сейчас он стал первым заместителем министра и практически вряд ли может быть кандидатом. Рассматривался Арбатов — он человек умный и знает США, но у него нет дипломатического опыта, плюс к тому он еврей, «скрытый». Я думаю, что именно второй фактор закрыл ему дорогу. Я тоже был среди кандидатов на пост советского посла в Вашингтоне, и я не исключаю, что, если бы я остался на советской службе, в какой-то момент я мог бы им стать. Громыко считал, что я тоже очень хорошо знаю США. И у меня тоже есть способность устанавливать контакты, я знал здесь многих людей, и у меня не возникло бы проблем. Единственный мой недостаток был — то, что я никогда не управлял большим советским посольством, в административном плане. Но Громыко признавал, что административный опыт у меня был, потому что в ООН я был руководителем большого департамента — это тоже была большая административная работа, у меня бюд-

жет был семь миллионов. Все решения на мне лежали, все проблемы персонала, даже личные проблемы людей, работавших в моем департаменте, — к кому они приходили? С проблемами, с драмами — приходили ко мне.

— *Когда Добрынина в 1962 г. назначили послом в Вашингтон, в американских газетах появилось сообщение об этом, а потом фотография. Вслед за этим пошли письма в редакцию от эмигрантов, бывших политзаключенных. Одни утверждали, что он был комендантом лагеря, другие — что он приезжал в лагерь проводить инспекцию, кто-то помнил его в качестве довоенного сотрудника НКВД... Что вы знаете об этом?*

— Я не знаю, чем занимался Добрынин до второй мировой войны и в первые годы войны. У нас никогда не было разговоров на эту тему. Ни с ним, ни с кем другим. Я знаю, что он закончил исторический факультет Московского университета и после этого был в дипломатической школе. Вся его послевоенная деятельность не связана с КГБ или МВД — только дипломатическая деятельность. Ну, а до войны — чёрт его знает! Может, и был связан с НКВД. Многие из них были связаны — Малик, например. Это я точно знаю. Он был в Харькове на комсомольской работе, а потом перешел в органы и только потом на дипломатическую службу. После войны, я думаю, он уже не был связан с разведкой. По советским правилам, советские послы не являются профессиональными сотрудниками КГБ — это железное правило. Они могли быть связаны с органами в прошлом, но после этого должны были пробыть какое-то время уже только на дипломатической службе, и никогда советское правительство не назначит послом профессионального сотрудника КГБ. Тут, во-первых, ведомственные причины: на таком уровне не хотят смешивать КГБ и МИД. Во-вторых, если раскроется, что посол — сотрудник КГБ, это бу-

дет огромный скандал. Когда я в 1954 году закончил институт, мне предложили работать в КГБ — я отказался, и это прошло без последствий, я думаю, потому, что тогда КГБ было слишком слабо — после-бериевский период. Я отказался, сославшись на причину, которая в их глазах была удовлетворительной: меня тогда уже брали в аспирантуру, и я сказал, что хочу продолжать учебу. В общем, они меня оставили в покое. Второй раз я получил подобное предложение, когда уже работал в МИДе, в 1958 году, когда я был уже первым секретарем в отделе международных организаций. Пришел один дяденька «в гражданском», мой тогдашний начальник Новиков сказал: «Вот тут есть товарищ, он хочет с вами поговорить». Он представился, сказал, что он сотрудник КГБ, и спросил, не хочу ли я совместить работу в МИДе и в КГБ — не переходить к ним на службу, а работать на них, оставаясь в МИДе. Я ему сказал, что я не могу так раздвоиться, что я сомневаюсь в своей пригодности для работы у них и с ними. Моя-то причина была, что я просто не хотел. Я сказал еще, что мне будет трудно, потому что я так занят и заинтересован своей работой, что просто не смогу уделять внимания работе для них. Это тоже прошло без последствий, но где-то зарубка осталась, я думаю, у них на меня, потому что у меня с ними никогда не складывались хорошие отношения. В дальнейшем я попал в ООН и там уклонялся от сотрудничества с ними — причем не только уклонялся, а возражал против того, что они в мой департамент назначают своих людей и тем затрудняют мою работу. Ну, ответ был простой: «В ООН — на дядю Вальдхайма работать или на Советский Союз?! Мы делаем одно дело, и почему не сотрудничать?» Они учитывали, конечно, что у меня были очень широкие связи, а возможности встречаться с кем угодно были больше, чем у советских дипломатов. Фактически все нью-йоркские контакты между Советским Союзом и

Израилям проходили через меня, а не через советского посла, потому что дипломатических отношений не было. А у меня были хорошие отношения и с Герцогом, и до этого с Текоа, я у них бывал дома, за обедом, где советские вообще никогда не присутствовали. Я с ними поддерживал хорошие отношения. Иногда они меня просили что-то сделать, помочь людям в СССР. Я писал в Москву, посылал телеграммы с указанием фамилий — некоторые результаты, по-моему, были. Но, главным образом, это были политические контакты, потому что Москва не имела никаких данных о намерениях израильской миссии при ООН, и мои шифрованные телеграммы об этих беседах — у меня была прямая связь с Москвой, я не посылал свои телеграммы через посла — шли, как называют в Москве, «по большой разрядке». Как мне говорили, это была одна из самых ценных информации — других контактов просто не было. Это была одна из дополнительных функций, которые я выполнял, когда был заместителем Генерального Секретаря ООН. Но они меня вообще никогда не рассматривали как заместителя Генерального Секретаря — они меня всегда считали советским послом и считали, что моя главная обязанность — руководить всеми советскими гражданами, работающими в ООН. Не только в моем департаменте, но вообще всеми! Направлять их, давать им указания, что они должны делать, какую они должны получать информацию. Я должен был раз в неделю их собирать. Фактически я был вторым послом в Нью-Йорке. Когда я ссылался на то, что у меня свой департамент и куча дел, это вечно встречало совершенное непонимание — какого чёрта, ООН, зачем этим заниматься?! Единственно, когда Вальдхайм делал какое-то положительное заявление или предпринимал какую-то акцию, которая была в интересах Советского Союза, тогда они вспоминали, что я заместитель Генерального Секретаря. А в остальное время они про-

сто считали, что я советский посол. Это было для меня не очень приятное занятие, я бы даже сказал, что это меня угнетало. Такая двойственность: то ли работать в ООН, то ли работать в миссии, то ли быть контактом между израильтянами и СССР, то ли информацию отправлять — словом, заниматься абсолютно всем. Даже у Трояновского и у Малика этого не было — было проще, посольство, свои люди. А у меня-то был коллектив, сорок семь национальностей в департаменте. Но они никогда не хотели этого понять. В общем, это дело прошлое, не забытое мною, но есть некоторые аспекты, о которых я не хочу сейчас говорить, — всё узнаете из моей книги.

— *Аркадий Николаевич, общеизвестно, что советскому гражданину попасть за границу нелегко. Необходимо пройти тщательную проверку КГБ и оставить, как говорят, «хвост», т. е. заложников: жену, детей, родителей. Тем не менее, есть огромное число людей, которые, вырвавшись из СССР, решили туда не возвращаться. В американских газетах как-то писали, что каждую неделю за границей остается по 2-3 советских гражданина. Сходится ли эта информация с вашей?*

— Я не думаю, чтобы было по 2-3 человека каждую неделю, — по-моему, это преувеличение. Относительно заложников — это в значительной степени соответствует действительности. Но много есть и исключений. Если вы посмотрите даже на персонал посольства в США или миссии при ООН, вы можете убедиться сами, что жена и дети находятся здесь. Есть родственники, родители, но у некоторых даже нет родителей. Так что есть люди, которые всей семьей в полном составе находятся здесь.

— *Но это постоянные служащие. А, например, члены различных делегаций?*

— Ну, тут совсем другой подход. Членам делегаций не разрешают брать с собой жен, за редкими

исключениями. Глава делегации, например, на переговорах в Женеве или некоторые члены делегаций, выезжающих на длительное время, — им разрешают брать жен. И я вам скажу причину: боятся связей с иностранками и предпочитают, чтоб поехала жена, но чтоб не было контактов с иностранками, что считается большим криминалом для советских дипломатов. В общем, это некоторое преувеличение, что есть такая неуклонная линия на оставление заложников: те, кто направляется на постоянную работу за границу, они уезжают со всей семьей.

— *Но холостяков, не оставляющих там родственников, не выпускают?*

— Иногда выпускают даже холостяков. Я могу даже привести примеры. Например, в Вашингтоне в 60-е годы работал человек, которого я хорошо знал еще со времен института, Женя Кутовой — он был холост.

— *Скажите, пожалуйста, случалось ли вам в СССР или на службе в ООН читать «Континент»? И если да, то как вы его воспринимали?*

— Не читал — должен сказать со всей откровенностью. Но слышал о нем, конечно, как и о mnogой другой литературе. Но обязательно начну читать, особенно если вы мне дадите пару номеров. Я читаю огромное количество всякой литературы. Ну, не говоря об американских газетах — я читаю «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», постоянно читаю «Новое Русское Слово». Я, в общем-то, немножко скептически отношусь к некоторым статьям, там публикуемым: и фактических ошибок, и ерунды часто много. Но там есть вещи, которые мне интересны, — например, обзорные статьи, особенно исторического характера. Читаю советские журналы: «Коммунист», «Международную жизнь», «Новое время» — стараюсь не терять — как бы сказать? — пульса того, что происходит в Советском Союзе, хотя, конечно, многое в

печати не договаривается. «Литературную газету» читаю. Когда вы все это читаете в комбинации и до этого хорошо знали Советский Союз, можно увидеть некоторые вещи. Контактных никаких у меня с советскими нет, и единственный способ следить за тем, что происходит, — просто все читать. А это занимает много времени. В конце концов, я с этим буду связан всю жизнь, всю жизнь буду заниматься Советским Союзом.

— *А вы не собираетесь писать об этом?*

— Так я пишу книгу!

— *Нет, речь не о книге, а о текущих комментариях к прочитанному, типа небольших заметок в прессе.*

— Пока нет. Я сосредоточился на книге. То, что я делал пока, на что я соглашался, — это давать интервью и читать некоторые лекции в университетах, это я считаю очень важным. Кроме того, значительная часть времени, проведенного мною здесь, была посвящена информированию американских служб, американского правительства. С сотрудниками ЦРУ и ФБР я провел много времени, и я не хотел бы создавать впечатление, что они меня как-то насильовали, оказывали на меня какое-то давление, — я это делал сам, по своей собственной инициативе. У них, несмотря на огромный аппарат, есть пробелы, и я сам хотел дать им информацию. Их информация относительно многих вещей была из вторых рук, а здесь, в США, нет никого, кто в прошлом занимал бы в СССР большой политический пост. Есть ученые, писатели, но они никогда не имели отношения к политике, они кое-что знали о политике и могли сказать. А я мог. Я хочу сказать, что мне очень не нравится, что в течение долгого времени и ФБР, и ЦРУ подвергались здесь такой критике — это привело к тому, что у них практически нет достаточного персонала, обрезали бюджет, довели американцев до того, что они стали считать, что эти

службы — чуть ли не враги американского народа. США этим себя полностью обезоруживают. Для того, чтобы следить за каждым советским разведчиком на территории США, нужно три-четыре человека, по крайней мере. За одним! А у них нет даже соотношения один на один!

— *Начальник ФБР как-то жаловался, что у него один агент на 12 советских граждан...*

— Ну да, когда по-настоящему нужны на одного три или четыре. Это очень печальные факты. Я думаю, что не такие уж огромные расходы пошли бы на увеличение персонала. Добавить сотню человек в ФБР — что это для Соединенных Штатов? Кстати, у них и зарплата очень маленькая. Я думаю, что сейчас президент пытается что-то сделать. Я иногда встречаюсь с некоторыми людьми из американской разведки — у меня такое впечатление, что при Рейгане у них настроение поднялось. Но вся эта прежняя кампания — это была невероятная глупость. Почему Вотергейтское дело бросило тень на всю администрацию? И сейчас, выступая в некоторых аудиториях, беседуя, я чувствую не очень положительное отношение и к ФБР, и к ЦРУ. Это не исчезло, особенно среди студенчества, да и в некоторых других кругах. Я тоже не хочу заходить далеко, защищая их, а то скажут: «Шевченко выслуживается», а я свою будущую жизнь вижу независимой, хочу преподавать в университете, писать, тоже не хочу, чтобы меня прямо ассоциировали с ФБР или ЦРУ.

— *Аркадий Николаевич, знали ли вы что-нибудь до перехода на Запад о правозащитном движении на родине?*

— Ну, конечно, я знал. В той или иной мере, разговоры на эту тему шли и с коллегами, и в ЦК. Но у меня было такое впечатление — может быть, я неправ, — что движение это не имеет глубоких корней среди населения, слишком узкое. И многие, даже боль-

шинство, в СССР мало знали об этом движении. Тут много факторов: строгий контроль КГБ, трудности с распространением литературы, боязнь многих советских граждан, которые даже слышали об этом и хотели бы принять участие, но боятся и ограничиваются слушанием западных радиостанций. Да и радио не достигает всех районов СССР, а там, где слышно, сильно глушится. Глушение довольно эффективно: последний раз, когда я был в Кисловодске, слушали там и «Голос Америки», и европейские станции, но примерно 40% глушилось так, что ничего нельзя было понять.

— *А ведь официально Советский Союз «Голос Америки» не глушил — официально глушение было возобновлено только после польского августа 80-го года...*

— Глушили и до этого. Говорили, что не глушат, а на самом деле глушили. Ну, должны были, а то люди в Советском Союзе слушали.

— *Газеты в Америке писали, что, по официальному заявлению советского правительства, «Голос Америки» не глушат.*

— А чего стоят официальные заявления советского правительства? Я свидетель сам того, как глушили.

— *И в Москве глушили?*

— Ну, еще как глушили! В Москве, пожалуй, даже больше, чем в Кисловодске. Сигналы глушения очень сильны — я даже не знаю, где они находили такие мощности.

— *Глушить ведь гораздо дороже, чем передавать?*

— В десять раз дороже.

— *Народные денежки...*

— Плевать они хотели на народные денежки!

— *Аркадий Николаевич, что бы вы хотели сказать нашим читателям, особенно на родине?*

— Читателям на родине я бы хотел сказать, что мой пример: и то, что я покинул Советский Союз, и моя жизнь здесь — показывают огромную разницу между жизнью в СССР и здесь. Это не только потому, что я в СССР занимал высокое положение и здесь меня как-то особенно приняли. Я хочу сказать, что здесь действительно можно дышать свободно, можно читать все, что вы хотите. Пусть говорят миллионы слов о безработице, о трудностях в США, о трудностях жизни за рубежом, но здесь есть главное, то, что нужно для человека, — свобода. Свобода мысли, свобода выбора профессии, свобода делать то, что ты хочешь. Это главное достояние, главное в жизни людей.

Взял интервью Юрий Ольховский

ШЕВЧЕНКО Аркадий Николаевич — родился в 1930 г. в Горловке, в семье врача. В 1954 г. окончил Московский институт международных отношений, позднее защитил диссертацию на степень кандидата юридических наук. С 1956 г. работал в системе МИДа, в 1963-1970 гг. был сотрудником советской миссии при ООН, с 1973 по апрель 1978-го — заместителем Генерального Секретаря ООН. В апреле 1978 г. «выбрал свободу». Живет в США.

Специальное приложение

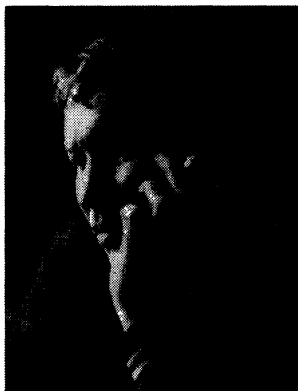

Генеральному секретарю ЦК КПСС
Ю. В. АНДРОПОВУ

Уважаемый Юрий Владимирович,

я не могу пожаловаться на то, как были восприняты мои первые шаги в литературе — вначале как критика, а позже и прозаика, автора «Большой руды», отмеченной более чем 120-ю статьями и рецензиями, поставленной в театре и в кино, на радио и телевидении и за которую меня пригласили в Союз писателей.

Однако с года 1969-го, когда я имел несчастную глупость выступить в «Новом мире» с другой крупной вещью, «Тремя минутами молчания», мои отношения с советской литературой переменились кардинально и непостижимо для меня. Думаю, и самым рьяным гонителям теперь не сформулировать своих претензий к этому роману, не объяснить, какая была необходимость — уже и после разгрома журнала, после ухода и смерти Твардовского, — продолжать кошачий концерт в центральной и местной печати и подвергать автора критической экзекуции, семь лет не издавать книгу и давить на него материально, не платя причитавшегося по договору, вытребывая назад авансы, а поскольку автору это было непосильно, то присылать судебных исполнителей описывать у него мебель. Одновременно другие, услужливые, руки подсовывали ему «социальные заказы» на побочные, хорошо оплачиваемые ремёсла, как то переводы казахских и иных национальных авторов — соблазн, сгубивший такого

прекрасного писателя, как Юрий Казаков. Вот еще одна трагическая судьба, ожидающая своего исследования.

Ни помощи, ни защиты от травли я не находил ни в одной инстанции, а меньше всего — в отделе культуры ЦК, где некий Альберт Беляев, графоман, поставленный «управлять» литературой, оказался, к моему злополучию, еще и соперником мне по части маринистики.

Есть много способов вытолкать неугодного из советской литературы, вынудить его издаваться за рубежом, гораздо меньше — привлечь его вернуться. В моем случае — секретари Союза писателей такого способа не нашли. И да послужит этот случай уроком, что не любая душа в силах простить совершённые над нею надругательства, хотя бы они и были признаны ошибкой. К тому же, и после такого признания я всё оставался неугодным — это выяснилось быстро, когда от меня скрыли приглашение во Франкфурт, сроком на шесть дней. Ведь у нас поездки на Запад, совершенно необходимые писателю, даром не даются, они суть высшего рода награды за примерное поведение. Не заслужив такой награды за 16 лет моего пребывания в Союзе писателей и не надеясь когда-нибудь заслужить, я эту организацию покинул и возвратил свой билет.

С этого дня — и в особенности после избрания меня председателем Московской группы «Международной Амнистии» — не оставляет меня своим вниманием возглавлявшийся Вами КГБ. Рассказать ли здесь или Вам это известно по докладам? — о непрерывной слежке и пресекаемой переписке, о приходах милиции — с расспросами, на какие средства я живу, об угрозах моей жизни — письменных и телефонных, да наконец и об отключении телефона — *пожизненно*, с передачей номера 144-47-21 какому-то юмористу, отвечающему на звонки, что прежний абонент то ли

эмигрировал, то ли умер. Не думается ли Вам, что и это всё признают когда-нибудь ошибкой, нуждающейся в прощении?

Венцом творческих усилий Вашего ведомства явился обыск у меня 5-го февраля минувшего года — на том основании, что литератор Е. Козловский принес мне прочесть свою повесть «Красная площадь». Согласно молве, Вы владеете несколькими языками и даже читаете в подлиннике Монтеня; едва ли Вы не знаете, что с времен Софокла и Еврипида у молодых литераторов существует обыкновение приносить свои творения на суд более опытным коллегам, и никто никогда, ни в какой просвещенной стране, не устраивает по сему поводу обысков. У меня — перерыли две квартиры, мою и 73-летней тещи, изъяли записные книжки и материалы к новой книге, личную и деловую переписку с издателями и адвокатом, экземпляры моих, изданных на Западе, произведений. Если не взяли самих рукописей, это не милость захватчиков, а моя многолетняя предосторожность — не держать рукописей дома, а только последние 5-6 страниц.

При втором обыске, 28-го декабря, забрали и пишущие машинки — с русским и латинским шрифтами. Русская — мне прослужила 34 года; в свое время, что-е купить, я продал единственный свой костюм; на ней были отстуканы все мои произведения. Вернут ли ее — не знаю, до сих пор, невзирая на все обещания, мне не отдали ничего.

4-го января, при допросе по делу арестованного писателя Леонида Бородина, следователь Губинский потребовал от меня письма в КГБ, где бы я:

1. Признал бы свою деятельность антисоветской и чистосердечно в ней раскаялся,

2. Указал бы все свои контакты (которые, по видимому, не известны Губинскому из агентурных сведений и захваченной переписки).

3. Касательно литературы — дал бы обещание впредь издаваться на Западе только официально, через ВААП, а гонорары, полученные «незаконными путями», перевел в доход государства.

Если такого покаянного письма не последует от меня до 20-го числа, значит «мы друг друга не поняли», т. е. он, Губинский, возбудит против меня уголовное дело, для которого материалов у него «более чем достаточно».

Я уже ответил Губинскому, что друг друга мы не поймем никогда, и ждать ему до 20-го нет смысла, я такого письма не напишу. Я готов принять ставшие уже привычными тернии русского писателя и, как прежде недрогнувшей ногою ступил на палубу рыболовного траулера, так же ступлю и под своды Лефортовской тюрьмы. Уверяю Вас, ни следствие, ни суд, ни уготованные мне лагерь или ссылка не переменят моих убеждений и не покажутся тяжелее того бесчестья, какое бы я себе нанес требуемым покаянием.

Однако ж, вместе со мною, а может быть — вместо меня, грозятся арестовать мою жену, Наталию Кузнецову. Оказывается, и на нее «материала достаточно», а главная ее вина — что она не прилагает усилий добиться от меня вышеуказанного письма, да еще и мешает общению со мною людей, которые могли бы на меня повлиять «в лучшую сторону». Это, в общем, неплохо придумано, хотя и не ново. Быть храбрым за чужой счет — невелика честь, и я не могу допустить, чтоб по моей вине, действительной или воображаемой, пострадал бы другой, будь то жена или вовсе посторонний. Как видите, славным чекистам не стоило нравственных мучений унизиться до презираемой во всем мире, но и действенной, тактики заложничества.

Я предлагаю иной выход, менее ущербный для нашего государственного престижа. Я готов покинуть Россию. Быть вынужденным к этому — больно и обидно для нас, свою любовь к ней мы доказали уже

тем, с каким терпением сносили гонения, преследования, унижения нас самих и нашего жилища. Я не покинул свою страну добровольно в трудные для нее годы и надеюсь, в меру своих сил и способностей, еще послужить ей, живя за рубежом — до поры, когда мы сможем вернуться.

Если нужны формальные обоснования нашего отъезда, то вот они. Я имею приглашения от ПЕН-клуба Франции и французского же издательства «Галлимар» приехать для лечения сердца. Кроме того, академии Бонна и Кёльна, ФРГ, выразили желание, чтобы я прочитал курс лекций о современной русской прозе. Я прошу Вашего содействия моему выезду из СССР, с женой, сроком на год. Мы хотели бы выехать летом — сейчас, зимою, врачи не рекомендуют мне столь резкой перемены обстановки.

Впредь, до указанного времени, еще просьба — чтоб нас оставили в покое.

С должным уважением

Георгий Владимов

12 января 1983-го года

ПАМЯТИ АРТУРА КЕСТЛЕРА

Когда наш журнал только-только начинал свое существование, только готовился к выходу первого номера, мы обратились к Артуру Кестлеру с просьбой войти в состав редколлегии. Уже тогда тяжело больной, он немедленно откликнулся телеграммой: «С удовольствием приму участие в этом великолепном предприятии». И это участие — в силу возраста и болезней почти исключительно моральное — мы всегда ощущали как духовную поддержку, как локоть друга.

Трудно найти кого-то другого, кто в нашем вене так символизировал бы собой встречу разорванных, разделенных Востока и Запада, со всеми ее историческими зигзагами и людскими распрямлениями. Венгерский еврей, интеллигент, левый журналист, он становится страстным полутчиком коммунизма и сотрудником коммунистической прессы в Германии. В начале 30-х годов он привезает в СССР, на Украину, в самый разгар искусственно организованного голода. Слепленный светлыми идеалами, он еще не умеет увидеть ничего — даже тех, кто на глазах у него мрет от голода. Он их видит — и не видит. И лишь постепенно, в течение нескольких лет, проведенных в «отечестве победившего социализма», идеологическая пелена спадет с его глаз, и первые его впечатления, от которых он некогда заслонился, вернутся со всей своей остротой. Может быть, именно это заставит Кестлера позднее сказать, что интеллигент не имеет права говорить: «Мы не знали» — долг его состоит в том, чтобы знать.

Покинув Советский Союз, где похоронены его иллюзии, где вскоре начнут бросать в тюрьмы и расстреливать его друзей — большевиков, заложивших фундамент вселенского концлагеря, и политэмигрантов, доверчиво ринувшихся допрашивать его, — Кестлер уже не возвращается в Германию, ставшую гитлеровской. В новой стране, давшей ему приют, во Франции, он столкнется и с тем, как беспечные европейцы заслоняются от свидетельств об обоих тоталитаризмах, нацистском и советском, и с тем, как успешно прибирают коммунисты к рукам либеральную интеллигенцию, воодушевляемую антифашизмом. Здесь же позднее он переживет вспышку французской ксенофобии, когда его в числе других немецких политэмигрантов (как «подозрительных иностранцев») интернируют в концлагерь в начале Второй мировой войны.

Но до этого будет Испания, гражданская война, куда Кестлер отправится британским военным корреспондентом, будет франкистская тюрьма и камера смертников. В те годы фашизм, нацизм, франкизм толкнули огромную часть левой и либеральной интеллигенции в объятия коммунизма, представлявшегося единственным спасением, единственной альтернативой. Редки были те, кто, как Кестлер, в первую очередь видел не различия, а сходство. Камера, из которой Рубашов (что нам всегда представлялось неправдоподобным) видит, как тащат на казнь других смертников, — списана с той, в которой Кестлер сидел в Испании. Он не познал советских тюрем и не знал, что на Лубянке из камеры в волчок не выглянешь, — но стратегия, тактика, психология коммунистов (и палачей, и жертв, а часто вчерашних палачей, сегодняшних жертв) переданы им безошибочно.

В 60-е годы в России существовало несколько самиздатских переводов книги Артура Кестлера «Мрак в полдень», в кругах интеллигенции и студенчества трудно было встретить человека, который этой книги не прочел. Еще два новых перевода (в журнале и книгой) изданы в 70-е годы за границей.

Артур Кестлер навсегда вошел в историю нашего самиздата, нашей литературы, нашего сопротивления.

«КОНТИНЕНТ»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПАПЕ РИМСКОМУ ИОАННУ-ПАВЛУ II

Ваше Святейшество!

В нашем уставшем мире слишком много людей, нуждающихся в Вашей помощи и молитве, чтобы мы считали возможным писать Вам о своих трудностях. Но пришел час, когда все наши сомнения исчезли: послушайте нас, Ваше Святейшество! Это был день празднования Воскресения Христова, отмечаемый нами по православному обряду 18 апреля. За скромным арестантским столом собрались четырнадцать политзаключенных — православных и людей другого вероисповедания, пожелавших поздравить своих друзей. Были среди нас верующие, были и те, кто не решается назвать говорящий в нем голос совести голосом Божиим. Один из нас — Мирослав Маринович — прочитал молитву, но не отзвучали еще слова о Воскресшей Любви и Прощении, как судьбе было угодно испытать искренность нашей молитвы. Группа надзирателей разогнала собравшихся, а политзаключенные Мирослав Маринович, Виктор Некипелов и Микола Руденко, обвиненные в организации «сборища», моления и неподчинения дежурному наряду, были тут же помещены на пятнадцать суток в карцер. За празднование Пасхи заключенный Олесь Шевченко был лишен личного свидания с родственниками, предоставляемого только раз в год, а позже помещен на десять суток в карцер. Наказаны также и другие из присутствующих, в том числе и поздравивший православных еврей Леонид Лубман. Увы, времена, когда в советских тюрьмах госпоже Элеоноре Рузвельт показывали образцовых заключенных, читающих Библию и Коран, давно прошли. Сейчас узники не могут добиться Библии даже путем объявления многомесячных голодовок (1980-1981, Огородников), об исповеди священнику не может быть и речи, в карцерах и на этапах срываются натальные крестики, запрещены отправления религиозных обрядов и даже молитвы.

Ваше Святейшество!

Людям, так или иначе выступившим против апокалиптического зла в его твердыне, трудно понять смысл Христианского смирения. Мы не можем и не хотим нести кесарю то, что по праву принадлежит Богу. Большинство из нас видит смысл своей жизни в том, чтобы открыть миру истинную природу говорливого советского «голубя» с атомной булавой. Сознают ли участники «пасхальных маршей мира» на Западе, столь активно поддерживаемые коммунистической пропагандой, что в те же апрельские дни в советском концлагере узники, взыскающие Духа Святого, той же коммунистической властью были брошены в карцер? Мы просим Вас, Ваше Святейшество, сообщить им об этом. Мы хотели бы, чтоб о случившемся узнали Патриарх Московский и Всяя Руси Пимен, Экзарх Украины, Митрополит Киевский и Галицкий Филарет, так ослепленно свидетельствующие о свободе вероисповедания в СССР, узнал Католикос всех армян Восген I, — наши обращения к ним были бы немедленно конфискованы. Желаем христианам, а вместе с ними всему роду человеческому, жить в мире, добре и истине, но не за счет попрания Высшего блага дарованной Богом души. Пусть будет ниспослана Вам, Ваше Святейшество, долгая жизнь во славу Господню! Припадая к Святейшему Престолу, просим Вашего пастырского благословения. Слава Иисусу Христу!

*Узники лагеря 36-Кучино Генрих Алтунян, Вл. Балахонов,
Нораир Григорян, Валентин Зосимов, Леонид Лубман,
Мирослав Маринович, Виктор Некипелов, В. Нийтсоо, Ал. Огородников,
Микола Руденко, Антанас Терляцкас, Олесь Шевченко.*

РУССКИЕ КНИГИ

- КЛАССИКИ
- САМИЗДАТ
- ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМ
- РЕДКИЕ ПЕРЕИЗДАНИЯ
- СЛАВИСТИКА

Представительство журнала

«КОНТИНЕНТ»

Свыше 1500 титулов на складе.

Требуите каталоги

Subscription inquiries
should be addressed to

A. Neimanis • Buchvertrieb

8 München 40 Bauerstr. 28 • Germany

КОНТИНЕНТ

Годовая подписка (4 номера)
40,— ДМ, или 20,— US\$, включая пересылку.

Вы экономите 8,— ДМ, или 4,— US\$
от розничной цены!

Желаю оформить подписку на 1 год (4 номера)
начиная с №.....

Имя:

Адрес:

.....

.....

Оплату произвожу:

приложенным чеком почтовым переводом
через банк

Платеж и заполненный талон просим направлять:

A. NEIMANIS BUCHVERTRIEB
Bauerstr. 28, 8000 München 40, West Germany

Bankkonto: Bayerische Vereinsbank München Nr. 6304630
Postscheckkonto: München 147391-804

Москва, Елене Боннэр (к 60-летию)

Дорогая Люся!

Поздравляем и, хоть знаем, как нелегко это в нынешних обстоятельствах, желаем сохранить неуывдаемую кипучую энергию и искрящуюся, вопреки всему, надежду.

«Континент», Париж, 14 февраля 1983

Елена Боннэр встречает свое шестидесятилетие в изгнании, в кольце неусыпного полицейского надзора, в беспрестанной тревоге за жизнь и здоровье Андрея Дмитриевича Сахарова.

В молодости ей выпали война, фронт, ранения, госпитали, и судьба решила так, что битва превратилась для нее в быт — другая битва, без окопов и линий фронта, без тылов и стоящих наготове свежих резервов. Разделив судьбу Сахарова, Елена Боннэр разделила и его решение не отступать, не сдаваться, всеми силами защищая растоптанные в нашей стране человеческие права, человеческое достоинство, свободу мысли и творчества, свободу выбора.

Юбилей принято праздновать за семейным столом, среди родных и близких, среди друзей. Но у Елены Боннэр эта естественная возможность отнята. А между тем десятки и сотни людей за пределами кольца, за пределами границ, — десятки и сотни восхищенные ее мужеством и стойкостью, ее гражданским и человеческим подвигом, счастливы были бы поднять за нее тост и подарить ей то драгоценное и единственное, что только и может подарить человек, — тепло любви и нежности.

Нам очень хочется, чтобы она это почувствовала, услышала и приняла.

Мужества Вам, здоровья и сил Вам, долгой жизни Вам, Елена Георгиевна!

Редакция «Континента»

Вячеслав Калинин. «Леда». Холст/масло, 1974.

К статье А. Глезера «Современное мировое искусство и русская неофициальная живопись».